

**ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО
СОЛОВЕЦКОЙ ОБИТЕЛИ
И ЕЕ СКИТАМ**

**Спасо-Преображенский Соловецкий
Ставропигиальный мужской монастырь
2005**

*По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и Всея Руси
Алексия II*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Слово к читателю	7
Как пользоваться этой книгой?	10
1. Святыни и история Соловецкого монастыря.....	23
1.1. История основания монастыря	23
1.2. Общий взгляд на историю монастырского зодчества.....	31
1.2.1 Деревянный монастырь	31
1.2.2 Построение первых каменных храмов	33
1.2.3 Строительство крепости	35
1.2.4 Строительство каменных келий	38
1.2.5 От звонницы к колокольне	43
1.2.6 Церковь святителя Филиппа	43
1.2.7 Церковь святителя Николая	46
1.2.8 Троицкий собор	46
1.3. Успенская церковь с трапезной и келарской палатами	48
1.4 Спасо-Преображенский собор	58
1.4.1 Интерьер	58
1.4.2 Внешний облик собора	62
1.4.3 Каменные переходы	64
1.4.4 Росписи	66
1.4.5 Каменные плиты с надписями при входе на паперть	66
1.5. Соловецкое сидение	68
1.6. Бомбардировка монастыря британскими пароходами (6 июля 1854 года)	106
1.7. Хозяйство монастыря.....	119
1.8. Ризница и библиотека	122
1.9. Монастырь в начале XX века	129
1.10. Возрождение монастыря	135

2. История обители в личностях	
Соловецких подвижников	143
2.1. Преподобный Савватий	143
2.1.1. О вселении на Соловецкий остров	143
2.1.2. О явлении ангелов, высекших жену	145
2.1.3. О кончине преподобного Савватия	147
2.2. Преподобный Зосима	149
2.3. Преподобный Герман	163
2.4. Игумен Филипп	165
2.5. Архиепископ Маркелл	172
2.6. Архимандрит Досифей	175
2.7. Монах Гурий	176
3. Монастырские постройки	183
3.1. Соловецкая крепость	183
3.2. Южный дворик	186
3.3. Северный дворик	188
3.4. Часовни вокруг монастыря	190
3.4.1. Иоанно-Предтеченская часовня	190
3.4.2. Петровская часовня, поставленная в память двукратного посещения обители Петром I	191
3.4.3. Константиновская часовня	200
3.4.4. Александровская часовня	201
4. Некрополь Соловецкого монастыря	205
4.1. Монастырское кладбище	205
4.2. Часовни преподобных основателей Соловецкой обители	209
4.3. О надгробных плитах во дворике церкви преподобного Германа	213
4.4. Монах Наум	215
4.5. Дети архимандрита Александра	219
4.6. Архимандрит Макарий	222
4.7. Архимандрит Димитрий	223
4.8. Архимандрит Порфирий	224
4.9. Архимандрит Варлаам	225

4.10. Преподобный Феодорит Кольский	227
4.11. Авраамий Палицын	233
5. За крепкими засовами	239
5.1 Режим и места содержания ссыльных в Соловецком монастыре	239
5.2. Узники XVI-XVIII веков	242
5.3. Узники XIX века	248
6. Соловецкий лагерь особого назначения —СЛОН	255
6.1. Власть Соловецкая	256
6.2. Прибытие заключенных на Соловки	262
6.3. Структура СЛОН	264
6.4. Труд заключенных	268
6.5. Смертию смерть поправ	270
6.6. Детский барак УСЛОН	273
6.7. О лагерной культуре	275
6.8. Железной рукой	279
7. Скиты и памятные места на Соловецких островах ...	287
7.1. Савватиевский скит.....	287
7.2. Свято-Вознесенский скит на Секирной горе	292
7.3. Исаково	299
7.4. Филиппова пустынь	300
7.5. Макариева пустынь	304
7.8. Филипповы садки и кельи преподобных Зосимы и Германа	306
7.9. Переговорный камень	309
7.10. Скит во имя преподобного Сергия Радонежского на острове Большая Муксалма	310
7.11. Пустынь Святого апостола Андрея Первозванного на Большом Заяцком острове.....	313
7.12. Пустынничество на острове Анзер	322
7.12.1. Дивный Анзер	322

7.12.2. Сказание о начале жития на острове Анзерском преподобного старца Елеазара	327
7.12.3. Об устройении Троицкого скита	331
7.12.4. Об устройении Голгофо-Распятского скита	348
7.12.5. Русская Голгофа	366
7.12.6. Об Анзерских дорожках	373
8. Образы Соловков	385
Прощальное слово	387
 Песнопения и молитвы наиболее чтимым Соловецким святым	 391
 Библиография.....	 404

СВЯТЫЕ ВРАТА

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Многие из боголюбивых посетителей Соловецкой обители за короткий срок пребывания своего не успевают ознакомиться со святыней и со всем, что в ней достойно внимания благочестивого паломника. Предлагаемое издание имеет целью помочь паломнику сориентироваться в непростом духовном пространстве современных Соловков¹, а также сохранить и упорядочить в памяти полученные впечатления. В настоящем путеводителе можно найти: Краткую историю Соловецкого монастыря. Описание нынешнего уклада жизни в обители и удобнейшие пути ознакомления со святынями и достопримечательностями. Душеполезные сведения из жизнеописаний Святых угодников Соловецких и других подвижников благочестия, в Соловецкой обители спасавшихся. Описания храмов Божиих и других строений монастыря. Описания скитов. Песнопения и молитвы святым, особенно почитаемым в Соловецкой обители.

Чтение этой книги дает возможность увидеть в исторической перспективе историю Соловецкого подвижничества, то есть духовно настроиться на паломничество. Можно объехать весь мир и при этом не расстаться с суетой своей повседневной жизни. Смысл паломничества – раскрыть очи своей души, а для этого необходим труд сердца: покаяние и молитва. Итак, приидите трудолюбнейшие искатели духовного бисера, стецемся к берегам студеного моря Белого, где красуется величием храмов, но более преданиями о мужах дивных и подвигах душеспасительных Святая Соловецкая обитель. «Святое семя иночества, насажденное подвижни-

¹ Соловки или Соловецкие острова – группа островов в Белом море у входа в Онежскую губу: Большой Соловецкий (самый крупный, ок. 25 км с запада на восток и ок. 15 км с сев. на юг), Большая Мускалма, Малая Мускалма, Анзерский, Большой и Малый Заяцкие и множество мелких островков. Что касается названия Соловки, оно, по-видимому, происходит от слова “соловый” – туманный, также “солов” означает остров по саамски, или “соловки” – барашки на новгородском диалекте. Некоторые исследователи поддерживают гипотезу о том, что некогда на острове водились соловьи, певшие белыми ночами, но эта поэтическая версия кажется мало правдоподобной [2, №1, 2002, с.62].

ческою рукою преподобных Зосимы и Савватия на дикий и необитаемый остров студенаго моря, не переставало приносить плоды до ближайшей к нам современности. Надеемся, что оно, при благословении Божиим, останется также плодоносно и на будущее время» [1, с. 2]. Этими словами заканчивалось предисловие к Соловецкому Патерику, изданному в 1873 году¹. С тех пор список соловецких святых продолжен именами многих новомучеников и исповедников Соловецких, пострадавших на Соловецких островах в 1923–1939 годах и прославленных на Юбилейном Соборе 2000 года². В 1989 году жители Соловецкого острова создали православную общину. Для совершения богослужений на Соловки был направлен игумен Герман (Чеботарь). Под его духовное окормление стали стекаться ищущие монашеской жизни. Таким образом, через год стало возможным возрождение Соловецкой обители. Новая лоза, привитая к старому корню, даёт первые плоды: в 2005 году монастырь отметил свое пятидесятилетие, во всех храмах обители совершается богослужение, возрождена традиция крестных ходов вокруг монастыря по Воскресным дням и церковным праздникам, оживают скиты, воздвигаются поклонные кресты в знак того, что освященная трудами подвижников и кровью мучеников Соловецкая земля есть удел Божий. Тысячи паломников, притекающих в Святую Соловецкую обитель, убеждаются на собственном опыте, что по молитвам Соловецких угодников благодать Божия не отступает от места сего и изобильно изливается на всякого, могущего вместить. И, пожалуй, главное для паломника приготовить свое сердце к встрече с Соловецкими святыми: разглядеть за каменными валунами, составляющими стены и храмы монастыря, истинные драгоценные камни, избранные Господом для созидания Града Небесного Иерусалима. Хотя внешние события, происходившие в обители, такие как защита от шведов и англичан, посещения Государей, Соловецкое сидение, а также благолепие храмов и образцовое монастыр-

¹ Переиздан Московской Синодальной Типографией в 1991 году

² В 2000 году установлен день памяти всех пострадавших за веру на Соловках - Собор Новомучеников и Исповедников Соловецких - 10/23 августа.

ское хозяйство, более привлекают внимание паломников, но не в этом состоит назначение монашества. Монашеская община — братство воинов Христовых, бросивших вызов не «плоти и крови, но духам злобы поднебесной». Их дело — война с грехом, совершающаяся в тайной храмине души. «Иноческая жизнь, и по назначению и по свойству своему, есть внутренняя, сокровенная. Подвиги на этом поприще большею частию остаются известны одному всевидящему Богу» [1, с.3]. Конечно, духовная жизнь иноков остаётся скрытой от посетителей монастыря, но по милости Божией для нас сохранено множество примеров подвижнической жизни Соловецких боголюбцев. Мы постарались, сохраняя, по возможности, стиль древнерусских жизнеописаний, подобрать свидетельства из монастырской жизни, которые помогли бы современному читателю проникнуться духом Соловецких подвижников, полюбить их, и понудить себя, хотя бы в малой степени подражать им. Это подражание могло бы начаться с минимального отречения от своей воли на короткое время пребывания на Соловках: «Не как я хочу, а как Бог даст». Вместо того, чтобы стараться побывать на всех достопримечательных местах, попробуем поучаствовать в нынешней монастырской жизни: проснуться по-монастырски в половине шестого, помолиться на долгих службах, если благословят, потрудиться. Только будем помнить: «В чужой монастырь со своим уставом не ходят». Лучше лишний раз спросить: «Как сделать? Как здесь принято?» — чем нарушать монастырский дух любви и взаимной терпимости мирским самоутверждением. Будем радоваться, если приходится себя утешить, потерпеть, значит по молитвам преподобных Зосимы, Савватия и Германа, нам дана возможность стать чуточку чище. Соловки не место отдыха, а место подвига.

Как пользоваться этой книгой?

Готовясь к паломничеству в Соловецкую обитель, прежде всего стоит прочесть главу 1, в которой кратко изложена история Соловецкого монастыря, и познакомиться с жизнеописаниями преподобных Зосимы, Савватия, Германа и Святителя Филиппа (2.1–2.4) — основателей монашеской жизни на Соловецких островах. Знание общей канвы событий поможет Вам более полно воспринять рассказы экскурсоводов во время путешествия. Если Вы совершаете паломничество в составе группы, то программа пребывания на Соловках обычно настолько обширная и насыщенная, что трудно удержать в памяти все те сведения, впечатления и переживания, которые затронули вашу душу и сердце. Зато, вернувшись домой, Вы сможете раскрыть этот путеводитель, и, путешествуя по страницам книги, погрузиться в атмосферу паломничества, уточнить и углубить свои представления об истории Соловецкого подвижничества.

Оставшаяся часть этого раздела для тех, кто уже прибыл на остров и решил самостоятельно открыть для себя Соловки с помощью этого путеводителя. Потратьте некоторое время, чтобы выбрать наиболее подходящий для Вас лично маршрут. Далее цифрами обозначены ссылки на разделы, содержащие информацию к размышлениям, подходящим тому или иному месту. Для начала стоит составить общее впечатление о монастыре, то есть, поклонившись мощам преподобных Зосимы, Савватия и Германа (1.1), устроиться на лавочке посреди двора и попытаться представить себе как складывался архитектурный ансамбль монастыря, и как сохранившиеся памятники связаны с историческими событиями и личностями (1.2). Далее возможны варианты:

А) Вы решили побродить по монастырским закоулкам, не углубляясь в исторические детали. Тогда можно начать с Успенской церкви с трапезной. Заходим через арку

Великолепие Соловецкого монастыря достаточно, чтобы поразить глаза видевшего много хорошего на свете. Далеко в море выказываются его грозные башни, сделанные из огромных гранитных камней

между трапезной и колокольной в уютный дворик¹ (1.3.1). Рассматриваем южный фасад Успенской церкви, поражающий типичным для XVI века отсутствием ложных форм и симметрии и сравниваем с северным фасадом Никольской церкви (XIX век), на котором для симметрии даже добавлен нижний ряд глухих круглых окон. Здесь же видно, что основание и первый ярус колокольни — остатки трехшатровой звонницы XVII века. Просфорный корпус был построен в XVII веке и дважды перестраивался — в 1799 и 1817 годах. В корпусе размещались кельи просфорников. Просфорная служба была под Успенской церковью в подклете вместе с пекарней. Пекарня действует и сейчас, что подтверждает аппетитный запах свежего хлеба. Обойдя с восточной стороны Успенскую церковь, поднимаемся в трапезную либо по деревянной лестнице либо через паперть. Об Успенской церкви и трапезной подробно рассказывается в разделе (1.3). Хорошо также вспомнить здесь о видениях старца Гурия, предрекавшего пожар 1923 года (2.7).

¹ В XVI веке дворик был мощен булыжным камнем. У стены палаты существовал лоток (канава) для отвода дождевой воды от цоколя здания. Двор имел заметную покатость от трапезной - к югу и от Никольской церкви - к северу, общий наклон шел в западную сторону. Толщина культурного слоя над мощением достигает 50-60 сантиметров, на отдельных участках — до метра.

Входя в закрытую часть галереи, обратим внимание, что мы переходим из XVII-го века (двускатная деревянная тесовая крыша, открытое пространство между столбами, кирпичный пол) в XIX-й (крыша односкатная металлическая, проемы между столбами заложены и вставлены рамы, деревянный настил). Заглянув под колокольню, мы окажемся в сводчатой палате XVII-го века, в которой в монастырские времена была библиотека. Следуя далее по переходу, мы минуем лестницу, ведущую в храм Святителя Николая, монастырскую ризницу, окно во дворик церкви преподобного Германа и попадем на паперть Спасо-Преображенского собора (1.4). Осмотрев собор, можно выйти через главный вход во двор. Обратим внимание на памятные плиты снаружи у входа, рассказывающие о заступлении Божией матери за монастырь при нападении англичан (1.6). История этого нападения также изложена в надписи на колоколе (1.6).

Если Вы хотите представить себе монашеский быт XVII века, посетите восстановленную келью в Святительском корпусе (1.2.4.). Здесь внимание посетителей привлекают две детали: во-первых, в оконных переплетах и ставнях вместо стекла

Отреставрированный Святительский келейный корпус

вставлена слюда, во-вторых, у печи отсутствует труба. Дым в те времена выходил прямо через вентиляционное отверстие, расположенное над входом в жилое помещение кельи. Чтобы на опыте узнать, что такое монашеская келья, попробуйте хотя бы пять минут посидеть в ней молча в одиночестве. Удалось ли Вам помолиться, или приходили в голову всякие мысли, или Вам просто стало скучно? Этот опыт можно продолжить и дома: умение пребывать в одиночестве и в тишине – первый шаг к молитвенному общению с Богом. Но вернемся к нашему историческому путешествию. В такой келье мог жить, например, знаменитый Авраамий Палицын (4.11), чьё надгробие находится у южной стены Спасо-Преображенского собора. Вспоминая об этом великом муже, отметим характерную черту соловецких монахов, которые, по замечанию Немировича-Данченко, «фанатически привязаны к своей обители. Когда им предлагали ехать настоятелями в другие монастыри, они заболели от отчаяния и умирали. Добровольно из них не выезжает никто» [3, с. 86]. Так и Авраамий Палицын. Исполняя многие годы послушание келаря в Троице-Сергиевой лавре, он пожелал вернуться на покой в Соловецкую обитель, чтобы провести последние годы жизни «на своем обещании», то есть там, где он произнес монашеские обеты, и навсегда упокоиться в Соловецкой земле. Рядом с его могилой находятся надгробные плиты просветителя лопарей преподобного Феодорита Кольского (4.10) и воеводы Михаила Озерова¹. Если дальше пройти в южный дворик (3.2), можно полюбоваться нарядным фасадом мельницы, ознакомиться с устройством крепостных стен и башен (3.1). На прясло стены можно подняться через Прядильную башню, по стене пройти в Белую, а там подняться на следующий ярус и осмотреть с высоты док, Архангельскую гостиницу, старое монастырское кладбище, Святое озеро. По стене можно пройти до Архангельской башни и оттуда вернуться в центральный двор.

Б) Вы решили поближе познакомиться с жизнью святителя Филиппа. Возможно, что после осмотра Успенского и Спасо-Преображенского соборов, у Вас возник вопрос, что же это

¹ Гранитная плита со стилизованной надписью «Михаил Озеров» – грубая копия белокаменного надгробия XVI века, которое находится в фондах СГИАПМЗ. Подробное описание см. в статье В. А. Бурова (Российская археология, 2001, №2, с. 132-134).

Дорога, ведущая от Никольских ворот в Филиппову пустынь

были за люди, которые за несколько лет без мощной техники воздвигли на необитаемом острове эти непоколебимые твердыни. Тогда лучше всего обратиться к житию святителя Филиппа (2.4). В жизни Соловецкого игумена была некая тайна. Силы духовные для совершения своих трудов он обретал, уходя в свою пустынную келейку в двух верстах от монастыря (7.4). Последуем и мы его путем - через Никольские врата, по улице посёлка¹, ведущей на восток вдоль Святого

¹ По выходе из Никольских ворот справа на берегу Святого озера кузница XVII-XIX века. В нижнем ярусе располагались горны, вначале — 4, а в XIX веке — 8. В верхнем ярусе (пристроен в 1841 году) размещались кельи для проживания кузнецов и слесарей. В настоящее время здание передано Соловецкому монастырю. Здесь находится гостиница для паломниц.

Овощной (Луковый) корпус. XIX век. В нижнем этаже находилось овощехранилище, в верхнем проживали трудники, работавшие на монастырских огородах. Сейчас жилой дом.

Никольский корпус. 1896-1897 годы. Построен по проекту архангельского губернского архитектора Вуколова для проживания трудников. Сейчас жилой дом.

Монастырское училище. 1860-1862 годы. В здании размещалось училище для “безбрадых трудников”. Сейчас в первом ярусе размещаются почта, АТС, отделение Сбербанка, школьный спортзал. Второй ярус передан Соловецкому монастырю для паломнической гостиницы

озера¹. Само Святое озеро было очищено и расширено при игумене Филиппе, а чтобы наполнить его водой, была устроена система каналов, соединяющих 52 озера. И сейчас, около поворота на аэродром, виден питьевой канал, питающий Святое озеро. На этом канале в 2002 году была устроена крестильня. Через две версты по дороге на Муксалму, сразу за Игуменским озером, — поворот к Филипповой пустыни (7.4). Там, у Креста, хорошо почитать акафист Святителю Филиппу на месте его духовных подвигов. На обратном пути, любуясь видом монастыря, отражающегося в озере, можно себе представить, как радовалось сердце игумена Филиппа, когда он, также возвращаясь из пустыньки в монастырь, видел, как день ото дня возрастают задуманные им храмы. Что ещё в монастыре могло бы помочь нам приблизиться к пониманию личности Святителя Филиппа? Во-первых, это молитва на месте его упокоения в крипте около северного входа в Спасо-Преображенский собор (4.2). Во-вторых, молитва в храме, посвященном Святителю Филиппу. В 1687–1689 годах Филипповская церковь с трапезной была пристроена к Казначейскому корпусу², а в 1690

*Крест у источника
в Филипповой пустыни*

¹ Святое озеро — одно из средних по размерам озер Большого Соловецкого острова. Его площадь — 12 га. Дважды в год здесь совершается большое водоосвящение: во время крестных ходов на Богоявление (Крещение Господне — 6 января ст. ст.) и в празднование Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня (1 августа ст. ст.). Считалось, что вода Святого озера полезна от многих недугов. По прибытии на Соловки богомольцы совершали “цельбоносное купание во телесное здравие и душевное спасение” в специально оборудованных купальнях.

² В XVII веке Казначейский корпус был одноэтажным, в нем располагались кельи и больничные палаты. В XVIII веке больничные палаты были надстроены вторым этажом.

*Игумен Герман и
игумен Зосима, бывшие
первыми насельниками
возрождающего монас-
тыря, переносят ковчег
с частью мощей
Святителя Филиппа*

году церковь была освящена¹. Она, однако, не сохранилась. Нынешний храм Святителя Филиппа был построен в 1798 году (1.2.5). А после запустения советских времен этот храм восстановлен и освящен 22 августа 2001 года Святейшим Патриархом Алексием. К этому событию по благословению Патриарха Алексия монастырю был передан ковчег с частицей мощей Святителя Филиппа. Он находится теперь в алтаре храма, а во время служения в Спасо-Преображенском соборе (т. е. в августе и сентябре) ковчег с мощами ставится на место, где прежде стояла гробница с мощами Святителя Филиппа: справа на солее собора. Вторая реликвия, возвращенная Патриархом Алексием монастырю - камень, который Святитель Филипп клал под голову вместо подушки, когда отдыхал в своей пустынной келье. В XIX веке на камне был высечен монашеский лик [4, 1998, с. 56].

¹ При том архимандрите Инокентии построена в Соловецком монастыре при брацкой больнице поземная каменная церковь во имя святителя Филиппа, митрополита Московского и всея России; освящена архимандритом Фирсом в 1690 году" [6, л.20 об].

Примечательно, что первым зданием, переданным Соловецкой администрацией церкви для совершения богослужений, оказалась часовня Святителя Филиппа рядом с бывшей монастырской пристанью, а в качестве земли под огороды была передана Филиппова пустынь. Святитель не оставляет обитель своим попечением.

В) Многие гости монастыря интересуются событиями, связанными с нападением англичан на монастырь в 1854 году (1.6). Начать осмотр можно от колокола «Благовестник», который поставлен сейчас почти на том месте, где находилась прежде «Царская колокольня». Затем стоит внимательно прочитать текст надписей на памятных плитах при входе в Спасо-Преображенский собор (1.4.5). Архимандрит Александр, усилиями которого дан был достойный отпор притязаниям англичан, не забыл даже помолиться о вразумлении врагов. Архимандрит Александр обладал сердцем мужественным, и, в

Святейший Патриарх Алексий II передает в дар монастырю подголовный камень святителя Филиппа

то же время, чутким и любящим. Об этом свидетельствуют надписи на надгробных плитах его дочери и сына (4.5). Эти плиты можно видеть во дворике у храма преподобного Германа. В благодарность за помощь Божию при отражении нападения англичан архимандрит Александр выстроил в Макарьевой пустыни часовню в честь своего святого покровителя Александра Невского. Он также испросил разрешение на строительство десяти храмов. При нём успели освятить только два престола: в церкви в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник» в Филипповой пустыни и в приделе в честь иконы Божией матери «Знамение» во втором ярусе храма Святителя Филиппа. В 1857 году архимандрит Александр был назначен епископом в Архангельск.

Ещё одно напоминание о бомбардировке англичан сохранилось в южном дворике. На южном фасаде святительского корпуса можно увидеть отметины (черные круги), оставшиеся от обстрела англичан. Множество таких отметин видно на фотографии XIX века [5, с. 0]. Монахи, после ремонта стен корпуса специально подрисовывали эти круги чёрной краской, в напоминание потомкам.

Вне монастырских стен о бомбардировке напоминают надписи на обелисках дока (см. сноску 4 на с.114), Архангельская гостиница, больше всего пострадавшая от обстрела, мыс, где находилась монастырская батарея, а также переговорный камень (7.9.) — памятник мужеству архимандрита Александра, который согласился встретиться с английским офицером Антоном (Энтони), и отказался снабдить неприятеля провиантом, как он того требовал.

В память чудесного спасения от разорения обители англичанами в монастыре постановлено проводить 7 (20 июля) в посте, а 8 (21 июля) торжественно праздновать с крестным ходом вокруг обители.

Г) Прочитав главу о Соловецком сидении (1.5), хорошо пройти по монастырю, размышляя о кипевших здесь страстях. Начать можно от трапезной палаты, где проходили соборы, на которых спорили об исправлении книг. Затем выйти на галерею, откуда открывается панорама бухты Благополучия.

Бабий остров с поклонным Крестом

Посреди бухты располагается Бабий остров, на западной оконечности которого в 2001 году старообрядцами был поставлен поклонный крест в память о захороненных здесь «сидельцах». В 1676 году тела казненных были брошены на лед в бухте Благополучия и пролежали там до весны, пока новый настоятель не распорядился их похоронить. При осмотре южной стены крепости (3.2) становится понятно, что она действительно была неприступной: царские войска взяли крепость только благодаря перебежчику Феокисту. Царские стрельцы ворвались в монастырь через сушило. Погибшие при попытках взять монастырь стрельцы были похоронены вблизи Таборской часовни (3.4.1).

Д) Паломники всех времен старались обязательно побывать на местах молитвенных подвигов основателей Соловецкой обители. Места, где прежде стояли келии преподобных, ощутимо выделены из окружающего пространства: во-первых, здесь царит особенная тишина и безмятежность — молитвами преподобных нечистые духи изгнаны отсюда навсегда; во-вторых, присутствие преподобных здесь ощущается

реально. Последнее трудно описуемо, но объективно переживается паломниками, так как молитвы их бывают услышаны. Более того, преподобные часто посылают какое-либо утешение: будь то крепкий красивый гриб, поразительно сладкие ягоды или необыкновенно доверчивые зверушки и птицы. Все это начатки той райской сладости и мира Христова, которые преподобные вкусили еще в земной жизни. И Вам, молитвами преподобных, откроется благодать этих мест, если Вы решитесь приложить хотя бы малое усердие: почитать молитвы или акафист преподобным, или иным способом обратить свое сердце «горе».

Начать паломничество лучше всего от Савватьева (7.1) – места первого монашеского поселения на Соловецком острове. Если у Вас достаточно времени и сил, туда можно добраться пешком (14 км) или пройти большую часть пути на лодках. Тогда Вы сможете полюбоваться Соловецкими пейзажами и, хотя бы в малой мере, почувствовать дух пустынножительства. При необходимости сэкономить силы и время можно присоединиться к автобусной поездке. Савватьево расположено на берегу Долгого озера в живописной луговине, укрытой от северных ветров возвышенностью, поросшей соснами. Помолившись на месте келии Савватия и Германа, отправимся вслед за преподобным Германом к горе Секирной (2.1.2 и 7.2). Белый храм с красным куполом хорошо виден от Савватьева. Озеро приходится огибать справа. Переходя через мостик, мы увидим ручей, отводящий излишки озерной воды в море. Возможно, именно вдоль этого ручья Савватий и Герман шли от моря в глубь острова, выбирая подходящее место для жительства. Пройдя через лесок, мы окажемся на болотистых луговинах. Здесь вспоминается картина М. Нестерова «Молчание»: храм на горке как часовой, а внизу на тихой глади озера лодочки с монахами рыболовами. За озером дорога круто сворачивает налево - отсюда хорошо видна лестница, помогающая преодолеть крутой подъем к вершине горы¹. У подножия горы— поклонный крест в память всех здесь пострадавших в лагерные времена.

¹ Лестница обновлена в 2002 году на средства норвежского банка.

Спустившись по более пологому южному склону Секирной горы, Вы окажетесь на дороге, ведущей к поселку. Чтобы пройти в Исаково (7.3), нужно приблизительно через полтора километра пути свернуть налево по проселочной дороге. В Исаково хорошо искупаться в озере с кувшинками и полюбоваться сенокосными лугами. От Исакова в юго-восточном направлении идет проезжая дорога, которая выходит на основную дорогу в поселок. Двигаясь по ней, Вы минуете большое живописное озеро Карзино с лодочным причалом (слева по ходу). Вскоре покажется беседка и тропинка с досчатым настилом, уходящая налево. Это — поворот на Макариеву пустынь (7.5), иначе — ботанический сад, или же — хутор Горка. Территория ботанического сада принадлежит музею, вход платный. Начать осмотр удобно от бывшего дома архимандрита, затем от центральной аллеи свернуть налево по тропинке на Александровскую гору, откуда открывается панорама монастыря. Далее, спустившись на лиственничную аллею, можно осмотреть ледник и напиться воды из колодца. Перед выходом с территории ботанического сада справа несколько тропинок, поднимающихся на Крестовую гору к поклонному кресту, поставленному еще в монастырские времена.

Двигаясь по основной дороге в сторону поселка, Вы увидите справа поворот на мыс Толстик. Менее чем через 50 м от развилки в сторону Толстика, налево уходит зеленая дорожка в сторону моря, которая приводит прямо к месту кельи преподобного Германа. Оттуда по каменистой дорожке вдоль берега морского залива можно пройти к месту кельи преподобного Зосимы и Филипповым садкам (7.8).

**Раки со святыми мощами преподобных
Зосимы и Савватия в Свято-Троицком соборе**

Глава 1

СВЯТЫНИ И ИСТОРИЯ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

1.1. История основания монастыря

Паломничество в Святую Соловецкую обитель всегда имело характер непосредственного обращения богомольцев к её святым основателям: Зосиме, Савватию и Герману. Они здесь хозяева — молитвенники, заступники, наказатели нерадивых. Поэтому ищущий душевной пользы посетитель направляется, прежде всего, к святым мощам преподобных, чтобы испросить у них благословение на пребывание в обители. Сейчас мощи преподобных находятся в храме Благовещения Пресвятой Богородицы над Святыми воротами. На

*Надвратный храм Благовещения
Пресвятой Богородицы*

паперти храма, являющейся одновременно и частью галереи крепостной стены, помещена икона¹, на которой изображено водружение поклонного креста преподобными Савватием и Германом на месте первого их поселения. Савватий и Герман пришли на Соловецкий остров в 1429 на «малом кораблеце» (2.1). Путь их по Белому морю от устья реки Выг занял три дня. Утлое судёнышко во власти волн (изображённое в правом углу иконы) — что это, как не образ человеческой жизни, подвластной стихиям бурного моря житейского. Твердь земная посреди моря воспринималась как земля обетованная — остров спасения. Крест же — и главное орудие нашего спасения («Аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себе и возмет крест свой»), и знак силы Божией, ограждающей нас в нашем странствии. Крест на месте монашеских поселений ставили в знак того, что это место взято Богом в удел. В отношении Соловков изволение Божие было открыто преподобным Савватию и Герману ангелами, «изгнавшими рыболовца с женою на брег, бивше жену его дубцы, глаголюще: «Изыдите из места сего, вам бо недостойно быти здесь, но сие место устроил Бог жилище иноческому чину, да соберется ту множество черноризец и прославится ими имя Божие» [6, л. 1об.]. Преподобных Савватия и Германа можно назвать духовными основателями пустынножительства на Соловках, они прожили в 13 верстах к северо-западу от нынешнего монастыря, у губы Сосновой, 6 лет до кончины преподобного Савватия.

Преподобный Герман не решился в одиночку подвизаться на Соловках. Божиим смотрением через год после смерти Савватия он встретил в Суме палеостровского постриженника Зосиму и рассказал ему о преподобном Савватии и об острове Соловецком, «яко угоден есть к житию иночес-

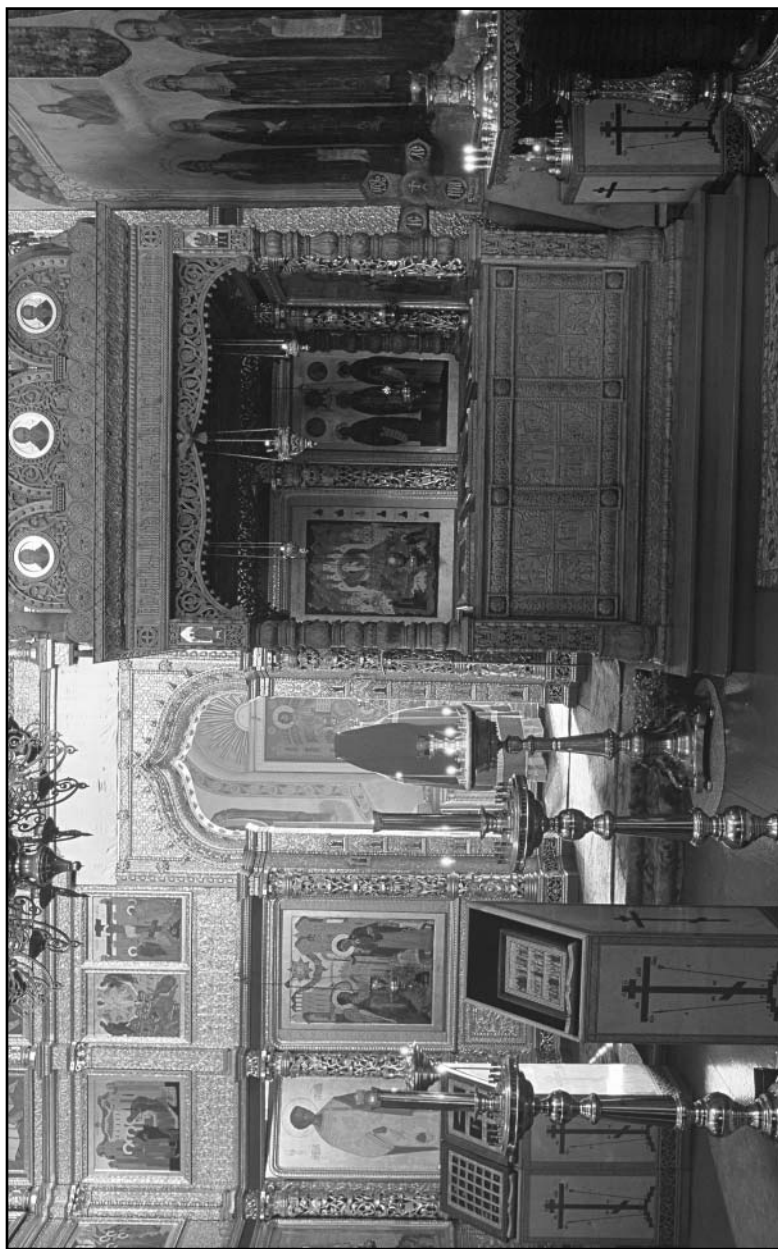
¹ Эта икона была чудесным образом обретена в 1992 году. Ожидая возвращения мощей Преподобных на Соловки, решили покрасить дверь на паперть в храм Благовещения Пресвятой Богородицы. Когда стали счищать слой старой краски, обнаружилась живопись замечательной сохранности. Икона написана соловецким живописцем с множеством узнаваемых деталей: крест поставлен на срубе, так как вкопать его в каменистую почву невозможно; в руках у преподобного Германа деревянная лопата с металлическим краем; штормовое море также изображено натуралистично.

кому. И совещаестеся оба вкупе и приидоста на Соловецкий остров в лето 1436» [6, л. 2]. На этот раз монахи выбрали для своего поселения другое место - берег бухты Благополучия, «идеже морстии пловцы от обуревания покой и тишину имеют» (в двух километрах к западу от нынешнего монастыря). Однажды утром, выйдя из келии, преподобный Зосима увидел «луч пресветлый, просвещающий его, и осияние божественное, и к востоку церковь превелику зело и пречудну, простерту на воздухе, стоящу» [7, с. 28], на том месте, где впоследствии он воздвиг церковь Преображения Господня и основал монастырь. Именно от преподобного Зосимы берёт начало дух Соловецкого монастыря, утвердившийся при игумене Филиппе, и определивший все пять столетий его славной истории. В монастыре удивительно соединялась широкая хозяйственная деятельность с неугасавшей и в периоды упадка традицией духовной жизни. В силу необходимости, чтобы выжить в суровейших условиях приполярных, необжитых дотоле человеком, островов, выработался особый тип соловецкого подвижничества, выражавшийся в органичном сочетании деятельной и созерцательной жизни, в соединении труда и молитвы: «И тружахуся постом и молением, купно же и ручным делом: овогда землю копаху, иногда же древесна на устрой монастырю заготовляху, иногда дров множество секуще, готовляху и росол морской, черплюще, и тако соль варяху и даяху купцем, приходящим к острову, и от них взымаху всяко орудие на потребу монастырскую, и в прочих делах тружахуся... И тако от своих трудов и потов питахуся. Бе бо их числом братии с игуменом блаженным Зосимою 20 и два и бе всем подвиг о обители, яко едина душа в разных телесех тщание¹».

Гробницы с мощами преподобных Зосимы, Савватия и Германа поставлены в Благовещенском храме на солее справа под резной деревянной сенью, сооруженной в 1997 году. Здесь же находится каменный крест, принесенный на остров самим преподобным Савватием, и обретенный в XVI веке игуменом

¹ И все подвижнически трудились для обители, стараясь единодушно.

Интерьер храма Благовещения Пресвятой Богородицы. Справа под сенью
мощи преподобных Зосимы, Савватия и Германа

Каменный крест преподобного Савватия

Филиппом в келье на месте первого поселения преподобных. Мощи открывают для поклонения утром после братского молебна (7ч30м) и по окончании вечернего богослужения, если оно совершается в Благовещенском храме. Этот обычай возник в XVIII веке, после того как пустыннику Феофану было видение, что когда братия подходит к ракам с мощами преподобных, сами они как-бы сидят при своих гробницах и одних благословляют, а от других отвращаются [1, с. 150]. Это видение – исполнение обещания преподобного Зосимы, который отходя ко Господу говорил: «Аще¹ телесно и отхожу от вас, но духом с вами неотступно пребуду. И уразумеете это потому, что, аще обрящу благодать от Господа, то обитель моя по моем отшествии наипаче распространится, и соберутся множество братии в любви духовней, и в телесных потребах ничим же скорбни будете» [7, с.50]. Нетленные мощи преподобных постоянно напоминают инокам их обеты, и, строго внимающие голосу совести, стараются подражать святым первоначальни-

¹ Аще – хотя, если.

*Каждое утро братия просит благословения
у преподобных на дневные труды*

кам. Мощи преподобных являются как бы началом источника чистоты и святости, который течет, разливаясь широкою рекою в XVI – XVII веках, и в своем течении достигает настоящего времени.

Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы над Святыми вратами¹ была заложена в 1596 году, а 1 октября 1601 года освящена игуменом Исидором. Первоначально она была в плане квадратная, покрытая тремя ярусами щипца «вперебежку» (изображение щипцовой кровли сохранилось на иконе Преображения XVII века). В 1794 году щипцовая кровля была

¹ К главному входу в обитель вела мощная дорожка от царской пристани. Над Святыми вратами сохранился кирпичный кивот, в котором до закрытия монастыря находился чудотворный образ Спаса Нерукотворного, написанный преподобным Елеазаром Анзерским в 1621 году. Помимо двустворчатых деревянных, обитых железными полосами дверей вход перекрывался еще опускающей решеткой – герсой. В XVIII веке к вратам была пристроена арка, ныне не сохранившаяся (от нее остались только опорные столбы, зашитые досками). По обе стороны от арки размещались торговые лавки для богомольцев.

уничтожена, храм крыт листовым железом на четыре ската¹, а в конце 1830-х годов церковь была «распространена» — ветхие деревянные притворы и галереи заменили каменными, над западным входом появились хоры. С северной стороны к церкви примыкали покои настоятеля монастыря, поэтому она всегда использовалась как домовая церковь настоятеля, в ней совершали обряд пострижения в монашество, в ней же новопостриженные проводили положенное время в молитвах и благодарении. Во время СЛОНа² в церкви был устроен антирелигиозный музей, благодаря чему в ней единственной хотя бы частично сохранился интерьер. Росписи были сделаны, по-видимому, при архимандрите Иоаннии, так как на южной стене вблизи алтаря изображен его святой покровитель. На северной стене сохранились изображения двух духовных друзей: игумена Иринарха и его ученика преподобного Елеазара Анзерского. Достойно удивления, что при совершенно различных образах служения Господу (Иринарх возглавлял огромное монастырское хозяйство: около 700 монахов, 1000 трудников и 1000 стрельцов, а Елеазар жил в безмолвии, угождая Господу постом и молитвами), они сохранили поразительное единодушие и взаимную любовь, так что при кончине преподобного Иринарха знали друг о друге, находясь на расстоянии в 30 верст. Главная тема росписей — Благовещение: в арке перед иконостасом изображены Пресвятая Богородица и Архангел Гавриил, возвещающий ей радостную весть. Над аркой на стене слева — встреча Девы Марии со своей родственницей Елизаветой — матерью Иоанна Крестителя. Справа — ангельский хор, воспевающий «честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим». На северной стене написан ветхозаветный образ Пресвятой Богородицы — лестница, которую видел

¹ В летописи [6, л.30] упоминается, что в ночь на 11 февраля 1745 года «погорела церковь Благовещения Пречистыя Богородицы и кельи архимандричьи. Архимандрита (Геннадия) тогда в монастыре не было, и оная церковь им же, архимандритом, построена и освящена того ж году октября 15 дня, и кельи архимандричьи построены». В каком виде церковь была перестроена неизвестно, возможно, что четырехскатная крыша появилась уже тогда.

² СЛОН — Соловецкий Лагерь Особого Назначения.

во сне патриарх Иаков. В акафисте Благовещению поется: «Радуйся, лестнице небесная, ею же сниде Бог». Роспись на южной стене - пророк Моисей, предстоящий горящему и несгорающему кусту, из которого к нему обращается сам Господь, – напоминает о другом образе Богородицы из того же акафиста: «Радуйся, купино¹ неопалимая». Как куст горел и не сгорал, так Мария родила своего Божественного Сына и осталась чистой Приснодевой. Эти росписи иллюстрируют паремии, читаемые на всенощной под Благовещение. Резной позолоченный иконостас XIX века был восстановлен реставраторами в 1996 – 1999 годах по сохранившимся фрагментам. Царские врата – точная копия врат, подаренных келарем Троице-Сергиевой лавры Александром Булатниковым², которые были вывезены в 1939 году и находятся в Москве в музее «Коломенское». Иконы все новописанные за исключением Нерукотворного образа Спасителя XIX века в верхней части иконостаса. Церковь была отреставрирована и передана в пользование Спасо-Преображенскому Соловецкому монастырю. С 25 марта 1992 года по благословению Святейшего Патриарха Алексия в храме ежедневно совершаются богослужения. В настоящее время полунощница и братский молебен всегда совершаются у мощей преподобных, а литургию при большом стечении богомольцев обычно служат в церкви Святителя Филиппа³.

¹ Купина – куст по древнеславянски.

² Врата были подарены для Зосимо-Савватиевской церкви в 1633 году (вместе с вратами для Спасо-Преображенского собора). Позднее врата были перенесены в Успенскую церковь, а после 1785 года - в Благовещенскую.

³ По благословению Святейшего Патриарха Алексия II (1.06.1992) в престольные праздники Божественная литургия также совершается в соответствующем соименном храме или приделе на территории Соловков.

1.2. Общий взгляд на историю монастырского зодчества

От Святых врат открывается величественная панорама монастырских храмов. Попробуем мысленно представить себе, как менялся вид монастыря в течение веков.

1.2.1 Деревянный монастырь

В середине XV века преподобный Зосима «церквицу малу воздвиже и трапезу малу на том месте, где он видел луч света неизреченного и церковь на воздухе» [7, с.32]. Храм был освящен во имя Преображения Господня с приделом святителя Николая. К храму примыкали трапезная палата и звонница с каменными колоколами-билами, сделанными, по преданию, самим Зосимой. (В описаниях ризницы значатся «завонный каменный колокол» и «клепало каменное» преподобного Зосимы [8, с. 75].) Вокруг располагались кельи и хозяйственные постройки, обнесенные оградой. Все это помещалось на площади, занимаемой ныне Спасо-Преображенским собором.

После того, как преподобный Зосима был поставлен во игумена (1452), на месте малой Преображенской церкви начали рубить «церковь превелику» того же наименования [7, с. 39]. Однако, сруб, возведенный до порога церковных дверей, сгорел от огня, который разводили строители ради отгнания комаров и мух. Тогда сам преподобный Зосима, отслужив водосвятный молебен Господу и Пречистой его матери, окропил место и строителей и сам заложил основание церкви. Строительство возобновилось. И когда в полуденное время мастера отдыхали, многие слышали стук топоров. Церковь продолжала строиться Божией помощью по молитвам преподобного Зосимы и вскоре была завершена. К северу от неё поставили Никольскую церковь, еще дальше — звонницу и Успенскую церковь с трапезной на высоких подклетах. Вокруг — ограда. Внутри вдоль ограды — кельи, поварня, хлебня и т.д.¹

Видение прп. Зосимы

В продолжение ста лет монастырь оставался деревянным. За это время произошло два больших пожара. Первый из них, случившийся зимней ночью в 1485 году, уничтожил трапезную палату и Успенскую церковь и хранившиеся в подклетах припасы: «все погоре, ни едины иконы успеха вынести из церкви» [7, с. 62]. Оставшиеся в нищете братья унывали и даже советовались, не разойтись ли им, куда кого Бог направит. Однако чудным заступлением преподобных Зосимы и Савватия через старца именем Зосима, жившего на реке Шуге, был послан монастырю короб со всем необходимым для богослужения, и запас рыбы для пропитания. Братья ободрились и вскоре монастырь был отстроен заново: церковь с трапезной возобновили «по обычаю», т.е. в прежних формах.

¹ В это время из Новгорода даны были грамоты, закреплявшие за монастырём владение Соловецким островом со всеми его угодьями, озерами и ближайшими островами. Грамоты были писаны на имя бывшего игумена Ионы, так как он жил в это время в Новгороде и, по-видимому, исходатайствовал эти грамоты [5, с.18].

1.2.2. Строительство первых каменных храмов

Свидетелем тяжких последствий второго пожара, бывшего в мае 1538 года¹, был недавно пришедший в монастырь Феодор Колычев – бывший наставник малолетнего царя Иоанна Грозного и будущий игумен Соловецкого монастыря. Вскоре Соловецкий игумен Алексей постриг его с именем Филипп, а спустя 10 лет, в 1548 году, он избрал иеромонаха Филиппа своим преемником, так как никто житием, разумом и опытностью не мог с ним сравниться. Уступив просьбам настоятеля и братии, Филипп был поставлен в игумена, но ещё полтора года обителью управлял престарелый игумен Алексей, пока старческая немощь не одолела его. В это время игумен Филипп безмолвствовал в пустынной келье, нарушая свое уединение только для принятия в храме Божиим Святым Таин. Благодаря такой подвижнической жизни ему открыта была воля Божия (что он должен устроить для монастыря) и дана благодать эту волю Божию исполнить. По послушанию Господу любитель пустынножительства и молитвы стал рачительным хозяином, положившим незыблемое основание для существования монастыря во все времена. Его заботами по всему острову проложены новые дороги, озера соединены каналами, расчищены от леса луга и пастбища. Главным видимым плодом хозяйственной деятельности игумена Филиппа стало строительство каменных храмов и келий. Средства для строительства доставлял солеваренный промысел (согласно царскому указу монастырю разрешено было беспошлинно продавать 10000 пудов соли вместо прежних

¹ Об этом пожаре преподобные предупреждали старца Леонида, явившись ему в его пустынной келии в четырёх верстах от монастыря. Леонид поклонился им и принял от них благословение. Зосима сказал: «не бойся, брат и не ужасайся; мы много молили Всемилостиваго и Всещедраго Бога, но он не послушал нас, и, прогневавшись на это место, хотел вскоре наказать обитель огнем: имеющие власть в обители неправо поступают с братией, а братия всегда ропщут и терпения не имеют и этим наводят гнев Божий на обитель. Поди в монастырь и расскажи, что ты слышал от нас». Поскольку исправления не последовало, в праздник Вознесения, поздно вечером, весь монастырь выгорел от молнии. Это посещение Божие послужило вразумительным уроком для обитателей монастыря [5, с.33].

6000, поэтому было построено еще 6 солеварниц), кроме того царь пожертвовал земли и деньги. В первую очередь игумен Филипп заботится об обеспечении монастыря местными строительными материалами: в двух километрах за Святым озером было разведано месторождение глины и организован кирпичный завод, на котором производили отменного качества большемерный («филипповский») кирпич.

В 1552 году началось возведение Успенской церкви с Трапезной и Келарской палатами «в одной стопе¹, единостолпна, со своды, на погребях; на трапезе колокольная каменная с часами, под трапезою погребы — хлебной да квасной, под олтарем и под церковию просвиренная служба, вверху над церковию Успенскою предел Усекновения честныя главы Иоанна Предтечи. Совершена и освящена им же игуменом Филиппом в лето 7065 (1557) августа 15 дня» [6, л. 6].

Уже через год игумен Филипп приступает к строительству соборного храма Преображения. Согласно житию Филиппа, братия, считая это начинание дерзостью, «недоумением покровени быша, но не смеяху препяти доброго его речения». Однако святой игумен уповал на помощь Божию и милость царскую. Действительно, царь пожаловал на строительство собора тысячу рублей. Строительство собора продолжалось 8 лет (1558-1566). Высокий с мощными стенами Спасо-Преображенский собор с четырьмя башнями-приделами по углам имеет вид крепостной твердыни. Собор трехъярусный. В нижнем ярусе были подклеты, имевшие хозяйственное назначение, а также использовавшиеся для захоронений. Во втором ярусе — сам храм с двумя приделами: северным — Зосимо-Савватиевским, и южным — Архистратига Михаила. В третьем ярусе — в угловых башенных надстройках — помещались еще четыре придела: северо-западный — Иоанна Лествичника, юго-западный — Феодора Стратилата

¹ То есть все здания объединены в комплекс, что позволяло удобнее преодолевать суровость северного климата: во-первых, экономичнее обогревать здания; во-вторых, переходить из одного здания в другое, не выходя на открытый воздух.

(оба эти придела освящены в честь святых покровителей сыновей Иоанна Грозного), юго-восточный — Двенадцати Апостолов и северо-восточный — Семидесяти Апостолов. Собор увенчан по московской традиции пятью луковичными главками, покрытыми лемехом. Несмотря на массивность и грандиозность размеров собора, при взгляде на него создаётся ощущение стройности, устремлённости к небу. Этот эффект достигается за счёт заметного наклона стен внутрь собора, а также благодаря отсутствию горизонтальных членений фасадов, наличию вертикальных лопаток, сужению граненого барабана.

Успенский и Спасо-Преображенский соборы были соединены деревянной галереей, к которой примыкала также деревянная церковь Николая Чудотворца¹, которая была отстроена в камне в 1577 — 1584 годах. Известно, что это был двустолпный одноглавый храм на высоких подклетах, крытый щипцом в два яруса. С запада к нему примыкала каменная паперть на традиционной для соловецкого зодчества XVI века аркаде. С северной стороны позднее (судя по сохранившемуся валунному фундаменту, одновременно со строительством каменных переходов) была сооружена трехшатровая звонница.

1.2.3 Строительство крепости

В 1571 году вблизи монастыря появляются шведские корабли. Хотя «свитцкие немцы», постояв несколько дней «на голом яни»², удалились, было ясно, что не имевший ни крепостных стен, ни воинского отряда, ни оружия, ни боезапаса беззащитный монастырь мог при случае стать легкой добычей для неприятеля. Это побудило игумена Варлаама обратиться к царю с просьбой учинить на острове крепость с надлежащим гарнизоном. Просьба была удовлетворена.

¹ Вся жизнь Соловков связана с морем: «Кто в море не бывал, тот горя не видал, тот Богу не молился», — так говорили поморы. Поэтому Святитель Николай — покровитель мореплавателей — был особенно почитаем на Белом море.

² В открытом море.

В 1578 году на Соловки прибыл воевода Михаил Озеров¹, с ним четыре пушкаря и десять стрельцов. На остров были доставлены пушки, ядра и порох. За одно лето монастырские плотники срубили вокруг обители деревянный острог, но уже четыре года спустя осложнение военно-политической ситуации в Поморье заставило монахов позаботиться о более надежном укреплении обители.

Возведение каменной стены началось при игумене Иакове² в 1582 году и продолжалось 12 лет, а полностью было завершено только в 1621 году. На начальном этапе (1582–1583 гг.) строительством руководил каменных дел мастер из Вологды Иван Михайлов. Он же, видимо, был и автором самой архитектурной идеи крепости. Затем работы возглавил соловецкий монах Трифон (Кологривов)³, талантливый зодчий, построивший позднее Благовещенскую церковь (1601) и каменные переходы центрального комплекса (1602).

Крепостные стены сложены из необработанных валунов в изобилии встречающихся на Соловках. Валуны заготавливали и подвозили к месту строительства зимой, по санному пути. Архимандрит Досифей писал, что некоторые валуны

¹ Сведения о нем сохранились в грамоте Иоанна Грозного игумену Варлааму с братией от 2 августа 1578 года: «а велели Михайлу... сделати острог около Соловецкого монастыря... и людей по острогу и по башням и по воротам распилать... А ты б, богомолец наш Варлаам, с Михайлом Озеровым делом острожным промышляя сообща, чтоб острог вскоре сделали, чтоб дал Бог Соловецкого монастыря от немецких людей уберечи» [4, 1998 г., с. 7]. Михаил был убит в стычке со шведами вблизи Кеми в 1579 году и похоронен у южной стены Спасо-Преображенского собора. Сохранилась белокаменная надгробная плита, которая находится в фондах Соловецкого музея. Могилу закрывает гранитная копия. Дата кончины, указанная на белокаменной плите (27 марта 1575 года), не совпадает с известной датой (начало 1579 года), когда был убит воевода Михаил Владимирович Озеров. В. А. Буров высказывает предположение, что надпись на плите и, соответственно, сама могила относится к другому представителю московского боярского рода Озеровых (Российская археология, №2, 2001, с. 132–134).

² Игумен Иаков — ученик святителя Филиппа: «игумен многотрудный чудного стеноздания соградитель, зело подвижного жития», правивший в монастыре 16 лет (1581–1597), собиратель и любитель книг. При нем сложилась традиция переписывания рукописей в самом монастыре; на некоторых рукописях сохранились пометы о том, что написаны они «по велению игумена Иакова». У него была и личная библиотека, некоторые из книг сохранили экслибрис игумена Иакова.

³ «Сей Трифон, старец соловецкий, был уроженец поморского селения Неноксы. По смерти его, в уважение незабвенных трудов, записан он в синодик за вклад 50 рублей для всегдашнего поминовения, доколе обитель стоит» [9, с.86].

весят до 700 пудов (более 11 тонн). С помощью системы блоков и рычагов неотесанные камни укладывали один на другой, тщательно подгоняя друг ко другу. При этом самые крупные валуны старались поместить в нижней, наиболее широкой части стены. Пустоты между валунами забутовывались битым камнем и кирпичом и заливались известковым раствором. Кирпич применяли только в случае необходимости: из него, например, выложены верхние бойницы, сделаны своды печур подошвенных бойниц. Из кирпича также сложен внутренний парапет галереи боевого хода и столбы, на которые одной стороной опирается двускатная тесовая кровля стен. Башни венчаются также тесовыми кровлями в виде шатров. С востока подступы к крепостным стенам защищены Святым озером, с запада - Белым морем, а с севера и юга в начале XVII века были ископаны рвы.

Соловецкая крепость представляет в плане вытянутый с севера на юг пятиугольник (с круглыми боевыми башнями по углам), напоминающий по виду корабль, который, конечно, ассоциируется с Ноевым ковчегом, в который преподобные собирают желающих спасения из мира, тонущего во грехе. Правда, размеры крепости существенно превосходят размеры ковчега.

Приведем надписи каменного летописца, касающиеся строительства крепости. Надпись на плите, вмонтированной в стену, слева от Святых ворот: «По указу государя Царя и Великого князя Феодора Иоанновича построена кругом монастыря доселе существующая каменная крепость для защиты обители от нападения иноплемеников на монастырскую сумму, собранную с береговых монастырских вотчин по плану Соловецкого монаха Трифона, строение продолжалось 12 лет под смотрением Воеводы Ивана Яхонтова». Надпись на плите, вмонтированной в стену на паперти Благовещенской церкви подводит итог строительства: «Крепостная стена вокруг 509 сажень, с 8 башнями и 8 воротами. Внизу с амбразурами для пушек». Надпись на плите, вмонтированной в кирпичную кладку стены, около северных ворот пристенка рассказывает о продолжении строительства: «Построен этот каменный

Вид Соловецкой обители с птичьего полета

пристенки при игумене 30 Иринархе Святом в 1621 году, спустя 37 лет по строению стены вокруг монастыря. Надпись сия сделана в 1854 году при Архимандрите Александре». Надпись на стене, справа от Святых ворот свидетельствует о том, что монахи более надеялись на покровительство Божие, чем на мощь крепостных стен: «Сей образ Спаса и Господа нашего Иисуса Христа написан тщанием и усердием основателя Анзерского скита преподобного Елизара чудотворца. Во времена нападения на обитель англичан в 1854 году сей образ перенесен и поставлен здесь, над Святыми воротами, в защищение и спасение обители от врагов видимых и невидимых».

1.2.4 Строительство каменных келий

В XVII веке по периметру центрального дворика монастыря устраиваются каменные кельи. На примере отреставрированного фрагмента фасада Святительского корпуса можно видеть, как выглядела внешне келейная застройка в XVII веке. Корпус был одноэтажным. Под обрезом тесовой кровли по

фасаду протянут «городок» — декоративный пояс, состоящий из треугольников с уступами. Он прослеживается также и на Благовещенском, Настоятельском (XVI в.), Казначейском и Наместническом (XVI в.) корпусах. «Городок» по ребру обводился темно-красной краской. Глубокие ниши окон имеют ступенчатый верхний откос, чтобы достаточно света проникало через небольшое оконце. Кирпичный подоконник не белился. В колодные оконницы вставлена слюда. Снаружи окна закрывались деревянными ставнями на фигурных кованых жиковинах. Вертикальные членения фасадов — лопатки — выявляют внутреннюю структуру здания¹.

Попробуем теперь представить себе, как протекала монашеская жизнь в этих кельях. Суть монашеской жизни — подражание ангельскому служению: «ангельское дело — молитва, молчание, почитание книжное, апостольское житие, безмие, рукоделие, последняя нищета» [10, с. 95]. Иноческая жизнь подразумевает обращенность души к Богу. А для этого необходимо внимание, безмолвие и тишина, ибо Бог не в громе и в буре, а в тихом веянии ветра, «во глазе хлада тонка». Поэтому в наставлении инок говорится: «да бывает ти

Келья инока

¹ Из теплых сеней одна дверь вела в холодные сени и в подсобные помещения (дровяной, нужный и другие чуланы), а вторая дверь выходила непосредственно на улицу.

житіе, и хожденіе, и седеніе, и глаголаніе тихо. В келію же подобает входить тихо, и вон исходити такоже. И скрыпанія двернаго не любити, и колодицею поклонною не гремети, да не смутится сердце брату, живущему воскраи келіи твоея. И аще случится помести келію, то тихо и безмолвно, ангельскій бо образ прияхом, безмолвное житіе. А келію ти, брате, имети чисту, пометену всегда. Аще, брате, у инока келія чиста, то и душа чиста» [10, с. 95]. Келья инока – образ обители небесной, место нынѣшняго подвига, и место будущаго покоя. «Аще хочещи обрести покой, и здѣсь и вездѣ, о всем всегда себѣ зазирайт¹, и не осуждай никого же, не уничижи, не укори, не оклеветай, не похули никого же; и даст ти Бог покой. И будет ти седеніе, еже в келіи, без мятежа и без печали. И тако прочее время седи в келіи своей, и келія твоя научит тя всему добру. И буди, яко мертвъ, не осуждая и не угождая чловекам, и славы от них не приеми» [10, с. 104].

Каждая келья имела отдельный вход и представляла собой обособленную пустыньку, в которой, согласно общежительному уставу, размѣщались старец (более опытный в духовной жизни монах) и 2–3 ученика. По совершении пострига игумен избирал «старца духовнаго житіем велика, и свята, и искусна житію иноческаму» и передавал ему новопостриженнаго инока от Святаго Евангелія (как из рук Божиих). И говорил ему игумен с моленіем: «Приими, господине, Бога ради, себѣ, яко сына духовнаго, и направи его на путь спасенія, и научи, яже сам твориши о спасеніи души своея²». Таким образом обеспечивалась преемственность духовнаго опыта. Под руководством старца ученик постепенно усваивал «чин келейный» и «чин монастырскій». Правило келейное давалось старцем ученику «по силѣ», так как в уставѣ указанія по поводу келейнаго правила отсутствуют. Поэтому «Преданіе старческое» говорит: келейное правило «деется от своего произволенія, как кто возлюбит Бога, но толико твори его по благословенію» [10, с. 114].

Монашеское дѣланіе рассматривалось, как «наука из наук», «художество духовное» – особое ремесло для овладѣнія

¹ Всегда во всем себя обвиняй.

² И научи тому, что сам делаешь для спасенія души своей.

которым необходим навык. В монастырских рукописях XVII века встречаются подробные инструкции для новоначальных: как стоять в церкви (на молитву ходити к началу, аще можеш, к стене ти ся не приславивати, не говорити праздных слов, говорити «Господи помилуй» во едино слово¹); как вкушать трапезу (а смотри пред собою, и быть довольным тем, что есть, а не припрашивати, не взяти бы больше другого брата пищи или пития, и от своего урока воздерживаться всею крепостию, никак же бы чреву угождати); и даже как разжигать печь, чтобы не угореть (нагревая келию свою, носи углие вон из печи и чад добре спущай. Таков бо суть угар, обимет спящего инока и смерть бывает). Заканчиваются все эти наставления словами: «занеже, брате, всему тому наук», то есть умение приобретается знанием и навыком. О главном же навыке старец Геронтий пишет: «подобает во общем житии быти сомжарив² очи, и уши затокши, и отнюд нему быти. Аще не тако, то многа истязания достойни будем» [10, с. 104].

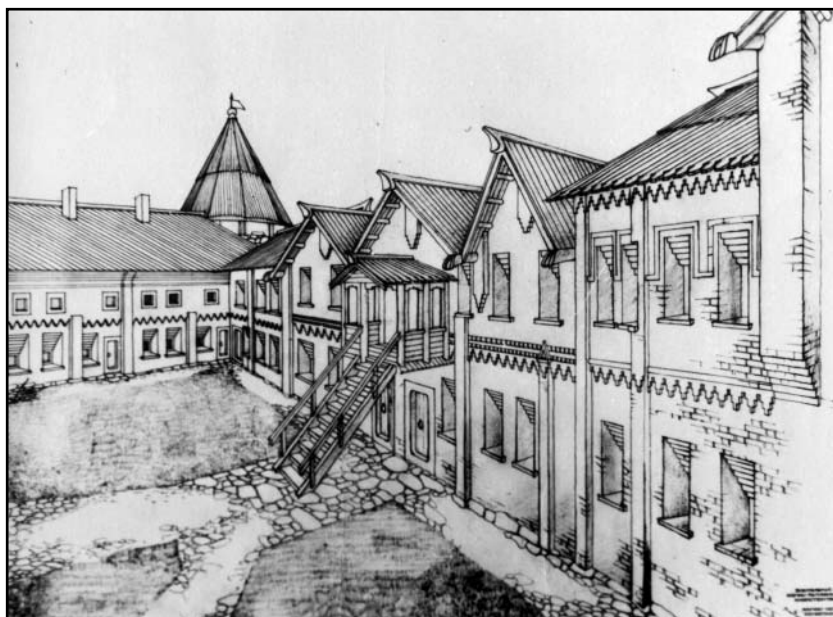
Чем были вызваны перестройки келейных корпусов в XVIII-XIX веках? Рост материальных и финансовых возможностей монастыря, расширение контактов с внешним миром, расцерковление общества в целом повлекли за собой обмирщение уклада монастырской жизни. Вследствие этого участились, а затем вошли в систему нарушения отдельных положений общежительного устава. Манатейные монахи расселяются по одному человеку в келью. Проблема увеличения числа жилых помещений решалась за счет надстройки келейных корпусов вторыми и третьими этажами. Корпуса перестраивались по коридорной системе, которая диктовала более социализированный способ взаимоотношений. В XVII веке, например, существовал специальный чин о приходе брата к брату в келью: «егда идеши ко игумену или к брату коему, не дошед келии, покашляй и приступи с тихостию. А брату, пришедшу ко твоей келии, не открой все оконце, но прежде услыши глас его, мало отверзи ему, да не все лице твое видит». Ломалось трепетное бережное отношение к внутренней жизни инока. Ломались своды древних келий и делались накат-

¹ Одновременно с другими.

² Зажмутив (закрыв) глаза.

ные потолки. Растесывались окна и закладывались кирпичом дверные проемы. Изменились и эстетические вкусы. XVIII-XIX столетия были временем исправления «неправильной русской архитектуры»: уничтожался декор, менялись кровли, разбирались за ненадобностью крыльца и т.д. Наглядным примером в этом отношении может служить Благовещенский корпус, примыкающий с юга к надвратной церкви.

Первоначально, в XVII веке Благовещенский корпус, в котором размещались гостиничные кельи, был двухэтажным. Его южная и северная части были крыты двускатной тесовой кровлей. Средняя часть — тройным щипцом. На крыльцо второго яруса вела деревянная лестница. В ходе позднейших переделок были сбиты лопатки на фронтонах центральной части, наполовину сбиты лопатки, делящие фасад на прясла, растесаны и смещены по фасадам окна, уничтожены крыльцо и лестница, частично сбит «городок» и замазан «поребрик», заложены входные двери первого яруса. Многие из этих «усо-

Благовещенский корпус (реконструкция)

вершенствований» достаточно хорошо прослеживаются на натуре. В конечном итоге здание было обезличено «в новейшем вкусе» и обрело черты типичной казенной постройки. То же можно сказать и о большинстве других келейных корпусов. Ни один из них (за исключением Новобратского) не сохранился в первозданном виде.

Между гранитными дорожками центрального дворика произрастал сад из рябиновых, черемуховых деревьев и кустов сирени. Деревья были обнесены деревянной оградкой. Сад не сохранился.

1.2.5 От звонницы к колокольне

В XVIII и XIX веках крупное строительство предпринималось, в основном, в случае необходимости замены обветшавших зданий новыми. Так, в XVIII веке за ветхостью была разобрана трехшатровая звонница. Ее сменила в 1777 году высокая колокольня, представляющая собой массивное трехъярусное сооружение. Третий ярус перекрыт купольным сводом и увенчан глухим восьмигранным барабаном с крытыми медью главкой и шпилем. Высота колокольни до креста — около 50 метров.

В третьем ярусе колокольни была устроена обходная площадка с аркбутанами, опирающимися на рустованные колонны-контрфорсы. Там же некогда висел и самый большой колокол обители — Преображенский, весом 1100 пудов (17,6 тонны). Всего же в конце XIX века на колокольне имелось 35 колоколов.

1.2.6 Церковь святителя Филиппа

В 1798 — 1799 годах была выстроена церковь Святителя Филиппа. Она представляет собой прямоугольный объем, над которым возвышается восьмерик (после пожара 1932 года он был разобран на 4/5 своей высоты), венчавшийся восьми-скатной купольной кровлей и граненым барабаном с главкой.

Церковь Святителя Филиппа

Главка и кровля из листового железа были крашены в зеленый цвет. Алтарная часть храма прямоугольная. Основным декоративным элементом являются пилястры, поддерживающие карниз. Над высокими арочными окнами устроены люкарны (круглые окна) второго света.

В 1859 году на ее своде в восьмерике был устроен придел в честь Пресвятой Богородицы Знамение в память об отражении нападения английских кораблей. В приделе была помещена каменная плита с надписью: «Господи! Отверзи нам ум разумети чудеса Твои! Некто в сей обители перед нападением англичан в 1854 г., после скорбной молитвы,

*Святейший Патриарх Алексий II благословляет молящихся
во время освящения храма Святителя Филиппа в 2001 г.*

услышал во сне глас: «Прославляющих мя прославлю». Это вдохновило его и всех сетовавших в обители. Прославляемая Царица Небесная прославила обитель Соловецкую во спасение всего отечества. Явила явное заступление в страшную канонаду десятичасовую, во время коей благоволила усвоить в иконе «Знамение» уязвление двумя ядрами за живущих в обители: а потому в обители никто не был убит, никто не ра-

нен, малые чайки, на монастырском дворе сидевшие стаями, между коими падали ядра, не ранены. Вечная благодарность Премилосердной Царице Небесной за великое и дивное заступление обители. Архимандрит Александр с братией возжелали иметь храм Знамения Пресвятыя Богородицы, который и устроен в 1857 г. В сей храм по указу Святейшего Синода перенесена из Анзерского скита чудотворная икона «Знамение» Пресвятыя Богородицы времен преподобнаго Елеазара. Аще Бог за ны никто же на ны, и кто постыдится исповедати Бога пред человеки, того и Он постыдит пред ангелами Своими. Аминь. 1857 г.»

1.2.7 Церковь святителя Николая

В 1831-1832 годах на старом фундаменте, но с некоторым расширением, был выстроен новый Никольский храм — бесстолпный, увенчанный каноническим пятиглавием, причем только один — центральный — барабан световой. Четыре угловых — глухие. По купольному своду храм крыт медным листом.

В первом ярусе церкви — подклеты (часть из них — старые, XVI века); во втором ярусе находилась монастырская ризница, а в третьем ярусе — сама церковь с примыкающим с западной стороны притвором в виде классического портика. Высота храма до креста — 38,5 метра.

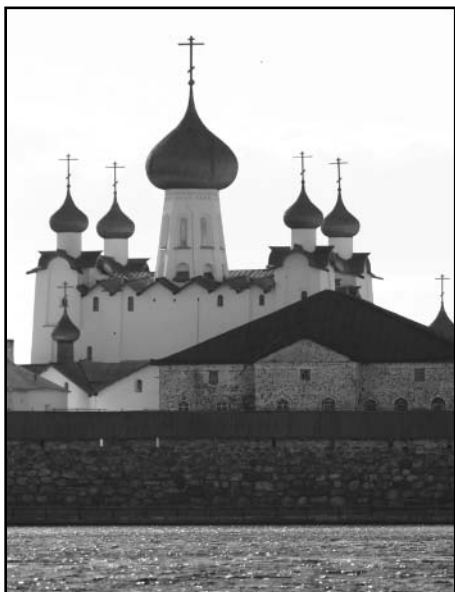
1.2.8 Троицкий собор

Троицкий собор был построен на месте прежнего Зосимо-Савватиевского придела Спасо-Преображенского собора в 1859 году по проекту архангельского губернского архитектора Шахларева. Имел три престола: во имя Святой Троицы, во имя преподобных Зосимы и Савватия и во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского. Престолы были освящены в разное время. Собор венчался круглым барабаном и массивной луковичной главой.

Трехчастная алтарная пристройка включена в общий объем здания. У южной стены в храме стояли раки с мощами преподобных Зосимы и Савватия (перенесены в 1861-м году). Собор выстроен на подклетах и проездной арке. В подклетах были устроены часовни-усыпальницы над местами погребения святителя Филиппа и преподобного Иринарха.

Нынешняя черная плитка на стенах – наследство советских времен: в 1940-50-х годах в соборе размещалась столовая Учебного Отряда Северного Флота.

Обезглавленный Троицкий собор примыкает к северо-восточному углу Спасо-Преображенского собора

Церковь преподобного Германа

В 1860 году под Свято-Троицким собором, согласно проекту Шахларева, построена церковь преподобного Германа¹ на месте прежней деревянной часовни (1753 года), устроенной над местом его погребения. В церкви справа от входа стояла бронзопосеребренная рака над местом, где под спудом покоились мощи преподобного Германа до их изытия в 1925 году. Ближе к алтарю почивали под спудом мощи Святителя Маркела, Вологодского архиепископа, бывшего прежде игуменом Соловецким. Храм холодный, в нем в летнее время служили раннюю заупокойную литургию по заказу богомольцев. Церковь крыта листовым железом на два ската. Главка церкви крыта железом (была окрашена в голубой цвет). Восьмиконечный крест был вызолочен червонным золотом.

1.3. Успенская церковь с Трапезной и Келарской палатами

В XV–XVI веках русские монастыри устраивались согласно общежительному уставу², поэтому в первую очередь строили собор и трапезную с малой церковью при ней. В 1552 году игумен Филипп благословил закладку Трапезной палаты, объединенной с Келарской палатой³ и Успенской церковью.

¹ Вход в церковь на 4 метра выдаётся из западного фасада Троицкого собора.

² Устраивая обитель, Преподобный Зосима следовал Иерусалимскому уставу [7, с. 40], заповеданному великими отцами общежития: «не желать и не искать ничего для себя, а заботиться только об общем благе; в храме стоять со страхом Божиим, не сходить с места до конца службы, не разговаривать друг с другом. В трапезе сохранять молчание и внимать назидательному чтению; игумен, священники и старцы ядят и пьют в трапезе, кушанье для всех одинаково; по келиям, за исключением больных, нет стола; из трапезы не выносить кушанья и питья; одежда и обувь выдаются от обители; если кто может, - покупает себе келию, иначе братия живут в монастырских келиях; дохода нет никому никакого, все нужное выдается от обители» [5, с. 16].

³ Келарь — второе, после настоятеля, лицо в монастырской иерархии в XVI–XIX веках. Он ведал хозяйством обители, поэтому палата была одновременно канцелярией и кладовой. В XVII веке в ней хранились книги, документы, посуда. Палата одностолпная, в плане квадратная, перекрыта перекрещивающимися цилиндрическими сводами. В северной и западной стенах сделаны внутренние камеры, в южной стене — лестница, ведущая в подклет. В 1799 году палата была соединена арочным переходом с Поваренным корпусом. Переход примыкает к окну в восточной части северной стены.

Летописец записал: «Зачата бысть делати церковь каменная с трапезою на подклетех с службами». Строительством руководили новгородские каменных дел мастера Игнатий Салка и Столыпа. Несмотря на то, что работы велись только в летнее время (зимой качество кладки было хуже), сооружение Трапезного комплекса заняло всего шесть сезонов — в 1557 году была освящена Успенская церковь.

Материалы для строительства использовались местные: фундамент Трапезного комплекса сложен из тёсаного валуна, стены из кирпича местного производства, только известь для приготовления скрепляющего раствора была привозная. Известковый камень ломали под Орлецами, на Северной Двине, и лодьями доставляли на Соловки. Здесь его обжигали, а готовую известь гасили в течение 10 — 12 лет в ямах с водой. После отвердевания раствор набирал высокую прочность и огнестойкость. Лиственницу, сосну, осину для кровли заготавливали на материке, в Кемской и Сумской волостях. При

Успенская церковь с трапезной (северный фасад) XIX век

Филиппе были внесены усовершенствования в технику строительного дела. Если раньше глину на кирпич копали и мяли вручную, то теперь это стали делать с помощью лошадей и волов. Лошади и волы использовались и при подъеме тяжестей (кирпича, леса и т.п.) во время строительства.

С северной стороны трапезный комплекс представляется двухъярусным. В первом ярусе, в подклетах, располагались хозяйственные службы: под Трапезной — «погребы хлебный да квасной»; под Келарской — «хлебня с мукосейной»; под церковью — «просвиренные службы». Там же, в подклетах, находились и печи¹, обогревавшие здание. Во втором ярусе расположены сами палаты и церковь. Если обойти трапезный комплекс с восточной стороны, мы окажемся в уютном дворике, куда выходит южный фасад трапезной и Успенской церкви. Отсюда видно, что церковь имеет два придела² в третьем ярусе. Реставраторами восстановлена многоскатная щипцовая кровля (на XVI-й век) с тремя луковичными главками на глухих круглых барабанах.

Стены выложены с уклоном внутрь³. Они лишены декора и решены в системе вертикальных членений, образованных массивными лопатками (пилястрами). Местами, там, где лопатки совпадают с окнами, они обрываются по высоте или обходят оконные проемы за счет уменьшения ширины. Окна одинаковы по форме (полуциркульные, или арочные), но различаются между собой по размерам. Асимметрия придает особую живописность плоскостям стен. Узор щипцовой кровли над церковью, очертания луковичных глав, крыльцо,

¹ Через большую кованую дверь с северной стороны можно войти внутрь печи, обогревавшей трапезную. Окно с коваными ставнями слева – поддувало, которое открывалось во время топки. Оно расположено не внизу, как у обычной печи, а выше уровня закладки дров, чтобы обеспечить медленное сгорание. Дым поднимался вверх в дымоход, а горячий воздух расходился по воздухопроводным каналам (слева и справа) в толще стен и под полом.

² Приделы лучше всего видны с южной стороны. Северный придел построен одновременно с Успенской церковью и освящен в память Усекновения главы Иоанна Крестителя, так как в этот день праздновались именины Иоанна Грозного, а он был ктитorem монастыря. Южный придел пристроен в 1605 году и освящен в память Дмитрия Солунского.

³ Этот приём стал типичным для соловецких построек.

Успенская церковь с трапезной XX век

лестница, переходы смягчали суровое величие сооружения, а использованные в конструкциях дерево и дикий камень создавали на фоне беленых стен яркий цветовой контраст.

Основной вход в Трапезную палату через паперть, пристроенную в XIX веке к западному фасаду. Первоначально паперть отсутствовала, а к входу, по-видимому, вела деревянная лестница, подобная лестнице, ведущей в Келарскую палату. Западная стена была выше кровли и в ней по новгородской традиции была устроена звонница: колокола были подвешены в арочных проёмах. Келарская палата имела свой вход, о котором говорится в описи 1705 года: «Ис той келарской на западной стене дверь, на крыльце в тое двери затвор деревянной, с того крыльца лесница каменная всходная, то крыльцо и лесница покрыты тесом». Каменная лестница и крыльцо безвозвратно утрачены, подняться в Келарскую палату можно по восстановленной реставраторами деревянной лестнице.

По своим размерам Трапезная Соловецкого монастыря превосходит все известные нам одностолпные монастырские трапезные палаты XV–XVI веков. Ее площадь — 483 кв. метра, что всего на 13 кв. метров меньше площади всемирно известной одностолпной Грановитой палаты в Московском Кремле.

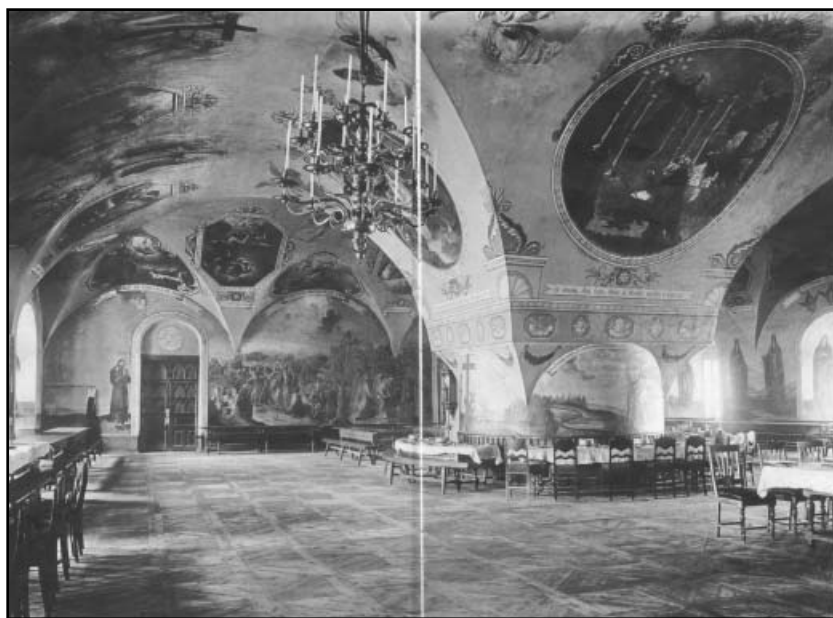

Перекрытие внутренней площади палаты решается за счет системы перекрещивающихся цилиндрических сводов, опирающихся на толстые (до трех метров) стены и центральный столп. Диаметр столпа — около четырех метров. Его нижняя часть сложена из тесаного белого камня, а верхняя, переходящая в своды, — из кирпича. Белый камень — известняк — применен также в пятах распалубок, на которые приходится основная тяжесть сводов. Распалубки снимают напряжение с тех участков стен, в которых устроены оконные проемы. Пол в Трапезной палате первоначально был выстлан поливной керамической плиткой, которую сменил деревянный настил. В XIX веке пол был выложен квадратными известняковыми плитами светлого и более темного оттенков — «в шахмат».

Для отопления палаты в подклете была устроена печь, от которой в стенах коленами были проведены ходы для теплого воздуха. Через специальные отверстия теплый воздух по этим ходам попадал в помещение, обогревая его. В северной стене виден вскрытый фрагмент одного из таких тепловодов. Под ним и над ним можно видеть отдушины.

Из Трапезной можно пройти в Келарскую палату и в Успенскую церковь через входы, оформленные порталами. Тот, что ведет в церковь, сделан в форме так называемого «перспективного» портала. Богатое обрамление его проема образовано уступами круглых и прямоугольных тяг с декоративными вставками в виде «дынек». Вход в Келарскую упрощен — он имеет только один уступ и круглую тягу в обрамлении. Зато слева его дополняет также оконтуренная валиком декоративная ниша.

Палату освещают восемь разновеликих, но одинаковых по форме, окон — по четыре с южной и северной сторон. Внутренние ниши окон устроены с раскосом и закруглены на углах. Это скругление смягчает границы светотеней и в сочетании с рефлектирующими поверхностями беленых стен и сводов создает ровную и спокойную освещенность интерьера. А ритмичное чередование откосов окон и высоких распалубок подчеркивает крупномасштабность палаты.

Трапезная палата (интерьер XIX век)

Трапезная палата (интерьер XX век)

Неизвестный автор XVII века сумел отлить неповторимый образ палаты всего в трех словах: «чюдна и светла и првелика».

Название палаты отражает ее функциональное назначение — в ней проходили общие трапезы. Питалась в ней только монастырская братия, да еще наиболее почетные гости обители (для паломников и трудников имелась отдельная, так называемая общая трапезная¹). По периметру помещения располагались столы и лавки. Столы стояли также вокруг столпа, причем с южной стороны его было место для настоятеля.

Пищу готовили в Поваренном корпусе и по переходам доставляли в Келарскую². Оттуда послушники разносили ее по столам. Вот как описывал церемонию трапезы С.В. Максимов, посетивший Соловецкий монастырь в июле 1856 года: «Огромная трапеза была полна народу, монахи пели. Раздалось чтение житий святых того дня, производимое с особого амвона чередным монахом. При перемене кушаньев, при звоне колокольчика, читалась с амвона и прислуживающими послушниками молитва: Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас! Трапезующие должны были отвечать «аминь». Всем возбранялись разговоры, все обязаны были есть из одной чашки... Вся посуда была оловянная. Кушанья солить и поливать уксусом обязаны были послушники. На этот раз трапеза состояла из четырех блюд: холодное — соленые сельди с луком, перцем и уксусом; треска со сметаной и квасом; уха удивительно вкусная, из сегодня выловленных сельдей и каша гречневая с коровьим маслом и кислым молоком. В конце трапезы разносились кусочки просфоры, или богородичного

¹ Общая трапезная была построена в 1798 году на фундаменте старых келий, одновременных крепостной стене и совмещенных с ней. Над кельями было сушило, совмещенное с боевым ходом крепостной стены под одну кровлю. В первом ярусе здания 1798 года находились кладовые для хранения продуктов, во втором — трапезная для богомольцев длиной 23 сажени (около 50 метров). Во времена Учебного Отряда Северного Флота в этом помещении был спортзал.

² Поваренный корпус построен в конце XVI века. В 1796 году он реконструирован: сделаны большие окна, настлан кирпичный пол, устроен большой очаг с котлами и трубой. Из Святого озера проведена подземная труба в котел, где вода согревалась и через медные трубы выпускалась. В 1799 году на проездной арке устроены переходы от корпуса к Келарской. В верхнем ярусе были кельи для поваров.

хлеба, освященные в конце пением и разрезанного при том же пении и тогда же. Певчие пели потом молитвы и отпуст, и затем все расходились» [11, С. 134-135].

В Трапезной палате проходили также заседания большого черного собора – общего собрания всей монастырской братии. Соборы созывались для решения хозяйственных и церковных вопросов, для выбора настоятелей.

На протяжении веков интерьер Трапезной палаты подвергался неоднократным переделкам. Дважды (в 1747 и 1800 годах) растесывались окна «для света», которые в конце концов приобрели прямоугольную форму. В 1800 году в стене, отделяющей палату от Успенской церкви, была сделана арка, «открывающая, — писал архимандрит Досифей, — все внутреннее церковное благолепие». Таким образом, молитвенное пространство храма было расширено за счет помещения Трапезной. Появилась возможность совершать богослужения в Успенской церкви для большого количества молящихся, например в престольный праздник.

В 1828 году Трапезная была расписана по стенам и сводам «живописью масляной краской из истории Священного

Трапезная палата (интерьер XIX век)

Писания с изображением разных святых». Роспись была утрачена во время пожара 1923 года. В настоящее время Трапезная палата отреставрирована на XVI век: восстановлена форма окон, арка заложена и восстановлен перспективный портал обрамляющий вход в Успенскую церковь (не решен, однако, вопрос отопления).

Успенская церковь тёплая и небольшая, так как в ней обычно молились только те, кто трудился в трапезном комплексе. В плане церковь квадратная, она разделена алтарной преградой с тремя разновеликими арками на две почти равноценные по площади части — собственно церковь и алтарь. Оба помещения перекрыты цилиндрическими сводами на распалубках. К алтарной преграде крепился двухъярусный иконостас.

Характерной особенностью Успенской церкви является наличие внутрстенных ниш (их можно видеть в северной стене, в алтаре) и камер в южной стене. Ниши и камеры предназначались для хранения церковной утвари. В толще западной стены устроена лестница, ведущая наверх, в приделы.

В XVIII—XIX веках Успенская церковь подверглась перестройкам. Это уже упоминавшаяся растеска окон, порталов. Как и Трапезная палата, храм по стенам и сводам был «охвачен превосходною живописью из Священного Писания и из Патериковых повестей» (архим. Досифей). Например, на одной из картин можно было увидеть изображение кающегося грешника и схимника, приемлющего покаяние. Из уст кающегося выходят разные гады и, наконец, змея. К этой картине дано объяснение: «Сей грешник прииде ко схимнику, дабы покаяться во гресех своих. И виде схимник, что по наименованию грехов из гортани кающегося излетают гады и всяческая мерзость — скорпии и жабы, василиски и аспиды, хамелеоны и драконы крылатые, напоследок показалась оттуда глава змия погибельного. Но грешник не покаялся искренне, и змий обратно в гортани сокрыся. Из сего научитесь не таиться пред пастырем во дни покаянные». Наглядно, просто, поучительно.

Ниши в Успенской церкви

К настоящему времени интерьер храма (в архитектурном отношении) полностью восстановлен.

Паперть, примыкающая к Трапезному комплексу с запада, в течение XVII—XIX веков претерпела существенные изменения. Архитекторы считают, что вначале она была деревянной на столбах, но уже вскоре ее сменила некая, не существующая ныне, каменная (или деревянно-каменная) пристройка. В 1602 году при строительстве галереи была сооружена монументальная каменная лестница, которая ныне полностью восстановлена. Северная часть паперти оставлена такой, какой она была в начале XX века.

При реставрации не всегда стремятся к стопроцентному восстановлению памятника на момент его сооружения. Решая вопрос об устранении более поздних наслоений и искажений, специалисты исходят как из архитектурно-художественной ценности и исторической значимости памятника, так и из возможности и практической целесообразности таких операций. Так реставраторами была восстановлена щипцовая

кровля Успенской церкви (хорошо видна с галереи переходов). На южный и северный фасады выходят по три сомкнутых щипца, на западный и восточный — по пять. В XVIII–XIX веках, когда растесывались окна и порталы, щипец на церкви заменили простым четырехскатным покрытием (как сейчас на Благовещенской церкви), на палате была сделана полукруглая кровля. После пожаров 1923 и 1932 годов здание оказалось почти разрушенным. В 1970–80-х годах реставраторам удалось вернуть памятнику близкий к первоначальному облик, доносящий до нас величие и обаяние русской архитектуры XVI века.

*Щипцовая кровля
Успенской церкви
(южный фасад)*

1.4. Спасо-Преображенский собор

1.4.1. Интерьер

Уникальный по конструкции Спасо-Преображенский собор (1558–1566 годы), был, по-видимому, построен теми же зодчими, которые возводили Трапезный комплекс, при непосредственном участии игумена Филиппа. Интересно, что патриарх Никон, глубоко почитавший святителя Филиппа и старавшийся ему подражать в первосвятительском служении, подражал ему и в своей храмоздательской деятельности. При постройке Спасо-Преображенского собора Ново-Спасского монастыря в Москве (1647), Успенского собора Иверского Валдайского монастыря (1656), Крестовоздвиженского собора на Кий острове (1661) он взял за основу конструкцию Соловецкого Спасо-Преображенского собора.

Спасо-Преображенский собор двустолпный. Два массивных квадратных в плане столпа делят интерьер на три нефа по продольной и на два — по поперечной осям плана. Отсеки нефов, разделенные подпружными арками, перекрыты крестовыми сводами. Наклоненные внутрь стены и сужающиеся кверху грани центрального светового барабана создают ощущение сильного перспективного удаления. Арочные входы в собор, украшенные с фасадов богатыми перспективными наличниками, расположены с южной, западной и северной сторон. В стенах устроены полуциркульные окна, имеющие надоконные «лобики»; низ сводчатых ниш выложен уступами, образующими крутой уклон, обеспечивающий проникновение света сквозь толщу стен. Межэтажная связь осуществлялась по внутрискладным каменным лестницам. Характерно также устройство внутрискладных камер — это одна из специфических черт соловецких памятников XVI века (да и более позднего времени тоже). Полы были выстланы поначалу поливной керамической плиткой голубого, белого, синего, желтого и кирпичного цветов, а с конца XVIII века — квадратными разноцветными известняковыми плитами «в шахмат». С разноцветием мозаичных полов гармонировали цветные витражи в окнах.

В алтарную часть ведут две арки — большая и малая — в восточной стене, а два дверных проема соединяют собор с приделами: северным — Зосимо-Савватиевским, и южным — Архистратига Михаила.

Собор был освящён 6 (19) августа 1566 года в день Преображения Господня. А 8 (21) августа мощи преподобных Зосимы и Савватия были перенесены в собор от земных недр и поставлены слева на солею. День перенесения мощей с тех пор стал одним из главных праздников обители. Именно в этот день мощи преподобных Зосимы, Савватия и Германа вернулись в возрождённую обитель в 1992 году.

Художественное оформление интерьера в течение веков претерпело значительные изменения. Основным украшением был пятиярусный тябловый иконостас, располагавший-

*Резные позолоченные царские врата
Спасо-Преображенского собора*

ся на главной восточной стене. В 1697 году на пожалованные Петром I деньги (600 рублей)¹ был сооружен новый, резной позолоченный иконостас в стиле барокко. Часть икон была поновлена, некоторые написаны заново, однако в массе своей сохранились иконы письма XV–XVII веков.²

¹ «Выдано на иконостасное в соборной Преображенской церкви строение денег в Москве 200 рублей да на Двине из таможенных доходов 400 рублей». Летописец Соловецкий. 1833. С. 71.

² По свидетельству П. Д. Барановского, иконостас был разобран и уничтожен сотрудниками школы юнг Северного флота в начале 1940-х годов. (Соловецкий монастырь: Из архива П. Д. Барановского. М., 2000. Т.1, с. 37). Некоторые иконы, например, образ Спасителя с припадающими Зосимой и Савватием, бывший в местном ряду иконостаса справа от царских врат, находятся в коллекции Третьяковской галереи. (фото)

Иконостас у южного столпа

В 1830 году иконостасы были устроены с западной стороны столпов — «с двенадцатью великолепными колоннами и балдахинами, кои украшены штофными малиновыми занавесами с бахромою и кистями» (архим. Досифей). Под балдахинами были установлены «в сиянии» две иконы Богоматери — справа (у южного столпа) Сосновской¹, слева — Хлебной.

¹ В 1627 году на сосне, растущей вблизи морской губы, явилась инокам чудотворная икона Богородицы Корсунской (затем именованная Сосновской). Так как по преданию даже щепки от дерева, на котором явилась икона, излечивали зубную боль, сосна была «разобрана паломниками на благословение». На месте явления иконы в XVII веке возникла пустынь: была устроена часовня в честь образа Пресвятой Богородицы Корсунской и келейный корпус. В XIX веке здесь была рыболовная тоня, в которой трудился подвижник Соловецкий старец Наум. В 1812 году на месте обретения иконы был поставлен поклонный крест, сохранившийся до наших дней.

В 1861–1863 годах на пожалованные Императором Александром II деньги прежде беленые стены и своды собора были расписаны масляными красками. Единственный фрагмент росписи, который можно видеть сейчас – изображение Спаса Вседержителя в куполе светового барабана. Наиболее полно сохранившиеся фрагменты росписи были сняты реставраторами и сейчас находятся в фондах музея-заповедника.

9/22 января 1864 года в день памяти Святителя Филиппа состоялось торжество освящения обновленного храма Преображения Господня. Служили всенощное бдение, водоосвящение и Божественную литургию 24 старца. Зрелище было трогательное, когда они, в светлых облачениях, выступили из алтаря на середину храма, освещенного четырьмя большими паникадилами. Стены, украшенные живописными изображениями святых ликов, открылись во всем великолепии. Представлялись воображению и те 24 старца апокалипсических, кои повергались ниц пред Сидящим на престоле и воздавали поклонение Живущему во веки веков. Пение совершалось братиею протяжно, торжественно и умирительно. Молящимся казалось, что они не на земле, а на небе; они не чувствовали утомления, хотя всенощная окончилась за полночь. (Духовная беседа. 1864. № 14. С. 495-505.)

Уничужденное состояние Спасо-Преображенского собора в 90-е годы XX века, когда храм был лишен даже дверей, тронуло сердца благочестивых паломников: в 2002 году по заказу благотворителей был написан и установлен новый пятирусный иконостас¹.

1.4.2 Внешний облик собора

В наиболее соответствующем XVI веку облике собор можно увидеть с юго-востока, так как с этой стороны отсутствуют пристройки. На южном фасаде сохранился оформ-

¹ Иконостас выполнен иконописной мастерской Ильгиза Ханова по проекту архитектора О. И. Журина на средства международного фонда имени прп. Андрея Рублева. Освящен 18 августа 2002 года.

*Юго-восточный фасад
Спасо-Преображенского собора*

ленный порталом вход на уровне второго этажа, к которому, по-видимому, вела деревянная лестница. В алтарной части сохранились южный и центральный приделы, которые пристроены к алтарной стене как отдельные маленькие церковки. В плане они прямоугольные в отличие от обычных круглых. Возможно, что здесь сказалось влияние деревянной архитектуры, основным формообразующим элементом которой была прямоугольная клеть. Вместо северного Зосимо-Савватиевского придела в

1860 году был пристроен Троицкий храм. Под центральной апсидой алтаря в подклете находилась часовня преподобного Зосимы на месте его погребения в 1478 году. В настоящее время в усыпальницу преподобного Зосимы можно пройти из подклета Троицкого собора через северный вход в подклет Преображенского собора. Сохранился перспективный портал, обрамленный наличником с килевидным завершением и резными каменными вставками в виде двойных дынек.

Толщина стен собора достигает на уровне подклетов пяти метров. Монолитную цельность сооружения подчеркивают широкие, большого выноса угловые лопатки, по очертаниям напоминающие контрфорсы. Массивные центральные лопатки разделяют фасады на прясла и проявляют внутреннюю структуру двустолпного храма. Центральный световой барабан, имеющий форму усеченной пирамиды, опирается на два столпа и на алтарную стену, и поэтому расположен

несимметрично по отношению к четырём главкам верхних приделов: он сильно смещен к востоку. Этим достигается хорошее освещение высокого иконостаса. Д. С. Лихачев указывает, что смещение центра тяжести собора к востоку может быть обусловлено необходимостью, придать устойчивость зданию, выстроенному на покатом склоне¹ [12, с. 20]. По углам кровли устроены четыре придела, напоминающие прямоугольные в плане башни: северо-западный — Иоанна Лествичника, юго-западный — Феодора Стратилата, юго-восточный — Двенадцати Апостолов и северо-восточный — Семидесяти Апостолов. Каждый придел завершается бочкообразной кровлей, над которой на глухом барабане высится луковичная главка с восьмиконечным крестом. Входы в приделы устроены в толще южной стены.

Неотъемлемой частью собора, определявшей его архитектурный облик в XVI—XVII веках, были паперти, лестницы, звонница, деревянно-каменные переходы. В 1602 году в южной части паперти Спасо-Преображенского собора была построена книгохранительная палата, и помещалась там до второй половины XVIII века, когда была переведена в специально выстроенное помещение у западного фасада колокольни². Существующая каменная пристройка, которая окружает собор с северной и западной сторон, сформировалась в результате многократных переделок XVIII—XIX веков.

1.4.3. Каменные переходы

В 1602 году главные храмы обители были объединены каменными переходами. Основание переходов сложено из

¹ Аналогичный прием использован при строительстве Троицкого храма в Троице-Сергиевой лавре.

² В конце XVII века в монастырской библиотеке имелось более полутора тысяч томов книг. Это была богословская и богослужебная литература, церковная публицистика, книги по церковному и гражданскому праву, сборники церковно-назидательного характера, литература светского содержания. К середине 30-х годов XIX столетия библиотека насчитывала 2532 печатных и 1004 рукописных книги. Большая часть книг была вывезена из монастыря в связи с ожидавшимся в 1854 году нападением англичан. Ныне основное книжное собрание монастыря находится в государственной публичной библиотеке в Санкт-Петербурге.

валунов. В основании сделаны сквозные арки, одна из которых впоследствии была забрана кирпичом, и подклеты. Поверху шла открытая галерея, над которой на кирпичных сводах была устроена тесовая кровля на два ската. Переходы не только связали в единое целое главные храмы монастыря, но и, будучи выполнены в той же технике, что и крепостные стены, обеспечили единство восприятия всего архитектурного комплекса монастыря.

В 1796 году столбы и парапеты ограждения галереи были частично разобраны при расширении трапезной и соборной папертей, открытые пространства между столбами заложены кирпичом, сделаны окна, у колокольни переход надстроен. В 1826–1827 годах галерея и паперть собора были расписаны «хорошею живописью с изображением патерических и аллегорических духовных повестей» (архим. Досифей).

Ныне северная часть переходов восстановлена по состоянию на начало XVII века. Южную часть предполагается оставить в том виде, в каком она была сделана в XIX веке.

Паперть Спасо-Преображенского собора

1.4.4. Росписи

На западном фасаде Преображенского собора в закомарах сохранились росписи. Они появились в XVII веке, либо, самое позднее, в начале XVIII века. В описи 1705 года о них говорится: «С западной стороны тоя церкви в четырех закомаринах писано настенным письмом образ Преображения... да образ Благовещения... да образ преподобных Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев, да образ Филиппа Митрополита, да Германа Чудотворца».

1.4.5. Каменные плиты с надписями при входе на паперть

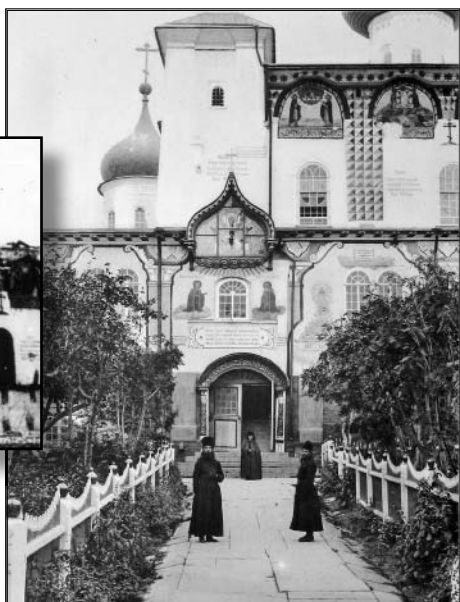
Обе надписи относились к большой иконе Знамения Божией Матери, помещавшейся над западным входом в собор и пораженной английским ядром во время бомбардировки монастыря 7 июля 1854 года.

Надпись на гранитной плите слева от входа на паперть Спасо-Преображенского собора: «Сию едину рану сотвориша в Богоспасаемой обители сей корабли англов, иже нападаху на ны в лето от создания мира 7362, от воплощения же Бога Слова 1854, в 6 и 7 дни месяца иулия. Се бысть последнее оружие их прелетевшее сверху стен обители и приразися к честней иконе, егда начат петися вечернее бдение празднества Пресвятыя Богородицы честныя иконы Ея Казанския. Вемы, Владычице, яко язвою Твоею от язв спасохомся, и сего ради со слезами припадаем к честней иконе Твоей, от нечестия врагов пострадавшей, лобызающе и взывающе: Пробави, Владычице, милость Твою на ны и на всю Землю Русскую, и споборствуй Благочестивейшему Государю нашему Императору Николаю Павловичу на языки брани хотящему, омраченная же сердца врагов наших просвети и обрати, мир умири молитвами Твоими. 1854. АА¹. Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою».

¹ Архимандрит Александр.

*Росписи в закомагах
до и после пожара 1923 г.*

Надпись на гранитной плите справа от входа на паперть Спасо-Преображенского собора: «И другую рану благоволила Матерь Божия принять за спасение всех и на сей Свой образ при бомбардировании обители англичанами Июля 7 дня, 1854 года, по прошествии почти годичного времени, Июля 12 дня, 1855 года — найдена за сим образом чугунная граната 36-фунтового калибра с механическою трубкою и двумя фунтами пороху, которая, влетевши с левой стороны под крышу, приразилась к задней стороне к подножию образа и здесь остановилась без разрыва, обозначив свое приращение и на лицевой стороне отпадением красок и штукатурки. О Пресвятая Дево, Мати Божия! Видеша очи наши Твою помощь и заступление, язвами бо Твоими спасохомся недостойнии от обышедших ны видимых зол и бед; молим Тя, крепким Твоим воеводством побори и победи не видимые полки сатанины, непрестанно нападающие на ны, исхити и свободи от порабощения их и неприступны и страшны нас тем покажи. На Тебе, Богородице, надеемся, Тобою хвалимся и Тебе поем песнь Аллилуиа».

1.5. Головецкое сидение

В 1646 году при дворе царя Алексея Михайловича сложился кружок «боголюбцев», или «ревнителей» благочестия во главе с настоятелем Благовещенского собора в Московском Кремле Стефаном Вонифатьевым¹. Главная цель кружка состояла в оздоровлении церковной и духовно-нравственной жизни русского общества после Смутного времени. Хотя русское благочестие и живая вера XVII века достойны были всякого восхищения, однако невежество помрачило чистоту нашего древнего вероучения изобретением новых, неизвестных Церкви, догматов²; обезобразило величественный чин богослужения искажением богослужебных книг и обрядов³, многогласием в пении и чтении. Причём, быстро обнаружилось, что установить верное и отбросить нелепости и ошибки, противоречащие уставу и духу Церкви, в России чрезвычайно трудно. Даже соборного определения было недостаточно – «своим» не верили. Требовался авторитетный богословский разбор, опирающийся на тысячелетний богословско-литургический опыт Вселенской Церкви, выстраданный в острейшей борьбе с ересями. Кроме того, после падения Византии Русь осталась единственной православной мировой державой – Третьим Римом, и ощущала ответственность за судьбу «Рима

¹ В кружок входили: постельничий (с 1655 года – окольничий) Федор Михайлович Ртицев, смоленский дворянин Симеон Потемкин, глава печатного двора князь А.М. Львов, игумен Макарьевского Желтоводского монастыря Иларион, игумен Московского Златоустовского монастыря Феоктист, настоятель Казанского собора на Красной площади Иван Неронов, протопопы: костромской Даниил, муромский Логин, темниковский Даниил, юрьевский Аввакум. Из членов кружка особым расположением царя и царского духовника С. Вонифатьева пользовался Новоспасский архимандрит (с 1649 года – Митрополит Новгородский, с июля 1652 года – Патриарх Московский и Всея Руси) Никон.

² Например, обычай преподносить мирянам святое причастие тросекратно во образ Святой Троицы, упраздненный при патриархе Филарете.

³ Так архимандрит Троице-Сергиевой Лавры Дионисий был осужден, как еретик, за попытку исправить в русском Требнике молитву в чине великого освящения воды: «Освятити воду сию Духом Святым и огнем». Он исключил слова «и огнем». [16, .170; 17, с. 39] Лишь патриарх иерусалимский Феофан, поставивший патриарха Филарета, смог убедить русских, что слова «и огнем» действительно ошибка.

Второго» – всех древних православных народов¹. Стремление царской власти к политическому единству с православным Востоком подразумевало единство религиозное. Поэтому при патриархе Иосифе дело исправления русских книг и обрядов в пользу греческих приобрело статус государственного. [13, с. 79]. Уже тогда среди «ревнителей» наметились разногласия: бояре Ртищев и Морозов придерживались взглядов царя и о. Стефана Вонифатьева о необходимости единения с Греческой церковью. Неронов, Аввакум, Лазарь и Даниил полагали, что достаточно лишь исправления нравов, отмены многогласия, введения живой проповеди, исправления некоторых богослужебных книг согласно древним русским книгам. Греческую православную учёность и богослужебную практику они совершенно отвергали, считая современных греков людьми крайне неблагочестивыми². Никон вначале поддерживал эту точку зрения, но, разобравшись глубже, понял, что «поместная Церковь есть только часть единой Вселенской Церкви, что между частями этой Церкви должно быть каноническое общение и согласование» [14, с. 218].

После того, как 25 июля 1652 года Новгородский Митрополит Никон, «собинный³ друг» царя Алексея Михайловича, был поставлен Патриархом Московским и всея Руси, правильное устройство церковной жизни в России стало его непосредственной обязанностью. Из грамот Константинопольского Патриарха Иеремии и Собора Греческого на имя первого Русского Патриарха Иова, Патриарх Никон знал какое страшное осуждение грозит за

¹ 27 января 1649 года прибывший в Москву патриарх иерусалимский Паисий заявил на приёме у государя: «Пресвятая Троица... да сподобит вас восприяти превысочайший престол великого царя Костантина... да будещи новый Моисей, да освободиши нас от пленения» [17, с. 44].

² После Флорентийской церковной унии (1439) и захвата Константинополя турками (1453) русские считали, что истинное христианство осталось только на Руси. Все, что исходило от живших под бусурманским игом греков, считалось позорительным и ложным. Греческие богослужебные книги, например, по словам уже упоминавшегося Арсения Суханова, были исполнены «латинских ересей». Наиболее рельефно идея исключительности Руси, как хранительницы православия и наследницы Византии, была выражена в начале XVI века в писаниях старца Филофея о Москве – Третьем Риме.

³ Особенно близкий друг. Так именовал Патриарха Никона сам царь Алексей Михайлович.

каждое нововведение в чине православной Церкви. Поэтому, когда на древнем саккосе Митрополита Фотия, присланном из Греции, он прочел подлинный Символ веры, то ужаснулся, увидев, что с ним не сходен Символ в Русских печатных книгах, а равно и чин тогдашней литургии разнился с древнейшими списками оной. Никон, как предстоятель Церкви, не мог не считать себя ответчиком пред Богом, - вот исходная точка его ревности по приведению всего богослужбного чина Русской Церкви в согласие с чином Вселенской Церкви. Патриарх Никон совершил то, на что был призван и что до него не смогли сделать все бывшие Митрополиты и Патриархи Московские с 1464 по 1652 год. [15, с.564–570].

Все решения об исправлении книг и обрядов принимались соборно. Собор, состоявшийся в 1654 (27 февраля – 2 мая ст.ст.) не только признал необходимость исправления книг, но и утвердил правило, как вести это исправление: «Достойно и праведно исправить против харатейных (рукописных) и греческих» [18, с. 83]. Для этого было собрано более 2700 книг, к которым прибавились книги, привезенные из Греции старцем Арсением Сухановым. Также на специальный собор 1656 года (23 апреля – 2 июня ст. ст.) Святейший Никон вынес рассмотрение перевода книги «Скрижаль», содержащей духовное толкование богослужения. Понимание догматического и таинственного смысла литургии, церковных священнодействий и обрядов освобождало от рабского следования «букве» и исключало возможность ошибок при выборе между старо и новопечатными книгами. Отцы Собора Русской Церкви признали книгу не только «непорочной», но и «достойной всякой похвалы и удивления, и много благодарили Бога за такое безценное сокровище» [18, с. 105]. Этот же собор постановил правило о троеперстии в крестном знамении и изрек письменное проклятие на неповинующихся учению Церкви [18, с. 106], подтвердив первую анафему на последователей двуперстия, произнесенную в Успенском соборе 24 февраля 1656 года в неделю Православия патриархами Антиохийским Макарием, Сербским Гавриилом и митрополитом Никейским Григорием [18, с. 106].

В августе 1657 года на Соловки были присланы новоисправленные служебники. Под влиянием архимандрита Илии черный собор, не вникая в существо исправлений и опасаясь якобы содержащихся в них «многих ересей и новшеств лукавых», определил их как «писание слуг антихристовых, ересь латинскую» и приговорил: новые служебники отставить, а службу править по-прежнему, как при Чудотворцах правили. 8 июня 1658 года братия скрепила соборный приговор поручными записями. Монастырь вступил в противоборство с официальной Церковью, а следовательно, — с государством. Немедленной реакции не последовало, так как в это время Никон, не снимая с себя патриаршего сана, удалился от дел, а фактически возглавивший Церковь Алексей Михайлович был слишком занят внешней политикой, в частности, войной с Речью Посполитой, а также делом Никона.

Будучи Патриархом, Никон принимал все меры к тому, чтобы в Русской Церкви не произошло раскола. В частности, при условии послушания Церкви, разрешал служить и по старым книгам, допуская разность мнений в вещах, не затрагивающих существа веры. Митрополит Макарий пишет, что «если бы Никон не оставил кафедры, раскола в Русской Церкви не было бы» [18, с. 119]. Предвидел ли сам Патриарх Никон все печальные последствия своего ухода, была ли у него в тот момент возможность ещё послужить Русской Церкви в качестве умелого кормчего, исторические документы убедительного ответа пока дать не могут.

О причине своего ухода от правления Патриарх Никон написал в своем знаменитом «Возражении или разорении» [18, с. 201]: «царь знал, что гневается на меня без правды... Я говорил, что иду из Москвы от немилосердия государя, пусть ему будет просторнее без меня; а то, гневаясь на меня, он не ходит в церковь, не исполняет своих обещаний, данных при нашем избрании на патриаршество, отнял себе суд церковный, велел судить нас самих и всех архиереев и духовный чин приказным людям». Царь именовал себя владыкою всех вещей, а Патриарху следовало «послушным ему быти, яко сущему в большем достоинстве и наместнику Божию». Понимая

губительность подобных притязаний, Патриарх Никон также сознавал, что открытое сопротивление царской власти со стороны духовной власти может вызвать в России смуту, разрушающую религиозную основу русского бытия – любовь народа к Церкви-матушке и царю-батюшке. «После длительных молитвенных размышлений он выбрал единственно возможный для себя путь: незаконным притязаниям не подчиняться, в открытое противостояние не вступать; указывая на нетерпимость положения, рассчитывая на отрезвление и покаяние светской власти, оставить кафедру Московского первосвятителя и удалиться в Воскресенский монастырь» [19, с. 400].

В отсутствие Патриарха царь Алексей Михайлович по существу возглавил управление церковными делами. Предшествующая его деятельность: принятие Соборного Уложения (1649), ограничивавшего монастырское землевладение и уничтожавшего церковную юрисдикцию церковных людей по гражданским и уголовным делам¹; активное участие царя в никоновской реформе и жестокие преследования ее противников; набравшая силу тенденция к секуляризации общественной жизни; активизация международных контактов Руси (общение с еретиками – латинянами и лютеранами), – все это давало соловецким монахам повод к недоверию царю в вопросах благочестия. Поэтому смута в Соловецком монастыре, не будучи подавленной в самом начале, набирала силу. Тому было несколько причин: во-первых, сохранение древнего благочестия для соловецких монахов означало строгое и неуклонное следование уставу, завещанному святыми основателями, то есть к любым переменам отношение было подозрительное; во-вторых, малообразованное духовенство не желало служить по новым книгам: «старик и по старым книгам едва читают, а по новым, сколько ни учиться, не навикнуть будет» [15, с. 599]; в-третьих, в начале XVII века для соловецких монахов военное дело было «за обычай», и они

¹ В частности, это означало, что монастырские власти, рядовые монахи и население монастырских вотчин по всем гражданским и уголовным делам должны были судиться светским судом. В результате (помимо моральных издержек) монастырь нес серьезный материальный урон, лишаясь судебных пошлин – одной из крупных и постоянных статей дохода

могли взяться за оружие, отстаивая своё право независимо решать свои духовные и мирские дела; в-четвертых, в то время в монастыре находилось множество ссыльных как раз по делу исправления книг и обрядов (начальник печатного двора при патриархе Иосифе князь Львов, Арсений Грек, бывший царский духовник и архимандрит Саввино-Сторожевского монастыря Никанор, беглые сообщники волжского разбойника Разина).

Между прочим, ещё будучи Митрополитом Новгородским (апрель 1649 – июль 1652), Никон пытался исправлять известные ему беспорядки в Соловецкой обители: запретил рыбный стол по субботам и воскресениям в Великий пост и во всю страстную седмицу; под угрозой запрещения велел делать раздаточные просфоры не из ржаной, а из пшеничной муки; запретил в монастыре хмельное питье; а также потребовал ужесточить режим содержания ссыльных и заточенных, «вы им даете свободу, а потому от тех ссыльных бесчинников бывают большие смуты» [5, с. 90]. Развитие событий показало, что неисполнение последнего распоряжения имело особенно печальные последствия.

Заметим, что реформа не затрагивала основ православного вероучения: она лишь приводила форму (обряды) в соответствие с содержанием (догматикой). К числу наиболее значительных преобразований относились: замена двоеперстия троеперстием при совершении крестного знамения; перемена формы креста: вместо «трисоставного» (восьмиконечного) с изображением Распятия — «двоечастный» (четыреконечный); перемена хождения по солнцу («посолонь») на хождение против солнца при совершении чинов крещения, венчания, во время крестных ходов и т.д.; сокращение числа просфор с 7 до 5 для проскомидии (в начале литургии). Из книжных исправлений: изменение написания имени Христа (Иисус вместо Исус). Замена текста в «Символе Веры»: до Никона — «Господа Истинного и Животворящего», «Его же Царствию несть конца», после Никона — «Господа Животворящего», «Его же Царствию не будет конца». В конце пения псалма вместо дважды пов-

торяемого слова «аллилуиа» («сугубая аллилуиа») введение трехкратного его повторения («трегубая аллилуиа»), были упразднены земные поклоны (коленное метание) на молитве Ефрема Сирина, и т.д.

Неприятие обрядовых изменений в Соловецком монастыре во многом определялось позицией архимандрита Илии¹. Многие священнослужители (Василий, Кирилл, Исидор, Никон, Спиридон и Герман [5, с. 93]) не разделяли его точку зрения и в 1658 году послали патриарху грамоту, в которой свидетельствовали, что они желали бы служить по новым службникам, а архимандрит и посмотреть их не дал и силой заставил приложить руки к соборному определению о неприятии новых службников. То есть, в монастыре были люди, искренне пытавшиеся найти истину. В Соловецкой библиотеке хранилась рукопись, писанная Герасимом Фирсовым, в которой были собраны свидетельства как в пользу двуперстия, так и троеперстия.

Архимандрит Илия скончался в 1659 г. На место его братия избрала постриженника своего же монастыря — иеромонаха Варфоломея, который жил тогда в звании приказного старца на Соловецком подворье в Вологде. В марте 1660 г., на Вербное воскресенье, Варфоломей поставлен был в Москве в сан архимандрита Новгородским митрополитом Макарием, и затем присутствовал на происходившем тогда Соборе по делу патриарха Никона до самого окончания Собора, и подписался под его решением, так что мог отправиться в свою обитель только в конце августа. Но и новый настоятель Соловецкого монастыря ничего не мог сделать против общего приговора братии, состоявшегося 8 июня 1658 г., о неприятии новопечатных Службников. 22 октября 1661 года он успел было составить вместе со всеми священниками и со всей братией монастыря на черном Соборе новый приговор, чтобы по

¹ Он явно сочувствовал противникам исправления книг. Когда протопоп Иоанн Неронов с тремя духовными детьми бежал 10 августа 1655 года из Кандакашского монастыря, Илия с честью принял их в монастыре, трапезовал с ними и снабдил всем необходимым на дорогу. «Страдальче, одолевай биемый!» — сказал он ему на прощание. Патриарх Никон, узнав об этом, запретил архимандрита Илию к священнослужению.

примеру соборной церкви в Москве и всех обителей ввести и в Соловецком монастыре «пение наречное» и впредь совершать службы по новоисправленным печатным книгам, только этот приговор остался мертвою буквою и вовсе не исполнялся, как и обнаружилось чрез некоторое время.

В начале 1663 г., едва только архимандрит Варфоломей отправился по монастырским делам в Москву, в обители произошла великая смута из-за того, что 7 февраля при совершении литургии священниками Варламом и Геронтием «дьякон Евангелие чел без свечи, и пелены на аналое не было, и святыни де пономарь не возносил на заамвонной молитве» [20, т. 3, с.19-23]. Особенно нападали все на уставщика иеромонаха Геронтия, обвиняя его, будто он приходил к келарю и просил новых Службеников, все еще находившихся в монастырском казнохранилище, чтобы по ним служить. И грозили его камением побить, несмотря на клятвенные удостоверения Геронтия, что у него «ни в уме, ни в помышлении того никогда не бывало, чтобы желать новых Службеников: кое мне приобретение спасению, что желати нового? Довлеет мне на спасение последовать преданию преподобных чудотворцев» [20, т. 3, с.20]. Сохранилось письмо иеромонаха Геронтия в Москву к строителю Иосифу об учиненных на него, Геронтия, наветах (от 15 февраля 1663 года). Для нас это письмо - замечательное свидетельство о духовной обстановке в монастыре, показывающее с какой легкостью возникают слухи и смуты через тех, кто небрежет бороться против козней врага рода человеческого и первого клеветника. Тон письма тёплый и искренний, так как адресовано оно духовному отцу: «Государю моему батюшку, священноиноку Иосифу, сын твой духовной убогий поп Геронтий...». Желая открыть свою душевную скорбь и прося молитв, Геронтий рассказывает о происхождении «новизн» в служении литургии 7 февраля. Пономарь Игнатий Драницын не приготовил заранее покрывала на аналой. «И как учал дьякон Евангелие чести (читать) и пономарь хватился пелены на аналой, и пелены сыскать не мог, а в кое время пономарь пелену искал, и в ту пору дьякон Евангелие и прочел, и с свечею у Евангелия пономарю стоять не дошло ж, и

после того, как заамвонную молитву стал Варлаам священник говорить, и пономарь с святынею выйти не успел. И того ж дня приходили к келарю слуги: Григорей Чорной, Сидор Хломыга с товарищи, били челом на меня, будто я тою божественную литургию служил поновому... И я у келаря и у казначея милости просил со слезами, чтоб мужикам мятежникам не поверили, велели сыскать допряма, а они порадовались моему безвременью... От их несправедного сыску учинился о мне мятеж и гил великой, и говорят, что я служил по-новому, и за то хотели меня побить камением, и окошко сенное заклали калом человеческим. И не выходил из кельи до возвращения архимандрита Варфоломея... И ныне за грехи своя не по делу всем монастырем возненавиден, аки враг Божий. И ныне, Государь, от безмерных кручины и печали я слег, свету Божия не могу видети, и молю твое преподобие, помолися обо мне всецелому Богу, чтоб Господь Бог такую вражью бурю на мя восстающую укротил, и тех мятежников и убийц сердца на кротость преложил» [20, т. 3, с.36-39].

Смута была прекращена тем, что архимандрит, получив известия о происшедшем и от келаря и от Геронтия, поспешил возвратиться с дороги в обитель и учинил сыск. В результате разбирательства невиновность иеромонаха Геронтия была доказана. Пономарь признался, что все изменения в служении литургии произошли из-за его нерасторопности, а когда стоявшие в Благовещенском храме стали его о том спрашивать, он сказал, что уставщик Геронтий велел ему так служить. В этой лжи он каялся и просил прощения. Келарь же Савватий, имевший какое-то неудовольствие на Геронтия, дал ход этой лжи. То есть из-за мелких человеческих страстишек вспыхнул огонь мятежа, о котором архимандрит Варфоломей пишет с опасением: «неведомо, чему было бы и быть; только Бог умирил на колико время» [20, т. 3, с.35]. Главной жертвой смуты оказался иеромонах Геронтий, который вел себя истинно по-монашески и о главном своем преследователе келаре писал: «помилуй его Бог и должен (я) за него молити Бога» [20, т. 3, с.35].

Наказав, по расследовании дела, виновников смуты, архимандрит Варфоломей составил вместе со всеми священ-

никами и диаконами монастыря приговор (16 февраля 1663 г.), чтобы «впредь от них возмущения никакого не было и никаких чинов нововводных», а кто из них станет вводить какие-либо новые чины без государева указа и святительского повеления или укорять другого нововводными чинами и того не докажет, тех смирать монастырским жестоким смирением; если даже сам архимандрит станет превращать церковные чины и вводить новые без государя и святительского веления, то и архимандриту священники должны смело говорить о том, а если не послушается, то писать на него Новгородскому митрополиту. После такого приговора о введении в Соловецком монастыре новых Службеников вместо доселе употреблявшихся старых нечего было и думать, хотя приговор, не без намерения изложенный в таких общих чертах, по букве вовсе не касался новых Службеников.

В 1666 году архимандрит Варфоломей был вызван в Москву для участия в соборе, низложившем Патриарха Никона, но, как ни парадоксально, непреложно утвердившем плоды пастырских трудов его¹. С Варфоломеем была послана челобитная (первая, от 14 февраля 1666 года), которую подписали келарь Савватий с братией и приключившиеся на острове миряне, просившие царя «церковных чинов не переменять», подписи архимандрита под челобитной не было.

Зато архимандрит Варфоломей подписался под соборным деянием, в котором служение по новым книгам признавалось обязательным. Когда об этом узнали на Соловках, оппозиционная Варфоломею группа монахов и мирян отстранила от дел ставленников его — келаря Савватия и казначея Варсонофия, мотивируя это тем, что «они нас оскорбляют всяким жестоким и бесчеловечным оскорблением, священников и дьяконов и рядовую братию напрасно плетью бьют без милости, и в тюрьмы глухие в цепях сажают, и голодом

¹ Собор принял сделанные Патриархом Никоном исправления в богослужебных книгах и обрядах; постановил правило о неподсудности духовенства мирским судьям; изрек строгий суд на нарушителей уставов церкви; умолил царя и пастырей устроить училища для духовного просвещения; отстоял даже позицию Патриарха Никона в его споре с царем об ограничении царской власти в делах церковных: в результате споров было определено, что «царь имеет преимущество в политических делах, а Патриарх в церковных».

морят, и выняв из тюрьмы, ограбя донага и платье сняв, безмилостивно и бесчеловечно высылают из монастыря вон напрасно». Мятажники били челом царю утвердить настоятелем бывшего Саввинского (в Звенигороде) архимандрита Никанора¹. Однако в Москве челобитчиков посадили под стражу, а в монастырь по повелению царя и Вселенских патриархов было послано «Соборное повеление о приятии новоисправленных книг и чинов», его вез архимандрит Спасо-Ярославского монастыря Сергей. О нем в «Жизнеописании патриарха Никона» И. Шушерин пишет: «Сергий был муж гордый, якоже древний фараон, и велеречивый». Поэтому он не только не смог умирить Соловецкую братию, но даже усилил смуту. Когда в Преображенском храме он зачитал братии царский указ и наказ освященного Собора, раздались крики: «мы указу великого государя послушны и во всем ему повинujemyся, а повеления о Символе веры, о сложении трех перстов для крестного знамения, о трегубой аллилуйе, о молитве «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас» и о новоисправленных печатных книгах не приемлем, и слышать не хотим, и готовы все пострадать единодушно» [18, с. 332; 20, т. 3, с. 145]. Тут бывший архимандрит Саввы Сторожевского монастыря Никанор, подняв высоко руку со сложенными тремя перстами, стал говорить, что учение о сложении трех перстов для крестного знамения есть предание латинское,

¹ Постриженник Соловецкого монастыря (до 1640 г.). В 1644–1653 годах был книгохранителем. В 1653 г. поставлен строителем подворья в Вологде, но вскоре наречен был братией в архимандрию Соловецкого монастыря вместо неугодного Илии, но неожиданно поставлен был настоятелем Саввино-Сторожевского монастыря, то есть духовным советником царя Алексея Михайловича. С 1660 года находился на покое в Соловецком монастыре и вместе со старцем Герасимом Фирсовым составлял партию враждебную архимандриту Варфоломею, на которого в 1666 году старец Герасим с князем Михайлом Львовым и с братией написали донос, прося назначить в архимандрию Никанора. В 1667 году отправился в Москву вместе с архимандритом Сергием, чтобы ходатайствовать за Соловецких старцев. На соборе он изложил раскаяние в заблуждении и обещал стоять за истину, так что на соборе предполагали даже поручить ему заведование духовными делами в Соловецком монастыре «во еже увещевати Соловецкие отцы к покорению патриарху и к принятию новоисправленных книг». Однако, на самом деле, Никанор намеревался усилить смуту. Возвращаясь в монастырь вместе с бывшим настоятелем Варфоломеем и вновь назначенным Иосифом, он послал братии письмо, в котором призывал «Иосифа в архимандрию не принимать и под благословение к нему не ходить» [20, с. 99-100].

что это печать антихристова, и что он готов ехать в Москву и за всех пострадать. Поднялся неистовый крик. Архимандрит Сергей едва уговорил братию выбрать кого-нибудь, с кем можно было бы говорить благочинно о деле. Братия указали на черного попа Геронтия, который не участвуя в борьбе за власть в монастыре, твердо придерживался старых обрядов¹. Тот сразу стал приводить известные и опровергнутые уже в Москве мнения раскольников: зачем отняли «Сына Божия» в молитве «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас» и про аллилуйя трижды. Опять поднялся шум. На вопросы архимандрита Сергея считают ли они царя и Собор православными и благочестивыми соловчане отвечали утвердительно, но повеление Собора принимать отказывались: «Повеления их не хулим, но новых веры и учения не принимаем, держимся предания Святых чудотворцев и за их предание все готовы умереть охотно» [18, с. 333; 20, т. 3, с. 152–160]. Единственным результатом приезда архимандрита Сергея² была увезенная им «Сказка»³ и посланная челобитная (вторая, сентябрь 1666 года), которую первым подписал архимандрит Никанор, затем братия и миряне. Они во всем обещали покориться царской власти, просили лишь: «не вели, государь, ему священноархимандриту Сергию, прародителей твоих государевых, благоверных царей и благочестивых великих князей, и начальников наших великих чудотворцев, преподобных и богоносных отец Зосимы и Савватия и Германа и преосвященного Филиппа, митропо-

¹ Хотя впервые его подпись появляется только под четвертой челобитной.

² Сергей оставался в монастыре с 4 по 11 октября 1666 года. Причем у кельи, в которой он проживал, был выставлен караул. Сопровождавших Сергея стрельцов тоже взяли под стражу, и они имели все основания опасаться за свои жизни: караульщики рассуждали вслух, что неплохо бы тех стрельцов «побить камнем» — «посланы де они от антихриста прельщати нас».

³ [20, т.3, с.152-160] «Скаска соловецких иноков, поданная архимандриту Сергию 6 октября 1666 г». Подписана она за келаря Азария черным попом Леонтием, Саввы Чудотворца Сторожевского монастыря бывшим архимандритом Никоном, черным попом Геронтием и т. д. В ней впервые обсуждаются те исправления, о которых говорится в разосланном от собора 1666 года «Наставлении благочестия церковного» [20, т.2, с.120-144]. Далее во всех челобитных изложение мнимых отступлений от веры только слегка видоизменяется и дополняется. Писана эта сказка, очевидно, тем же Геронтием, выбранным для беседы с архимандритом Сергием.

лита Московского и всея Руси предания нарушать» [20, т.3, с.160—164] и вновь жаловались на архимандрита Варфоломея и просили поставить Никанора¹.

Первоначально московские церковные и светские власти пытались разрешить конфликт мирным путем: вызванного в Москву в том же феврале 1667 г. Никанора встретили как архимандрита, он отказался от прежних взглядов, однако притворно, т. к., вернувшись в монастырь, раскаялся вторично, «с раскольники вчинися». Архимандритом же назначили Иосифа, «келейного брата» и единомышленника Варфоломея. Когда Иосиф вместе с архимандритами Варфоломеем (для сдачи и приема дел) и Никанором (которому было определено «здесь жить на покое») прибыли к Заяцкому острову, в монастыре был Собор, принимать ли архимандритов. И решили принять с честью и радостью, если «по старому учнут служить, а буде ли станет служить по новому, и нам де он, архимандрит Иосиф, в монастыре не надобен... сиди де у нас в келии, а в монастыре и в церкви ничего не ведай». Архимандрит Иосиф не отступил от позиции Собора (хотя имел основания даже опасаться за свою жизнь), поэтому под благословение к нему не подходили - даже его бывший духовный сын Геронтий, выбранный к тому времени казначеем. 15 сентября 1667 года старец Геронтий сам читал в соборной церкви перед всей братией Патриаршие отписную и настольную грамоты, и сам вместе с келарем сказал: «нам де ты в архимандриты не надобен с такою службою, как написано в грамоте». Архимандрит Иосиф пытался братию вразумить, чтобы они послушались указа Великого Государя и Вселенских Патриархов, но казначей и вся братия с великим шумом ему отказали: «нам де ты архимандрит не надобен, сиди де в келии» [20, т.3, с.276—282].

Архимандрит Никанор, выждав в Архангельске пока без него, хотя и по его письму, будет отвергнут архимандрит Иосиф, 20 сентября прибыл в монастырь. Он объявил, что ему по-прежнему велено быть в монастыре на покое, о своем покаянии перед Собором [20, т.3, с.199—201] и о послушании Соловецкой братии Собору ничего не сказал. Сказал, что клобук «рогатый»

¹ Последнюю жалобу подписал и Геронтий, хотя он прежде противником Варфоломея не был. Вскоре братия выбрали казначеем самовольно, не бив челом царю.

на него надели силой. А когда братия напомнили, что в Москву его посылали, «чтоб ты Великому Государю заступник смел за нас стоял, а ты к нам что привез, неведомо умом», он отвечал: «Сами де поедете к Москве и про то отведаете» [20, т.3, с.282].

По поводу этих событий в Москву был послан старец Кирилл Чаплин со следующей челобитной (четвертой): «Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу, всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержцу бьют челом богомольцы твои, Соловецкого монастыря келарь Азарий, казначей Геронтий, и священники, и дияконы, и соборные чернцы, и вся рядовая и больничная братия, и служки и трудники все. В нынешнем, государь, во 7176-м (1668)¹ году, сентября в 15 день, по твоему, великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержца, указу и по благословению и по грамотам святейшего патриарха Иоасафа Московского и всея Руссии, и преосвященного Питирима, митрополита Новгородского и Великолуцкого, прислан к нам в Соловецкий монастырь в архимариты, на Варфоломеево место архимарита, нашего монастыря постриженник священноинок Иосиф. А велено ему служить у нас по новым Службникам, а мы, богомольцы твои, предания апостольского и святых отец изменить отнюдь не смеем, бояся Царя царствующих и страшного от Него прещення и хощем все скончаться в старой вере, в которой отец твой государев, благоверный государь, царь и великий князь Михайло Федорович всея Руссии и прочие благоверные цари и великие князи богоугодно препроводиша дни свои. Понеже, государь, та прежняя наша христианская вера известна всем нам, что богоугодна, и святых Господу Богу угодило в ней многое множество, и вселенские патриархи Иеремия и Феофан, и прочие палестинские власти книг наших русских и веры православные ни в чем до сего времени не хулили, наипаче же и до конца тое нашу православную веру похвалили, и тем их свидетельством известно надеемся в день Страшного суда пред Самым Господом Богом не осуждены быти, наипаче же

¹ По современному летоисчислению это был сентябрь 1667 года, так как тогда год начинался в сентябре.

и милость получить. Милосердный государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержец! Молим твою, великого государя, благочестивую державу и плачемся все со слезами, помилуй нас, нищих своих богомольцев и сирот, не вели, государь, у нас предания и чину преподобных отец Зосимы и Саватия переменить! Повели, государь, нам быти в той же нашей старой вере, в которой отец твой государев и все благоверные цари и великие князи и отцы наши скончались, и преподобные отцы Зосима и Саватий, и Герман, и Филипп митрополит и все святии отцы угодили Богу. Аще ли ты, великий государь наш, помазанник Божий, нам в прежней, святыми отцы преданной, в старой вере быти не благоволишь и книги переменить изволишь, милости у тебя, государя, просим: помилуй нас, не вели, государь, больше того к нам учителей присылать напрасно, понеже отнюдь не будем прежней своей православной вере переменить. И вели, государь, на нас свой меч прислать царский и от сего мятежного жития преселити нас на оное безмятежное и вечное житие. А мы тебе, великому государю, не противны. Ей, государь, от всея души у тебя, великого государя, милости о сем просим и все с покаянием и с восприятием на себя великого ангельского чину на той смертный час готовы. Великий государь царь, смилуйся — пожалуй!»

Архимандрита Иосифа выслали из обители в «безгодное» зимнее время, и он обосновался в Сумском остроге, сосредоточив в своих руках управление вотчиной. Мятежную братию возглавил архимандрит Никанор.

22 сентября 1667 года царю была отправлена известная «Соловецкая челобитная», составленная казначеем Геронтием [20, т.3, с.213-276]. В основу её были положены старые раскольничьи челобитные Лазаря и Никиты. Содержание её сводилось к тому, что были повторены все старообрядческие доказательства неправоты новой веры и канонические достоинства веры старой. Прежде всего Геронтий обратил все усилия своего ума на то, чтоб опровергнуть корректурные исправления в новых книгах. Вот образчик этих опровержений: в новых книгах написано в молитве «Царю небесный, Утешителю, Душе

истины», а не истинный, как в прежних книгах; две буквы «н» и «й» отъяли из истинный и вышло, что Дух Святой не вполне истинный, а только сопричастен истине [20, т.3, с.238]. Исчислив такого рода поправки, Соловецкая челобитная приходит к такому общему заключению: «Також и прочее церковное пение заутреню и вечерню, и повечерню, и полунощницу, и молебны и панихиды, и вкратце сказать, весь чин и устав, всё, что содержит церковь Божия, то всё переменили, и книги напечатали не по преданию святых отец и всю православную христианскую веру испревратили на свой разум. А указывают они, государь, на старые книги, и говорят, что де в греческих книгах так написано, и печатают с них без рассмотрения, только бы было согласно с греческими книгами, а этими греческими книгами они православную веру до толика истребили, будто и след православия в твоём государстве, Российском царствии до сего времени не именовался, учат нас ныне новой вере, яко же Мордву или Черемисов» [20, т.3, с.245]. Попрежнему на словах изъяснялась смиренность: «повели, государь, прислать на нас свой царский меч и преселить нас от сего мятежного жития на безмятежное и вечное» [5, с. 101].

Ответ последовал на четвертую челобитную. 23 декабря 1667 г. были направлены две отдельные грамоты соловецким старцам, а также «слугам и служебникам» монастыря с предложением покориться, а 27 декабря 1667 г. был издан царский указ, означавший начало блокады монастыря за «противство» и «непослушание» светским и церковным властям, святейшим Вселенским патриархам. Вуказе предписывалось «Соловецкого монастыря вотчинные села, и деревни, и соляные и всякие промыслы, и на Москве и в городах дворы со всякими заводы и с запасы, и соль отписать на нас, великого государя, и из тех сел, и из деревень, и ото всяких промыслов денег, и хлебных всяких запасов, и соли, и всяких покупок с Москвы и из городов в тот монастырь пропускать не велели». Эти же предписания были повторены и в апреле 1668 г.: не разрешать отправлять в монастырь его хлебные запасы, присланные из Вологды и хранящиеся в амбарах в Холмогорах, а послать их в монастырские соляные промыслы для работных людей.

Тогда же в 1668 году Вселенскими Патриархами была написана грамота архимандриту Иосифу с проклятием Соловецких мятежников (келаря Азария с братией и архимандрита Никанора): за «непокорение ко Святей Церкви, и к Великому Государю нашему и к нам Патриархом, и за ложь на Святую Церковь, и на православную нашу христианскую веру, и на Великого Государя нашего, и за лживое их писание мы, православные Патриарси и весь освященный Собор, тех непокорников предаем анафеме, сиречь вечному проклятию, кроме тех, которые вскоре обратятся ко Святей Церкви с чистым покаянием» [20, т.3, с.292-296].

Весной 1668 г. на Соловки прибыл стряпчий Игнатий Волохов с небольшим отрядом стрельцов (несколько более 100 человек). В ответ монастырь «заперся», что было началом его «сидения». По-видимому, в первый период царь Алексей Михайлович надеялся взять монастырь измором и устрашением, блокировав доставку продовольствия и других необходимых запасов, однако ее полному осуществлению препятствовали и природные условия, и связи монастыря с населением, оказывавшим поддержку прежде всего доставкой продовольствия. Волохову, помимо блокады, вменялось «промышлять над непослушниками, смотря по тамошнему делу, всякими мерами».

Однако с теми силами, которыми располагал И. Волохов, «промышлять» над неприступной островной крепостью нечего было и думать¹. Даже организация полной блокады островов оказалась делом невозможным. Осажденные не

¹ В подчинении у Волохова находилось 100 сумских, 25 кемских да несколько московских стрельцов. Численность восставших была гораздо больше. 19 июля 1674 года (т.е. на седьмой год осады) вышедший из монастыря старец Пахомий показывал: «Братии всей в монастыре с 300 человек». Осажденные имели серьезное преимущество в вооружении: в крепости имелось (по описи 1676 года) 65 пушек и 14 крепостных пищалей; ручниц и мушкетов — 637; карабинов — 27; пистолей — 25; сабель — 149; копий и бердышей — 334; луков — 74; самострелов 45; после взятия монастыря в оружейной службе было найдено также боевого запаса: олова — 10 фунтов; пуль свинцовых — 24 пуда 20 фунтов; ядер разных — 4.279 штук; свинца — 741 пуд 20 фунтов; пороху — 397 пудов 20 фунтов; продовольствия в амбарах обнаружено: ржи, пшеницы, ячменя и овса — 5.477 четвертей (701 тонна: 1 четверть — 8 пудов, т.е. 128 кг); муки — 1.430 четвертей (183 тонны); круп разных — 136 четвертей (17,5 тонны); коровьего масла — 99 пудов 20 фунтов; меду — 20 пудов; толокно, солод, горох и проч.

утратили связей с внешним миром: на Анзере покупали рыбу, кемляне доставляли в обитель масло, привозили продукты крестьяне многих других волостей. Восставшие пользовались авторитетом, сочувствием и поддержкой у поморского населения. На них смотрели как на «сидельцев за Христово имя и Спасительный Крест».

Численно среди сидельцев преобладали бельцы — более четырех сотен московских стрельцов и донских казаков и боярских беглых холопей и крестьян, были разных государств иноземцы — «свийские немцы, и поляки, и турки, и татаровя». Да «в разиновчину» пришли «многие капитоны¹, чернцы и белцы из понизовых² городов». В монастыре, по словам старца Пахомия, «всякому злу корень собрались».

Очевидно, бельцы играли заметную роль в руководстве восстанием: перебежчики называли царским следователям имена «мирских пущих заботчиков» — Исачко Воронина, Хрисанфко Бороду, Сашко Васильева, Коземку Вараксу, Никифора Камышина, Коземку Хромого, прибывших «из Разина полку» Фадейку Кожевникова, Ивашку Сарафанова и других. Надо думать, не без участия этих искушенных в военном деле бельцов была организована караульная служба, налажено обучение сидельцев огневому бою, устроены окопы и земляной вал перед Никольской башней, надрублены раскаты (деревянные стены) на сушиле и проч. Однако и монахам военное ремесло было «за обычей».

Невежественность мятежников особенно проявилась 7-го марта 1669 года, когда они изорвали и сожгли более двухсот книг, а на оставшихся сделали раскольничьи приписки. Неповрежденными сохранились «Лавсаик», который читал преподобный Зосима, и в котором молитва Иисусова была написана так, как её повелевает творить святая церковь: «Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас»; и часослов, принадлежавший святителю Филиппу, в котором предписывалось троекратно говорить «аллилуия, аллилуия, аллилуия, слава Тебе, Боже» [5, с. 103].

¹ Приверженцы ереси Капитона Даниловского, отрицавшего институт священства, некоторые таинства и проповедовавшего изуверский аскетизм.

² Т.е. расположенных в среднем течении Волги.

Авторитетным руководителем восстания был архимандрит Никанор. Близко к нему стояли келари Азарий¹, Мисаил и Нафанаил², ризничий Вениамин, городничие старцы Протасий и Дорофей, головщик старец Матвей³, черный поп Леонтий⁴ и другие монахи.

Позиция сидельцев — и бельцов, и монахов — была однозначной: «Мы, — заявляли они, — по новоисправленным книгам петь и говорить отнюдь не хотим и за то де мы хотим помереть все единодушно». Весьма сильными среди восставших были антиправительственные настроения. Уже упоминавшийся старец Пахомий на допросах показывал: «воры де называют Соловецкий монастырь своим монастырем, а Великого Государя землю называют только по монастырь». И «остров де наш», говорили восставшие, а «не Великого Государя».

Действия Игнатия Волохова на протяжении 1668-1671 годов едва ли можно квалифицировать как осаду монастыря. Лето 1668 года было посвящено стоянию на Заяцком острове; точно так же прошло и лето 1669 года. Приготовляясь к длительному сопротивлению, мятежники в июле 1669 года выслали из монастыря содержащихся там в заключении: греческого митрополита Макария, чернеца Герасима, попа Козьму, чернеца Иова Салтыкова, сына боярского Осипа Пирюгина. В июне 1670 года под монастырем произошла стычка, во время которой был убит один стрелец и двое ранены; потери восставших — трое убитых и двое раненых. На следующее лето военных действий вообще не было.

Гораздо больше Волохова занимало выяснение отношений с архимандритом Иосифом. Стряпчий и настоятель слали в Москву доносы друг на друга. Волохов писал, что у Иосифа к правительству «малая правда», что он в осажденный монастырь отправляет тайно «воровские письма», что состоящие при нем монахи — все бражники, пьяные ходят по деревням и Государевы запасы «на воровство» приносят бабам и т.д.

¹ В марте 1669 года Азарий организовал сожжение новопечатных службников. В сентябре того же года попал в плен.

² Один из наиболее яростных противников молитвы за царя.

³ «Говорил про Великого Государя неистовые слова».

⁴ «Даже молебен на том пел, что за Великого Государя Бога не молить».

Иосиф в свою очередь отписывал, что Волохов «над соловецкими мятежниками промыслу никакого не чинит», все время проводит в Сумском остроге, разоряет «для своей корысти» монастырских крестьян, грозит оклеветать («огласить напрасно») перед Государем архимандрита и т.п. В Москве не знали, кому и верить. В конце концов дошло до безобразия: 16 марта 1672 года во время обедни приключилась драка — Волохов в церкви принародно архимандрита Иосифа «бил и за бороду драл и, оковав, держал в тюрьме многое время». Правительство вынуждено было обоих отозвать в Москву. На место Иосифа был назначен старец Иоиль, на место Волохова — голова Московских стрельцов Клементий Иевлев.

Конец июня и весь июль 1672 года К. Иевлев простоял на Заяцком острове. Только с прибытием в августе отряда двинских стрельцов (500 человек) было совершено несколько набегов в окрестности монастыря. Стрельцы пожгли стоявшие за оградой строения, вырезали скот и на зиму удалились в Сумской острог, откуда Иевлев жаловался царю на то, что у него «не стало пороху и свинцу», что «двинским сотникам ратное дело не за обычай», а стрельцы «пехотному строю не учены» и т.д.

К. Иевлеву предписывалось «как мочно потеснить» монастырь, но при этом «ратных людей, стрельцов и иных по наряду для приступов к Соловецкому монастырю не посылать, и никакого воинского промыслу над монастырем не чинить, кроме того что у монастыря заставы учинить крепкие, чтобы отнюдь из монастыря никто ни с чем, также в монастырь тайно и явно не ездили». А паче того рекомендовалось действовать убеждением, пытаться склонить мятежников к сдаче путем переговоров, за что правительство обещало (12 мая 1673 года) бунтовщикам «прежние их вины отдать» [5, с. 106; 20, т.3, с.317, 318].

Лето 1673 года также не принесло К. Иевлеву сколько-нибудь заметного успеха. Больше того, двинские стрельцы учинили бунт, едва не прибив своего начальника, посылавшего ратных людей на приступы без боевого запаса, от чего ратные люди несли большие потери. После бунта, едва избежав

расправы, Иевлев бил челом царю об освобождении его от должности. 6 сентября 1673 года на смену Иевлеву был послан воевода Иван Алексеевич Мещеринов, а с ним начальные люди иноземцы Степан Келен, да Гаврила Буш.

28 декабря 1673 года в монастыре было решено «за Великого Государя богомолье отставить», — тягчайшее по тем временам государственное преступление. Однако вряд ли стоит переоценивать его значение: монастырь и до принятия этого решения уже пять лет воевал с правительством.

4 июня 1674¹ года И.А. Мещеринов высадился на Большом Соловецком острове и направил в монастырь посольство, которое было тут же посажено под караул. К этому времени конфронтация обители с властями зашла слишком далеко. Пощады, даже в случае добровольной сдачи, ждать не приходилось. Восставшие, вероятно, были наслышаны о жестоких расправах над разинцами, тем более, что, как свидетельствовал старец Иосиф, летом 1671 года «из Разина полку приезжали в Соловецкий монастырь».

О происходившем в то время внутри монастыря известно из «роспросных речей» 1674 г. [20, т.3, с.323-345]. 17 сентября добровольно вышли из монастыря иеромонахи Митрофан и Амвросий и белец Июдка Иванов сын Рогуев², а также были высланы мятежниками иеромонахи Геронтий и Павел, и старцы Варлаам³, Дионисий и Манасия, да 20 сентября вышел трудник Васка Кириловщина. На вопросы: повинуются ли они Великому Государю и Церкви и от кого бунт учинился, — иеромонах Митрофан⁴ говорил: «В Соловецком... монастыре мятеж учинился о новоисправленных печатных книгах от черного священника Геронтья, да от бывшего Савина монастыря архимандрита Никанора, да от келаря Азарья, да от служки Фадюшки Бородина с товарищи... а которые... их братья, священники, и старцы, и служебники, к их мятежу не приставали... и из монас-

¹ В 1674 году в монастыре было 200 братии и 300 бельцов, а с начала осады умерло и убито 33 человека.

² Иеромонахи Митрофан и Амвросий вышли через бойницу Никольской башни, где Июдка, духовный сын Амвросия, стоял на карауле.

³ Пострижен 37 лет назад, новоисправленные книги и обряды принимает, за что его 16 недель морили голодом в тюрьме.

⁴ Пострижен и поставлен в иеромонахи 17 лет назад.

тыря просились, и они... мятежники, их из монастыря не выпустили. А стрельба... зачалась от Никанора архимандрита да от служки Фадюшки Бородина с товарищи; и он... Никанор, по башням ходит безпрестанно, и пушки кадит, и водою кропит, и им говорит: «Матушки-де мои галаночки, надежда-де у нас на вас; вы-де нас обороните» ...а Геронтей о стрельбе запрещал и стрелять не велел». Так же вел себя и послушник Геронтия старец Манассия. Никанор же благословлял защитников обители ни на минуту не прекращать стрельбы, советовал высматривать в трубу воеводу: «и как усмотрите и вы по нем стреляйте, как поразим пастыря, ратные люди раздутся аки овцы».

Иеромонах Павел¹ повторил показания Митрофана, в том числе и слова Никанора о «пушечках-галаночках» и добавил, что Святых Таин не причащался Никанор лет пять, а начало «бунта» и «мятежа» отнес ко времени приезда архимандрита Сергия, т. е. еще к 1666 г. Это подтверждается и показаниями стрельцов, сопровождавших архимандрита Сергия: они слышали, как в монастыре «мирские люди» говорили о том, что находящихся вне монастыря стрельцов надо захватить и камнем побить. Все допрошенные выходцы из монастыря 1674 г. единодушно отделяли позицию Геронтия в вопросе о вооруженной борьбе, назвав его лишь среди «заводчиков» восстания, но не организаторов «стрельбы»: «Бунт и мятеж завелся с приезде архимандрита Сергия, от Никанора и Геронтия; а стрельба началась от Никанора, Азария и Фадейки Бородина». И иеромонах Митрофан и иеромонах Павел говорили об обострении противоречий внутри монастыря. 28 сентября 1673 г. «был у них в Соловецком монастыре черный Собор, чтоб за великого государя богомоліе оставить». Но священники продолжали молиться за царя. 16 сентября 1674 г. состоялся новый Собор, среди участников которого произошел бунт. Сотники Исачко и Самко угрожали келарю Азарию, что они прекратят свою военную службу («ружье на стену положили») из-за того, что «они, воры, за великого государя священником Бога молить не велели, а священники их не слушают и за великого государя Бога молят, а они... воры,

¹ Пострижен 20 лет назад.

того слышать не хотят... а про великого... государя говорят такие слова, что не только написать, но и помыслить страшно. И сели... они, воры, в монастыре на смерть, сдать ся некоторыми дела не хотят». После этого из монастыря были высланы содержащиеся в заключении в жестоких условиях противники вооруженной борьбы, которые и давали вышеупомянутые показания воеводе И. Мещеринову.

Среди «роспросных речей» особенно интересны показания Геронтия, автора последних Соловецких челобитных. Он был среди тех, кого «мятежники» выпустили из тюрьмы и выслали из монастыря после «черного Собора» 16 сентября 1674 г. О себе он сказал, что родом из Чебоксар, мирское имя его Григорий Иванович Рязанов, что отец его подьячий в Чебоксарах. В Соловецкий монастырь пришел и постригся в 1650 году. На вопрос об организаторах мятежа он ответил иначе, чем другие: мятеж учинился «от всей братии и от служебников»; заявил, что «челобитную писал по братскому велению, и на скамью в трапезе становился, и выписки братии и служебником их чел и их спрашивал, любы ли? и братия и служебники сказали, что всем любы; а что его вторым Златоустом называли, того не упомнит; а к челобитной де братия и служебники и руки приложили». Если в показаниях других допрашиваемых он предстает как противник лишь «стрелбы», т. е. вооруженной борьбы, то сам он заявил, что был и против всякого сопротивления, против того, чтобы «запирать» монастырь; даже написал об этом «приговор»: «А он... Геронтей, о стрелбе запрещал и в монастыре запираяться не велел, и его... воры за то держали в тюрьме и мучили и по се число; и приговор о том он написал, что против государевых ратных людей не биться, и тот приговор был у келаря Азарья». Слова Геронтия о том, что он «не велел» не только стрелять, но и «в монастыре запираяться», подтвердил «трудник» Василий Карпов сын Кириловщина. Эта позиция «непротивления», занятая в самом начале восстания группой сторонников Геронтия (ее состав и количество неизвестны), отчетливо предстает и в той части показаний Геронтия, которая относится уже к 1674 г. Геронтий признал себя виновным («а перед Великим Государем он во всем виноват»), однако заявил, что в немолении не участвовал («и будучи в Соловецком монас-

тыре, за него, Великого Государя, Бога молил, и ныне молит, и впредь молить должен»); заявил о своей преданности Церкви («и соборной и апостольской Церкви по соборному и святых отец преданию последует»). Однако он не отказался от прежних убеждений: «А новоисправленных печатных книг, без свидетельства с древними харатейными книгами, слушать ему и тремя персты крест на себе вообразати сумнительно, и боится Страшного суда Божия, и хочет он о тех новоисправленных книгах и о кресте достоверное уверение и свидетельство с древними харатейными книгами восприяти от преосвященного Иоакима, митрополита Новгородскаго и Великолуцкаго»; митрополит якобы призывал к себе Геронтия, но его не отпустили из монастыря. Геронтий, как и прежде, надеялся на мирное разрешение конфликта путем прений и переговоров. Иеромонах Митрофан показал, что «черных де священников Геронтия да Павла, да старцев Варлама и Дионисия, воры держат в тюрьме за то, что они за Великого Государя Бога молить велят, а стрелять им вора́м не велят».

Всех принявших нынешние предания соборной и апостольской Церкви Мещеринов отправил в Сумской острог под начало старца Игнатия, а священника Геронтия и послушника его старца Манассию, придерживавшихся старых преданий, оковав, посадил в тюрьму до царского указа. Дальнейшая их судьба не известна.

Поскольку затянувшийся бунт изрядно надоел правительству, Мещеринову был дан наказ, чтобы он с Соловецкого острова без Государева разрешения «отнюдь не отходил» и чтобы «мятеж искоренил вскоре». Адресованная воеводе царская грамота заканчивалась выразительной припиской: «А буде ты, Иван, с Соловецкого острова, без нашего Великого Государя указа, впредь сойдешь, и за то тебе учинена будет смертная казнь».

Летом 1674 года И. Мещеринов устроил раскаты с пушками вокруг монастыря. 25 июля стрелецкий отряд майора С. Келена штурмом взял шанцы (окопы) у Никольской башни. Все попытки восставших отбить шанцы закончились неудачно. И. Мещеринов хотел отвести воду из Святого озера, но нехватка рабочих рук не позволила этого сделать.

«Малолюдство», недостаток артиллерии, боезапаса, провианта вынудили воеводу, разрушив свои укрепления под мо-

настырскими стенами, удалиться в конце сентября на материк. Когда об этом узнали в Москве, Мещеринова в специальной грамоте отчитали за самовольство, велели вернуться на остров и еще раз предупредили: «А если ты вскоре к Соловецкому монастырю на остров не пойдешь и промысел учнешь чинить нерадетельно, и тебе, Ивану, быть за то в смертной казни». Царская грамота повелевала «над соловецкими ворами и изменниками чинить промысел, не испустя времени, и во всяком ратном деле чинить промысел неотложно и со всяким радением».

К зиме 1674/75 годов И. Мещеринову удалось установить довольно жесткую блокаду монастыря. Подвоз свежих продуктов прекратился, не хватало дров, среди осажденных началась цинга. Несмотря на усилившиеся тяготы осады, сидельцы продолжали укреплять оборону. Башни и ворота обнесли рогатками, в местах возможных приступов положили доски с набитыми гвоздями (чтобы доски нельзя было убрать, их приколотили к земле деревянными сваями), усилили караулы на башнях — до 30 человек на каждой, и у ворот — до 20 человек. Все, потенциально склонные к измене, были изолированы.

В конце мая 1675 года Мещеринов вновь высадился в Долгой губе Большого Соловецкого острова. Не изжитое «малолюдство» (при воеводе было всего 185 стрельцов) не позволило сразу атаковать монастырь. Лето прошло в мелких стычках с осажденными, в строительстве батарей, городков и раскатов, по высоте равнявшихся стенам крепости. С раскатов можно было обстреливать монастырь из пушек, которых, однако, у Мещеринова было мало, не было и пушкарей, пороха, ядер. Все это было прислано воеводе только в сентябре¹.

С прибытием подкреплений осадные работы оживились. Однако разрушить крепостную стену артиллерия не могла.

¹ Из Москвы было прислано 100 пудов пороха, 300 ядер и проч. Прибыло также 157 стрельцов с Двины и Великого Устюга. Однако Мещеринов продолжал жаловаться на малолюдство. С 4 июня по 22 октября 1675 года воевода потерял 32 человека убитыми и 80 ранеными. В стрелецком отряде было 50 больных да 72 человека «старых и малых», а также неспособных к воинскому промыслу. Мещеринов писал: «А на караулы, Государь, и на работу ходят 895 человек». Этого было совершенно не достаточно для успешного ведения осадных работ, тем более для штурма. Сколько-нибудь полных данных о потерях восставших до момента падения монастыря нет.

Безрезультатными оказались попытки подкопов под угловые башни. Тщетными были лобовые атаки. Одна из них имела место 23 декабря 1675 года у Сельдяных ворот. Штурмовавший ворота стрелецкий отряд понес потери — 36 человек убитых и раненых — и отступил. Погиб ротмистр Степан Потапов.

Между тем положение осажденных продолжало ухудшаться. Бежавшие из монастыря на допросах показывали: «в городе многие воры чернецы и бельцы от крепкие осады оцинжали и многие лежат больны, а иные и померли». Как упоминалось выше, никто из иеромонахов не поддержал вооружённого сопротивления и не пожелал оставить молитвы за царя, к чему их принуждали мятежники. Никанор утешал восставших: «мы и без священников проживем». Бунтовщики перестали ходить в церковь, умирали без покаяния и были погребаемы без молитв. Впрочем, в монастыре оставалось некоторое количество иноков, не желавших участвовать в вооруженном сопротивлении, продолжавших молиться за царя и искавших случая избавиться от власти мирских бунтовщиков.

Летом 1676 года Мещеринов готовился к решительному штурму. Он со 185 стрельцами устроил 13 батарей вокруг монастыря, стал вести подкопы под башни. В августе прибыло к нему ещё 800 стрельцов. Однако приступом взять монастырскую крепость ему не удалось.

8 ноября 1677 года в лагерь к Мещеринову вышел из монастыря чернец Феоктист, предварительно «высмотря в монастыре всякие городовые крепости и причинные места, где б над ними, ворами... промысел учинить». Предложенный Феоктистом план сводился к следующему: за час до рассвета, когда ночные караулы уходят, а на стенах на постах остается по одному человеку, отряд стрельцов должен через «пролаз» в сушиле проникнуть в монастырь и, перебив стражу, открыть ворота. И. Мещеринов долго не решался осуществить этот замысел, однако бесплодность осадных усилий побудила воеводу к действиям по плану Феоктиста.

В ночь на 22 января 1677 года, «егда быша буря, мраз и метель велия... Феоктист с воями... един по едину вхождаху в полату сушилennую, дондеже всю наполни воями, и шед-

ше разломаху запоры, и врата отверзи, преда обитель в руке Мещеринова и воинов впусти в обитель» [21].

Восставшие были захвачены врасплох. Озлобленные стрельцы перебили почти всех. В живых из пятисот сидельцев осталось только 60 человек, которых подвергли жестоким пыткам и казнили¹. Архимандрит Никанор после допроса был избит воеводой, а затем, связанный по рукам и ногам, брошен в ров, где пролежал всю ночь в одной рубашке, а наутро помер.

Восьмилетнее «сидение» подорвало и духовную, и экономическую мощь монастыря. После мещериновского погрома в монастыре осталось только 14 монахов, а было их не менее 200 человек, в начале сидения — того больше. Из бельцов (числом 300 человек) не уцелел никто². Численность казненных и оставшихся в живых достоверно не известна. В раскольничьих синодиках упоминается до 33-х имен «страдальцев Соловецких». Среди них, кроме архимандрита Никанора, ни одного иеромонаха или иеродиакона, а только 16 иноков да 16 бельцов. Погибшие в годы восстания сидельцы снискали огромную популярность у населения Русского Севера, их поминали как мучеников. По рукам ходили списки «Повести о отцах и страдальцах Соловецких» Семена Денисова [21]³, многих других произведений. Популярность «сидельцев»

¹ «Воевода, — писал Семен Денисов, — зельною яростию воскипев, смерти и казни различные уготовав, повесити сия завещав: овья за выи, овья за нозе, овья и множайшия междореврия острым железом прорезавше, и крюком продевше, на нем обесити каждого на своем крюке; иные же от отцев зверосердечный мучитель на нозе вервию оцепивше, к конным хвостам привязывати повеле и безмилостивно влачили по отоку, дондеже души испустят».

² Помимо людских потерь монастырь понес и огромный материальный ущерб. И.А. Мещеринов ограбил обитель. Он взял себе много икон в ценных окладах и складней, церковных облачений, печатных и рукописных книг, серебряной, медной и оловянной посуды, слюды, собольих и куньих мехов, несколько пушек, пищалей, порохов, часы, несколько пудов железа, конскую сбрую. Некоторые монахи, чтобы сохранить жизнь, давали воеводе крупные взятки: черный поп Леонтий дал своих 850 рублей, да 150 рублей из казны, да боевые гирные часы, да шубу соболью. Феоктист притащил из казенной палаты четыре мешка денег, да посуду серебряную, да часы, да шубу. По приказу царя Феодора Алексеевича зверосердечный и корыстолюбивый воевода был посажен под караул. Только в августе 1678 года, возвратив монастырю награбленное, Мещеринов смог выехать в Москву.

³ Церковно-историческая критика произведения Денисова, пытавшегося изобразить бунтовщиков страдальцами за веру, приведена в истории Соловецкого монастыря [5, с. 108-112].

среди простого народа объясняется тем, что уже во второй половине XVII века в церковной и государственной жизни России проявляются тенденции, которые реализовались позднее в царствование Петра I и были закреплены законодательно. Церковь была лишена первостоятеля – патриарха – и низведена до уровня государственного департамента, древнее благочестие и национальные традиции осмеивались, образцом для подражания служила рационалистичная и потому материалистичная Европа. В этих условиях «старая вера» становилась символом устремления горé, к Небесному Иерусалиму, к Святой Руси в противовес государственной императорской политике, тяготевшей к воплощению идеалов языческого Рима. Печально, что старообрядцы не распознали в Патриархе Никоне своего вернейшего союзника в борьбе за чистоту православной веры.

Для восстановления и благоустройства Соловецкой обители, по указу царя Феодора Алексеевича и благословению Патриарха Иоакима, были поставлены: настоятелем – архимандрит Макарий из Тихвинского монастыря, келарем – Иларион, казначеем – Феодосий из Сийского монастыря, должность экклесиарха (уставшика) три года исполнял благоговейный Игнатий Корсаков, из рода царских стольников Римских-Корсаковых, впоследствии ставший митрополитом Тобольским. Свидетельства последнего особенно интересны, так как он оказался в монастыре непосредственно после восстания. В посланиях к Сибирской пастве своей Преосвященный Игнатий пишет о Соловецких жителях, составивших челобитную: «от Аввакумовых и Лазаревых арменоподражательных¹ учеников прибегоша нецци на море, на остров Соловецкий; и тако оную Святую обитель Спасову, и Пресвятыя Богородицы, и преподобных отец Зосимы и Савватия Соловецких со всем братством возмутиша, еже и слово не может изъяснити» [20, ч. III, с. 237–238].

К тому же «прибегоша в тую же обитель окаянного бо-гоотступника и чародея, донскаго казака и атамана Стеньки

¹ Имеется в виду, что армяне также придерживались дуперстного крестного знамения.

Разина с помощники воры из Астрахани; а егда во обитель внидоша, тогда бо уже и братству, иноком и бельцем, волю всю отъяша, и поставиша себе начальником Фадейка Кожевника да Ивашка Сарафанова, и начаша быти во всем противны не только Святой Церкви хулами, но и благочестиваго царя не восхотеша себе в государя имети». Эти же беглые казаки призывали стоять за истинную веру и не креститься тремя перстами, на самом же деле они выжидали момент, чтобы перебить братство и похитить богатство обители.

На эти свидетельства человека, подвизавшегося в Соловецкой обители непосредственно после мятежа, опирается его тезка Преосвященный Игнатий Семенов (1791–1850), который, будучи епископом Олонецким (1828–1841), много усилий приложил для искоренения раскола. Он искреннейшим образом постарался разобраться в причинах Соловецкой смуты. Первоначально он предполагал, что если так поступили «Соловецкие старцы, то сделали это, частию, по свойственной им и общей тогдашнему времени простоте, частию и из ревности, хотя совсем не по разуму, и что, может быть, на тот раз даже не имели они вовсе способов узнать истину в памятниках древности, по неимению или незнанию таких памятников в монастыре своем» [22, с. VI]. Однако вскоре сподобил его Бог посетить «святый Синай морской», как именует он Соловецкую обитель. В монастырской библиотеке он обнаружил опись 1676, из которой «легко видеть можно, что вещи и книги, кои объясняют истинно старые обряды Веры и верность исправления Церковных наших книг, были тогда в Соловках» [22, с. VII]. Он приводит ссылки на эти книги, а архимандрит Иларий, управлявший тогда обителью, в предисловии обещает каждому желающему эти книги предъявить. Далее Преосвященный Игнатий обращает внимание на самих челобитчиков келаря Азария и казначея Геронтия, которые избраны были, вопреки законному порядку, на самое время заговора «самовольством без Великого Государя указу». Они намеренно захотели действовать без главы братства – архимандрита. Анализируя происходившее в обители на основании первоисточников, то есть пользуясь архивными материалами

Соловецкой обители, на которые обычно ссылались раскольники, Преосвященный Игнатий доказал неопровержимо, что «челобитная Соловецкой обители», которая служила главным козырем в руках раскольников, была составлена вовсе не Соловецким монастырем. «Челобитная, какова подана Великому Государю в Москве в 176 году¹: а) не есть челобитная «Соловецкого монастыря», б) не «братства Соловецкого служек всех», но в) воровская прелесть» и, г) что еще хуже, «скоп и заговор» не только против монастыря или закона, но и ... против Высочайшей власти Государя, составленный несколькими мятежниками, пришельцами и ссыльными, с чистою ложью» [22, с. 18]. Далее подробно показывается, что в основу так называемой «челобитной Соловецкой обители» положена ходившая тогда по рукам Никитина челобитная, за которую он давал ответ на соборе в марте 1666 года².

Итак, Игнатий митрополит Тобольский и Игнатий архиепископ Воронежский снимают с Соловецкой братии ответственность за смуту, говоря о захвате власти некими пришельцами. В отношении вооруженного сопротивления царским войскам с этим мнением можно согласиться, хотя духовным его вдохновителем был, несомненно, Никанор – Соловецкий постриженник. Чтобы понять, что же помешало Соловецким старцам устоять в истине, обратимся к весьма поучительному опровержению самой Соловецкой челобитной, написанному Юрием Крижаничем³. Его сочинение совершенно лишено какой-бы то ни было пристрастности. Он слышал о Соловецкой обители и даже «издавна желал у вас пребывать и вашими святыми молитвами спасаться. О том бо zde в Сибири и чело-

¹ В октябре месяце 7176 года от сотворения мира или в 1668 году от Рождества Христова.

² Текст этой челобитной приведен в [20, т.4, ч.1, с.1] «Суздальского соборного попа Никиты Константиновича Добрынина (Пустосвята) челобитная царю Алексею Михайловичу на книгу «Скрижаль» и новоисправленные церковные книги». По собственным Никитиным словам он составлял свою челобитную семь лет и давал другим читать выписки из неё.

³ Н.И. Костомаров о нем пишет: «В то время, когда киевские монахи приносили с собою в Москву свою церковную ученость, с узкими схоластическими взглядами и отжившими свое время предрассудками, в области умственного труда в России явился человек с светлою головою, превосходивший современников широтою взгляда, основательностью образования и многосторонними сведениями. Это был Юрий

битье подавал и много молил: да бы мя Великий Государь велел к вам превести» [23, с. 43]. Поэтому, когда ему в руки попала Соловецкая челобитная, он, сознавая себя «недостойным и последним в человецех», решился «из чистей любви» напомнить Соловецким отцам вещи ими хорошо знаемые, но в пылу страстей забытые, а именно:

1) Единственным критерием истины в вопросах веры, когда логические доказательства бессильны, является соборное мнение Церкви, так как через Соборную и Апостольскую Церковь «всегда и присно и безсумненно говорит Святой Дух». Церкви дано обещание: врата ада (то есть ереси и всякие дьявольские козни) не одолеют её. «Како вы мните, - обращается Крижанич к соловчанам, - что Церковь вся есть заблудила, и ни единого в

Крижанич (1617-1683).» Родом хорват, он, владея в совершенстве, кроме своего родного языка, немецким, латинским, итальянским, греческим и русским, получил, по-видимому, наилучшее в то время богословское и юридическое образование в Риме и занимался проблемой унии применительно к своему отечеству. Изучая долгое время историю церкви и составив даже «Всеобщую библиотеку схизматиков», он пришел, наконец, ко взглядам, которые по своей высоте расходились с узкими воззрениями как сторонников римской пропаганды, так и их противников. Крижанич уразумел, что вековой спор между восточной и западной церковью проистекает не из самой религии, а из мирских политических причин, из соперничества двух древних народов — греков и римлян - за земную власть, за титулы. Таким образом, вопрос о разделении церквей есть исключительно вопрос греков и римлян, а к славянам не должен относиться. Нечего им мешаться в чужую распрю. Славяне не должны из-за них чинить раздора между собою и защищать чужие привилегии, чужую верховную власть, а должны знать единое царство духовное, единую церковь, не имеющую рубежей, распространению во всем свете. Крижанич пришел к убеждению, что весь славянский мир должен сделаться единым обществом, единым народом. Он, между прочим, оставил после себя грамматику особого им созданного всеславянского языка, называя его «русским» потому, что Русь есть корень всего славянства. Он поступил на службу к Русскому царю в 1659 году. 20 января 1661 года Крижанича по неизвестной причине сослали в Тобольск, но не в качестве опального, а с тем, чтоб быть у государевых дел, у каких пристойно. Ему положили жалованья семь рублей с полтиною в месяц. Крижанич пробыл в ссылке шестнадцать лет, не терял присутствия духа и написал там самые замечательные свои сочинения. По смерти царя Алексея Михайловича, 5 марта 1676 года, Крижанич, получив царское прощение, возвратился в Москву и был назначен в Посольский приказ переводчиком. В 1678 он уехал из России с датским посольством Ф. фон Габеля. Вскоре он принял монашество в доминиканском монастыре в Вильно, где занимался составлением на латинском языке «Истории Сибири» - пособия для миссионерской деятельности доминиканцев. В 1682 году Крижанич был направлен в Рим, однако по пути задержан в Варшаве и оставлен в качестве священника в армии польского короля Яна Собеского. В 1683 Юрий Крижанич был убит в битве с турками под Веной.

ней нет правоверного архиерея? ... Хотя бы вы и всего мира имели мудрость, и всех Святых Отец богословие имели, и все то не было бы достаточным для вашей дерзости к Соборной Церкви осуждению» [23, с. 87, 71].

2) Возникает вопрос, а возможно ли спасение для отсекших себя от Соборной Церкви? Крижанич отвечает отрицательно: «Поведите(скажите) нам в каковой церкви вы есте? В Соловецкой или у ваших единоумников (единомышленников) в Сибирской? ... Какова бо Церковь может быти, в ней же нет пастырей и святителей, а скоро не будет и священников? Когда бо помрут ваши ныне живущие священники, кто вам хочет других посвятити? ... Вы есте яко люторцы (лютеране) и отвечаєте: епископы да иереи нам не суть надобны. Мы бо вси есма Святым Духом на крещение освящены и вси есма иереи и епископы. Тако вы, отцы из Христовы Церкви в люторову синагогу иступисте. И, аще не образумитесь, спастися вам нет мощно (невозможно)» [23, с. 88-89].

3) Особенно тщательно увещевает Крижанич соловчан прекратить сеяние раздора, ибо, если кто «и мало расколство учинит, тамо восстает гнев Божий и меч ярости, и пребывающим в том конец – мука вечная». Он обращается к зачинщикам со словами: «О, честнии отцы Назарие и Геронтие, вы поставлены назидать братию, а вы раздираете». И цитирует Иоанна Златоуста: «ничтоже да не может Церкви тако разделяти, како властолюбие. Ничто же Бога тако на гнев не побуждает, како церковный раздор. Хотя несчетна сделаем добра дела, аще пресекаем полноту Церкви, не меньшею имеем прияти казнь, неже они, иже тело Его торгаша (продавали) и мучиша» [23, с. 124].

4) Словами Златоуста Крижанич наконец обличает главную слабость (или страсть) расколоучителей – властолюбие. По духовным законам нельзя даже желать учительства, а тем более самовольно учительствовать. «Аще кто не умеет бороться с врагами, и пленять всякий разум в покорность Христу, таков да будет далеко пред-

стояти от учительского престола» [23, с. 70]. Кто ставил вождей раскола учить народ, царя и всю Соборную Церковь правой вере? Крижанич вопрошает [23, с. 128]: «Аще речете (если говорите): «Не Церковь, но Бог сам нас послал», – покажите нам едину, хоть малу, того Божия послания печать. Каково чудесное Господне дело или знамение и каково апостольское житие можете вы показать в себе, или в Никите, или в Лазаре, или в Аввакуме, или во всей своей дружине? Колико (сколько) бесов изгнаете? Колико недужных оздравите (исцелили)? Колико мертвецов возбудите (воскресили)?» Крижанич лично знал инициаторов раскола и святости в них не видел. Он встречался с Аввакумом¹ и видел его высокомерие и боязнь оскверниться от «неверных». Жил он немало времени вместе с Лазарем в Тобольске и говорил ему: «Отче Лазаре, как можем устроение Церкви исправляти, если сами тако неисправны, что и басни срамotны баем и улицы нам хмельным бывают тесны». Крижаничу не хотелось бы о грехах ближних говорить, но он считает нужным показать, кому люди хотят вверить свои души и чье учение полагают в основание своего спасения.

5) «Глава же вашего прельщения, о честнии отцы, и всего вашего завода (дела) основание, есть едино невежество, **что вы не умеете молитвы и обычая церковного разлучити от веры**, и вы мните: молитву премени и веру премени, то бы все едино» [23, с. 140]. Действительно, Русь получила чин церковного Богослужения от Византии, в основном, уже установившимся, поэтому форма Богослужения воспринималась как Благодарованная и неизменная. Крижанич напоминает, что от апостольских времен и литургийные чины менялись (литургия апостола Иакова оставлена, но и никак не осуждена, а составлена

¹ Встреча была характерная: Аввакум, возвращаясь из Даурии в Москву через Тобольск, хотел видеть Крижанича. Крижанич, войдя к нему, сказал: «Благослови, отче!» Аввакум закричал ему: «Не подходи, скажи: какой ты веры?» Крижанич отвечал: «Я верую во все то, во что верует Святая Апостольская Церковь, и священническое благословение принимаю в честь. О вере готов объясняться перед архиереем, а перед тобою, который сам подвергся сомнению в вере, мне широко говорить нечего. Если не хочешь благословить, благословит Бог, а ты оставайся с Богом».

была литургия Василия Великого и сокращена Иоанном Златоустом), и Символ веры изменялся (Никейский на Никео-Цареградский) соборным постановлением, и епископам дозволялось иметь семью и в священники ставили не женатых. «А вы об том не тужите, а тужите об третьей аллилуйи, и об согбении перстов и об иных таковых меньших и спора недостойных вещах. Тако чиняху фарисеицы: большие вещи презираху, а об малых велику скорбь ношаху. За то к ним велит Спаситель: «Водци (вожди) слепии, комара отцежаете, а вельбуда пожираете» [23, с. 164]. И далее Крижанич замечательно определяет веру как грань между неверием и суеверием: «Права вера или благочестие стоит насред (посреди): держит праву веру. А неверность блудит налево по скудости. Мнит не быти греха, там где есть грех. А преверность (или суеверие) блудит надесно (направо) по избытку: верует бо в лишнее, его же недостойт веровати. Мнит быти грех, там где нет греха. Таков бяше квас фарисейский. Об вас пророковал Исаия: сии люди устнами мя почитают, а сердце их далеко от мене» [23, с. 166].

б) «О, солнце, о, истина, како люди от тебе очи замижают (закрывают)», – восклицает Крижанич. Утверждений, достойных серьёзного разбора и опровержения, в Соловецкой челобитной он не видит. «Вы, отцы, в патриаршеском обличении в жезловой книге¹ пресветло уличены и препрени, и истина вам достаточно ясно доказана. А вы по всем том не любите единства, но чините раздор. И тако изступисте из разума, что, не побоявшеся Бога и не посрамовавшеся людей, к царскому величеству, и к его высокой думе, и к освященному Собору написали: како да бы Святейший Никон Господа и Спасителя нашего грешником назвал... А в Скрижальной книге муж разумен легко видит, еже не Господа, но осужденнаго на смерть татя(разбойника), грешником зовет... О глупи и косни сердцем, како дерзаете тако клеветати» [23, с. 90, 91]. Крижанич не считает

¹ «Жезл правления», М. Печатный двор. 1667.

нужным ещё раз разбирать вопрос о перстосложении, об изменениях в словах, именах и т. п. «Все это — говорит он,— с вашей стороны фарисейская святость, излишнее и ненужное благочестие или, лучше сказать, нечестие...». О сугубой аллилуйи он говорит с точки зрения истории богослужения, тем более, что этот предмет он лично обсуждал с Лазарем. Он признает житие Евфросина, сочинение, на которое опирались раскольники, положительно подложным, и по поводу вопроса о том, сколько раз следует произносить аллилуйя, приводит пример западной церкви, где произносят аллилуйя в разное время богослужения и три раза, и два, и один раз.

Терпеливо изъясняя Соловецким сидельцам их заблуждения, Крижанич видит в их поступках тот великий грех, что они отрываются от Церкви, не хотят слушать ее и тем нарушают любовь, которая должна господствовать в Христовой Церкви. По отношению к причине раскола, он не одобряет буквализм ни со стороны исправителей книг, ни со стороны тех, кто предпочитает старые книги и соблюдает такие обряды, которые были изменены церковью. В предисловии к своей грамматике он высказал яснее этот взгляд. «Мое мнение таково: ошибки языка не могут вести к осуждению, а исправление книг никого не спасает, спасение дает нам благочестивое сердце, неутомимое в добродетелях. Поэтому, если бы церковные книги и в десять раз были хуже переведены по отношению к речи (не говоря о смысле), то все-таки неисправление их никому не препятствовало бы спастись. Не стоит из-за малых причин поднимать церковный раздор, не следует соблазняться грамматическими ошибками и разорять духовную любовь». До такого взгляда на раскол общецерковное сознание доросло только спустя три столетия.

В «Деянии освященного Поместного Собора Русской Православной Церкви об отмене клятв на старые обряды и на придерживающихся их» 1971 года были рассмотрены решения Московского Собора 1656 г. и Большого Московского Собора 1667 г. «в части, касающейся наложения ими клятв на старые русские обряды и на употребляющих их». «Необоснованность суждений Соборов 1656 и 1667 гг. о старых обрядах донико-

новских времен, как о якобы содержащих еретический смысл, давала повод усматривать в клятвенных запретах и определениях этих Соборов осуждение старых обрядов самих по себе. Между тем из неоднократных разъяснений, сделанных авторитетными иерархами Русской Православной Церкви и ее Святейшим Синодом, вполне очевидно, что подлинная цель соборных прещений 1656, 1666 и 1667 гг. заключалась в противодействии тем вождям раскола, которые, осуждая исправленные при патриархе Никоне книги, чины и обряды, проявили свое противление Церкви, порицая содержимые ею обряды и употребляя исключительно обряды старые (см. «Изъяснение» Святейшего Синода от 1886 г.)). Соборное деяние 1971 г. напоминало об «Увещании православной католической Церкви», где говорилось о признании православности старых обрядов и спасительности употребления их со ссылкой на постановление Отдела по единоверию и старообрядчеству Поместного Собора 1917/1918 гг. Поместный Собор 1971 г. определил утвердить три постановления Патриаршего Священного Синода от 23 (10) апреля 1929 г. под председательством заместителя патриаршего местоблюстителя высокопреосвященного митрополита Нижегородского Сергия:

1) «О признании старых русских обрядов спасительными, как и новые обряды, и равночестными им»;

2) «Об отвержении и вменении, яко не бывших, порицательных выражений, относящихся к старым обрядам, и в особенности к двуперстию»;

3) «Об упразднении клятв Московского Собора 1656 г. и Большого Московского Собора 1667 г., наложенных ими на старые русские обряды и на придерживающихся их православно верующих христиан, и считать эти клятвы яко не бывшие» [24].

Определения Собора 1971 г. были повторены Собором 1988 г., принявшим «Обращение Поместного Собора Русской Православной Церкви ко всем держащимся старых обрядов православно верующим христианам, не имеющим молитвенного общения с Московским патриархатом», где подтверждена «равночестность старых обрядов». Собор «с глубокой

болью вспоминает возникшее в XVII в. разделение чад церковных — тех, кто проявил непоколебимую твердость в сохранении старых русских обычаев, с теми, кто ввел в богослужбное употребление традиции, распространенные в Поместных Церквях на православном Востоке».

Возвращаясь к XVII веку, заметим, что в определении относительно раскола Московского Собора от 2 июля 1666 года есть понимание того, что для сохранения верности древней православной традиции необходимо обсуждение различных мнений в рамках внутрицерковной дискуссии, но при этом не должно быть противления Церкви, доходящего до вооруженного противостояния. О причинах раскола говорится: «Многие невежды не только из простых, но из священных лиц, одни *по неведению Божественных писаний и порочной жизни*, другие, по-видимому и добродетельные, но *надменные самомнением* и считая себя мудрыми, хотя исполнены всякого бессмыслия, третьи, увлекаясь *ревностью не по разуму*, возмутили души многих неутвержденных иные словом, иные же и письменно» [18, с. 328]. То есть причиной раздора церковного считается подверженность страстям самих расколоучителей. Некоторые из них, представ пред Собором, принесли покаяние, например, Соловецкий старец Герасим Фирсов. Другие, как бывшие попы Никита и Лазарь, были строго осуждены за их нестерпимые хулы на Церковь и за противление ей. Однако, Собор не изрек в своем определении никакого проклятия или прямого осуждения ни на старопечатные книги, ни на двуперстие в крестном знамении, ни на сугубую аллилуйю, ни на другие обряды, излюбленные раскольниками. Осуждалось противление Церкви, а богословские мнения обсуждались. Собор даже признал нужным составить особую книгу, в которой были бы опровергнуты основания раскола, как они были изложены в челобитной попа Никиты и свитке попа Лазаря. Книга была составлена Симеоном Полоцким и издана от имени Собора под заглавием «Жезл правления» в 1667 году. На этом догматические споры можно было бы прекратить, поскольку с логической точки зрения спорить было не о чем: существовавшая до исправления книг и обрядов практика Российской церковной жизни признавалась спасительной и не опровергалась,

но приводилась в согласие с практикой Вселенской Церкви. Далее вступают в силу психологические мотивы: в первую очередь, это справедливое беспокойство по поводу секуляризации общественной жизни, им можно объяснить панический страх утратить древнее благочестие и желание во что бы то ни стало сохранить форму обрядов; второй движущей силой раскола стала национальная гордость: в общественном самосознании XVII века Русь считала себя преемницей Византии и хранительницей Православия, отсюда и недоверие к грекам, особенно подчеркнутое в Соловецкой челобитной, отсюда и ощущение себя лично последним поборником Православной веры; наконец, третья, особенно печальная, психологическая особенность инициаторов раскола – оскорбленное самолюбие. Вспомним, что Иоанн Неронов и Аввакум более всего зазирали Патриарху Никону, что прежде он с ними советовался, а теперь, став Патриархом, ведет дело исправления книг и обрядов самостоятельно. Соборность принятых решений по поводу исправлений они во внимание не принимали, хотя это подтвердил даже собор 1666 года, осудивший самого Никона. Какому же евангельскому архетипу соответствует этот психологический портрет: формальное соблюдение законов, гордость своим благочестием и желание учительствовать? Это, конечно, знакомое лицо фарисея, и конец тот же: раздирание Тела Христова – Церкви. И для того мы так подробно обсуждаем эту печальную страницу в жизни Соловецкой обители да и всей России, чтобы не давать в наших душах место закваске фарисейской.

И ещё один важный для нас вопрос поставил Крижанич: «За что Бог сему раздору в русском народе быти попустил?» Русской Церкви нужно было выстрадать свою веру в борьбе с ересями, как в своё время Византии. «Ереси бо от глубокого лености сна нас возбуждают, к труду подвигают, к чтению Священного Писания и к пресмотрению и разбиранию правил нашего Богочестия принуждают... Да добрии раби Божии объявятся по своей крепости; да обличится скрытый меж нами смрад; да себя невежество от Церкви отженет» [23, с. 38, 39]. Обратим внимание на последнее замечание: не Церковь невежество изгонит, но само невежество себя от Церкви отторгнет, и, между прочим,

остаётся всегда возможность воссоединения с Церковью через покаяние. Раны могут быть залечены, ибо «Божий промысел обыкает из яда изымати врачевство» [23, с. 40].

1.6. Бомбардировка монастыря британскими пароходами (6 - 7 июля 1854 года)

Во время Крымской войны¹, предвидя возможность нападения неприятельского флота на северные окраины государства, Николай I объявил Архангельскую губернию со 2 марта 1854 года на военном положении, однако сколько-нибудь эффективно защитить чрезвычайно протяженные морские побережья с крайне малочисленным и рассредоточенным населением не представлялось возможным: флота не было, войск не было, оружия для раздачи местному населению тоже не было.

О том, что губерния объявлена на военном положении, на Соловках узнали только 16 апреля, когда в монастырь добрался гонец из Архангельска². Не особенно рассчитывая на помощь правительства, настоятель архимандрит Александр приложил все усилия, чтобы организовать оборону обители. Для поднятия духа братии и присутствовавших на острове мирян³ Александр, кроме положенных ежедневно канонов и молебнов, начал совершать по воскресным дням за всенощным

¹ Крымская война началась в октябре 1853 года, когда Россия объявила войну Турции. Великобритания и Франция, поддерживавшие Турцию и подстрекавшие ее к войне, стремились ослабить Россию, развязать себе руки на Ближнем Востоке и на Балканах, закрепиться на территории Закавказья. Наполеон III хотел также упрочения недавно провозглашенной империи.

² Он же привез указ Святейшего Синода об эвакуации из монастыря драгоценностей и библиотеки. В конце мая на гребном судне «Александр Невский» 26 ящиков и 4 бочки с драгоценностями и 16 ящиков с рукописными и старопечатными книгами были доставлены в Сийский монастырь. После Крымской войны эвакуированное имущество было возвращено на Соловки, библиотека же была перевезена в Казанскую духовную академию. В 1928 году ее перевезли в Ленинград. Ныне соловецкая библиотека хранится в Государственной публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге.

³ Весной 1854 года в монастыре находилось 200 монахов, послушников и штатных служителей и 370 вольнонаемных и трудников. В монастырской тюрьме числилось 25 арестантов, которых охраняли 50 инвалидов.

бдением акафист Сладчайшему Иисусу, а за утреню акафист Божией Матери, к ектениям были присоединены молитвенные прошения, установленные Церковью при нашествии врагов. Настоятель стремился ободрить всех своим словом и произносил поучения, исполненные живого упования на помощь Божию. Он говорил: «Если отразим войсками, то войску и слава, а наша вера где?» Все это благотворно действовало на обитателей монастыря. Многие монахи и миряне пожелали с оружием в руках встать на защиту обители¹. Из этих добровольцев был сформирован отряд, приданный в помощь инвалидной команде под началом прапорщика Николая Никоновича. Вместе с прибывшим из Новодвинской крепости фейерверкером Викентием Друшлевским они ежедневно проводили обучение инвалидов и добровольцев приемам штыкового боя и меткости стрельбы.

Патриотизма было в избытке. Зато не хватало оружия. В монастыре имелось всего 20 пушек, отлитых еще во времена Ивана Грозного и Петра I, — только две из них, трехфунтового калибра², годились в дело. В Арсенальной (Успенской) башне хранилось: 4 пищали, 2 мортиры, 645 ружей, 20 самострелов, 12 пистолетов, 1 карабин, 40 шпак, 381 пика, 648 бердышей и один меч. Все это представляло собой в большей степени музейный, чем боевой интерес. Однако устаревшее, поломанное, ветхое оружие ремонтировали и подновляли в монастырской кузнице и раздавали желающим — лучшего не было. К счастью, 16 мая на остров были доставлены их Новодвинской крепости еще восемь пушек шестифунтового калибра с запасом боевых снарядов — по 60 штук на орудие. 10 имевшихся пушек расставили так: две в Корожной баш-

¹ Отставной коллежский ассессор Петр Соколов, 60-ти лет, бывший в монастыре на богомолье, по собственной инициативе взялся за приведение в оборонительное состояние монастырских укреплений. Послушник отставной лейб-гвардии унтер-офицер Николай Крылов сам попросил зачислить его во вторичную службу в соловецкую команду. Так же поступили отставной grenадер Петр Сергеев и многие другие.

² Калибр в эпоху гладкоствольной артиллерии выражался весом ядер (сферических сплошных снарядов) — каменных, а впоследствии чугунных, — соответствовавших диаметру канала. Так, четырехфунтовая пушка имела внутренний диаметр ствола ок. 85,6 мм.

не, две — в Прядыльной, четыре — в различных местах по западной стене, еще две составили передвижную батарею на Сельдяном мысу.

26 мая 1854 года фейерверкер В. Друшлевский рапортовал военному губернатору: «Вооружение соловецкой батареи окончено 25 числа сего месяца». Неделю спустя в воды Белого моря вошла соединенная англо-французская эскадра под командованием капитана королевского флота Эрасмуса Омманея¹. 14 июня корабли союзников бросили якоря у Двинского Бара², в 50 верстах от Архангельска.

22 июня союзники попытались высадиться на остров Мудьюг, но были с потерями отброшены командой лейтенанта Тверитинова. Потерпев неудачу в первом столкновении с подразделением регулярного войска, союзники нашли себе более безопасное и доходное занятие — грабеж торговых и промысловых судов. В течение недели было захвачено, разграблено и затоплено (или сожжено) около двух десятков лодей, направлявшихся в Архангельск. В очень скором времени пиратские нападения на суда и прибрежные поселения совершались уже по всей акватории Белого моря.

За десять дней до нашествия англичан, отслужив соборную воскресную литургию, архимандрит Александр произнес краткое слово для поднятия духа братии, внушая ей «не скорбеть о том, что мала, по-видимому, защита к предстоявшей обороне от сильного врага, но твердо уповать на Господа и Пречистую Его Матерь и преподобных основателей, Зосиму и Савватия; ибо сам Господь заступлением их покажет такое чудо над обителью, какого дотоле там не видали» [26, с.55].

6 июля пароходо-фрегаты «Бриск» и «Миранда» приблизились к Соловецкому монастырю. Как только вражеские корабли показались в виду обители, колокольный звон призвал братию и мирян на молебен. «Иноки собрались в храм преподобных Зосимы и Савватия, начался молебен перед ракой с мощами Соловецких угодников. В конце молеб-

¹ Эскадра состояла из десяти боевых кораблей: трех пароходов, трех парусных фрегатов, одного брига, одной шхуны и двух парусных тендеров.

² Двинским Баром называлась отмель поперек устья Северной Двины, совершенно непреодолимая из-за малых глубин для крупных военных кораблей.

на прибыл в монастырь архимандрит Александр. Непокровенный, в одной дорожной рясе, преклонив колена и воздев руки к образу Божией Матери, он дрожащим голосом воззвал: «Царица Небесная! Ты защити обитель нашу и спаси нас; грехи наши навлекли на нас лютое испытание; но Ты, Премилосердная, отвори его и умоли Сына Твоего, Бога нашего, избавить нас от бед!..» Затем был совершен крестный ход по крепостным стенам, по окончании которого архимандрит Александр объявил трехдневный пост. Все были настроены решительно: или погибнуть, защищая святую землю, или победить.

Архимандрит Александр

Между тем на одном из фрегатов были подняты сигнальные флаги. Монастырь не реагировал. Тогда англичане произвели три выстрела. Батарея на Сельдяном мысу ответила залпом. Завязалась артиллерийская перестрелка, в ходе которой «Миранда» получила пробоину и вынуждена была, прекратив огонь, отойти к мысу лабиринтов для ремонта.

На следующий день в пять часов утра в гавани Благополучия отшвартовалось британское гребное судно под белым флагом. В катере сидел парламентёр, доставивший пакет с маловразумительной надписью на русском: «По делам ее великобританского величества. Его высокоблагородию главному офицеру по военной части соловецкой». Вскрыв пакет, архимандрит Александр обнаружил в нем послание Э.Омманея, который выражал крайнее неудовольствие по поводу того,

что давеча монастырские бомбардиры «палили на английский флаг». Далее шел ультиматум. Англичане требовали:

1) «Безусловной уступки целого гарнизона, находящегося на острове Соловецком, вместе со всеми пушками, оружием, флагами и военными припасами.

2) В случае какого-нибудь нападения на парламентарный флаг, с которым эта бумага передана, немедленно последует бомбардирование монастыря.

3) Если комендант гарнизона не передаст сам свою шпагу на военном пароходе ея Великобританского величества «Бриск» не позднее как через три часа после получения этой бумаги, то будет понятно, что эти кондиции не приняты, и в таком случае бомбардирование монастыря должно немедленно последовать.

4) Весь гарнизон со всем оружием должен сдаваться как военнопленные на острове Песий в Соловецкой бухте не позже, как через шесть часов после получения этой бумаги».

Совместными усилиями архимандрита Александра и соборных старцев вкупе с начальником инвалидной команды был сочинен достойный ответ, который незамедлительно передали английскому офицеру:

«Гарнизона солдат Его Императорского Величества монастырь не имеет... и сдавать гарнизона, за неимением оно, нечего, и флагов, и оружия, и прочего не имеется.

Нападения со стороны монастыря на парламентарный флаг не могло последовать и не сделано, а принята посланная депеша в тишине.

Коменданта гарнизона в Соловецком монастыре никогда не было и теперь нет, и солдаты находятся только для сохранения монашествующих и жителей.

Так как в монастыре гарнизона нет, а только охраняющие солдаты, упоминаемые в 3-м пункте, то и сдаваться, как военнопленным, некому».

И подписали: «Соловецкий монастырь».

В 7 часов 45 минут утра Э. Омманей дал команду начать бомбардировку монастыря. Она продолжалась более 9 часов.

Англичане имели подавляющее преимущество в вооружении: 120 артиллерийских стволов против 10 монастырских

пушек. Несопоставимы были калибры орудий: на обитель сыпались 3-пудовые, 69-, 36- и 24-фунтовые ядра, бомбы и гранаты, картечь. В ответ летели 3- и 6-фунтовые ядра, пули засевших в прибрежных кустах стрелков. Не располагая силами для высадки десанта, несомненно, осознавая всю бесперспективность подобного предприятия, Э. Омманей, видимо, надеялся, что мощная корабельная артиллерия, произведя в монастыре достаточные разрушения и устранив защитников обители, заставит их поднять белый флаг. Этого, однако, не произошло.

Вражеские снаряды отскакивали от стен строений, не причиняя им существенного вреда¹. Начинаясь пожары тут же «легко тушили накидкою войлоков, смоченных водой, и малыми брандспойтами, расставленными по крепостной стене».

Стойко и мужественно держались защитники монастыря, ни на минуту не прекращая огня. Особенно отважно сражалась береговая батарея под командованием унтер-офицеров Пономарева и Николаева. С полудня, когда фрегаты приблизились к монастырю, в дело вступили восемь 6-фунтовых пушек, установленных на западной стене. Здесь распоряжались Н. Никонович и В. Друшлевский. Из стрелков, сосредоточенных вдоль береговой линии — на случай попыток высадить с фрегатов десант — и обстреливавших неприятеля из ружей, «отменно показали свое мужество» отставной лейб-гвардии унтер-офицер Николай Крылов, рядовые Тимофей Антонов и Терентий Рагозин, норвежский мещанин Андрей Гардер², сосланные в монастырский острог бывший студент Киевского университета Егор Андрузский, и бывший придворный певчий Алексей Орловский и многие другие.

Во все продолжение канонады не оставалась без дела и братия: монахи во главе с архимандритом Александром.

¹ 10 июля 1854 года в донесении Святейшему Синоду настоятель писал: «Все бесчеловечные усилия неприятеля, клонившиеся к тому, чтобы совершенно нанести разрушение ей (обители) своими страшными снарядами, остались посрамленными и пристыженными». Наиболее серьезно пострадала Архангельская гостиница, насквозь продырявленная ядрами; Онуфриевская кладбищенская церковь (пробита стена); Никольская церковь (проломлен купол). В целом же повреждения были столь незначительными, что архимандрит Александр обещал Синоду исправить их в течение нескольких часов.

² Сей норвежец, случайно оказавшийся на Соловках, по свидетельству архим. Александра, «удивительно смелое производил стрельбание в судно неприятеля». Впоследствии А. Гардер перешел в Православие.

Иноки прибегли к духовному оружию: было решено идти под пальбою в полном составе крестным ходом по стенам, кругом всего монастыря. Двинулись, воспевая молитвы Богородице. В самом опасном месте (на юго-западном прясле стены), как раз против пароходов, архимандрит, стоя на помосте, осенял народ крестом и чудотворною Смоленскою иконою Божией Матери. Ядра, прежде ударявшиеся в крышу по стене, теперь пролетали над головами, не причиняя гибели. Едва сошли с помоста, как два двухпудовые ядра сорвали его со страшным треском, не ранив однако никого. Когда спустились со стены около Благовещенской церкви, чтобы возвратиться в собор, увидели, что выложенную камнем дорожку, по которой надо было идти, так обильно осыпает градом ядер и бомб, что они прыгают по настилке. Крестный ход дрогнул, но архимандрит Александр с иконой двинулся вперед, говоря: «Идите, идите». И тут совершилась необыкновенная перемена: когда пошли по этой дорожке, ядра стали перелетать через головы, не задевая никого.

Отчаявшись сломить волю защитников обители, Э.Омманей приказал прекратить огонь. В 5 часов вечера со свистом пролетело поверх стены последнее ядро и ударило поверх лика иконы «Знамение» Пресвятой Богородицы. Она написана была древней кистью во времена Святителя Филиппа и поставлена над западными воротами при входе в Преображенский собор. Сию рану благоволила принять за обитель Царица Небесная, как и Сын Её, за весь мир. И самый лик на иконе после сильного потрясения как будто сделался бледным из темного. И наступила тишина. «Бриск» и «Миранда» стали на якорь. В обители служили всенощное бдение в память иконы Божией Матери «Казанская». С умилением пели акафист Заступнице и Взыбранной Воеводе православных христиан. В три часа утра началась Божественная Литургия. Настоятель служил сам, без отличий, как простой иеромонах. В ожидании продолжения пальбы все до единого сделались причастниками Святых Таин, а после Литургии служили молебен у рака преподобных и совершили крестный ход по стенам, как и накануне. Во время крестного хода

*Благодарственный молебен перед пораненой иконой
«Знамение» Пречистой Богородицы*

внезапно, к общему удивлению, фрегаты, разведя пары, снялись с места и покинули Соловецкие острова¹. Тут же на дворе, перед пораненой иконой «Знамение» Пречистой Богородицы, начали служить благодарственный молебен. Сам настоятель на коленях читал акафист, и все плакали от избытка чувств.

Архимандрит рапортовал военному губернатору: «Враг вынужден был удалиться от нас без исполнения своего намерения». В монастыре убитых нет, раненых нет, повреждения

¹ Потерпев конфузцию под стенами монастыря, англичане разграбили церковь Св. Апостола Андрея на Заяцком острове; 8 июля напали на деревню Лямца (в 65 верстах от г. Онеги), где застрелили двух быков, восемь баранов и несколько кур; 9 июля разбойничали на Кий-острове, где сожгли здание Онежской портовой таможни и еще несколько домов, а потом ограбили Крестный монастырь; 11 июля сожгли село Пушлахту, жители которого оказали врагу сопротивление, убив пятерых матросов и нескольких ранив; 20 июля высадились в Кандалакше, где реквизировали у местных жителей все молоко и яйца, три пуда семги, прочую провизию, повывергали на огородах репу; в тот же день в селе Кереть спалили амбар крестьянина Старикова, винный подвал и соляной склад; 22 июля в селе Ковда утащили два колокола, взамен оставили один, тоже краденый, реквизировали 40 овец, 35 кур, разный сельскохозяйственный инвентарь, деньги из церковной кружки и выручку винной лавки. В конце навигации была разорена Кола.

— самые незначительные. Бомб и ядер по монастырю выпущено около 1800 штук¹.

Обитель, докладывая позднее архимандрит Александр в Святейший Синод, спасена «великим ходатайством и заступничеством перед Богом Соловецких Чудотворцев». Это обстоятельство, по убеждению архимандрита, достойно было увековечения в памяти потомков.

Уже летом 1854 года в центральном двореке устроенная была на каменном фундаменте «решетчатая деревянная ограда, окрашенная масляной краской, в коей помещены собранные неприятельские ядра и черепки разбившихся бомб»². Рядом поставлены две трехфунтовые чугунные пушки, которые были в действии против англичан. На стенах крепости, собора, келейных корпусов места попадания вражеских снарядов были обозначены черными, наведенными масляной краской, кругами, которые до сих пор можно видеть на южной стене святительского корпуса. По сторонам западного крыльца соборной паперти, над которым помещалась икона Знамения Божией Матери, уязвленная британским ядром³, укрепили гранитные доски с соответствующими надписями (1.4.5). При входе в Сухой док установили обелиски (на одном из них также имеется приличествующая надпись⁴).

В Макарьевской пустыни была выстроена и освящена

¹ Это много. Для сравнения: во время великой и шумной Полтавской баталии, учиненной Петром I и Карлом XII 27 июня 1709 года, русская артиллерия выпустила 1471 снаряд (у шведов пушек при себе не оказалось).

² В 1858 году, при сооружении Царской колокольни, ядра и осколки были сложены в виде пирамиды под колоколом «Благовестником».

³ Это было последнее 96-фунтовое ядро, выпущенное англичанами 7 июля. Едва икона приняла означенное увзление, как канонада стихла. На следующее лето, а именно 10 июля 1855 года малярный старец Григорий да послушник Василий Чудинов, осматривая крышу Спасо-Преображенского собора на предмет ремонта, обнаружили за иконой неразорвавшуюся гранату 26-фунтового калибра. Граната была вполне исправна и, если бы разорвалась, «то могла бы разрушить икону и всю стену храма». Однако этого не случилось, что являло «бывшее великое заступление Царицы Небесной о Соловецкой обители, не допустившей причинить пагубу оной гранатою». Иконе была посвящена деревянная Знаменская часовня (конец XIX века) — в ней хранился список (копия) иконы. Часовня стояла в центральном дворе, ныне не сохранилась.

⁴ Обелиски при входе в Сухой док имеют в основании постаменты прямоугольной формы. На постаментах — усеченные пирамиды, ранее венчавшиеся крестами. На обелисках имеются надписи:

во имя Св. Благоверного Князя Александра Невского часовня (Александр Невский — покровитель русских воинов). На берегу Кислой губы, в трех верстах от монастыря, где в июне 1855 года архимандрит Александр вел переговоры с англичанами, по его благословию был установлен знаменитый Переговорный камень.

Поездка архимандрита Александра в Санкт-Петербург в октябре 1854 года¹, а затем в Киев, публикации в центральной прессе («Москвитянин» М. Погодина, «Русский художественный листок» В. Тимма, газета «Русский инвалид» и др.), а вскоре и книги, и молва народная, и песни, — все это способствовало распространению известий о посрамлении зверосердеч-

— на северном: «Гавань сия начата строить по дозволению Святейшего Правительствующего Синода при архимандрите Димитрии с братиею в апреле 1843 года, а окончена работа 1846 года сентября 26 числа» (надпись сделана на западной стороне постамента). Обелиск установлен во второй половине XIX века.

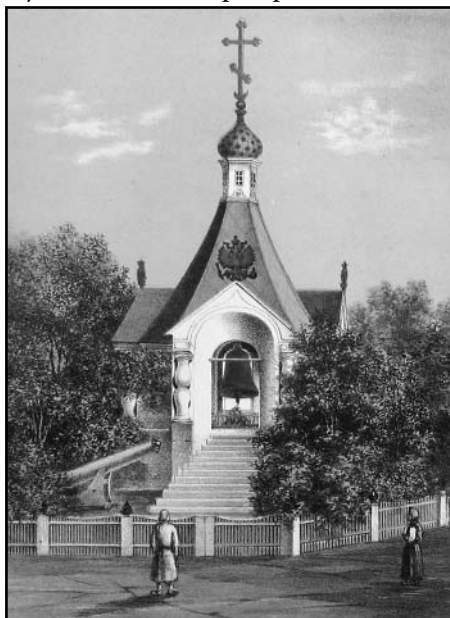
— на южном: «Главнокомандующий эскадрою в Белом море Английского флота капитан Эрасмус Омманей учинил нападение на Соловецкую обитель на 2-х фрегатах Бриск и Миранда в 1854 году июля 6 и 7 числ., перед тем требовал сдачи монастыря и команд. Настоятель архим. Александр отказался исполнить требование неприятеля. Июля 6-го в 5 часов пополудни бомбардировал с одного парохода с западной стороны час. 7-го июля открыл канонаду с 8 часов утра с обоих пароходов ядрами и бомбами 36-ти и 96 фун. и палил с юга через это место без умолку 9 часов, во 2 часу один пароход отделился за Песий остров и стрелял с западной стороны до Благовеста вечернего. Несмотря на десятичасовое в оба дня бомбардирование монастыря убитых и раненых не было не только людей бывших в крестном ходу вокруг монастыря и по послушаниям, но и малых чаек, во дворе между коими падали ядра. Только деревянная гостиница Архангельская была как решето избита навывлет каменными ядрами, но возгорания не было нигде. О! Вера Святая наша Вера! О! Великое ходатайство и заступление пред Богом Соловецких Чудотворцев о своей обители. Господь допустил напасть на монастырь, да являются дела Божии на нем, Россия узрела дивное милосердие Божие и чудный Покров от Знамения Пресвятыя Богородицы, Царству Русскому. С нами Бог! Разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог, услышите до последних земли, яко с нами Бог. Аминь. Видеша вси концы земли спасение Бога нашего, яко дивная сотвори Господь».

¹ Архимандрит с братией отправились на малом гробном карбасе кратчайшим путем. На другой день они попали в бурю. Ветер дул попутный к берегу, так что карбас должен был либо опрокинуться, либо разбиться о камни. Посоветовавшись, находившиеся на карбасе решили бросаться в море на самую большую волну. Архимандрит Александр лежал пораженный морской болезнью. Монах Арфаксад, опытный мореход, закричал: «А что ж мы не говорим архимандриту, что погибает?» Архимандрит плакал, так как смерть была перед глазами. Послушник Виталий сказал: «Хватайтесь за мою шею и крепко держитесь, а я брошусь в море на волну и вас удержу». Предложение было принято. По милости Божией всех людей волны выбросили на песчаный, а не на каменистый пляж близ селения Яреньга. Архимандрит пишет, что когда он пришел в себя, то «сладко-сладко заплакал от радости и благодарил Бога за спасение» [4, 1998, с. 15].

ных неприятелей под стенами островной обители к вящему ее прославлению по всей Руси.

В 1862–1863 годах справа от дороги, ведущей от Спасо-Преображенского собора к Святым вратам была построена царская колокольня, не сохранившаяся до настоящего времени. Она представляла собой крытый листовым железом шатер на четырех столбах. Столбы стояли на гранитном постаменте. Шатер венчался восьмигранным глухим барабаном и главкой с крестом. Высота до креста — около 7 метров. В колокольне был подвешен 72-пудовый колокол, дарованный Императором Александром II в память о войне 1854 года и отлитый в 1859 году на заводе Чарышникова в Ярославле. Под колоколом на чугунном постаменте в виде пирамиды были выложены чугунные ядра и бомбы, собранные в обители и вокруг нее в 1854 году после бомбардировки монастыря англичанами. Близ пирамид стояли две маленькие пушки, которые были в действии против англичан. Ничего из этого не сохранилось. Сам же колокол «Благовестник» ныне находится почти на первоначальном месте у восточного фасада Настоятельского корпуса. Колокол венчается «Державой»¹, покоящейся на четырёхскатной крыше, которую поддерживают восемь проушин. Верхняя часть колокола украшена двумя декоративными поясками колокольчиков, под которыми в широком поясе изображены: ико-

Царская колокольня

нон

¹ Сфера с крестом - знак царской власти.

*Колокол
«БЛАГОВЕСТНИК»*

на Божией Матери Знамение, поверх лика Коей означено пролетевшее неприятельское ядро; (справа от Неё и далее по часовой стрелке) преподобный Зосима, преподобный Герман, преподобный Ириарх, Святый Никон Патриарх (единственное сохранившееся его изображение как местно чтимого Соловецкого святого с нимбом), Святитель Николай, Преображение Господне, Святый Благоверный князь Александр Невский, Святитель Филипп, преподобный Иисус Анзерский¹, преподобный Елеазар Анзерский, преподобный Савватий. Изображения небесных заступников Соловецкого монастыря разделены изображениями херувимов. В средней части колокола изображен вид Соловецкой обители с фрегатами на море, бомбардировавшими её. По сторонам два клейма с надписями: 1) «Дарован сей колокол Благочестивейшим Государем Императором Александром Николаевичем в Богохранимую Соловецкую обитель. 2) В лето от Р. Х. 1856, повелением Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича отлит бысть сей коло-

¹ Он же упоминается и как Преподобный Иов Анзерский (в схиме Иисус). В XIX веке считался местно чтимым Соловецким святым, а в 2000 году после обретения Его нетленных мощей (11 июня 2000 года) прославлен общероссийским прославление.

кол из бронзовых украшений, бывших в Санкт-Петербургском Петропавловском соборе при погребении тела в Бозе почившаго Императора Николая I». В пространной надписи (с противоположной стороны от изображения обстрела) излагается вся история чудесного избавления от англичан: «Дивен Бог во святых своих. Лета 1854, июля в день 6-й, при настоятеле архимандрите Александре, два английские паровые 60-ти пушечные фрегаты «Бриск» и «Меранда» подошли к Соловецкой обители, и один из них сделал несколько выстрелов по монастырю ядрами, после которых из двух монастырских шестифунтовых пушек отвечали так удачно, что повредили фрегат и заставили удалиться. На другой день 7-го июля, после отказа сдать монастырь и отдаться военнопленными, оба фрегата 9 часов непрерывно бомбардировали бомбами, гранатами, картечью, даже трехпудовыми калеными ядрами, и, несмотря на то, заступлением угодников Божиих, обитель осталась цела. До начала и во все время бомбардирования шла служба и был крестный ход, во всем церковном благолепии, по стенам вокруг всей обители; когда поднялся ход на стену, во время пения «дерзайте убо, дерзайте людие Божии», усилились неприятельские выстрелы, дрожали монастырские стены, затрещала на них деревянная крыша, огненные шары насквозь ее прорывали и с потрясающим шумом неслись над головами шествующих; ядра или падали на землю, ударяясь в стену братских келий, или, пролетая насквозь кельи, все в них разрушали; смерть была на волос от каждого, и – о, чудо явное! – во все время ни один человек не только не убит, но и не ранен, даже из бывших на монастырском дворе птенцов чаек ни один не убит; в довершение, ядро последнего вражеского выстрела пролетело насквозь соборной стены над западными воротами, поверх лика иконы Знамения Божией Матери, благоволившей принять сию рану за обитель, как и сын Ея за весь мир. После сего выстрела все прекратилось, на другой день враги со стыдом удалились. По отзыву самих врагов, от количества брошенных снарядов могли быть разрушены не только малая, безоружная обитель, но шесть больших городов, что и сами они сознали явным чудесным покровительством Божиим». Кругом колоко-

ла внизу надпись: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его и да бежат от лица Его ненавидящие Его».

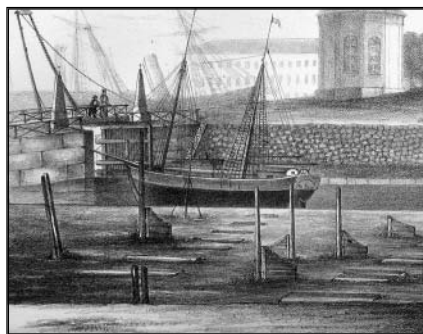
В конце XIX века в южной части центрального двора перед Святительским корпусом была построена деревянная Знаменская часовня. В часовне хранился список иконы Знамения Божией Матери, пробитой английским ядром в 1854 году.

1.7. Хозяйство монастыря.

Спасенный заступничеством Богородицы и представлением Чудотворцев монастырь — что могло быть привлекательнее для русского паломника? Сам Государь Александр II не преминул удостоить своим Высочайшим посещением столь славное и святое место. Поток богомольцев за тридцать лет вырос более, чем в полтора раза: с 7–8 тысяч в середине века до 12 тысяч в 1880-е годы (а в иные годы и по 15 тысяч приезжало).

Ехали «к Соловецким» за отпущением грехов, из любопытства, из подражания, но больше всего — помолиться у рака преподобных, испросить милости у Спасителя (на святой земле, покровительствуемой Чудотворцами, молитва лучше и быстрее доходит до Бога, более действенна, чем где бы

Док

то ни было), пожертвовать — деньгами ли, трудами своими — зачтется.

Рост паломничества был сопряжен с ростом доходов — в 1880-е годы каждый богомолец, по подсчетам П. Федорова, оставлял в монастыре в среднем по 9 рублей 52 копейки — в виде кружечных и кошельковых сборов, платы за свечи, за поминовения, за молебны и панихиды, за проезд, за просфоры, за покупки в монастырских лавках. Пожертвования трехдневных богомольцев и труды богомольцев-годовиков (трудников) в дополнение к трудам братии составляли экономическую основу монастыря.

Паломники (а в массе своей это крестьяне северных губерний) собирались на монастырских подворьях в Архангельске, Сумпосаде, Онеге, а оттуда на монастырских судах доставлялись на Соловки. Плавание на лодьях — под парусом или на веслах, — не приспособленных для перевозки людей и набивавшихся паломниками до отказа, было делом утомительным и опасным. А такое плавание могло при безветрии или при противном ветре продолжаться неделя-

Монастырские пароходы

*На первом плане гидроэлектростанция,
построенная в 1912 году*

ми, и люди в душном переполненном трюме испытывали невероятные мучения.

Дабы улучшить пассажирское и грузовое сообщение с материком архимандрит Порфирий с согласия братии в 1861 году купил у архангельского купца В. Брандта за 13 тысяч рублей пароход «Волга» с машиной мощностью 45 л.с., построенный в 1844 году в Англии. Своими силами пароход отремонтировали в Сухом доке, переоборудовали в пассажирский и назвали «Вера». В навигацию 1862 года «Вера» уже ходила между Соловками и Архангельском к пущему удовольствию паломников. Так было положено начало Соловецкому пароходству.

О предприимчивости монастырского начальства паломник XIX века Немирович-Данченко пишет: «За что они не возьмутся, все у них выходит удачно, все ведется со знанием дела, упорно, неотступно, пока полный успех не увенчает их усилий» [3, с. 146]. Иеромонахи трудились больше всех (эта традиция сохраняется до сих пор). «Тут вообще не отличишь монаха от чернорабочего. Они также берутся с киркой, ломом, косой, снастью, глиной, как и другие. Понятно, что пример их имел громадное влияние на богомольца» [3, с. 163].

Особенно настойчив в обустройстве хозяйства и улучшении быта был архимандрит Иоанникий. В годы его настоятельства (1895–1917) произведена реконструкция водяной мельницы, на канале «Вешняк» устроена одна из первых в России гидроэлектростанций, заведена своя радиостанция, проложена на острове система судоходных каналов, сделано многое другое, всего не счесть.

И все это — действовало: мололо зерно, пилило лес, давало свет, перевозило пассажиров, пропускало паровые катера с баржами (на баржах — лес, камень, сено), связывало с большой землей... Все приносило пользу. И еще — радовало глаз и поражало воображение путешественника.

1.8. Ризница и библиотека

Сокровища ризницы, описанные в прежних путеводителях, поражают воображение. К числу древнейших (опись 1514) относились: небольшой зазвонный каменный колокол и деревянный потир, сделанные при преподобном Зосиме, резной крест из моржового клыка, железное клепало. Щедро жаловал деньги и вещи Иван IV: часы, кресты, меха, драгоценные

Деревянный потир, сделанный при преподобном Зосиме

ткани, тысячу рублей и «немало серебряной утвари» (1557), один из золоченых серебряных кубков весил более восьми килограммов. По его заказу в мастерских Кремля изготовили (1562) для передачи Соловкам на престольный золотой крест во здравие царевичей Ивана и Федора. Тысячу сто рублей «в поминование» замученных новгородцев поступило в 1584 году. Среди подарков царей Романовых поступали церковные облачения, шитые из аксамита, парчи, бархата, атласа. Пожертвования и вклады текли со всей Руси, а поминовения вкладчиков в ризницу и монастырскую казну совершалось круглосуточно в церкви Благовещения. Были вклады необычные, например, переданные в 1647 князем С.Прозоровским: сабля Пожарского (пожалованная на упокой души) и палаш Скопина-Шуйского, оправленные в серебро с золочением, жемчугом, бирюзою. Сохранилась серебряная кружка соловецкого старца Стефана, бывшего казанского царя Симеона Бекбулатовича. Также кружка с крышкой, выполненная (1774) холмогорским косторезом О. Х. Дудиным. Кружки украшены шестью круглыми медальонами с портретами от Петра I до Екатерины II среди причудливых завитков с мелкими цветочками и сквозной резьбой. Остаток дней своих мастер провел

Ризница

в Соловецком монастыре, где скончался около 1785 года, оставив там свою замечательную библиотеку. Книги собирал еще его отец, и с ними был знаком юный Ломоносов.

В ризнице хранились драгоценные облачения: фелони с оплечьями из жемчуга и драгоценных камней. Однако верующее сердце более трепетало при виде простой ризы белого полотна с оплечием из шелковой материи, данной преосвященным Ионою, архиепископом

Фелонь преподобного Зосимы

Новгородским, преподобному Зосиме при поставлении его игуменом. «Да Филипп же игумен сыскал Зосимины ризы, в коих сам служил, да вычинил, да и подписал на них, кое на чудотворцовы памяти игумены сами служат в них, и учинил их первыми ризами», – пишет летописец [6, л. 5]. Сохранилась также риза св. Филиппа камчатной двумяной материи с черным, шитым золотом оплечием.

Кроме вещевых коллекций в ризнице хранилось более пяти сот ценных документов, связанных с историей монастыря (в их числе 58 – на пергаменте). Это: жалованные грамоты Ивана III, 7 грамот – Ивана IV, 13 – царя Федора, 4 – Бориса Годунова, 9 – Василия Шуйского, царей Михаила и Алексея – 151, Петра Первого – 61, грамот митрополитов и патриархов – 186.

По замечанию Федорова, внимание простых людей более всего привлекали вериги и железные пояса подвижников. Паломники желали даже надеть их на себя, чтобы хоть на минуту испытать то иго, которое терпеливо, во имя Бога, подвижники носили годами. «Старичек крестьянин примеряет железный пояс, пояс не сходится: «В прошлом году больше не

сходилcя; нужно ещё попоститься, помолиться да посбавить грехов, авось-либо и сойдется». За стариком молодая женщина надевает тот же пояс, без всякого труда застегивает его, с чувством делает три земных поклона и затем молчаливо уходит. Многие берут вериги только в руки, желая определить их тяжесть и делая такие замечания: «Да, брат, вот люди-то как спасались» [31, с.68].

Первоначально ризница размещалась, видимо, в Преображенском соборе, затем было сооружено (1602) специальное двухэтажное каменное здание. Внизу хранилось ручное оружие, а в сводчатой палате наверху – облачения, церковная утварь и драгоценности. Со временем, ризница уже не вмещала всех накоплений, тогда под Никольской церковью была построена новая, с отдельной библиотекой. Помещение второго этажа (1797) было расширено за счет объединения с библиотекой, и драгоценности, древние книги, документы хранились в одном месте. Затем (1831) к ризнице под церковью пристроили новую палату (445 квадратных метров). По стенам залы установили застекленные деревянные шкафы с бесценными коллекциями. Часть их была разграблена (1918–1919) белогвардейцами и англичанами.

*В восточной части
ризницы можно видеть
фрагменты кладки XVII века,
оставшиеся от алтарной части
храма святителя Николая*

23 ноября 1923 в помещении ризницы «открылся серый занавес с нашитой на нем белой соловецкой чайкой, символом весны и свободы». Ее отдали под «слоновский» театр: соорудили подмостки и скамьи на 400 человек и играли постановки¹.

Скажем несколько слов и о монастырской библиотеке: «Аще не почитаеши книг часто, не ощутиши грехов своих и не можеша спастися. Блажен муж, его же тело последует душе, горе человеку, его же душа последует телу. Сия убо два душа и тело, яко львы борются: душа хочет спастися, а тело нежитися» [10, с. 94].

Соловецкая библиотека была основана во второй половине XV века иноком Досифеем, впоследствии игуменом. Он заказывал переписывать книги, «не мало лет» находясь в Новгороде, а сохранившиеся списки (1493–1494) показывают, что те книги были не только богослужебные, но и «для чтения и образования». Досифей известен как первый на Руси автор книжного знака, экслибриса, и как первый соловецкий писатель, автор Жития преподобных Зосимы и Савватия. В описях XVI века упоминаются книгохранительные палатки под присмотром специального книгохранителя. К концу XVI века в библиотеке находилось: 481 рукопись и 38 печатных книг. В ее фонде и исторические сочинения – летописи, где сообщалось о внутренней жизни монастыря, о событиях на Севере, в России. Например, о поездке Ивана IV в Новгород и Псков, о землетрясении в Керети, Ковде и Кандалакше (1542). Соловецкие летописцы сопровождали игуменов и старцев в Москву и Новгород. В XVI – начале XVII века библиотека пополнилась сборниками двух групп текстов: традиционного содержания и современной исторической публицистики. Позднее солидное собрание занимало «книгописную палату» с отделом квалифицированных переписчиков – скрипторием и, при нем, – переплетной мастерской. Лучшие экземпляры шли «на раздачу», продажу, в другие монастыри.

Рукописные книги были произведениями не только литературного, но и прикладного искусства. Деревянный переплет

¹ В 1926 году театр был переведен в помещение общей трапезной.

обтягивали кожей, которую вручную теснили затейливым орнаментом. Самые дорогие – оковывали серебряными или медными окладами и украшали жемчугом, драгоценными камнями. Для лучшей сохранности их снабжали металлическими застежками, а чтобы внутрь не попадала пыль, в Соловках придумали хранить их корешком вверх. Для защиты переплета на ребрах досок со стороны, противоположной корешку, делались маленькие выступы-ножки (иногда и по углам переплета), чтобы тисненная кожа не истерлась и не поцарапалась при чтении. Переписка книг в монастыре велась, видимо, до семидесятых годов XVII века. Дороговизна рукописной книги делала ее пожертвование существенным и ценным вкладом. Книжные вклады составляли половину всех поступлений библиотеки. Так, были подарены книги Иоаном IV (12 штук), священником Сильвестром, святителем Филиппом, его приемником Иоасафом, патриархом Никоном, келарями Троице-Сергиева монастыря Авраамием Палицыным и Александром Булатниковым («Житие преподобных Зосимы и Савватия» 1623 и др.), Дмитрием Пожарским (рукописное евангелие XVI века было подарено в 1613 году).

В числе раритетов значились: «Псалтырь», принадлежавший преподобному Зосиме; «Апостол» 1586 года; Временник Георгия Амартола, греческого писателя IX века; «Слово о законе и благодати» – XI века; старопечатные евангелия начала XVII века в драгоценных окладах (вес одного 40 килограммов). О том, кто пользовался книгами, остались «пометы»: «сия книга дается на прочтение в братскую больницу», «живет в поварне», «обменяна на псалтырь Никифору кузнецу», «читал сторож Ивашко Иларионов сын Веревкин». С возвратом книг читателей не торопили, один книгочей пользовался книгой 42 года. Когда в XVII–XVIII веках рукописные книги из монастырей изымались, Соловецкий, как ставропигиальный, оставил их у себя. Источники пополнения библиотеки расширялись постепенно: сначала это были дары, вклады, поступления из других монастырей, покупка, переписка. Позже книги

стали поступать по завещаниям, изыматься у ссыльных. Комплектование библиотеки рукописными книгами закончилось в XVIII веке, ее изучение началось позднее.

Первым историком стал (1826–1836) архимандрит Досифей (Немчинов), тезка основателя библиотеки. Он издал «Соловецкий летописец» и солидный трехтомный труд по истории и географии монастыря. Книжные богатства Соловков составляли согласно описи 1676 года: 948 рукописных, 530 старопечатных книг, представляющих большую ценность. Уже к концу XVI века библиотека так разрослась, что потребовала специального помещения. С этой целью в паперти Преображенского собора (1602) устроили каменную палату. Позднее книги перенесли в помещение, примыкавшее к ризнице, в 1797 году – на первый этаж ризницы. В тот же год для библиотеки была оборудована небольшая комната со сводчатыми потолками в первом ярусе новой колокольни. Вход в нее был с галереи между колокольней и ризницей. Последнее перемещение (1846) было в специальное каменное строение над самой галереей, примыкавшее к западной стене колокольни. Древняя часть Соловецкой библиотеки практически полностью сохранилась до наших дней. Это связано с событиями (1854), когда обители угрожало нападение английского флота. Распоряжением синода наиболее дорогие книги вместе с драгоценностями были перевезены в Антониев-Сийский монастырь.

В то время для изучения раскола и борьбы со старообрядчеством в среднем Поволжье Казанский Архиепископ ходатайствовал о передаче 406 соловецких книг. Библиотеку в Сии не распаковывали, книги были в ящиках, поэтому ее передали в Казанскую духовную академию «для отбора требуемых книг» полностью (драгоценности и всего 33 рукописные книги вернулись на Соловки в 1856 году). В 1858 году решением синода 1513 томов рукописных и 83 тома старопечатных книг были оставлены в Казани «навсегда». В том числе рукописи Анзерского скита, жития святых, богослужебные и историко-церковные («Лавсаик Зосимы»). Книги Казанского собрания послужили основой для издания журнала «Православный собеседник» и отдельных книг древнерусских писателей Филофея,

Иосифа Волоцкого, Максима Грека. В разное время в Казани к ним обращались историки Н. Аристов, В. Ключевский, В. Стасов, Ф. Буслаев. После революции и упразднения духовной академии соловецкое книжное собрание перешло в ведение архивов (куда поступили и оставшиеся на Соловках книги). 29 июня 1928 около полутора тысяч томов из Казани были переданы в Рукописный отдел Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина Ленинграда и выделены в отдельный фонд, где ведется их постоянное изучение. Досифеевские книги находятся в фондах древнерусских рукописных томов и до сих пор узнаваемы по экслибрису на титульном листе.

1.9. Монастырь в XX веке

В 1920 году, незадолго до своего пятивекового юбилея, Соловецкий монастырь был закрыт. К этому времени от бывшего могущества обители остались только воспоминания. Хозяйство было подорвано войной и в еще большей степени — гражданской войной, вследствие которых значительно сократился приток годовых богомольцев, чьим трудом это хозяйство поддерживалось. 66 тысяч десятин принадлежавшей монастырю земли были после 1917 года превращены во «все-народное достояние» и лежали впусе — в стране царили раз-руха и голод. Почти полностью прекратилось паломничество, приносившее ранее до 85% всего дохода. Национализация банков привела к потере размещенных в них капиталов и дивидендов с них (примерно 13% всего дохода обители). Весь 1917 год в монастыре шла борьба за власть. Мятежно настро-енные монахи добились увольнения на покой архимандрита Иоанникия, правившего обителью 23 года, и избрали нового настоятеля — архимандрита Вениамина. Потом, получив из-вестие об октябрьском перевороте в Петрограде, попытались свергнуть и Вениамина, но тот смог навести порядок.

Зиму и весну 1918 года Соловецкий монастырь провел относительно спокойно. Однако с наступлением лета спокойс-твие кончилось: в июле 1918 года на Соловках высадились

союзники — англичане, сербы и финны. Они реквизировали монастырские пароходы и использовали их для переброски своих войск в Онегу и Кандалакшу; создали на острове Малая Муксалма ссыльнокаторжную тюрьму для подпольщиков и пленных партизан; мобилизовали часть монахов и вместе с архангельскими добровольцами обучали их стрельбе из винтовок и пулеметов.

В обстановке всеобщей паники, охватившей в августе 1919 года Северную область в связи с решительным наступлением Красной Армии, архимандрит Вениамин и члены последнего Соловецкого Собора обратились с письмом к архиепископу Кентерберийскому, в котором просили его сказать «своему правительству, что теперь еще преждевременно лишать братской помощи Северную область, но надлежит оставить ее там до того момента, когда по прошествии грозы положение русского народа прояснится, и он сам в состоянии будет охранять свою безопасность и свои святыни».

В феврале 1920 года последние части союзников и белогвардейцев были эвакуированы из Архангельска. На Севере была установлена советская власть.

29 апреля 1920 года в Соловецкий монастырь прибыла Особая комиссия Архгубисполкома и Губревкома с целью выявления запасов оружия и продовольствия, принадлежавших буржуазии и ее пособникам. Комиссия должна была выяснить возможности дальнейшего развития островного хозяйства и его социалистического переустройства.

В ходе обысков члены Особой комиссии во главе с М.С. Кедровым обнаружили брошенные союзниками оружие и боеприпасы, в том числе: орудия трехдюймовые — 8 штук, пулеметы — 2 штуки, винтовки и берданки — свыше 600 штук, большое количество снарядов, пулеметных лент, патронов, пороха... Было также изъято: 2.500 пудов муки, 250 пудов сахара, 100 пудов обувной кожи, 2 бочки красного вина, 14 бутылок спирта, 5 листов меди и т.п., а также 200.000 рублей денег, серебро, меха и проч.

Относительно состояния монастырского хозяйства были сделаны малоутешительные выводы: хозяйство в упадке,

«скотоводство падает... мелиоративные работы заброшены, коневодство совершенно расстроено».

Осенью 1920 года Соловецкий монастырь был упразднен. К этому времени в нем оставалось около 40 монахов. Большинство же из 400 монашествующих и 200 послушников, с которыми за полгода до того встречались и беседовали члены комиссии Кедрова, после этих бесед и реквизиций покинули остров. На Соловках был организован совхоз.

В августе 1922 года из Москвы на острова прибыла очередная комиссия, в составе которой были видные специалисты в области охраны памятников истории и культуры и их реставрации: Н. Н. Померанцев из Музейного отдела Наркомпроса, Е. И. Силин – коллекционер, директор музея «Собор Василия Блаженного» (1923–1928), и архитектор П. Д. Барановский, первый директор (1924) музея в Коломенском.

По прибытии, прежде всего, поинтересовались деревянными резными раками Зосимы и Савватия, о которых знали следующее. Рака Зосимы по характеру исполнения близка к знаменитому «царскому месту» Ивана IV (1551) в Успенском соборе. Крышка украшена фигурой Зосимы в полный рост, вырезанной высоким рельефом. На боковой стенке размещены 16 разных клейм с эпизодами его жития (четыре группы по четыре клейма), обрамленные вязью летописного сказания о времени создания гробницы (1566) «при благоверном царе государе и великом князе Иване Васильевиче и при его царевичах Иване и Федоре и митрополите Афанасии». Также великолепно исполнены части раки Савватия. Обе раки стояли в Троицком соборе у южной стены.

Рака Савватия была обнаружена комиссией в указанном месте, а у раки Зосимы исчезли рельефы и резные стенки. Представители местной администрации недоумевали. Монахи отмалчивались, или намекали на то, что «Господь Бог не мог потерпеть богохульства антихристов и взял раку чудотворца к себе на небо». Месячное пребывание комиссии заканчивалось, а декоративное убранство раки так и не нашлось. Все помещения были не раз осмотрены, и надежды найти его уже не было. Случайно в подвале под ризницей Померанцев заметил, что

*Вскрытие святых мощей преподобного Германа (вверху) и
преподобных Зосимы и Савватия (внизу)*

большой трехстворчатый шкаф сдвинут с места, причем, недавно. Ранее его уже осматривали, но кроме старых церковных одеяний в нем ничего не было. Шкаф массивный, его без надобности двигать бы не стали. Решив проверить, он неожиданно встретил упорное сопротивление монахов. Мол, никто никогда его не трогал, он недвижим несколько веков, и сдвигать его нельзя. Померанцев настоял на своем, и не ошибся. В стене обнаружилась ниша, а в ней «с рельефного портрета смотрели пронзительные глаза Зосимы». В Третьяковской галерее раку Зосимы сравнивают с драгоценным ларцем, где «каждый из рельефов шедевр». Рака Савватия находится в Оружейной палате Кремля. Почти все привозимое попадало сначала в Оружейную палату, затем распределялось по московским музеям. Бумаги и рукописи были переданы в ЦГАДА. В Оружейной палате находится один из самых значительных вкладов монастыря – напрестольный крест от Ивана IV (1562), евангелия XVI века в драгоценных окладах, «шуба черной шерсти» митрополита Филиппа, прекрасное шитье. Предметы средневекового шитья были вывезены (1922–1923) и в Петроград, но значительное количество произведений искусства, особенно икон, еще оставалось в монастыре после 1923 года.

Иконное богатство начало складываться на Соловках с XV века. Первую икону Богородицы Одигитрии, по преданию, привез преподобный Савватий. Когда, после его кончины, мощи его были перенесены в Соловецкий монастырь, новгородский купец Иоанн пожертвовал образ преподобного Савватия, который был поставлен в часовне у мощей. Первое изображение Зосимы (1478) сделал игумен Досифей, знавший и помнивший его облик¹. Основу соловецкого собрания икон составили вклады. Так, священник Иов дал вкладом (1568) «Богоматерь Смоленскую», митрополит Новгородский Исидор (1607, 1609) – деисус поясной и пять икон, Михаил Федорович (1614) – «Вседержителя», царевна Мария Алексеевна (1715) – «Успение», митрополит

¹ В летописи об этой иконе говорится: «Образ Преподобных отец Зосимы и Савватия в сребропозлащенном окладе; на нем вставлено 18 пластинок жемчужных; писан 1478 года, в первый год по преставлении преподобного Зосимы, игуменом и учеником его Досифеем» [9, Ч. I, с. 295].

Филипп Колычев – деисус на трех досках, «Одигитрию», икон на 65 рублей 50 копеек и «свои собственные старинного письма». В числе других – от московских иконописцев Назария Истомина, Карпа Золотарева. В середине XVI века в связи с широким строительством новых храмов привозных икон стало не хватать. Были приглашены новгородские иконописцы, возможно, и московские, заложившие основы местного письма. Постепенно набирались опыта свои мастера.

В дневнике Е. Силина и Н. Померанцева записано, что во время пожара (1923) у Преображенского собора сгорела кровля с пятью куполами, и все его имущество погибло. Уцелела только одна икона «Зосима и Савватий Соловецкие» с 56 житийными клеймами (XVI век) из местного ряда иконостаса. С 1939 года она находится в Историческом музее.

На самом деле в лагерные времена иконостас Преображенского собора сохранялся, как музейное достояние, и множество икон уцелело. Например, шесть икон XVI–XVII веков из местного ряда иконостаса слева от царских врат «Богоматерь Тихвинская» (60x80), «Успение» (144x180), «Богоматерь Камень Нерукосечной горы» (91x127), «Архангел Михаил» (101x240) и «Архангел Гавриил» (93x240), икона «Символ веры» (140x156). Эти иконы демонстрировались в Третьяковской галерее на выставке «София–Премудрость Божия» в 2001 году.

Икона «Богоматерь Боголюбская с житиями Зосимы и Савватия» (1545) состояла из пяти сосновых досок, скрепленных шпонками, и размер имела внушительный (214x137). По признанию Померанцева, он еле дотащил ее до повозки. В архиве Оружейной палаты сохранился акт ее приемки: «изъята в целях охраны из часовни Чудо Просфоры Соловецкого монастыря в августе 1923 представителями Отдела музеев Наркомпроса Померанцевым и Силиным». Первоначально эта икона находилась в Троицком соборе Соловецкого монастыря, а в настоящее время она помещена в пристенном иконостасе Успенского собора Московского Кремля. В музеях Кремля находятся еще две большие иконы с житиями Зосимы и Савватия из числа выдающихся, также увезенных «в целях охраны».

В августе 1925 года была образована комиссия по вскрытию святых мощей под председательством чекиста Когана. В 1940-м году мощи были переданы в Цетральный антирелигиозный музей в Москве (Акт № 401 от 19.01.40 г., ст. 27581, 27582, 27583). А оттуда в 1946 году в музей истории религии в Петербурге. Святые мощи были упакованы в три больших бумажных свертка, где находились также туфли преподобного Зосимы, остатки суконной одежды и кожа от туфель преподобного Германа. Мощи преподобного Германа были завернуты, кроме бумаги, в воздух и кусок голубой парчи. В апреле 1989 года мощи преподобных Зосимы, Савватия и Германа были освидетельствованы церковной комиссией во главе с митрополитом Ленинградским и Новгородским Алексием (ныне Патриархом), тогда же, впервые после долгого перерыва, было совершено молебное пение у мощей. В июне 1990 года мощи были переданы Русской Православной Церкви и до августа 1992 года почивали в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры. О возвращении мощей на Соловки см. следующий раздел.

1.10. Возрождение монастыря

Начало возвращению монашествующих на Соловецкий остров было положено в июле 1989 года, когда состоялось освящение часовни во имя Святителя Филиппа. Эта часовня находилась у бывшей монастырской пристани, где в 1652 году братия прощалась с мощами Святителя Филиппа. В сентябре игуменом Германом и диаконом Иоанном на часовне был установлен крест, а в октябре игумен Герман (Чеботарь), настоятель Сергиевского храма с. Ширша Приморского р-на Архангельской области, был командирован на Соловки для совершения Богослужбных треб во вновь зарегистрированной православной общине. Через год, 25 октября 1990 года, определением Священного Синода Русской Православной Церкви совершилось долгожданное открытие Соловецкого монастыря. В адрес епископа Архангельского и Мурманского Пантелеимона была

направлена телеграмма: «Божие благословение на труды первых насельников в возрожденной Спасо-Преображенской Соловецкой обители. Радуюсь и благодарю Спасителя за Его милость к нам, выразившуюся в возрождении этой древней и славной обители. Патриарх Алексий». 28 октября в домовая церковь, устроенная братией во втором этаже гостиничного корпуса у Никольских ворот, была отслужена первая, после многолетнего перерыва, Божественная литургия. Вновь подтвердилось неложное обетование Божие, данное некогда первоначальникам Соловецким преподобным Савватию и Герману о том, что Соловецкие острова есть удел иноков, которые были и остаются светильниками для окружающего мира. Знаменательным для обители стал 1992 год: 9 февраля игумен (ныне архимандрит) Иосиф (Братищев) был поставлен наместником Соловецкого монастыря. 17 апреля того же года в монастыре состоялся первый постриг в монашество двух насельников обители – послушника Ильи Буюева с именем Савватий и инока Давида Кондратьева с именем Елеазар. Игумен Иосиф ходатайствовал о возвращении святых мощей Соловецких первоначальников преподобных Зосимы,

Возвращение святых мощей преподобных Зосимы, Савватия и Германа в 1992 г. Встреча на пристани.

Савватия и Германа в стены основанной ими обители. Перенесение святых мощей состоялось в августе 1992 года. Церковные торжества в Соловецкой обители возглавил ее священноархимандрит Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

19 августа 1992 года раки с мощами преподобных были доставлены самолетом из Петербурга в Архангельск, а оттуда на теплоходе «Борис Пастернак» отправились на Соловки. 20 августа мощи преподобных Зосимы, Савватия и Германа в сопровождении Святейшего Патриарха Алексия II и 300 паломников вернулись в родную обитель к месту своих подвижнических трудов и праведного упокоения. Духовенство на руках перенесло ковчеги с мощами в Спасо-Преображенский собор, где Святейший Патриарх в сослужении сопутствующих архиереев, наместника монастыря, братии обители и паломников в священном сане совершил молебен, малую вечерню с акафистом, и в тот же вечер всенощное бдение. Утром 21 августа в день памяти преподобных Зосимы, Савватия и Германа была совершена Божественная литургия в Спасо-Преображенском соборе, освященном малым чином. В тот же день Святейший Патриарх Алексий

*Святые мощи преподобных в
Спасо-Преображенском соборе 1992 г.*

посетил Свято-Вознесенский скит Соловецкого монастыря и у подножия г. Секирной освятил Поклонный Крест, водруженный в ознаменование совершаемого праздника и в память всех Православных христиан на Соловецких островах пострадавших.

22 августа Святейший Патриарх совершил чин освящения и первую литургию в надвратной Благовещенской церкви, где почивают теперь святые мощи преподобных и совершается ежедневное монастырское богослужение. В августе на монастырскую колокольню были подняты колокола, – обитель обрела голос.

Возвращение святых мощей преподобных было видимым знаком благословения Божия возрождающемуся монастырю. 3 апреля 1993 года было установлено празднование второго перенесения мощей преподобных Зосимы, Савватия и Германа (8/21 августа в день первого их перенесения в 1566 году) и празднование Собора Соловецких святых (9/22 августа). Примечательно, что в трудное для обители время, ее первоначальники видимым образом – своими святыми мощами, которые прежде почивали в разных храмах, – объединились. Они вместе кочевали по «темницам» спецхранов, вместе вернулись в обитель, и нераздельно почивают ныне под единой сенью. Прославленные за равноподвижное житие, они никогда не разлучались друг от друга в Небесном Царствии, и теперь в своей обители являют нам пример единства в предстательстве за нас ко Господу.

Святейший Патриарх Алексей II не оставляет обитель своим пастырским попечением. Он посещал монастырь 7–8 июля 1997 года, и 20–22 августа 2001 года. 22 августа 2001 года Святейшим Патриархом Алексием был освящен храм Святителя Филиппа – светлый, просторный и теплый. Поэтому в нем обычно совершается вечернее богослужение и литургия при стечении богомольцев в летнее время.

В будние дни в 6 часов утра вся братия¹ и паломники собираются в Благовещенском храме, где читаются утренние молитвы, полунощница и служится братский молебен

¹ Сейчас в монастыре братии около 40 человек.

*Святейший Патриарх Алексей II подписывает антиминс
во время освящения храма Святителя Филиппа в 2001 г.*

преподобным Зосиме, Савватию и Герману. В конце молебна все прикладываются к открытым мощам преподобных и отправляются на послушания. Литургия начинается около 8 часов утра, на ней присутствует клиросная братия и те, кто свободен от послушаний. В праздничные и воскресные дни богослужение начинается также с утренних молитв, но в 8 часов утра и на литургии по возможности присутствуют все. По большим праздникам и в воскресные дни после литургии совершается крестный ход вокруг монастыря. В 5 часов по полудни начинается вечернее богослужение, состоящее обычно из вечерни и утрени, по окончании которых в будние дни совершается лития об усопших, за которой читается монастырский синодик. По пятницам вместо литии совершается полная панихида. По средам вместо утрени поется молебен с каноном и акафистом преподобным Зосиме, Савватию и Герману.

Многие задают вопрос: «Как скоро будет полностью восстановлен Соловецкий монастырь?» Приведем слова наместника Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря

*Наместник Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря архимандрит Иосиф с братией.
Пасха 2005 г.*

архимандрита Иосифа (Братищева): «Этот вопрос на устах у всех приезжающих к нам. Я обычно отвечаю так: прежняя братия монастыря, строившая и украшавшая обитель, никому ведь не давала обещаний построить, например, крепостную стену за «пятилетку». Они трудились для Бога, и когда появлялась необходимость в строительстве храма или крепостной стены, они получали Божие благословение и начинали трудиться. Таков и мой подход: мы должны не внешним только строительством заниматься. Мы должны создать в обители ту благодатную атмосферу, в которой не только братия монастыря могла бы спастись, но где могли бы черпать духовные силы и приходящие к нам паломники. Сейчас главная наша задача – не только восстановить разрушенные стены, но в первую очередь восстановить разрушенные за годы безбожия души людские. А ведь в этом состоянии «разрухи» находится сейчас значительная часть общества. И с этой важнейшей задачей мы постепенно справляемся. Не хочу говорить «от себя». Приведу мнения паломников. Мне ни от кого не приходилось слышать, чтобы люди, побывавшие в нашем монастыре, оставались неудовлетворенными. Да, сегодня интерьеры наших храмов еще не блистают великолепием. С Божьей помощью пока восстановлен полностью только надвратный Благовещенский храм. В Преображенском соборе еще не закончены реставрационные работы. И все же несмотря на это люди в нашем монастыре черпают духовные силы, согреваются душой. А это значит, что стоящая перед нами задача пусть на малую толику, но уже выполнена» («Благовест», 20.04.2001).

Жизнь снова жительствоует на святых островах, некогда благоухавших неувядаемым цветом монашеского делания, и уже отовсюду устремляются на поклонение Соловецким чудотворцам новые поколения православных людей, паломники и богомольцы... По словам архимандрита Иосифа: «До тех пор, пока есть на земле русской Православие, на Соловки всегда будут идти люди».

Основатели Боловецкого монастыря
преподобные Зосима, Савватий, Герман
святитель Филипп

Глава 2

ИСТОРИЯ ОБИТЕЛИ В ЛИЧНОСТЯХ СОЛОВЕЦКИХ ПОДВИЖНИКОВ

«С преподобными преподобен будеши и со избранными избран будеши...» Наш рассказ о том, как искренняя любовь к Богу и ко святым Его может и любящего сотворить святым. Внимая рассказам о Соловецких святых, «пометем» истинным покаянием храмины душ наших, да и мы «обретем потерянную драхму», веру, творящую чудеса.

2.1. Преподобный Савватий.

2.1.1. О вселении на Соловецкий остров

В 1396 году преподобный Савватий Соловецкий пришел в Кирилло-Белоезерский монастырь, где принял иноческий постриг. Там он долгое время подвизался воздержанием и постом, изнуряя тело свое и преодолевая страсти и козни диавола. Послушание, кротость и смирение привлекали к нему любовь братии и игумена, и все почитали его как «образ всем тамо пребывающим во всех добродетелях и исправлениях жития» [7, с.14]¹. Савватий же себя укорял: «Славу от человек принимаешь, а славы Божией не ищешь». И вскоре,

¹ Житие соловецких святых было создано на рубеже XV–XVI вв. История его написания была зафиксирована письменно и дошла до нас в составе самого жития в «Слове о сотворении жития начальник соловецких Зосимы и Савватия» [7, с.82-84; 27, с. 159-162] Досифея, инок Соловецкого монастыря, автора первоначальных записей о деятельности основателей монастыря, а также в предисловии и послесловии Спиридона-Саввы; последнему принадлежит и литературная обработка материалов, собранных Досифеем, осуществленная им по настоянию новгородского архиепископа Геннадия. Спиридон-Савва завершил свою работу в 1503 г.

узнав, что на Ладожском озере на острове Валаам есть пустынный монастырь Преображения Господня, в котором иноки, все приобретая трудами рук своих, отличаются особой строгостью жития, решил переселиться туда. И там приходилось ему трудиться на самых тяжелых работах, и все исполнял он без лености и с молчанием, никогда не говоря: «почему мне то или за что это; все бо на пользу тому, чья душа не повреждается» [27, с. 16]. Видя, что игумен и братия почитают его ради добродетельного жития, Савватий рассудил: «Лучше ми есть отлучиться

*Вселение на остров преподобных
Савватия и Германа*

от пребывания места сего, нежели честь приимати и похвалы» [27, с. 19]. Между тем преподобный узнал, что на севере есть остров Соловки: «пуст и человеческого пребывания неприятелен; ради зимнего времени¹. ... Имяше же посреди себе озера многи и рыбы разные. ... И по раздолиям всяко дрeвеса имяше, и ягодичия многа разны бяху, и сосния дрeвеса велия бяху к созиданию храмов и на вся потребности благоустроен бе» [27, с. 22]. Слышав сия, преподобный Савватий «сердечно уязвился безмолвия любовью», и стал просить у игумена благословения отпустить его на взыскание острова того. Однако игумен и братия не пожелали расстаться со святым старцем. Тогда, предав себя на волю Божию, преподобный Савватий ночью оставил Валаамскую обитель. Направляем благодатию Христовой, он

¹ В течение шести зимних месяцев остров совершенно отрезан от материка, так как навигация прекращается, а путь по льду невозможен потому, что Белое море полностью не замерзает.

преодолея более семисот верст и достиг берега Белого моря. От местных жителей он узнал, что остров находится в двух днях плавания, и что на нем никто не живет, «страхования ради морския нужды»¹. Видя желание старца там поселиться, удивленные жители спрашивали, как он будет там жить и чем питаться. «У меня такой Владыка, – отвечал преподобный, – Который и дряхлости дает силы свежей юности, и голодных питает досыта». Некоторое время преподобный Савватий оставался в часовне, стоявшей вблизи устья реки Выги, в местечке Сороки. Там он встретил черноризца Германа, старца проста нравом и безкнижна, который бывал уже на острове. Он согласился не только проводить Савватия на остров, но и поселиться вместе с ним. На утлой ладье, называемой карбас, старцы отправились по суровому морю и в третий день достигли Соловецкого острова. Выйдя на берег, подвижники сотворили молитву и водрузили крест. Было это в 1429 году. Осматривая остров, они нашли подходящее место для устройства кельи у озера на расстоянии одного поприща от берега. И поселились там (недалеко от Секирной горы), трудясь и копая землю мотыгами, и тем питаясь.

2.1.2. О явлении ангелов, высекших жену

Прибрежные жители стали завидовать преподобным. Считая себя наследственными владельцами островов, они решили изгнать преподобных. По общему совету некий рыбак с женой и со всем домом приплыл на остров и поселился неподалеку от подвижников. Но Господь не попустил утвердиться мирянам рядом со старцами. На рассвете в воскресный день преподобный Савватий во время пения заутрени вышел из кельи покадить честный Крест, водруженный вблизи келии для поклонения. Внезапно он услышал «воплъ велик» и молился в изумлении и ужасе, думая, что людей на острове быть не может. По окончании утрени плач ещё усилился. Тогда Герман, приняв благословение от святого, пошел на голос и нашел женщину, лежащую и плачущую с воплем. На вопрос Германа:

¹ Боясь, что путь по морю не всегда возможен.

«Почто плачеш, кричащи?» – женщина отвечала: «Отче, идушу ми на озеро к мужу своему, и сретоста мя два юноши страшна образом светла зело, и начаста мя бити дубцы люте, глаголющу: «Изыдите скоро от острова сего! Вам бо недостойт жити zde, но благоволи Бог на пребывание иноческаго чина устроены быти месту сему. Вы же скорее отидите отсюда, да не погибнете злою смертию! На сем месте соберутся множество иноков, и да прославится от них имя Божие на месте сем и храм во имя Иисуса Христа воздвигнется». И стали невидимы». Герман, возвратившись в келью, передал Савватию все слышанное, и оба возблагодарили Бога, так как уразумели «от Бога хотящую быти благодать на острове том». И с того времени никто из мирских людей не дерзал поселиться на Соловецком острове [7, с. 19; 27, с. 33].

Явление ангелов,
высекших жену

Через несколько лет преподобный Герман отправился для приобретения жизненных потребностей на реку Онегу. Осенью он не смог вернуться на Соловки из-за противного ветра и снежной бури. Пришлось зазимовать в Онеге, да и на следующее лето, будучи «объят болезнию на многая времена» Преподобный Герман не смог исполнить своего намерения.

Преподобный Савватий, оставшись один, сперва поскорбел об отшествии Германа, но потом более укреплялся на подвиг, умоляя Господа не лишить его сего вожденного места. Духи же нечистые, желая утешить утеснявшего их, всей силой ополчились на преподобного, принимая образы змия или диких зверей, желающих поглотить его. Святой же оградился крестным знаменем и воспел: «Да воскреснет Бог и расточатся врази его!» – и так пребыл без вреда.

2.1.3. О кончине преподобного Савватия

Предчувствуя приближение кончины, преподобный Савватий обратился с молитвой к Богу, чтобы Он сподобил его причастия Святых Таин, поскольку долгое время лишен был он сего сладкого просвещения - с тех пор, как поселился на Соловках. Помолившись, Савватий вышел на берег моря, где Божиим смотрением обрел карбас со всем необходимым для плавания. Не возвращаясь в келью, он отправился в путь и за два дня при спокойном море и попутном ветре достиг устья реки Выги, где встретил игумена Нафанаила, шедшего для причащения больного крестьянина. Оба обрадовались встрече и приветствовали друг друга целованием, прося один от другого благословения. Савватий, рассказав о своем житии на острове, просил: «Да отимеши грехи мои от меня честным исповеданием, и да сподобиши быти причастником Святых и Животворящих Таин Пречистого Тела и Честной Крови Владыки Христа и Бога моего, много бо лет желаю напитаться душепитательною сею пищею». Игумен Нафанаил, удивляясь сколько имеет Господь сокровенных рабов, отвечал: «Да если бы я имел грехи твои, отче, во очищение моего недостойнства», – и просил Савватия подождать его в часовне до утра. Преподобный же отвечал: «Отче, не отлагай до завтра мое причащение. Не знаю, будет ли еще во мне дыхание завтра». Игумен, слыша проречение о близком его отшествии, исполнил желание старца. Савватий, по слову игумена, отправился в часовню на реке Выг, благодаря Бога за причащение. Он затворился в келье, находившейся при часовне, и стал готовиться к отшествию в вечные селения.

В то время к берегу пристал новгородский купец Иоанн и, поклонившись святым иконам в часовне, пришел к святому старцу. Получив благословение и наставление, он предложил преподобному часть своего богатства и был опечален, когда услышал отказ. Желая утешить купца, преподобный Савватий предложил ему остаться до утра и обещал благополучие в дальнейшем пути. Но Иоанн спешил отплыть. Внезапно

началась буря с громом, молнией и с великим трясением на море. Испугавшись, купец остался ночевать в шатре. Утром буря утихла и возсияло солнце. Иоанн, поклонившись иконам в часовне, пришел к келье преподобного, желая принять благословение на путь. Он сотворил молитву, но ответа не получил. Войдя в келью, он ощутил благоухание и увидел старца, сидящего в мантии и куколе, и кадилница стояла близ него. Иоанн сказал: «Прости меня, отче честный, яко дерзостно вошел к тебе. Не смею отойти в путь свой, не приняв твоего благословения». Но ответа не было. Думая, что старец спит, Иоанн коснулся его рукой, и лишь тогда понял, что душа его уже отошла ко Господу. Иоанн боялся и оставить тело святого без погребения и прикоснуться к нему недостойными своими руками. Но, помолившись, дерзнул с верою возложить на плечи свои тело преподобного, и перенести его в часовню. В тот час возвратился игумен Нафанаил, и они вдвоем с псалмами и песнями с честью погребли святые мощи преподобного Савватия, придав персть персти, 27 сентября 1435 года. Оба они, Нафанаил и Иоанн, удивлялись, какой благодати они сподобились – послужить погребению святого мужа.

Через 30 лет в 1465 году святые мощи преподобного Савватия были перенесены преподобным Зосимой (1478; память 17 апреля) и братией на Соловецкий остров и положены

Перенесение мощей преподобного Савватия

под спудом за алтарем церкви Успения. На Московском соборе, бывшем при митрополите Макарии, в 1547 году, установлено совершать память преподобного Савватия 27 сентября. В 1566 году мощи преподобных Савватия и Зосимы были перенесены в Спасо-Преображенский собор, в придел, устроенный во имя сих чудотворцев (память перенесения мощей 8 (21) августа).

2.2. Преподобный Зосима [7, с.25-51]

Преподобный Зосима происходил из села Толвуй Новгородской области. Его родители Гавриил и Варвара были людьми благочестивыми и воспитывали сына в добрых нравах. Однако, слушаясь родительских повелений, боголюбивый отрок не желал к «земным пригвождатися, ибо свободный от земного попечения, может чистотою умною Богу привязатися» [7, с.61].

Он с детства отличался благонравием, избегал забав и игр со сверстниками. Родители его жили сначала в Великом Новгороде, а затем поселились в селении Шунга, на расстоянии около двухсот верст от моря, да так и остались жить там. Вскоре удалился Зосима от мирской жизни и был пострижен в монашество в Палеостровском монастыре. И стремился он, как олень к источникам водным, в место пустынное, чтобы там наедине беседовать с Богом в молитвах. И размышлял Зосима в уме своем: «Не до конца отверг я мирскую жизнь, лишь словом. В Писании же говорится: «Награждаются не слова, но дела, и не слушатели закона спасаются, но творцы». Со мной же рядом всегда родители мои и родственники, друзья и знаемые, и живу я посреди них. В чем же тогда мое отвержение мира? Ведь говорится: «Не любите мира и всех прелестей его. Не может человек одно око устремить на небо, а другим смотреть на землю, как не может один раб двум господам работать: он или одного возлюбит, а другого возненавидит, или будет одному угождать, а о другом нерадеть. То есть, невозможно служить одновременно Богу и маммоне». Так, распаяясь любовью божественной, раб Божий Зосима днями и ночами молился и трудился, прилагая

любовь к любви и пламя к огню, и искал себе помощника в духовных подвигах. И с Божьей помощью случилось ему повстречать уже известного нам раба Божьего старца Германа, который ранее жил с блаженным Савватием на острове Соловецком.

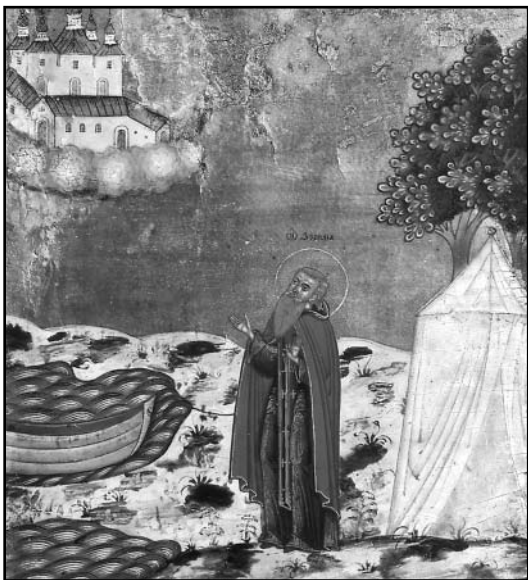
В духовной беседе Герман рассказал Зосиме о блаженном Савватии, о его подвигах и трудах, а затем об острове, удобном для устройства монастыря. Услышав это, возрадовался в душе Зосима, и возвел очи к небу, молясь про себя: «Господи Владыка человеколюбче! Настави мя на путь истинный, им же пойду по милости Твоей к спасению моему!» И Бог просветил его очи сердечные. В сердце блаженного Зосимы словно огонь воспылал от великого желания поселиться на острове вместе с Германом.

В то время отец Зосимы страдал лихорадкой и вскоре скончался, мать же осталась вдовой. Зосима с великими слезами и пением псалмов, как полагается по всем обычаям, похоронил отца своего. И пришел он в дом отчий, обратился к матери своей с советом благим, говоря ей так: «Госпожа моя мати! Угодно было Богу забрать к себе твоего мужа, моего отца... Не все ли в этом мире прах, не все ли пепел?» Она же, решив поவிноваться во всем воле сына своего, с готовностью отвечала ему: «Как повелишь, чадо, так и будет, я не ослушаюсь тебя!» Блаженный же посоветовал матери оставить дом и имущество и удалиться в ближайший женский монастырь, и принять там пострижение. Мать же во всем исполнила волю его, ушла в монастырь, оставив дом и все имущество, как то было угодно сыну. Блаженный же Зосима раздал все имущество родителей своих убогим и нищим и служивших у них людей отпустил, отдав им довольную часть богатства своего, и возвратился к своим прежним подвигам. Так он во второй раз отвергся от мирской жизни: сначала от родителей и родственников отказался и от пищи вкусной, и от всех соблазнов мирских, затем же отечество, родные места и всех знакомых своих покинул.

И пришел он на условленное место к Герману. Приготовив все к плаванью по морю, они отправились вскоре в путь. Богу помогающе, подул для них ветер попутный, и через два дня они достигли острова Соловецкого.

Поставив карбас в удобном месте, Зосима вышел на берег вместе с Германом, и стал осматривать остров, размышляя про себя, где бы, в каком месте начать монастырь строить, если Бог изволит и Пречистая Богородица. И нашел он место прекрасное, подходящее для основания обители: и озеро рядом, и недалеко от моря на расстоянии полета стрелы, а там залив тихий, удобная пристань и место для ловли рыбы. И поставили они на том месте шатер свой и в нем провели ночь без сна, молились и пели псалмы с великой верою ко Христу Богу и Пречистой его Матери в любви духовной друг к другу.

Утром вышел блаженный Зосима из шатра своего и было ему видение страшное: луч пресветлый ослепил его и сияние божественное осветило место то. И ужаснулся Зосима от такого видения. И, обернувшись на восток, он увидел церковь, «превелику зело и пречудну, простерту на воздухе, стоящу». И от такового страшного видения изменилось лицо его. И пришел Зосима к старцу Герману, рассказать ему о видении. Герман же, взглянув на него, заметил, что переменялось лицо его, и понял, что произошло нечто необычное: был он мудрым и опытным благодаря долголетнему монашеству своему и добродетельной жизни. И спросил Герман Зосиму: «Что с тобой, брат мой любимый? Что приключилось? Или призрак, или видение какое возмутили сердце и душу твою?» Зосима же рассказал старцу все подробно, как видел свет божественный и церковь прекрасную.

Видение церкви на воздухе

Герман же распалился духом и сказал: «Дерзай, любимче! Тебя избрал Бог для устройства места сего. К тому же и я напомним тебе о бывшем здесь чуде при блаженном Савватии, о котором прежде поведал тебе: ангелы Божий изгнали отсюда рыболова и жену его били палками, говоря: «Уходите отсюда скорее, да не злою смертью погибнете! Сей остров назначен инокам в вечное владение». Теперь же сказанное ангелами должно исполниться вскоре. Ибо сам Владыка Христос сказал: «Небо и земля прейдут, но слова мои не пройдут». Явил некогда Бог Моисею скинии образ в пустыне, так и тебе явил на месте сем это страшное видение. Тебя хочет Бог сделать основателем монастыря на месте сем!» И от слов Германа укрепился блаженный Зосима в вере своей, и с ещё большей решимостью устремился он к новым подвигам телесным и духовным: к телесным – по скорейшему созданию монастыря, к духовным – на борьбу с врагами невидимыми, вооружившись постом и молитвами. И обучался он этому у Германа, больше же – у самого Бога, помогающего всегда рабам своим в их борьбе с супостатами.

И помолились вместе Зосима и Герман, говоря: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий и Слово извечного Отца! Ты сказал праведному Аврааму: покинь землю твою и дом отца твоего и вселись в землю, которую я тебе укажу, и там я открою, что подобает тебе делать дальше. Так оно и случилось. Ты извел Иакова от Лавана с женами и детьми и всем хозяйством его и помог ему обрести благодать вместо Исава, сделав его родоначальником народа великого в Египте. Иосифа праведного ты сделал царем страстям и князем всему Египту и пшеницедавцем на всю вселенную, Моисея же – руководителем и наставником всему Израилю. Ты дал правителя и законодателя Аарона, пречудного жреца из него сотворил и служителя законным жертвам. И Иисуса Навина причестодавца явил для земли Обетованной. И Давида – пророка и царя праведного дал народу еврейскому, с обещанием и клятвою известив о явлении от семени его на престоле Христа Бога, на которого все народы уповают. Так, наконец, явился Тот, кому было предначертано изначально. Уповая на Тебя, мы молим Тебя, Всемилоственного Владыку Христа Бога, суди нас по милости Твоей и по щед-

ротам человеколюбия Твоего, а не по нашего недостойнства недоумению. Направь нас на исполнение воли Твоей, чтобы и мы, немощные, смиренные и недостойные, удостоились услышать глас божественный, обращенный к кротким мира сего: «Ты стал здоров, иди и не греши больше!» или «Вера твоя спасла тебя, иди с миром!». Утверди нас, Господи Владыка Христе, на месте сем, чтобы прославили мы имя Твое святое, Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

И помолившись, начали Зосима с Германом рубить деревья и кельи строить, что и удалось им вскоре с помощью Божией завершить. Преподобный же Зосима с тех пор стал труды к трудам прилагать, радуясь о Господе, к высоким мыслям дух свой направляя, тело духу покоряя, посвящая всего себя всенощным бдениям, обращая к Богу молитвы непрестанные, поучаясь постоянно во псалмах и пении духовном. Он славословил Господа, говоря: «На тя, Господи, уповаю, спаси мя по милости Твоей! Буди нам помощник на противника нашего дьявола, яко благословен еси во веки. Аминь». И так пребывали они с Германом, обрабатывая землю мотыгами и от плодов её питаясь, по слову: «в поте лица своего съедали хлеб свой», так Бог питал их.

Спустя некоторое время Герман, посоветовавшись с блаженным Зосимою, отправился на материк, чтобы привезти все необходимое для строительства обители. Герман задержался на побережье, а когда возвратился на берег, то плыть к острову Соловецкому не смог: была уже осень, наступили холода, начались сильные снегопады, море неукротимо волновалось, нанесло много льда. Волны перекатывались с места на место с силою и скоростью великой. Так пророк Давид писал в Псалтири: «Духом уст Его <сотворена> вся сила их, собирая, яко мех, воды морские и полагая в сокровищах бездны». Льдины, увлекаемые волнами, сталкивались между собой, и сокрушали друг друга, и невозможно было ни добраться к острову, ни вернуться оттуда.

Блаженный же Зосима, пребывая на острове в одиночестве, сперва сокрушался, что не вернулся к нему старец Герман. Потом же возложил он упование на Бога, говоря: «Господи

Боже мой, на Тя уповах, спаси мя! Яко к Тебе привержен есмь от юности моя и от утробы матери моя, и ныне, Человеколюбче, утверди мя на камене веры Твоея и неподвижна мя сохрани, яко к Тебе взях душу мою, никогда же не отлучаешься своих раб, но присно в них пребывая. Христе, Свете истинный, не остави мене, раба Твоего, уповающего на Тя!». И так к еще большим подвигам он устремился, слезами на всяк день омочая постель свою, молитвами, постом и испытаниями разными тело свое изнуряя, Богу непрестанно молитвы воссылая.

Видя бесы себя поругаемыми и изгоняемыми с острова молитвами преподобного Зосимы, вооружились против него и стали много бед творить ему. И ополчились они на него всею силою своею, и скрежетали зубами своими, одни – обличие змей приняв, другие превратившись в зверей различных и гадов, скорпионов и ящериц и других пресмыкающихся по земле. И устремились они все против Зосимы в виде змей, пожрать готовых, и зверей рычащих, хотящих растерзать его. Раб же Божий Зосима, не усомнившись в заступничестве Божиим и не испугавшись козней лукавых бесов и наглости их, отвечал им: «О вражия грубая немощь! Если вы от Бога получили власть надо мной, то творите со мной, что хотите, если же нет, то напрасны труды ваши: от любви Христовой вам отлучить меня все равно не удастся». И осенил себя Зосима знамением животворящего креста, обратившись к оружию непобедимому, глаголя: «Да воскреснет Бог и расточатся враги его! И да бежат от лица его все ненавидящие его, и яко исчезает дым, да исчезнут!» И так вся сила вражия исчезла.

Святый же, воздев руки к небу, рече: «Боже вечный, Царю безначальный, содетелью всей твари, молю Тя аз, раб Твой! Ты еси Царь царем и Господь господем, Ты еси разрешитель душам, Ты еси избавитель в Тя верующим, Ты еси упование труждающимся, Ты еси наставник рабом и всем уповающим на Тя, Ты еси утешитель плачущим, Ты еси Творец тварем, Ты еси любитель всякому добру, Ты еси Владыко и Содетель всем, Ты еси радость и веселие святых, и живот вечный, и свет незаходимый, Ты еси источник святыни, Ты еси сияние славы Бога

¹ О ничтожество проклятое.

Отца прежде всех век, ты еси Спаситель миру, исполнение Святаго Духа, ты седиши одесную Бога Отца, владея живыми и мертвыми в бесконечные веки. Ты убо, Господи, пресвятыи Царю, услыши мя в час сей, недостойного, молящегося Твоей благодати! Не отврати лица Твоего, яко скорблю! Избави мя от уст пагубного змия, зияющего пожрети мя и свести во ад жива, и от всех коварств человекоубийцы диавола. Да ополчением святых Твоих ангел сохраняем и наставляем, достигну во единство веры и в разум единосущныя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь». И с того времени преподобный Зосима приял власть над нечистыми духами и не могли они к нему приблизиться.

Вскоре подошли к концу запасы пищи. Преподобный недоумевал, чем ему прокормиться до лета; время от времени смущала его мысль — умереть голодной смертью. Но Зосима, отгоняя смущающие помыслы, говорил в себе: «Возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитает». Через малое время, когда он молился в келии, пришли к нему два светлых мужа, влекуще за собой сани, полные хлебов, муки и масла. Сотворив молитву и приняв благословение преподобного, они сказали: Приими, отче, у нас хлебы, и муку, и масло, и положи их у себя. А мы идем на добычу в море. И еще будет у тебя недостаток еды, ешь хлебы сия, и муку и масло, а мы, аще Бог повелит, со временем будем у тебя». Старец много времени не притрагивался к запасам, ожидая мужей тех, но они не пришли. И он уразумел Божие милосердие, что пища сия Богом послана ему, и прославил человеколюбца Господа, яко не презрел раба своего, уповающе-го на Него.

Чудо о явлении ангелов

По окончании зимы Герман приплыл с рыбаком Марком,

пожелавшим разделить с преподобными уединение, а также привез достаточное количество пищи и мрежи для рыбной ловли. Вскоре Марк принял монашеское пострижение и был первым учеником преподобных. Примеру его последовали многие прибрежные жители, которые, приплывая на остров, строили себе кельи подле келий Зосимы и Германа, и снискивали пропитание трудами рук своих. Преподобный Зосима, видя умножение учеников, построил небольшую деревянную церковь в честь Преображения Господня, на том месте, где было ему пророческое видение храма в сияющем облаке; к церкви приделал небольшую трапезу и положил начало общительному житию. Таким образом основалась Соловецкая обитель, до ныне сохраняемая милостию Божиею, несмотря на все пережитые ею испытания.

Устроив монастырь, преподобный Зосима послал одного инок в Новгород с просьбой о назначении игумена и за благословением на освящение храма. Растущая обитель не сразу была признана новгородскими властями. Владыка Евфимий отказался благословить начинание первых соловецких насельников. Только архиепископ Иона, занимавший кафедру в 1450–1470 годах, прислал на Соловки антиминс¹ для церкви и определил Соловецким игуменом иеромонаха Павла, который по прибытии на Соловки освятил церковь Преображения Господня. Однако ни игумен Павел, ни последовавший за ним игумен Феодосий долго на острове не задержались: оба «по непривычке к суровости строгопустыннической жизни скоро оставили свои начальства и удалились обратно в Великий Новгород» (Досифей).

Третьим игуменом был Иона. При нем была заложена основа экономической самостоятельности Соловецкого монастыря. На имя игумена Ионы и всех старцев оформлена грамота Господина Великого Новгорода, передавшая Соловецкий архипелаг в собственность монастырю «в веки». На имя Ионы оформлена грамота посадницы Марфы Борецкой, отдавшей «в дом Святому Спасу» два лука своих угодий на реке Суме. В

¹ Антиминс (греч. — местопрестольник) — четырехугольный льняной или шелковый плат с зашитыми в угол частицами мощей, с изображением почившего Иисуса Христа и четырех евангелистов по углам.

течение 1459–1470 годов, согласно сохранившимся источникам, на имя игумена Ионы было оформлено еще 6 данных, 2 купчих и одна закладная грамоты, по которым монастырь становился хозяином пахотных земель, пожен, лесов, озер, рыбных ловищ по рекам Кемь, Шуя, Выг, Сума, Шижня и по близлежащим морским побережьям. Однако и Иона, по-видимому, стремился вернуться в Новгород (в житии преподобного Зосимы его имя не упоминается, а в Летописце говорится: «и той пребысть мало лет отиде» [6, л.2об]).

Тогда братия Соловецкого монастыря положили на общем совете — не брать себе игуменов из других монастырей, а избирать из своей среды. Приводя в исполнение своё решение, они отправили к Новгородскому архиепископу посланцев с просьбой, чтобы он призвал отца их Зосиму и рукоположил его во священство и игуменство, хотя бы и не без сопротивления со стороны смиренного старца. Архиерей так и сделал: вызвав к себе письмом преподобного, убедил его принять священство и игуменство. Получив для своей обители богатые пожертвования, состоящие из денег, одежд, сосудов, съестных припасов, преподобный с честью был отпущен владыкой на Соловки.

Преподобный Зосима стал игуменом в 1452 году и игуменствовал 26 лет. Грамоты были даны во время его игуменства на имя Ионы, видимо, потому, что бывший игумен проживал в Новгороде и ходатайствовал за Соловецкий монастырь. С радостью братия приветствовали возвращение своего уважаемого и любимого настоятеля. Знамение благодати Божией ещё более усилило общее почтение к преподобному игумену. Когда он совершал в своей обители первую литургию, то лицо его светилось, как лицо ангела, и церковь исполнилась особенного благоговения. По окончании богослужения преподобный благословил просфорою некоторых купцов, бывших в то время в обители, а они, выйдя из церкви, по неосторожности обронили её. Проходя мимо, инок Макарий заметил пса, который старался схватить что-то и не мог из-за поднимавшегося пламени. Приблизившись, Макарий увидел, что это просфора, потерянная купцами.

Подняв её, инок принёс просфору к преподобному игумену и, к немалому удивлению всех, рассказал своё видение¹.

С умножением братий, прежняя деревянная церковь оказалась тесною. Преподобный Зосима построил новую, больших размеров, в честь Успения Божией Матери, а также поставил много келий и распространил монастырь. Кроме того, в благословение увеличивающейся обители своей, он решился перенести мощи преподобного Савватия, скончавшегося на реке Выге и погребённого при тамошней часовне. В этом намерении преподобный окончательно утвердился, получив послание иноков Кирилло-Белоезерского монастыря. «Мы слышали,— писали иноки,— от пришельцев из вашей страны о Соловецком острове, что он издревле был необитаем, по причине неудобства морского пути, а теперь на этом острове, по воле Божией и ходатайству Пресвятой Богородицы, вашим старанием сооружён монастырь честного Преображения Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, собралось множество братии и всё устроилось прекрасно. Только вы лишены одного блага — именно забыт вами преподобный Савватий, прежде вас живший на этом месте, скончавшийся в посте и труде, подобно древним преподобным отцам, совершенный в добродетели. Он всею душою возлюбил Христа, удалился от мира и получил блаженную кончину. Некоторые иноки нашего монастыря, будучи в Новгороде, слышали повествование боголюбивого Иоанна, как он на реке Выге сподобился видеть преподобного Савватия и получить от него духовное наставление, и, по кончине, похоронил его с Игуменом Нафанаилом. Рассказал Иоанн нашим братиям, как Бог, по молитвам преподобного Савватия, чудесно сохранил его с братом Феодором от потопления в море. Мы слышали, что у гроба его совершились и другие знамения и чудеса. Он угодник Божий, и мы свидетели добродетельной жизни его, потому что этот блаженный отец довольно пожил с нами в Кирилловском монастыре. Поэтому мы даем вам духовный

¹ В память «чуда о просфоре» «повеле Преподобный Зосима на том месте крест поставить, которой и донныне стоит» [6, л.2 об]. Позднее на этом месте справа от дорожки, ведущей от пристани к Святым вратам, была устроена часовня, которая хорошо видна на литографиях (между Александровской и Петровской часовнями).

совет — не лишайтесь такого дара, поспешите перенести к себе преподобного и блаженного Савватия, чтобы мощи его находились там, где он потрудился много лет».

Такое послание, как нельзя более, согласовалось с желанием самого преподобного Зосимы и Соловецкой братии. Приготовив корабль, они отправились с попутным ветром на поморское побережье. Достигнув реки Выги и откопав гроб преподобного Савватия, они нашли мощи нетленными, невредимую и самую одежду — в воздухе разлилось необычайное благоухание. С пением священных песней Соловецкие иноки перенесли святую раку на корабль и с попутным ветром благополучно достигли своей обители. Первоначально честные мощи были положены в земле, за алтарём Успенского собора, и над ними устроена часовня. Многие болящие, приходя сюда с верою, получали исцеления по молитвам преподобного. Сам игумен Зосима каждую ночь горячо молился в этой часовне, и часто утренняя заря заставляла его на молитве. Купец Иоанн, бывший при погребении Савватия и имевший к нему особенную любовь, написал образ преподобного (возможно, что образ был написан по его заказу и с его слов). Иоанн и брат его Феодор вручили икону игумену Зосиме, присовокупив и щедрое подаяние для обители. С благоговением приняв и лобызав изображение первоначальника Соловецкого, игумен Зосима поставил его в надгробной часовне и обратился к преподобному со следующими словами: «Хотя ты и окончил временную жизнь телом, но не отступай от нас духом, руководи нас ко Христу Богу, наставляя соблюдать заповеди Господни, носить крест свой и последовать нашему Владыке. Имея дерзновение ко Христу и Пречистой Богоматери, будь молитвенником и ходатаем о нас недостойных, жительствующих в этой обители, которою ты начальствуешь; будь помощником и заступником пред Богом нашему братству, чтобы мы, по твоим молитвам, пребыли невредимыми от злых духов и людей, прославляя Святую Троицу, Отца, Сына и Святаго Духа».

Поселение иноков на пустынном острове, основание и распространение Соловецкой обители возбудили зависть корыстолюбивых и недоброжелательных людей. Они при-

плывали к острову, ловили в озёрах рыбу, а монастырю ловить не позволяли, называя себя хозяевами и владельцами Соловецких островов и даже грозили разорить обитель и выгнать оттуда монахов. Преподобный игумен решился отправиться к Новгородскому архиепископу и просить у него помощи и защиты. Прибыв в Новгород, преподобный Зосима был благосклонно принят архиепископом Ионой, который посоветовал ему изложить свои нужды пред главными боярами, управлявшими городом. Преподобный обошёл их дома и просил не допустить обитель свою до разорения: все знатные люди обещали ему свою помощь. Но между влиятельными и богатыми новгородцами в то время особенно выделялась Марфа Борецкая: её-то поселенцы и рабы чаще других причиняли разные обиды Соловецкому монастырю. Заслышав о Соловецком игумене и предубежденная против него наговорами своих домашних, она повелела с бесчестьем отогнать его от своего дома. С терпением и кротостью принял угодник Божий это бесчестье и пророчески сказал своим ученикам: «Настанет время, когда жители этого дома не будут ходить по своему двору; двери дома затворятся и уже не отворятся; этот двор опустеет».

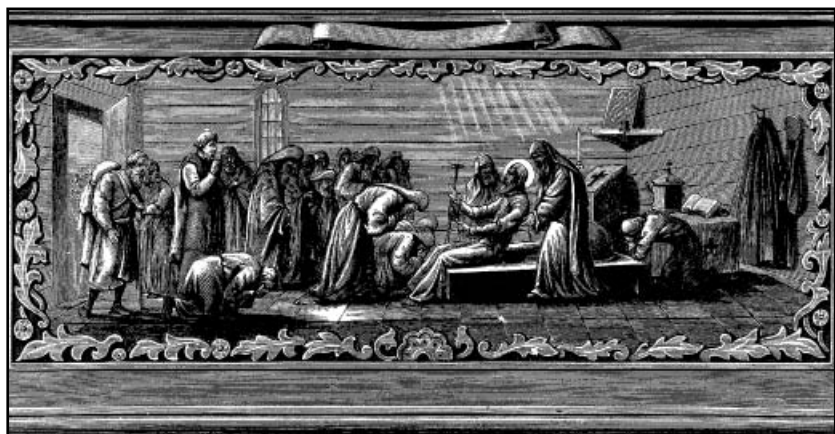
Архиепископ Иона созвал бояр к себе, вновь изложил им обиды монастырю от пришлых людей и убедил оказать помощь монастырю. Игумен получил от доброхотных дателей много пожертвований на нужды обители церковными сосудами, священными одеждами, золотом, серебром, хлебом. Также дана была грамота «преосвященного Ионы, архиепископа великаго Новаграда, и посадников новгородских, и тысяцких, и бояр, и купецких людей, и жителей всех пяти концов преподобному чудотворцу Зосиме на Соловецкий остров и на Анзерский остров, и на Муксалмы, и на Заецкой острова, и на малые островки, и в тех островках на страдомуя землю, и на пожни, и на ловища, и на тони, и на лешие озера в вечное владение в Соловецкой монастырь за осмию печатями свинцовыми» [6, л.3].

Скоро и сама Марфа раскаялась, что оскорбила преподобного и, желая загладить причиненную ему обиду, пригла-

сила его к себе на обед. Игумен Зосима, по своему незлобию, принял это приглашение и, когда вошел в дом боярыни, то был с честью встречен самою хозяйкою и всем семейством её и посажен на почётном месте. Все ели и пили с знаками живейшего удовольствия, а преподобный сидел молча и, по обыкновению, мало вкушал от предлагаемой пищи. Взглянув на гостей, он в изумлении опустил глаза; взглянув в другой и третий раз, он видел то же самое, именно: шесть главнейших бояр сидящими без голов. Поняв, что означает это видение, преподобный вздохнул и прослезился, и уже не мог вкушать ничего из снедей, как ни просили его собеседники. После обеда Марфа, испросив у старца прощение за прежнее оскорбление, дала монастырю во владение землю, утвердив это пожертвование грамотою. Когда преподобный вышел из дома Марфы, ученик его Даниил спрашивал его о причине скорби и слёз во время обеда. Старец объяснил ему своё видение, заметив, что эти шесть бояр будут со временем обезглавлены, но просил сохранить это втайне. Вскоре по возвращении преподобного в обитель исполнилось и пророчество его о запустении дома Борецкой, и видение во время обеда. Смирив Новгород силою оружия, великий князь Иоанн III повелел казнить тех бояр, которых преподобный Зосима видел обезглавленными, а Марфу Борецкую отправить в ссылку. Имение её было разграблено, дом и двор запустели.

Преподобный Зосима, достигнув маститой старости и предчувствуя приближение кончины, стал готовиться к переходу в вечность. Он устроил себе гроб и часто со слезами смотрел на него, памятуя о своей смерти. Когда постигла его болезнь, то, призвав братию, он говорил им: «Вот я отхожу из этой временной жизни, а вас предаю Всемиловитому Богу и Пречистой Богородице; скажите, кого желаете иметь игуменом вместо меня!» Ученики со слезами говорили умирающему игумену своему: «Мы хотели бы, отец наш, с тобою быть погребёнными, но это не во власти нашей; пусть же Тот, Кто возвестил тебе отшествие из этой жизни, Христос Бог наш, пусть Он даст нам чрез тебя наставника, который управлял бы нами

Кончина преподобного Зосимы

ко спасению; да починут над нами благословение и молитвы твои — позаботившись о нас в этой жизни, не оставляй нас сирыми по отшествии твоем к Богу».

Преподобный отвечал: «Я сказал вам, дети, что предаю вас в руки Господа и Пречистой Богородицы, а так как вы относительно игумена возложили свое упование на Бога, Пречистую Богоматерь и мое смирение, то да будет вам игуменом Арсений — он способен к управлению монастырём и братией», — этими словами препод. Зосима вручил игуменство благочестивому иноку Арсению. «Вот я поставляю тебя, брат, строителем и управителем святой обители сей, и всей братии, собранной любовью к Богу. Берегись, чтобы не утратилось что-либо из монастырских законоположений, как то: относительно соборной церковной службы, ястия и пития в трапезе, и других монастырских обычаев, уставленных мною; пусть всё это будет целым и ненарушимым. Господь да направит стопы ваши к деланию заповедей Своих, молитвами Пречистой Госпожи Владычицы нашей Девы Богородицы и всех святых, а также и угодника Своего преподобного Савватия. Господь наш Иисус Христос да защитит вас от всех вражеских наветов и утвердит в божественной любви. Я, хотя и разлучаюсь от вас телом, отдавая долг естеству, но духом пребуду с вами неот-

ступно. Вы узнаете, что я обрёл благодать пред Богом, когда, по моём отшествии, обитель распространится, соберётся множество братии; это место процветёт духовно, и в телесных потребностях не будет иметь скудости».

Сказав всё это братии, он целовал их в последний раз, всех благословил, с воздеянием рук молился о монастыре, своей духовной пастве и о себе; наконец, перекрестился и произнёс: «Мир вам!» После этого, устремив потухающий взор вверх, проговорил: «Владыко Человеколюбче, сподоби меня стать одесную Тебя, когда Ты приидеши во славе судить живых и мертвых и воздать каждому по делам его». Затем преподобный Зосима лег на одр и предал душу свою Господу, для Которого трудился всю свою жизнь. Это было 17 апреля 1478 г. Совершив отпевание, иноки похоронили своего игумена в гробе, который он сам приготовил, за алтарём Преображенского собора, а впоследствии устроили над его могилою часовню, в которой поставили святые иконы. Все верующие, притекая сюда с молитвою, получали по молитвам преподобного облегчение скорби и исцеление болезней. Московский собор, бывший при митрополите Макарии в 1547 году, положил совершать память преподобного Зосимы в день его кончины 17 апреля. 8 августа 1566 года святые мощи его, вместе с мощами преподобного Савватия, перенесены в придел, устроенный в честь сих Чудотворцев.

2.3. Преподобный Герман

С именем Савватия связан образ отшельника, безмолвника, с именем Зосимы – образ труженика, строителя монастыря, заботливого игумена, а образ преподобного Германа – смирение и послушание, у него был редкий дар помощника. Он первым из монахов с рыболовами побывал на Соловках, и благодаря ему преподобные Савватий и Зосима поселились на острове, он нес наравне с ними все тяготы пустынножительства. О Германе Досифей пишет, что он был из простых человек, грамоте и Божественному писанию не

научен. Однако, будучи сам человеком не книжным, преподобный Герман был убежден, что жизнеописания подвижников представляют назидание для чающих спасения, а потому повелел клирикам записать с его слов свидетельства о том, как преподобные Зосима и Савватий пришли на остров, и как обустроивался монастырь. Рассказами преподобного Германа, записанными для памяти священноиноком Досифеем, о начале монашеской жизни на Соловецком острове было положено начало написанию жития преподобных Савватия и Зосимы и их прославлению.

Преподобный Герман 50 лет потрудился на благо Соловецкой обители, и в этих трудах по дороге в Новгород застала его смерть. Проезжая мимо обители святого Антония Римлянина, он имел некое «явление Божие», которым извещен был о близком отшествии своем ко Господу. Он призвал игумена из того монастыря, и после исповеди и причастия Святых Христовых Таин мирно предал дух свой Богу в 1479 году. Ученики преподобного решили перенести его мощи в монастырь, но из-за распутицы они не успели добраться до островов и погребли мощи в веся Ховроньиной на берегу реки Свири. В 1484 году при игумене Исаии святые мощи преподобного Германа были обретыны нетленными и с радостью перенесены в родную Соловецкую обитель и положены под спудом «на восточной стороне, одесную храма святого Николы чудотворца, близ святого алтаря». Служение преподобного Германа настолько сокровенно, что жизнеописание его содержит лишь сведения о его блаженной кончине и о его явлении пресвитеру Григорию в его родном селении Тотме в 1602 году. Преподобный Герман повелел пресвитеру написать свое изображение и составить тропарь.

30 июля 1623 при игумене Иринархе были обретыны мощи преподобного аввы Германа [6, л. 15]. В 1692 году по благословению патриарха Иоакима преподобный Герман, Соловецкий чудотворец был канонизирован к местному празднованию 30 июля (12 августа). «Аще кто с верою приходит к нему (преподобному Герману) – от многих скорбей, и болезней, и бед избавляет святыми своими молитвами».

2.4. Игумен Филипп [28]

Святитель Филипп, Митрополит Московский происходил из знатного боярского рода Колычевых. Его отец Стефан был близок к великому князю Василию Ивановичу, благочестием отличалась его мать — Варвара¹. 11 февраля 1507 года в семье родился первенец, названный Феодором. Получив образование по церковным книгам, он вскоре поступил на службу при дворе великого князя, где был знаком с малолетним Иваном — будущим царем Иоанном IV. Христианское благочестие и глас Божий, услышанный Феодором 5 июля 1537 года в церкви во время Литургии: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть» (Мф. 6, 24) — подвигли молодого боярина отвергнуть все мирское и удалиться в пустыню. Феодор тайно покинул родительский дом и безвестным странником ушел на Север. В одной из прибрежных онежских деревень (Хиже) он, воспользовавшись гостеприимством крестьянина Субботы, служил недолго пастухом, а затем продолжил путь на Соловецкие острова. В монастыре он был с любовью принят игуменом Алексием (Юрневым).

Федор, ради смирения, не пожелал открыть своего мирского звания и прошел обычный суровый путь монастырского трудничества: «дрова убо секий и землю копая в огороде и камене пренося, овогда же и гной (навоз) на плещу своею носяще», — работал на огороде, расчищая и удобряя бедную каменистую почву. Приходилось ему переносить испытания и более тяжкие для его смирения: «многожды же уничижаем и бием от неразумных», не гневался и с кротостью переносил все. Через полтора года он был пострижен и наречен Филиппом. Но ангельский образ не отменил его тяжелых тру-

¹ В Летописце отмечено [6, л.8]: «Филипп Стефанович Колычев, игумен Соловецкого монастыря, просил всего братства, чтоб написать в вечной поминок в литию отца его Стефана, да мать его инокиню Варсонофию, да брата Бориса, а как он, Филипп, мол, преставится, написать и его в литийный синодик и поминовение отправлять месяца ноября в 7 день. А всей его дачи на монастырь 180 рублей».

дов. Филипп нес послушание сначала в кузнице, где постоянное обращение около огня приводило ему на мысль геенский огонь, потом на поварне, потом в хлебне (пекарне), где он рубил дрова, носил воду, топил печь. Там почтила его труды своим явлением сама Пресвятая Богородица, оставив свой образ, получивший название «Хлебная» или «Запечная». Это было удивительное знамение того, что не высота служения, а чистосердечная ревность в прохождении его приближает нас к Богу. Тогда Филипп находился в послушании у иеромонаха Ионы, дивного старца, который в юности был учеником преподобного Александра Свирского, тогда уже прославленного. Иона учил Филиппа всему монастырскому и церковному уставу, пока ученик его, постигнув литургическую науку, не был поставлен еkkлисиархом – наблюдающим за чином богослужения. Рассказывают, что старец предрекал о своем ученике: «Сей будет настоятелем во святой обители нашей». Доселе под папертью церкви святых Зосимы и Савватия, рядом с надгроб-

*Хлебная икона
Пресвятой Богородицы*

*Явление Пресвятой Богородицы
иноку Филиппу*

ной плитой митрополита Филиппа, сохранилась в стене и памятная плита, отмечавшая место упокоения его учителя: «Лета 7076 (1568) преставися раб Божий инок Иона Шамин месяца генваря в 10 день». Старец Иона лишь на 2 года упрел-дид в вечности своего духовного сына.

Трудовые послушания не заглушили в иноке Филиппе вкуса к духовной жизни. На эти годы падает его удаление из монастыря в лесную пустыню: «тамо к Богу ум возвысив, в молитвах точию упражняшесь». В уединении отшельник провел «не мала лета», потом, навывкнув безмолвию, вернулся к обычным трудам. Запомним эту драгоценную подробность, которая поможет нам понять, что, будучи игуменом, а затем митрополитом, Филипп оставался в первую очередь монахом, сердце которого всецело принадлежит Господу. «Духовная карьера» его не интересовала, он бежал славы, и принимал высокие назначения лишь «за послушание» воле Божией. Через десять лет соловецкой жизни «никто из иноков житием, разумом и опытностью» не мог сравниться с Филиппом. Игумен Алексей любил его и уже видел в нем своего возможного преемника. Филипп отказывался, но, видя его нелицемерное смирение, игумен Алексей только укреплялся в своем намерении. Было ли в это время известно в Соловках происхождение и мирское богатство Филиппа? Это возможно – по крайней мере, для настоятеля и духовного отца Филиппова. Все равно, имя Колычева должно было открыться в Новгороде при поставлении в игумены. Можно думать, что имя это, вместе с его личными качествами, могло остановить на нем выбор игумена Алексея. Удручаемый старостью и болезнями, он предложил братии избрать нового настоятеля. Выбор единодушно пал на Филиппа. Филипп не прекословил.

С письмом игумена Алексея и в сопровождении нескольких старцев, он отправился за утверждением в Новгород. Архиепископ Феодосий принял монахов, привезших письмо игумена Алексея, но не увидел среди них Филиппа. «Где же избранный?» – спросил он. Избранный скрылся из скромности. Представ перед владыкой и удовлетворив его разумными ответами на испытующие вопросы, Филипп был рукоположен в священника и получил из рук архиепископа игуменский по-

сох. «Вот отец вам», – сказал Феодосий, – «имейте его во образ Христа и покоряйтесь ему со всяким послушанием».

В середине августа его встречали уже в обители с крестами, иконами и колокольным звоном. Бывший игумен с братией вышли ему навстречу до берега и проводили в церковь на игуменское место. Немного не поспел игумен Филипп ко дню храмового праздника Успения. 17 августа 1548 г. он совершил соборне свою первую литургию в монастыре и сказал свое первое учительное слово.

Здесь в житии игумена Филиппа встречается странный эпизод, к сожалению, без пояснений. К нашему удивлению, игумен, столь торжественно поставленный, не остается в монастыре, а слагает с себя управление. Вот как повествуется об этом: «преподобный, хотя и принимает старейшинство, но не изменяет своего прежнего нрава. Больше прежнего простираясь на подвиг и предаваясь еще большим телесным трудам, он видел себя хвалимым и почитаемым, и вменил сие в тщету, будучи от юности украшен смирением; сего ради оставил игуменство и отошел опять в пустыню, приходя в монастырь только для причащения пречистого тела и крови Христа Бога нашего. В это время начальствовал прежний игумен, который и постриг святого, в течение полутора лет, пока не преставился. И поставили опять Филиппа». Удивительный сам по себе случай отречения только что избранного игумена, становится еще более странным, если обратить внимание на то, что, как для возвращения к власти престарелого Алексия, так и для вторичного утверждения Филиппа, требовались новые путешествия в далекий Новгород. Владыка Феодосий должен был трижды в течение двух лет ставить игумена в Соловки. Этому формальному поставлению соответствует и вторичное избрание Филиппа в игумены на собрании братии по смерти Алексия. Все это указывает на то, что, удаляясь в пустыню, Филипп действительно сложил с себя настоятельство.

Здесь представляются две возможности. Или Филипп с первых же шагов своего игуменства столкнулся с враждебной ему партией, сумевшей как-то противопоставить ему игумена Алексия. Или он слагает с себя бремя власти по аскетическим опасениям. Он сомневается в своих силах, раскаивается в

своем согласии, бежит власти. В обоих случаях перед нами не твердый характер, не честолюбивый деятель, знающий меру своих сил и ответственности, – натура скорее робкая, стремящаяся уклониться от власти в смиренном сознании своей слабости. Беглецом из Москвы мы видели боярского сына, беглецом видим и игумена. Не борец, а беглец. Таким мы должны запомнить его, чтобы образ хозяйственного игумена и мужественного исповедника не заслонил в наших глазах его природы, той кроткой и смиренной немощи, в которой «сила Божия совершается».

Игуменство святителя Филиппа продолжалось 18 лет. Его заботами не только был обустроен монастырь, но был окультурен и весь остров: проложены дороги, осушены болота, озера соединены каналами, расчищены от леса луга и пастбища. Игумен Филипп с любовью «возделывал» свой остров в том смысле, как заповедано было Богом Адаму возделывать рай. Летописец свидетельствует[6, л. 8–9]: игумен Филипп «два пруда каменные¹ делал – людей наимовал от себя, да в Заяцком <острове> построил становище (гавань) каменное, полату и поварню каменные построил. При Филиппе ж вновь учинены разные кушаньи и доспехи. При нем же прибыли олени на остров. При нем же и коровы заведены, токмо в Муксалмах, 10 верст от Соловецкаго разстояния. При Филиппе прибыли промыслов разных – соль, железо и рыбных. Да Филипп игумен мельницы построил да ручей копал, к мельницам воду приводил в монастырь из пятидесяти двух озер в Святое озеро; дороги делал вновь и чистил, двор коровей построил в Муксалмах да на Вараксе, двор построил на кирпичные заводы, печи и анбары. Да при нем же, Филиппе, прибыло сосудов медных и оловянных, такожде и сребрянных. Да при Филиппе ж прибыло волов, и лодей, и коней, и всякаго заводу; сена причистил больше полуторых тысяч копен; зделал каменные колокола, и звон прекрасный был. Да при Филиппе ж игумене варят квас старец да пять человек, и сливают те же, а братия уже не сливают и ни слуги, а тот квас насосом кверху подымут и в погреб трубою спустят. Да до Филиппа игумена на сушило рожь носили многие братия, а Филипп игумен устроил

¹ Филипповы садки для содержания пойманной морской рыбы.

телегу – сама насыпается и привезется сама, и высыплется рожь на сушило. Да до Филиппа игумена братия подсевали рожь, а Филипп устроил севальню – десятью решеты один старец сеет; да при Филиппе ж доспето решето – само сеет, и насыпает, и отруби и муку розводит разно да и крупу тако ж. Да до Филиппа братия многие носили рожь на гумно веять, а Филипп устроил ветр мехами, в мельнице рожь веют».

Летописец рассказывает и о том, как ревностно сохранял игумен Филипп память о Соловецких первоначальниках и как старался по мере сил поддерживать их начинания: «преподобный Филипп игумен доведася (разыскал) образ Пречистыя Богородицы Одигитрии, с которым Савватий чудотворец сам на остров приехал первее. Да он же Филипп игумен сыскал чудотворца Зосимы псалтирь, по которой псалтири сам правил, и служил, и готовился к службе, да вычинил он ее, да и подписал на ней, кое Зосимы чюдотворца самого. Да Филипп же игумен сыскал Зосимины ризы, в коих сам служил, да вычинил, да и подписал на них, кое на чудотворцевы памяти игумены сами служат в них, и учинил их первыми ризами».

В 1566 году, когда первосвященительская кафедра оказалась свободной, выбор пал на уже престарелого соловецкого игумена. Смиренный игумен со слезами просил царя не налагать на него это тяжкое бремя: «Нет, милосердый государь, не разлучай меня с моею пустынею; не налагай на меня бремени выше сил. Отпусти, Господа ради, отпусти; не вручай малой ладье бремени великого». Но царь был непреклонен¹ и игумен Филипп принял первосвященительский сан с условием, что будет ослаблена «опричнина».

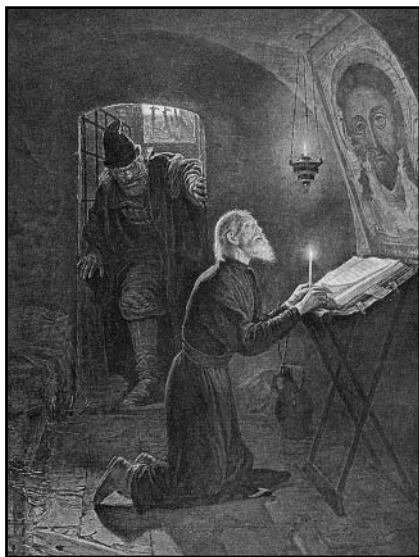
Благодаря Святителю Филиппу были помилованы многие из тех, кто выступал против «опричнины». На Священном Соборе он обличал епископов, не сумевших возвысить свой голос в защиту народа и погрязших в «куплях житейских». Но, не найдя поддержки в Земской думе и Священном Соборе,

¹ Почему царь остановил свой выбор на игумене Филиппе, после того как изгнал из митрополичьих покоев Германа, архиепископа Казанского? Неужели он считал, что Филипп будет покладистее? Заметим, что Грозный соединял злодеяния со страстной набожностью и считал себя ревнителем о чистоте и благолепии церковном. Желая видеть святого пастыря на Московской кафедре и иметь в нем молитвенника, а не судью своей совести, царь искал достойнейшего и нашел его в лице давно знакомого игумена Соловецкого.

он один мужественно противостоял грозному царю, порой отказывая ему в благословении. Не действовали на Святителя ни угрозы, ни попытки опорочить его имя. Свое дело он считал правым, готов был принять смерть — и принял ее.

Через два года обличительные речи святителя Филиппа положили конец терпению царя, в ноябре 1568 года по требованию Грозного неугодный митрополит был смещен с кафедры, сослан в Тверской Отрочь монастырь и 23 декабря 1569 года принял мученическую кончину от руки Малюты Скуратова.

*Кончина
Святителя Филиппа*

В 1591 году, при царе Феодоре Иоанновиче, мощи святителя Филиппа были перенесены в Соловецкий монастырь игуменом Иаковом¹ с братией. В продолжение 55 лет покоились они в могиле, приготовленной для себя святителем Филиппом. В 1646 году царь Алексей Михайлович повелел торжественно открыть святые мощи, после чего они были перенесены в Преображенский собор и поставлены «в раке

¹ Игумен Иаков пожелал, чтобы тело его покоилось рядом с местом погребения святителя Филиппа, который в свою очередь приготовил себе могилу у северной стены Спасо Преображенского собора рядом с могилой своего старца Ионы Шамина, попечению которого он был вручен после пострига. Сохранились прикрепленные к стене фрагменты надгробной плиты игумена Иакова с надписью: «Здесь погребено тело игумена 27-го Соловецкого Иакова, ученика Святителя Филиппа, бывшего игуменом 16 лет, старанием коего перенесены Святителя Филиппа мощи из Отрочь монастыря и за то принявшего покой у ног своего учителя. В 1597 году скончался.» Ошибка в дате кончины свидетельствует о том, что эта плита, скорее всего, поздняя, положенная, может быть, во время строительства Троицкого храма. В 1597 году игумен Иаков стал архимандритом Костромского Ипатьевского монастыря. В 1606 г. он удалился на покой в Соловецкий монастырь, где и скончался в 1614 году [29, с.9].

против правого клироса в углу у святых икон» (у южной стены) [6, л. 17]. В 1652 году они были перенесены митрополитом Новгородским Никоном (будущим Патриархом) в Московский Успенский собор в Кремле, где и почивают до сего дня. «А часть мощей святителя Филиппа митрополита оставлена в Соловецком монастыре в соборной церкви, в той же раце, в ковчезе серебрянном, на исцеление скорбящим» [6, л. 17об.].

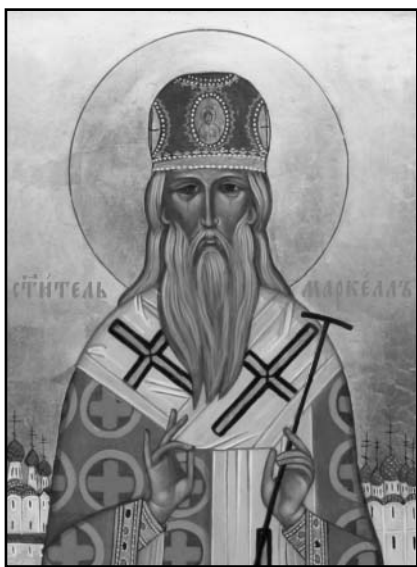
Страдания святителя Филиппа за правду, за ограничение безудержного самоуправства царской власти и за должный духовный авторитет Церкви в обществе были для митрополита Никона образцом и примером. Изгнание митрополита Филиппа, совершенное за обличение царских беззаконий и жестокостей, и его убийство были первым и самым серьезным конфликтом между самодержцем и главой церкви в России. Требовалось восстановить каноническую правду в отношениях монархии и Церкви. Подобно тому, как император Феодосий, отправляя посланников за мощами святого Иоанна Златоуста, обращался к давно почившему Святителю с покаянной грамотой, прося в ней прощения за свою мать, гнавшую святого, Никон предложил царю Алексею Михайловичу написать покаянное послание Святителю Филиппу, прося прощения «за совершенное против него неразумно завистию и нездержанною яростию» прадеда своего Иоанна Васильевича и изъявляя свое почтение Святителю – мученику: «Преклоняю пред тобою сан мой царский за согрешившего против тебя, да отпустишь ему согрешение его своим к нам пришествием, и да упразднится поношение, которое лежит на нем, за изгнание тебя».

2.5. Архиепископ Маркелл

В церкви преподобного Германа погребен был также архиепископ Маркелл, пострижник соловецкий, бывший игуменом¹ после Варфоломея с 1639 до 1645 гг. В житии препо-

¹ «При том игумене Маркелле, как был в Соловках в лето 7150 (1642), построена портная швальня каменная со своды, единостолпна, под ней два жилья - в одной половине живут рубашечные швали, недороски, а в другой - Николаевских ворот караульщики. При том архиепископе Маркелле построен на Вологде каменной двор, и от него, преосвященного Маркелла, в строении того двора, как видно по писмам его в монастырь, было немалое вспоможение» [6, л. 16].

добного Иринарха [1, с. 82] говорится, что, когда игуменом еще был Варфоломей, Маркелл видел необыкновенный сон. Он как бы оказался в церкви Преображения Господня и, сотворив начало молитвословия, встал у стены западных дверей. И увидел лестницу, достигающую от земли до верха большой главы. И по той лестнице видел сходящего преподобного игумена Иринарха, который, сойдя с лестницы, остановился перед царскими воротами. Тут же он увидел и игумена Варфоломея, стоящего возле игуменского

Икона Святителя Маркелла
2004 г.

места. Игумен же Иринарх, воззрев на Варфоломея, подошел к нему и взял посох из руки его, сказав со властью: «Довольно ти есть брате! Несть бо сие твое дело». После же воззрев и на Маркелла со словами: «Приблизися семо Маркелле! И возьми посох сей». Маркелл же с благоговением приблизился и поклонился ему до земли, и блаженный дал ему посох и благословил его. Очнувшись от сна Маркелл удивлялся виденному, но вскоре царским повелением игумен Варфоломей был от игуменства отстранен, а на его место поставлен во игумена Маркелл. Ему царь Михаил Феодорович повелел (в 1641 году, августа в 4-й день) в церкви преподобных отец Зосимы и Савватия, где почивают чудотворные мощи их, отправлять ежедневно Божественную литургию и прочую по уставу церковную службу. В 1642 году Святой Соловецкий игумен Маркелл был вызван в Москву для участия в избрании нового первосвященника Русской Церкви вместо почившего более года назад Святейшего патриарха Иоасафа I. Более того, игумен Маркелл был избран царем в число достойнейших. Их имена

были написаны в шести жребиях, запечатанных царской печатью и отосланных в соборную церковь, чтобы находившиеся там святители, помолившись, вынули перед чудотворной иконой Пресвятой Богородицы Владимирской один из жребиев, кого «Бог изволит и Пречистая Богородица изберет быти патриархом». 20 марта 1642 года на патриаршество был избран Иосиф, архимандрит Симонова монастыря. В 1645 году, после шестилетнего настоятельства в Соловецком монастыре, игумен Маркелл был вытребован в Москву и там 16 января рукоположен в архиепископа Вологодского и Белозерского. В лице святителя Маркелла Святейший патриарх Иосиф нашел единомышленника и соревнителя в охранении истинного христианского благочестия. В святительских грамотах епархиальному клиру (1658, 1660 гг.) архиепископ Маркелл увещевал в церквах Божиих пение совершать единогласно, за курение и продажу вина в монастырских вотчинах грозил наказанием и духовным запрещением без пощады. Архиепископ Маркелл преставился 22 марта 1663 года. Тело же его, согласно завещанию, было привезено в Соловецкий монастырь и погребено в Германовой часовне 5 июня [6, л. 16], о чём Соловецкий архимандрит Варфоломей послал царю Алексею Михайловичу следующее донесение: «В нынешний, Государь, в 7171 (1663) году, июня в 5-й день ... в Соловецкий монастырь привезли тело твоего государева богомольца, бывшего преосвященно-го Маркелла архиепископа Вологодского и Белозерского, и я со священницы, и с диаконы, и с братиею со кресты вышел встретити на морской пристани, и принесли в соборную церковь, и надгробная над ним совершили и погребли в часовне, где опочивает Чудотворец Герман. А от преставления его до того времени, как ныне привезен к нам в монастырь, прошло одиннадцать недель; и тело его ничим же рушимо, и лицо светло: дух же исходит от тела его добровонен» [4, 1998, с. 45–47]. Мощи Святителя Маркелла были обреты 19 августа 2003 года при археологических раскопках, проводимых в церкви преподобного Германа В. А. Буровым. Святитель был высок ростом и статен, крепкого телосложения. На коленях его видны костные мозоли от множества поклонов, которыми

он удручал плоть свою. В 2004 году 20 августа впервые праздновался день обретения мощей Святителя Маркелла. К этому времени написана была первая его икона. К сожалению, никаких прежних изображений Святителя не известно.

2.6. Архимандрит Досифей

Ставший в 1826 году настоятелем обители архимандрит Досифей (Немчинов) в первую очередь обращается в Синод с прошением об увеличении числа монашествующих. Особенно не хватало служителей в многочисленных храмах монастыря.

Деятельный и заботливый настоятель совершил много полезного для благоустройства святой обители. Им же был написан лучший труд по истории Соловецкого монастыря, издан «Летописец Соловецкий». После него осталось множество записей об истории строительства. Архимандрит Досифей был родом из купеческой семьи города Риги. Шестнадцатилетним юношей в 1796 году он приезжает в монастырь и, пробыв недолгое время послушником, в 1799 году принимает монашеский постриг, в 1803 году становится иеромонахом, а в 1819 году определяется в число братии Александро-Невской Лавры в Санкт-Петербурге, где ведает ее доходами. В 1822 году по просьбе Адмиралтейской коллегии иеромонах Досифей направляется на Балтийский флот и проводит 4 месяца в плавании. В 1823 году его поставляют игуменом Новгородского Кириллова монастыря. Через 3 года он возвращается в Соловецкий монастырь уже в качестве настоятеля и в течение 10 лет плодотворно управляет им. Позднее архимандрит Досифей был переведен в Задонский монастырь, а оттуда уволен на покой в Московский Симонов монастырь, где и скончался в 1845 году.

Велики были труды архимандрита Досифея по устройству обедневшей Соловецкой обители. При нем в 1827 году было «учинено» Соловецкое подворье в Архангельске; открыта судовая верфь для постройки новых и починки старых судов, отстроены обширная братская трапеза и большой коридор, украшенный настенной живописью, соединяющий собор в честь Успения Пресвятой Богородицы с церковью

преподобных Зосимы и Савватия. Сооружается также новая каменная церковь в честь Распятия Господа нашего Иисуса Христа вместо ветхой деревянной на горе Голгофе на острове Анзер. В монастыре был разобран древний обветшавший храм во имя Святителя и чудотворца Николая и на его месте возведен новый, более обширный. В Архангельске на монастырском подворье заново отстраивается большой каменный странноприимный дом. В это время почта в монастырь начинает поступать из более близкой Кеми. Занимается настоятель и книжными трудами: в 1836 году выходит в свет его книга «Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря». В этом замечательном труде были впервые собраны и приведены в систему все материалы по истории великой православной святыни от ее основания до начала XIX века.

За усердные труды по внешнему благоустройству обители и выдающийся духовный вклад архимандрит Досифей (Немчинов) был награжден орденом святой Анны 2-й степени.

2.7. Монах Гүрий

Весной 1923 года вместе со многими другими иноками покинул Соловецкую обитель и монах Гүрий, 63-х лет от роду, проживший в ней бессменно 30 лет. Отец Гүрий являл собою редкий пример трудолюбия, терпения, воздержания, а особенно необычайного и редкого усердия к неукоснительному посещению всех церковных служб. Бывало, где застанет его первый удар колокола, он тотчас оставлял работу, и, даже зачастую не пообедав, торопился в храм, в каковой по усердию приходил всегда одним из первых. В храме он забывал всех окружающих и все мирское, суетное, оставшееся за церковным порогом, и всецело сосредоточивался в молитве. И молитва его была горяча и действенна, ее силу неоднократно ощущали прибегавшие к нему за духовной помощью и советами или стремящиеся к нравственному подражанию. Будучи в благодушном настроении, он рассказывал о прошлой своей жизни некоторым из братии, всецело им доверяя. Вот почему, по отъезде его на материк, в назидание оставшимся из братии было составлено краткое описание его жизни

с малых лет и до последних дней его пребывания в обители. Вот как он рассказывал о себе [30, с. 70]:

«Я внук священника, но отец мой не был духовного звания. Родом я из Валдайского уезда, местности Устюжской. В малых годах постигла меня смерть родителей. Не желая крестянствовать, я занялся мелочною торговлею, но так как я должен был поступать по совести, а не по-хозяйски, то в скором времени у меня не оказалось ни денег, ни товару, ибо по доброте своей часть их отдал нуждающимся, а остальное – в долг, поверив на честное слово. Не зная, как устроиться мне в дальнейшем, решил я сходить помолиться к преподобным Зосиме и Савватию во Флорищеву Успенскую пустынь, находящуюся от нашего места в 50-ти верстах. Монастырь расположен среди густого леса над рекой. В церкви местной святыней была чудотворная икона соловецких угодников. В день преставления преподобного Савватия здесь бывает двухдневная ярмарка, главным образом, конная и мануфактурная. К этому дню со всей округи собиралось много богомольцев. Пошел и я на этот праздник. Остановившись у добрых людей и поразведав от них о славных своей праведной жизнью здешних старцах, пошел я в келлию к одному такому известному («знаменитому») старцу, одиноко живущему ради Бога при монастырской церкви. Старец меня во многом утешил, а при моем выходе сунул мне в карман бумажку. С нетерпением и волнением вышел я на монастырский двор и здесь прочитал ее краткое, но знаменательное содержание: «Тебя ждут преподобные Соловецкие». И тогда же я возымел желание идти на богомолье в Соловецкий монастырь. Покончив навсегда со всеми домашними делами и рассчитавшись с окружающими, поспешно покинул я свою родину, торопясь до зимы достигнуть Соловецких святынь и угодников. Принятый о. настоятелем в трудники, я стал трудиться и до сего времени по милости Божией не бросаю своего послушания, благодаря Господа Бога за явленные мне милости Его».

С первых же лет своей жизни о. Гурий трудился на огороде и пребыл на сем послушании бессменно почти 30 лет. От него требовалась в зависимости от времени года неопустительная бдительность, особенно весной, при выращивании рассады, при посадке и поливке овощей. Весь день трудясь

на послушании, зачастую без обеденной трапезы, он, хотя и усталый, первым являлся по зову колокола в храм и пребывал там до конца. Дома же, как открыл он о сем некоему из братии, он вставал за час и ранее до полунощницы, исполнив свое келейное правило, начинал класть поклоны поименно за всю братию, начиная с о. настоятеля и кончая последним послушником, а потом уже шел в церковь. Трапезой пользовался он только братской, общей, и никаких съестных запасов у себя не держал, ничего съестного в келлию не приносил, а до обеда ничего не пил и не вкушал. Чаю вовсе не потреблял. Несмотря на это, о. Гурий всегда был бодр, здоров и легок. Слова неприличного, или праздного, или осудительного никогда не произносил и от других сего слушать не любил. В первые 20 лет жизни в монастыре братия очень любили и уважали его, но в период начавшейся внутренней смуты, связанной с настоятелем о. Иоанникием, все противники последнего не стали уже по-старому прилежать к о. Гурию, так как ему по ревности Божией приходилось их укорять и предостерегать от душепагубного пути восстания на своих властей. А раньше, бывало, бежит, торопится о. Гурий в церковь, а братия шутливо точно укоряют его: – Ну, о. Гурий, опять уже побегал, дай нам-то немного отдохнуть. А другие отвечают за него: – Ему что?! Он не по-нашему живет, брат. До обеда ему ни о чем заботиться не нужно, как нам – позавтракать. А как из церкви – так и на работу сейчас.

Нестяжание о. Гурия было также для всех видимое и не-притворное. Ничего лишнего в келлии у него не было, а если кто-либо ему что-то дарил, он тотчас все раздавал нуждающимся из братии. Хотя в грамоте он был не очень силен, но все же правило молитвенное совершал уставно. Кроме сего, он имел дар Иисусовой умной молитвы, которая слагалась за последнее время в его сердце в непрестанное делание. Будучи духовно и телесно согреваем ею, он источал на окружающих духовную теплоту и любовь, а в своих дерзновенных молитвах, благодаря неистощимой вере, получал просимое для ближних. Особенно эта духовная черта обнаружилась в последние годы его жизни, когда многие из братии свидетельствовали о силе и действен-

ности его молитвы к Богу. Как в жизни своей, так и в своей пламенной вере он от природы был простой и за свою простоту в годы монастырской смуты немало пострадал от братии. Тяжело жилось монахам в эти смутные годы. Братия разделилась на два лагеря и враждовали между собою, не было покоя в их душах и менее всего были заняты они думами о своем душевном спасении. Вот в это время за свою безмерную простоту и чистоту веры о. Гурий сподобился нескольких видений.

Видения о. Гурия

Вначале приходил к нему в сонном видении преподобный Зосима, один, с крестом в руке, и просил передать братии, чтобы они прекратили смуту и нестроения, ибо небесные ходатаи за святую обитель сильно скорбят о ней, так как гнев Божий невидимо надвигается на нее. Вскоре после сего, ввиду непрекращающегося раздора, явилась Сама Царица Небесная своему усердному служке и приказала передать настоятелю с братиею, что если они не прекратят между собою вражды и несогласия, если они не начнут исправляться в своей монашеской жизни, то Божие наказание постигнет монастырь и братию. Но начальствующие и прочие насельники обители остались глухи к его рассказу, а самого о. Гурия посчитали пребывающим в прелести и не обратили внимания на грозное небесное предупреждение.

Вскоре после сего над монастырем разразилась первая гроза. От неизвестной причины в ночь на 7 декабря 1917 года сгорел бучильный корпус. Огонь перекинулся на прачечную, в сторону бани, и угрожал мельнице и всему монастырскому кварталу с Головленковской башней. Несмотря на свирепствовавший ветер, грозивший уничтожить весь монастырь, после совершения молебна и обнесения местных святынь вокруг пламени огонь затих и ветер переменялся. В ближайшие годы, кроме бучильного корпуса, все быстро восстановили и отремонтировали. Так прошло приблизительно около двух лет. Противники бывшего настоятеля о. Иоанникия продолжали враждовать с новым настоятелем о. Вениамином, требуя от него невозможных условий видимого примирения. Смуты в умах и сердцах продолжались, они еще более усугублялись общим нестроением на материке. Тяжелые 1917–1920 годы прошли

в постоянных страхованиях, ожиданиях чего-то скорбного. В это время Божия Матерь снова посетила соловецкого «чудака», как стали называть о. Гурия братия после пересказа им своих видений. Неуклонно и грозно вещала Она ему: «Грехи монастыря Соловецкого тяжки. Грешны и старшие, и младшие. Старшие виноваты тем, что обижают и притесняют младших, а младшие грешны тем, что, не терпя сих утеснений и не желая в скорбях спастись, наущничают власть имущим на деяния старших. Те и другие не хотят терпеть скорбей от ближних. Если не одумаются и не примирятся, то кара Божия постигнет их неминуемо».

Весною 1920 года монастырь был частью занят под концентрационный лагерь и государственный сельхоз. Зловещие тучи надвинулись на обитель. Великие святыни ее подверглись величайшей опасности поругания. Но братия словно не хотели сознать свою вину и послушаться сего призыва Царицы Небесной, провещанного Ею чрез простого монаха Гурия, стоявшего к тому же все время в стороне от враждовавших. Начались на местах притеснения, обыски, реквизиции, оскорбления и поругания святынь. Но это было началом великой Соловецкой скорби, началом грядущего великого последнего Соловецкого плача.

В 1922 году произошло изъятие монастырских ценностей. Братия в большинстве своём продолжали коснеть в старой вражде и наущничестве в отношении к правящей власти. Приблизительно в начале 1923 года Царица Небесная снова явилась убогому «чудаку» о. Гурию, но уже с последним и грозным предупреждением: «Если не исправятся и не помирятся братия, огнем пополю сию святыню, вас накажу и рассею».

Молчали угодники, не являясь ныне никому из братии. Повторился 1538 год, когда старцу Леониду в видении приходили преподобные Зосима и Савватий и сказали, что не услышана Господом их мольба о пощаде братии и что Господь ниспошлет огонь, который и поглотит весь монастырь за нечестие его. Не поверили сему видению тогдашние люди. И в день Вознесения Соловецкий монастырь сгорел дотла. Как праздник Вознесения означает, что Господь покинул землю и отошел ко Отцу Своему, так и милость Божия отходила от Соловецкого монастыря к небожителям за поругание святыни, нарушение обетов и

попрание идеала монашества. И вот через 385 лет история повторилась вновь. За те же грехи и жестоковыйность, за три дня до Св. Троицы, в 1923 году 12 мая огнем пожигается почти вся святая обитель. «12-е мая в истории великого соловецкого пожара 1923 года имело громадное значение. Это был день скорби (пятница, день воспоминания крестной смерти нашего Спасителя и Господа Иисуса Христа); наконец, Господь не дал породиться великой радости от тех даров, которые ниспосылаются христианам в день Святой Троицы, когда происходит Сошествие Духа Утешителя на скорбную землю. Бог отнял от насельников сию радость, лишил их ее, как недостойных, и сим заключил свой праведный гнев – на времена и лета, еже заключены суть у него под печатями... И плач обуял келлии и храм – ибо великий некогда, но ныне повапленный Израиль исшел из Иерусалима, дабы с гор окрестных вздыхать и плакать о грехах своих и потерянных и поруганных святынях.

Пламя выбросилось в разных местах и церквах почти одновременно. Но страшно то, что пожар начался в храме Успения Божией Матери. Царица Небесная испепелила Свою святыню за нечестие братии и в предупреждение еще большего и неизбежного кощунства со стороны властей. Вскоре после пожара Успенская церковь была отведена под жилое помещение нового лагеря особого назначения ГПУ, заполнилась отбросами и отщепенцами мира, и осквернилась, как и другие храмы. Монахи были изгнаны из монастыря; потеряли святыню, потеряли свои келлии, кров, большая часть их (главным образом, смутьяны, бунтовщики) была вывезена на берег за ненадобностью. И так, по слову Царицы Небесной, они рассеялись. По промыслу Божию наиболее крепкие, трудолюбивые и менее виновные в сих смутах остались при святой обители на разных хозяйственных должностях для обслуживания лагеря и сохранения последней монастырской святыни – кладбищенской Онуфриевской церкви, при которой образовалась «20-ка». Исполнились слова и видения о. Гурия, ныне уже не чудака и не в прелести бывшего. Сам он, в числе многих, покинул святую обитель весною 1923 года, завершив в ней все ему и чрез него прореченное во славу Господа и в назидание и спасение братии и Святой обители сей.

**Пристенки с Поваренной и Квасоваренной
башнями (фотография начала XX века)**

Глава 3

МОНАСТЫРСКИЕ ПОСТРОЙКИ

3.1. Головецкая крепость

Головецкая крепость относится к типу регулярных крепостей, рассчитанных на активную круговую оборону с использованием артиллерии. Поэтому отличительными чертами крепости являются: прямая трассировка стен большой толщины (при относительно малой высоте), равноценное распределение по периметру боевых башен и их значительный вынос за плоскость стен, наличие подошвенного пушечного боя.

Общая протяженность стен Соловецкой крепости – 1084 метра, толщина у основания 5–7 метров, а на уровне боевого хода составляет 3–4 метра. Высота стен зависит от их ориентации. Так, высота северного прясла достигает 11 метров, а восточного – около 8 метров, высота башен – до 17 метров.

Стены имеют два яруса бойниц. Верхний ярус предназначался для ведения ружейного огня. Пушки устанавливали в башнях либо в печурах подошвенных бойниц на лафетах и специальных срубных конструкциях. Кроме того, над проезды воротами¹ и в местах примыкания стен к башням устроены бойницы навесного боя, позволявшие вести огонь по неприятелю, находившемуся у подножия стен.

В плане крепость имеет форму вытянутого с севера на юг пя-

¹ Наклонные бойницы можно рассмотреть над входом в Никольскую башню, над Святоезерскими воротами, справа и слева от Архангельской башни.

тиугольника, по углам которого размещены круглые боевые башни: Архангельская, Никольская, Корожная, Прядильная, Белая. Западное прясло, обращенное к морю, укреплено Успенской башней. На Святое озеро выходит пристенок с двумя башнями – Поваренной и Квасоваренной. В башнях и стенах устроено одиннадцать проездов: три – в угловых башнях – Никольской, Корожной и Белой; далее – семь ворот сделанных непосредственно в пряслах стен, – Сельдяные, Святые, Сушеные (упразднены), Архангельские, Святоезерские, ворота пристенка – Поваренные и Квасоваренные, а также Никольские, переделанные в начале XX века из пушечной бойницы.

Характерен проезд в нижнем ярусе Никольской башни (ныне не действует), устроенный «коленом», т.е. имеющий в плане Г-образную форму. Арки проезда – наружная и внутренняя – расположены под углом 90°, причем наружная арка расположена не на фасадной, а на боковой стороне башни. Наружная арка дополнительно укреплена стрельницей с тремя бойницами косога боя, направленными к подножию башни и блокирующими непосредственные подступы к воротам. Всё это делало ворота неуязвимыми для артиллерийского огня и живой силы противника.

При сооружении восточной стены крепости здания поварни и квасоварни оказались встроенными в нее. Поскольку первое время они оставались незащищенными, ослабляя боеспособность крепости, в 1621 году был возведен закрывающий их пристенок с двумя башнями и двумя воротами, получившими названия расположенных за ними служб.

В систему оборонительных сооружений Соловецкого монастыря входили также два сухих рва, прорытых с «приступных» – южной и северной – сторон крепости. Северный ров сравнительно хорошо сохранился до наших дней.

Белая башня замыкает южный узел обороны. Она была построена позднее других – в 1596 году. Ее можно рассматривать как типичный образец круглой боевой башни Соловецкой крепости. Башня выложена с уменьшением внешнего диаметра по высоте. В Белой башне четыре яруса боя. На трех нижних ярусах устанавливались артиллерийские орудия. Их ставили в

печурах — глубоких сводчатых нишах в толще стен. Амбразуры пушечных бойниц выходят на фасады малозаметными квадратными оконцами. В боковинах печур крепились блоки или металлические кольца, через которые продевались укрепленные на пушечных лафетах канаты, служившие для наката орудий к амбразуре после выстрела. Бойницы верхнего яруса предназначались для ведения огня из стрелкового оружия.

Каждый ярус башни перекрыт брусчатым настилом по мощным балкам-прогонам, введенным в гнезда валунной кладки. По настилу четвертого яруса уложен кирпичный паркет — в целях противопожарной безопасности. В центре настила сделано большое прямоугольное отверстие для подъема оружия, боеприпасов и т.п. в верхние ярусы. Для хранения пороха и свинца в боевой обстановке в толще стен устроены сводчатые камеры.

Круглые башни Соловецкого монастыря примерно на 60–70% своего объема вынесены за стены. Это позволяло из крайних амбразур защищать огнем прясла крепостной стены. Все было устроено очень продуманно и с архитектурно-художественной и с фортификационной точек зрения. Зодчие Иван Михайлов и Трифон Кологривов с помощниками создали неприступную крепость.

Однако, в начале XVII века были предприняты дополнительные усилия для укрепления обороноспособности монастыря: сушило, примыкающее к Белой башне было обстроено валунными стенами.

Сушило, построенное в XVI веке, было предназначено для сушки монастырского зерна перед помолом. Для этого была специально построена одностолпная палата с теплым каменным полом, под которой располагались сводчатые камеры с печами. Тепло, как и в трапезной, поступало по специальным каналам в толще стен. Здесь, в случае дождливой погоды, могли также сушиться сети, одежда и т.п. (Впоследствии в нижнем ярусе также содержались узники как раз в печурах пристроенных валунных стен). В 1621 году западный и южный фасады здания, остававшиеся за пределами крепостных стен, обнесли валунной кладкой. Во время Соловецкого вос-

стания 1668–1676 годов на сушине были прирублены раскаты (деревянные стены) и установлены пушки. Таким образом, сушило, задуманное и возведенное как хозяйственная постройка, в силу необходимости стало элементом крепости. Сушило вполне логично было построено рядом с мельницей, которая еще с XV столетия действовала на канале (ручье), протекавшем из Святого озера в море.

3.2. Южный дворик

Уже в конце XVI века южный дворик Соловецкого монастыря сформировался как зона хозяйственного назначения. Здесь находились амбары для хранения зерна и водяная мельница. Деревянные постройки были уничтожены пожаром 1601 года, но вскоре возобновлены, причем мельница отстроена в камне. Первоначально она состояла из двух корпусов, соединенных галереей. До наших дней сохранился только южный корпус. В XVII веке в его нижнем ярусе стояло два жернова, в верхнем — один жернов, да толчея и подсевальня. После реконструкции 1828 года в мельнице имелось уже четыре постава, толчея о шести поставах, была вновь устроена сукновальная машина. Последнее по времени усовершенствование относится к 1908 году, когда водяные колеса были заменены более мощной водяной турбиной. Чтобы подвести воду к мельнице, в XV веке был устроен канал. До XVIII века он был открытым. В 1836 году русло было выложено толстыми сосновыми брусками с прокладкой зазоров войлоком на смоле, заделкой пенькой и заливкой варом. По сторонам канала сделаны каменные (из валуна) простенки, во многих местах превышающие рост человека, а под стенами сооружений (мельницы, солодовни, под крепостной стеной) — выложены булыжные своды. Длина канала более 100 метров.

Мельница соединена с сушилом каменной галереей, которая архитектурно включена в общий объем здания и находится под одной с ним кровлей. Декоративное убранство второго яруса галереи состоит из кирпичного орнамента в виде каплеобразных подвесок на парапетах и ямок на

Мельница

постаментов колонн; круглые колонны обведены двойным валиком, а восьмигранные — поясами небольших фронтонов («елочка»); арки обрамлены полукруглыми архивольтами. Выкрашенные в темно-красный цвет элементы декора контрастировали с чистой побелкой основных объемов и плоскостей стен, что придавало постройке нарядный праздничный вид.

В конце XVIII века к северо-западному фасаду мельницы примкнула портомойня (ныне существующее здание построено в конце XIX — начале XX века), где «мылось стремлением воды опускаемое в нее на крючках белье». В 1825 году портомойня была приведена «в лучшее состояние устройством в ней с трубою печи, способной к согреванию утвржденного в ней медного котла с краном, в который поднимается холодная вода посредством помпы» (Досифей). При портомойне находилась также келья для послушников. К юго-западу от мельницы расположена

братская баня, построенная в 1851–1859 годах из необработанного валуна. Оконные проемы выполнены из кирпича.

Вдоль юго-восточного прясла крепостной стены расположен Прачечный корпус, который состоит из трех разновременных частей (их границы достаточно четко читаются на фасадах). Наиболее ранняя — северная — часть здания построена в конце XVII века (тогда она была одноэтажной, и в ней размещалась солодовенная служба). Центральный участок сооружен в XVIII столетии. Южная пристройка появилась в XIX веке. В корпусе размещались «бучейня» (прачечная) с сушильной над нею и кельи послушников.

3.3. Северный дворик

Здесь можно познакомиться с архитектурными особенностями построек XVII века и проследить, как менялся их облик при позднейших перестройках.

О том, что иконописная палата была построена в 1615 году, можно догадаться лишь по толщине стен, да по арочному пояску, раскрытому реставраторами на южном фасаде на уровне второго этажа. Палата была двухъярусной: в нижнем этаже помещалась больница и пономарня, в верхнем — иконописная и сапожная мастерские. В 1798 году здание переоборудовано под тюрьму: в нижнем ярусе находилось 12 чуланов (камер), в верхнем — караульные помещения. В 1826 году пристроен третий этаж на 16 чуланов. В 1906 году здание было реконструировано: в первом этаже устроены аптека, кабинет врача, приемная, ожидальня, баня, ванная, раздевальня; во втором — больничные кельи и жилые помещения; в третьем — церковь Иконы Божией Матери «Утоли Мои Печали» (освящена 24 октября 1906 года). Сейчас в здании располагаются островная библиотека, паломническая трапезная и паломническая служба.

Следующая по времени постройка — кожевенный склад (1619 год). Предназначался для хранения выделанных кож. С 1827 по 1885 год служил караульным помещением. В верхнем этаже была комната офицера, цейхгауз (оружейный склад) и ма-

*Храм иконы Божией матери
“Утоли Мои Печали”*

газин (продовольственный склад). В настоящее время используется в качестве общежития для монастырских трудников.

Чоботная (Портная) палата была построена в 1642 году. В XVI веке в верхнем ярусе (одностолпная палата) находилась швейная мастерская, в нижнем — квартиры «рубашечных швалей» учеников («недорослей») и караульчиков. В конце XVIII — начале XIX века в верхнем ярусе были устроены слесарные и плотницкие мастерские, внизу — кладовая для «разных изделий». Этому зданию реставраторы вернули первоначальный вид.

Рухлядный корпус. Конец XVI — начало XVII века. Во втором этаже находилась одностолпная палата, где хранилась «рухлядь» — одежда, обувь и т.д. В первом этаже (тоже одностолпная палата) был рыбный амбар. К нему примыкает наместнический корпус (конец XVI — начало XIX века). В XIX веке в первом этаже были устроены погреба для кожи и ворвани; во втором и третьем — граверная мастерская и кельи.

*Наместнический (нынешний братский)
корпус и северный дворик*

Корпус между Иконописной и Чоботной палатами. Построен в 1906 году. Первый этаж содержал кухню-буфет и столовую; во втором были помещения для врачебного персонала; в третьем – кельи священнослужителей и операционная.

3.4. Часовни вокруг монастыря

3.4.1. Иоанно-Предтеченская часовня

Таборская часовня, освященная в память Усекновения главы Иоанна Предтечи, расположена к северо-востоку от монастыря, в районе аэропорта. Название получила от местечка «Таборы», где находился лагерь стрельцов воеводы Мещеринова. Впервые была выстроена стрельцами «на том самом месте, где погребены убитые и умершие из войска», осаждавшего монастырь. До 1854 года была деревянной. В 1854 году возобновлена в камне. В плане восьмиугольная с круглым деревянным световым барабаном на купольной кровле. При постройке «крыша и глава

покрыты железом и выкрашены масляными красками — крыша зеленою, глава желтою. Входные двери с западной стороны — деревянные, створчатые, глухие — окрашены масляными красками. Над ними снаружи икона... Окон внизу — 4, в фонаре — 4 и над дверью одно полукруглое, во всех рамы деревянные со стеклами. Пол настлан белою каменною плитой, внутри ее мерою 7 аршин, на восточной стороне иконостас столярной работы с полуколоннами. Во весь иконостас крест осьмиконечный с резным Распятием и с пространной надписью о мятеже Соловецком, зачинщиками которого прямо называются князь Львов и беглые разинцы со своими начальниками Фаддейкой Кожевниковым и Ивашкой Сарафановым.

Иоанно-Предтеченская часовня

Часовня поставлена на гробах павших здесь 112 царских воинов, о упокоении которых архимандритом Александром установлено совершать панихиду 22 января и 29 августа.

«Иисусе Христе! Молитвами Святого Иоанна Предтечи даждь верным сынам нашего отечества, убиенным и zde погребенным, в день праведного своего воздаяния живот вечный и венцы нетления. Аминь.» [25, с. 111].

3.4.2. Петровская часовня, поставленная в память двукратного посещения обителя Петром I

Петровская часовня выстроена была при архимандрите Фирсе на месте большого деревянного Креста, поставленного на берегу по приказанию Петра I в память о его пребывании в Соловецком монастыре 7–10 июня 1694 года и 10–15 августа 1702 года. И о том писано сие: «Великий Государь Царь и Великий Князь Петр Алексеевич, всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержец, прииде от города Архангельска в обитель Соловецкую помолиться со всем своим царским син-

клитом на яхте и с Холмогорским епископом Афанасием. И изволил отбыть к Архангельскому городу июня 10 дня» [6, л.21]. Часовня была возобновлена тщанием архимандрита Геннадия 25 августа 1758 года, и украшена внутри картинами исторических деяний сего Великого Государя. Каменная восьмигранная часовня выстроена в 1855 году. Посещение Петра I было чрезвычайно важно для монастыря, так как он тем самым восстановил статус царского богомолья, утраченный во время Соловецкого сидения.

Петровская часовня

20 мая 1694 года в Архангельске Петр участвовал в спуске на воду первенца русского коммерческого флота корабля «Святой Павел». А 1 июня вместе с архиепископом Афанасием на яхте «Святой Петр» они отправились в Соловецкий монастырь. По выходе из устья Двины царская яхта попала в шторм и оказалась в отчаянном положении: архиепископ Афанасий служил молебен, а Петр I исповедовался и причастился Святых Таин. Монастырский стрелец Антипа Тимофеев, опытный и искусный кормчий, решился советовать государю направить судно в Унскую губу. Лоцман твердой рукой провел яхту между двумя рядами далеко выдающихся в море камней, называемых Унские Рога. Когда в решительную минуту царь попытался давать указания по выбору курса, Антипа только отмахнулся: «Поди прочь, я лучше знаю, как здесь править!» Когда 2 июня яхта стала на якорь у Пертоминской обители, Государь обратился к Антипе: «Помнишь ли, брат, как ты меня отпотчевал?» и три раза поцеловал его. В благодарность Петр пожаловал Антипе свой измокший кафтан и назначил пожизненную пенсию¹. Пока продолжалась непогода, Государь оста-

¹ В память о своем спасении Петр поставил на берегу Унской губы, против стоянки яхты, полуторасаженный крест, на котором собственноручно вырезал (почему-то на голландском наречии): «Сей крест делал шкипер Петр в лето Христово 1694». По одной из версий этот крест в последствии сохранялся в соборном храме г. Архангельска. Исследование о судьбе петровского креста собраны в статье В. Н. Абрамовского: Ставрографический сборник. Кн. 1. М. 2001. С. 316-324.

вался в Пертоминском монастыре, сам пел на клиросе и читал Апостол. Архиепископ Афанасий и Петр произвели освидетельствование мощей Пертоминских чудотворцев Соловецких иноков Вассиана и Ионы и нашли их нетленными.

6 июня Петр вновь вышел в море и на следующий день ступил на берег Соловецкого острова¹. В течение трех дней монарх молился, поклонялся мощам святых угодников и осматривал обитель, а потом по отправлении молебного пения и по одарении настоятеля со всей братией щедрою денежною милостынею, того ж июня 10 дня изволил отбыть к городу Архангельску с милостивым обещанием всегда покровительствовать святой обители.

Вскоре царским указом монастырю было пожаловано из архангельских казенных складов 3000 четвертей ржи (в качестве компенсации за съеденный царскими стрельцами во время осады 1668–1676 годов монастырский хлеб). На следующий год были пожалованы 700 рублей на поновление соборного иконостаса, а вскоре приписаны Высочайшим указом к Соловецкой обители Московская Новосоловецкая и Авраамиева Чухломская пустыни со всеми принадлежавшими им землями и крестьянами. Петр не только окончательно простил Соловецкой обители противление царской власти, но в трудный момент, нуждаясь в молитвенной поддержке перед схваткой со шведами за Нотебург², он вторично посетил Соловки в 1702 году.

¹ Так как прежде Петра коронованные особы не посещали Соловецкий монастырь, архимандрит Фирс с братией запрашивали владыку Афанасия: «Егда будет пришествие во обитель» царя, и «каковым чином ему Великому Государю сретенье учинить, и в каком облачении». Афанасий ответил подробной инструкцией: «Егда пришествие Великого Государя к вам будет, и из Заяцкого острова к вам пойдет, тогда во обители учинить благовест в большой колокол, а егда приблизится учнет ко обители, тогда звонить во весь большой звон; егда же придет на пристань монастырскую, тогда вам архимандриту со освященным собором в праздничном священном одеянии и со кресты всебратственно встретить Его Царское Величество вне монастырских святых врат, и поднести ему к целованию святыи напрестольный крест; а в церковь егда он Великий Государь приидет, тогда читать ектения и отпуст молебные, а по отпусе поднести Его Царскому Величеству к целованию святой крест, а по целовании покропить его святой водою. Сицев чин заповедахом вам по церковному обычаю исполнити» (См.: Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание...).

² До 1611 года русская крепость Орешек, а после 1702 - Шлиссельбург.

Из-за противного ветра эскадра из 13 кораблей вынуждена была встать между Анзерским, Муксальмским и Соловецким островами. На них были сооружены три «городка», которые представляли из себя большие кучи земли с камнями, увенчанные Крестами.

10 августа 1702 года эскадра бросила якоря у Заяцкого острова, на котором царь приказал соорудить деревянную церковь во имя святого апостола Андрея Первозванного. За полтора часа до вечерни Петр с немногими приближенными прибыл в монастырь. «И вышед его царское величество на берег, помолился против монастыря и принял у архимандрита благословение; и архимандрит великаго государя целовал руку, а он великий государь – у архимандрита. Келарь не со мною братиею подошли с подносом с образом, хлебом и рыбою, и великий государь благодарил и изволил сказать: «Будем у вас», – а прочая братия все стояли по чину, вышед мало из Святых ворот. Благодетельный же государь не пошел ко вратам, но изволил идти кругом ограды монастырской на правую сторону и, обшедши, вошел Святыми вратами в монастырь. Изволил идти в соборную церковь без благовеста, и звона не было, а в соборной церкви помолился; и изволил его царское величество идти в церковь к преподобным чудотворцам и там у гробов преподобных прикладывался. Потом изволил идти в ризницу, и в оружейную казну, и в трапезу. И говорил архимандриту, что его царское величество завтра кушать будет со всеми пришедшими своими начальными людьми в трапезе. И слушал литургию у преподобных чудотворцов, еже есть во вторник. Потом пожаловал он, великий государь, к архимандриту в келью и благоволил в тот вечер у архимандрита кушать. При нем, великом государе, в то время были боярин князь Михайло Григорьевич Ромодановской, боярин Федор Алексеевич Головин, думной дворянин, и печатник, и учитель его, великаго государя, Никита Моисеевич Зотов, ближний стольник князь Юрий Юрьевич Трубецкой, постельничий и ближний человек Гавриил Иванович Головкин, ближние стольники Кирилл Алексеевич Нарышкин, князь Юрий Федорович Шеховской, Иван Давыдович Щепотев, певчие.

диака его государев Степан Иванов Беляев да резидент польской. И откушавши великий государь изволил отъехать часу в шестом ночи на корабль, а вышеписанные бояре и ближние люди ночевали в гостинной кельи.

11 августа благоволил великий государь прийти слушать литургию без благовеста и звона, и после соборной службы братия откушали в трапезе. Он же, великий государь, изволил внити в монастырь без встречи, и с ним, великим государем, благоверный государь царевич и великий князь Алексей Петрович и весь его царской синклит; служил иеромонах с диаконом, пели великаго государя певчие поскору. По литургии слушал молебен, служил священник с диаконом, и благоволил на молебне дачу пожаловать. И отслушав молебен ради благовернаго государя царевича и изволил ходить паки в ризницу, и в оружейную палату, и в прочие службы. И благоволил великий государь в трапезе кушать¹, и благоверный царевич, и при нем ближние люди и начальные, а кушанье приспевали все монастырское и питье, а подчивал архимандрит, келарь и казначей и от братии первые. Он, великий государь, также и благоверный царевич, сидели купно с боярами и ближними людьми и, откушав, благоволил по монастырю ходить и по тюрьмам, и благоволил быть у архимандрита в кельи довольно и до отдачи часов, и отбыл его царское величество и с благоверным царевичем на корабли ночевать.

12 августа изволил прийти в малом судне без царевича, и в гостинной кельи легкое кушанье было монастырское, и, покушав, изволил ехать верхами на лошадях на кирпичные заводы с своими ближними людьми. И приехав, был паки в гостинной кельи и поздно отбыл на корабль ночевать. Изволил говорить архимандриту: есть, де, мы не пойдем – будем праздновать у вас в монастыре праздник Успения пречистыя Богородицы, и накорми, де, ты у меня служивых людей мясом, а мы, де, будем платить. Бояре же вышеписанные и ближние люди, которые в первом приходе пришли с ним, были все неотходно от монастыря в гостинной кельи и ели монастырское. И в 13 день,

¹ Петр заметил, что «никогда так приятно и сытно не кушивал», на что архимандрит Фирс отвечал, что это от того, что еда готовится по благословению, с молитвой, и кропится святой водой.

в четверток, с кораблей великий государь не сходил, и ему, великому государю, подносу от пищи и пития из монастыря не было, только послано было на всякой корабль по десяти хлебов да по бочке сельдей; и указал великий государь принимать благодарно и смирно служивым людям.

И в 14 день, еже есть в пяток, пред малою вечернею изволил великий государь прийти с корабля в малом судне и был в гостинной кельи, архимандрит с прочими был при нем, великом государе, и указал малую вечерню петь и молебен по монастырскому обыкновению; архимандрита изволил удержать у себя и благоволил кушать, и благоверный царевич с корабля в малом судне прибыл, и указал благовесту быть за час до вечера ко всенощной. И изволил он, великий государь, и царевич в церковь прийти, и было всенощное пение, и великий государь с певчими стоял на правом клиросе и изволил петь, а на другом клиросе его ж, великаго государя, певчие пели. Пение все было греческаго роспеву, и канон весь пели без припевов, девятую песнь по чину пели с припевами, чтения не было. Литийную стихиру пели певчие на клиросе и славник, прочие стихиры указал на глас головщикам принять с литиею. Стояли в церкви близ западных дверей. И по доношению архимандрита изволил великий государь смотреть грамот праотческих и отца своего, великаго государя блаженные памяти царя и великаго князя Алексея Михайловича и всея России самодержца, о чести монастыря – что архимандриту велено служить со осенением, и указал великий государь быть против прежних великих государей указов и служить во всем указал против Чудова монастыря архимандрита, а именно: служить полной архимандричьей службой против грамоты, какова дана архимандриту Илии в 1651 году. Да в прибавление к тому дано ему, архимандриту Фирсу, носить мантию со скрижалями, посох с яблоками и по нем будущим архимандритам; именной свой указ записать приказал думному дворянину и печатнику Никите Моисеевичу Зотову.

И по чину к литургии блавест был в пятом часу дни в исходе, и по указу служил архимандрит так, как его царское величество указал. Он же, великий государь, стоял и пел на

правом клиросе, благочестивый царевич стоял за архимандричьим местом. И по святей литургии изволил его царское величество идти в гостинную келью, тамо и кушал с благоверным царевичем. Приспешники были дворцовые, и пища была по его, великаго государя, указу, питье было монастырское. И откушав, изволил быть на монастыре и посетить старца Лаврентия Александровича, понеже он не выходил никуда, ниже в церковь, разве причащения ради. Бысть же великий государь во всякой радости и веселии, людие во всяком смирении, и довольствии, и во благодарении.

И в той же день Успения пречистыя Богородицы в 9-м часу прииде к великому государю посланный с ведомостью с моря, что в кораблях идти возможно, и великий государь у гостинной кельи архимандрита к ручке пожаловал, принял у него благословение и с благоверным царевичем благоволил идти в малых судах на корабли. Но в тот день идти не соизволил, но в 16 день, в неделю, благоволил идти рано, за полчаса до дни, подняв паруса; даде Господь благополучен ветр, и к вечеру приидоша к пристани к соловецкому усолью Нюхче. Архимандрит же и келарь не со многими монахи, взяв образ чудотворцев и от пищи довольно ему, великому государю, и благоверному царевичу в поднос и поклонится за милость его, поехали в карбасе на корабли к великому государю. И за противным ветром доехать не могли, и, ночевав в Заяцком, по утру благополучным ветром поехали за кораблями вслед, и приехали к великому государю на пристань. Великий же государь архимандрита и келаря принял на корабль к себе, и к ручке пожаловал, и вельми благодарил за приезд их, и велел довольно подчевать на корабле у себя боярину князю Борису Ивановичу Прозоровскому. И указал за быки выдать деньги, и вельми ему, великому государю, было угодно и пожаловал в монастырь, и велел выдать от города Архангельскаго пороху двести пуд. И отпустил архимандрита в монастырь. Архимандрит же, приехав в монастырь, не входя в келию пел молебен со всею братиею в церкви у Преображения Господня с благовестом и звоном за его, великаго государя, и за благовернаго царевича, и за путешествующих с ними. И по том бла-

годарении за пришествие великаго государя и за посещение вси возвеселишася, и был архимандрит на погребѣ со всею братіею и довольно радовались, благодаря Господа Бога за толикое благополучіе. И от той Нюхоцкой пристани он, великий государь, отпустил корабли к Архангельскому городу, а сам изволил шествовать к Повенецкой пристани лесами, мхами и болотами, расстоянием от Нюхоцкой пристани сто шестьдесят верст. Где принуждены мосты были делать, и для той работы были Соловецкаго монастыря крестьяне Сумскаго острога и Кемскаго городка, все с лошадьми, и обретались у той работы до зимы. Лошади были под фурманами, а люди тянули две яхты на себе до Повенецкой пристани¹. А с пристани на судах озером Онегом в пределы великаго Нова града, и оттуда прииде с воинством своим на град Орешек, что ныне переименован в Шлиссельбург. И Божіею помощію, а его, великаго государя, счастием град той взят² и победа преславная даровася на шведов» [6, л.23 об.–28 об.]

Интересно, что, когда вѣсть о царском посещении дошла до Соловецкаго постриженника митрополита Игнатія Тобольскаго и всея Сибири, он, разделяя радость соловчан, направил им следующее послание: «Многое воздохом благодарение Богу о добром слышании вашего жителства, преподобнаго пребыванія, и яко посетил вы естъ Господь Бог прише-

¹ По приказу царя два фрегата — «Курьер» и «Святой Дух» — были подняты на берег. За десять дней эти суда волоком протащили по так называемой «Государевой дороге» до города Повенца и спустили на воды Онежскаго озера. Следом за кораблями 160-верстный путь прошли Петр со свитой и сопровождавшая их гвардія. «Государева дорога» — лесная просека с гатями в болотистых местах — имела длину до 160 верст при ширине в три сажени. Была построена в великой спешке летом 1702 года крестьянами соловецких вотчин под руководством сержанта Преображенскаго полка Михайлы Шепотева. После 1702 года на дороге содержаніем соловецких же крестьян были учреждены почтовые станціи, новопроложенным трактом с Севера в Прибалтику проходили войска и провозились военные грузы. По окончаніи Северной войны дорога была за ненадобностью заброшена и заросла лесом. Трасса «государевой дороги» во многом совпадает с трассой Беломоро-Балтійскаго канала (1931–1932 годы).

² 11 октября 1702 года после двухнедельной артиллерійской бомбардировки и штурма шведскій гарнизон Нотебурга капитулировал. Петр переименовал крепость, основанную в XIV веке новгородцами, в Шлиссельбург, сиречь, по немецки, — «ключ-город». Весной слѣдующаго 1703 года этим ключом отомкнули замокъ, запиравшій устье Невы, — шведскую крепость Ниеншанц. С овладѣніем оной Россія получила выход в Балтійское море.

вием пресветлого Монарха, и сие аз слышах, духовне увеселихся, яко не презре Господь Бог трудов преподобных отцев наших Зосимы и Савватия и Германа Соловецких Чудотворцов; сего ради и ваша любовь, благодарни бывайте и о своем спасении не ленитесь, не на тленное богатство и многолюдство обители надеющиеся, но в тишине жительства монашеского пребывая, к горней обители друг со другом ретящися, спасайтесь, по речению Апостольскому: горняя мудрствуйте, а не земная. Понеже Ангельское житие жительствоуем, да потщимся и добродетели оная

Глава Петровской часовни

Ангельския просити от Бога, и творити я, яже и небесная дарования именуются, глаголю же: пост, бдение, молитва, и внегда сия небесная дарования от Бога восприимем яве, яко Божиим укреплением, постимся бодростным же бдением в добродетелях, венчаемся Христовою благодатию дарованною же молитвою, помощию Святаго животворящаго Духа добродетели монашества действуем: и дарованием бо поста тело в чистоте сохраняется, бдением же ум наш просвещается, молитвою же ангельски Богу предстоим, славяще Его пресвятое имя, и молящися спастися нам и избавитися вечныя муки, получитьи же царство небесное и водворение со преподобными отцы нашими Зосимою и Савватием и Германом Соловецкими и всея вселенныя Чудотворцами» [9, ч. III, с. 237–238].

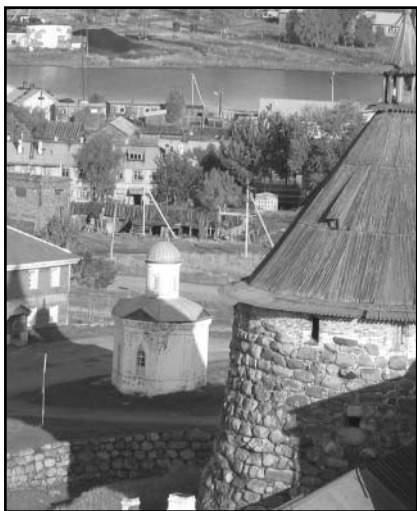
После советского запустения часовня восстановлена при наместнике Спасо-Преображенского монастыря архимандрите Иосифе и при директоре Соловецкого музея М. В. Лопаткине специалистами художественно-промышленной академии СПб на средства Товарищества Северного морского пароходства и освящена в 2001 году Святейшим Патриархом Алексием.

3.4.3. Константиновская часовня

Константиновская часовня, каменная, от монастыря к северу у Петербургской деревянной гостиницы, построена при архимандрите Димитрии в 1844 году в память посещения Соловецкого монастыря Великим Князем Константином Николаевичем¹.

«16 июня в 7 часов утра Великий Князь, прибыв в монастырь, посетил молебен в Зосимо-Савватиевской церкви, слушал литургию в Преображенском соборе, после литургии был в братской трапезе и осматривал обитель со всеми ее хозяйственными заведениями; на другой день 17 числа в 6 часов утра ездил в скиты: Троицкий и Голгофо-Распятский на Анзерском острове. Возвратясь оттуда в 4 часа пополудни, после молебна в Преображенском соборе, Великий Князь отправился в Архангельск» [5, с.145].

Константиновская часовня

Часовня посвящена Святым Равноапостольным Царям Константину и Елене. Часовня в плане восьмиугольная, сложена из кирпича, крыша крыта листовым железом (в XIX

¹ Великий Князь Константин Николаевич (1827–1892) — второй сын Императора Николая Павловича. Император Николай с детства определил его для службы во флоте, и уже в 1831 году он был назначен генерал-адмиралом, начав, вместе с тем, проходить лестницу морских чинов. С 1855 года он управлял флотом и Морским ведомством на правах министра. Первый период его управления ознаменовался целым рядом важных реформ: прежний парусный флот был заменен паровым, был сокращен личный состав береговых команд, упрощено делопроизводство по делам Морского ведомства, раньше всех других ведомств во флоте был положен конец господству телесных наказаний. В состав служащих в морском министерстве были привлечены новые, по преимуществу интеллигентные, силы; многие видные русские писатели, как Гончаров, Писемский, Григорович, Максимов, в эту пору состояли служащими в этом министерстве или исполняли его поручения.

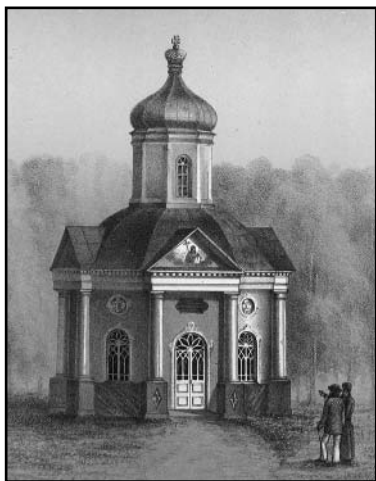
веке была выкрашена зеленою краскою, глава — желтою краскою). В четырех фронтонах располагались треугольные иконы: Господа Саваофа, Архангела Михаила, Святителя Николая и Святой Княгини Ольги. В часовне 4 окна, вход с западной стороны. В круглом деревянном барабане — также 4 окна прямоугольной формы. По углам фасады часовни украшены лопатками, под карнизом — декоративный ряд «сухариков». Пол выстлан белыми каменными плитами. В фонаре «во весь потолок икона круглая, на ней написан Спаситель до пояса с благословляющею рукой». В часовне на большом кресте собственноручно Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Николаевич изволил выбить медными гвоздями следующую надпись: К. Н. 16 июня 1844.[25, с. 107]

3.4.4. Александровская часовня

Александровская часовня, каменная, у монастырской пристани, близ Святых ворот, построена в 1858 году в память посещения Соловецкого монастыря Императором Всероссийским Александром Николаевичем (1818–1881, на престоле с 1855 года). «20 июня 1858 года в 11 часов утра Государь прибыл к Соловецкому острову. Архимандрит Александр, бывший во время осады настоятелем обители, в 1857 году рукоположенный во епископа Архангельского, сопровождал Государя Императора и встречал его вместе с управляющим Соловецкою обителью настоятелем Сийского монастыря архимандритом Мелхиседеком. Государь, отстояв молебствие у рака преподобных и приняв иконы, преподнесенные ему и для Государыни Императрицы, осматривал поврежденные выстрелами иконы и, увидев на иконе Страстей Спасителя пробоину от выстрела, Государь изъявил желание, чтоб этот знак, на память потомкам, остался незаделанным. Выйдя на площадь внутри обители и осмотрев сложенные в виде пирамид неприятельские ядра и бомбы, Государь взошел на крепостную стену и, обойдя ее, посетил оружейную, из которой пожелал получить несколько древних бердышей для принца Виртембергского и своих детей; осмат-

ривал гостиницу за монастырем, наиболее пострадавшую от бомбардирования; ездил на береговые батареи, заходил в часовни: Константиновскую, устроенную в память посещения монастыря Великим Князем Константином Николаевичем, и Иоанно-Предтеченскую, воздвигнутую на могиле царских воинов, павших во время Соловецкого мятежа, и потом в обители посетил ризницу, где обратил особенное внимание на царские грамоты, а затем — Успенский собор, братскую трапезу и воинские казармы

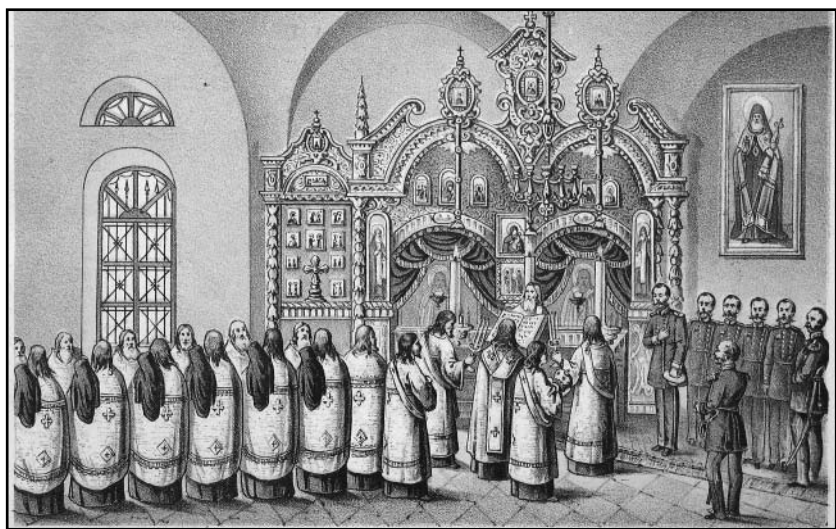
Александровская часовня

и арестантские помещения, и при этом некоторым заключенным оказал милость. На другой день в половине пятого утра Государь был уже за литургиею в церкви преподобных, поклонившись мощам преподобных Германа и Иринарха в их часовнях и посетив усыпальницу Святого Филиппа, возвратился на пароход. Там архимандрит Мелхиседек поднес Государю Императору икону для Государыни Императрицы Александры Феодоровны, хлеб, соль и рыбу. В 6 часов пароход отплыл от острова. Царские щедроты и предшествовали, и сопутствовали высочайшему посещению обители, впервые увидевшей монарха после Петра I. Еще в 1856 году от Государыни Императрицы Александры Федоровны присланы в обитель на поминовение Императора Николая I золотые, весом 12 фунтов — потир, дискос, звезда и тарелочки. 20 июня 1858 года в день своего прибытия Государь Император от себя и от Государыни Императрицы пожаловал золотую лампаду к раке преподобного Зосимы, покров, шитый по бархату золотом, на раку преподобного Савватия и 2000 рублей на построение придельного храма во имя Св. Князя Александра Невского. Впоследствии было прислано от монарших щедрот пять парчовых священнических облачений и четыре диаконских

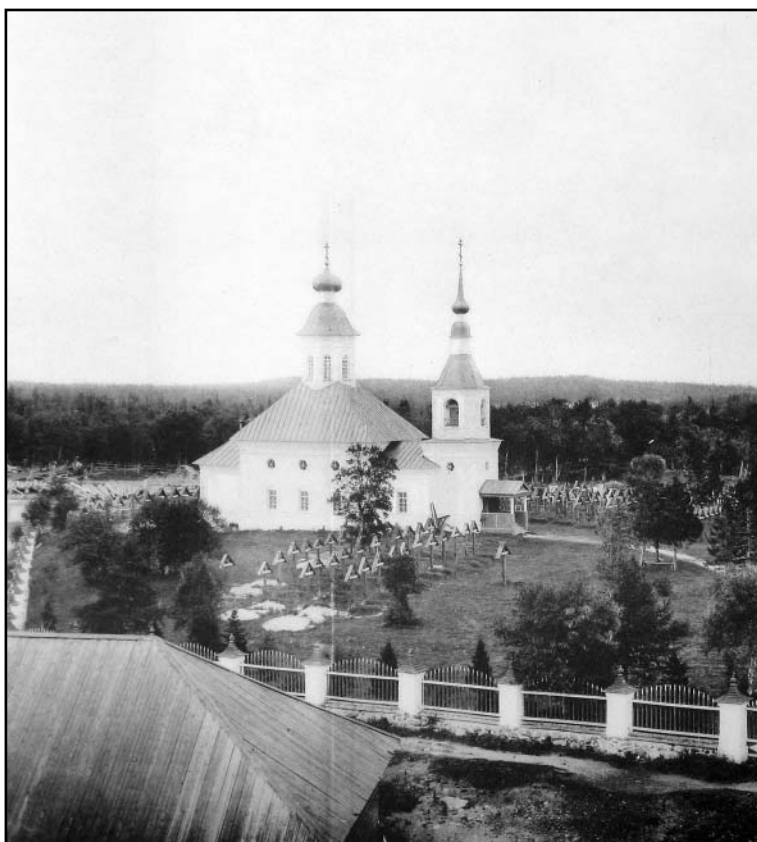

с одеждами на престол и жертвенник. В 1860 году доставлен в обитель колокол в 72 пуда, отлитый в Ярославле на заводе Чарышникова, из украшений, бывших на гробе Императора Николая I. На колоколе изображена Соловецкая осада. Колокол повешен на колокольне, устроенной в ограде обители и освященной в 1863 году» [5, с.169–170].

Часовня посвящена Святому Князю Александру Невскому. Она восьмиугольная в плане, с четырьмя фронтонами, каждый из которых поддерживается двумя круглыми колоннами. Стены оштукатурены и побелены. На барабане устроена главка в форме стилизованной императорской короны. Крыша восьмигранная купольная, крыта листовым железом (в XIX столетии была выкрашена в зеленый цвет, глава — местами позолочена). В треугольных фронтонах росписи масляной живописью: Спас Вседержитель, Знамение Пресвятой Богородицы, Святой Благоверный Князь Александр Невский, Святитель Николай, преподобные Зосима и Савватий. Входные двери — с западной, северной и южной сторон (створки дверей были до половины застеклены).

Молебен в присутствии государя Александра II

Вид монастырского кладбища
с церковью во имя преподобного Онуфрия Великого

Глава 4

НЕКРОПОЛЬ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

4.1. Монастырское кладбище

Смысл почитания святых мощей и могил святых угодников Божиих вполне ясен: преподобные, основав обитель и за свою праведную жизнь имея дерзновение перед Богом, ходатайствуют о своей обители как хозяева, непрестанно молятся о ней — оттого благодать Божия обильно почит на ней, оттого это место свято, и молитва здесь особенно многомощна, скорее доходит к преподобным. Действенно не только обращение к прославленным уже святым обители, но и ко многим здесь подвизавшимся. Поэтому, надеемся, что сведения, касающиеся почивших на Святой Соловецкой земле, послужат поводом для молитвенного обращения к самим подвижникам, многие из которых ныне прославлены, или к самому Господу о упокоении душ тех, кто нуждается в нашей молитвенной помощи.

В жизнеописании монаха Даниила¹ сохранилось следующее повествование, касающееся упокоившихся на монастырском кладбище [30].

¹ Монах Даниил (старец Дионисий) († 31 октября 1888). Сей замечательный старец и подвижник, удостоенный от Бога дара прозорливости в особенной степени, доживал свой век при настоятеле Соловецкого монастыря архимандрите Мелетии. Среди братии и богомольцев он был известен как о. Дионисий (его имя в рясофоре). Незадолго до смерти был пострижен в мантию с именем Даниил. В подробностях жизнь его в описаниях не запечатлена, и сохранилось очень мало сведений о его подвигах и благодатных случаях великого дара прозорливости, передаваемых между братией изустно.

«В одно время, проживая в соловецком кремле, о. Даниил проходил по внутреннему коридору крепостной стены Соловецкого монастыря, где встретил одного инокa, поприветствовав которого, спросил: – Как, брат, живешь? Брат сей разочарованно отвечал: – Все мы живем очень худо, наверно и погибнем. И в таком глубоком разочаровании продолжал свой разговор с о. Даниилом. На все это о. Даниил и говорит ему: – Так думаешь, что все в монастыре грешники? Все погибли? Нет, брат, напрасно ты так думаешь. Сказав сии слова, стал о. Даниил смотреть в окно на братское кладбище. Собеседник о. Даниила также подошел к окну, а старец уже строго вопрошает сего скорбного инокa: – Посмотри-ка, брат, на кладбище, все ли в обители грешники? И вдруг инок увидел горящие светильники над многими могилами почивших из братии. В это время о. Даниил снова спрашивает стоящего в благоговейном страхе инокa: – Ну-ка, брат, как ты думаешь, все ли грешники там? Нет, не думай так, много было здесь людей, угождавших Господу и от Него прославленных и упокоенных во Царствии Небесном, но безвестных для нас. И сейчас еще много людей живет здесь благочестиво и богоугодно... И множество других душеполезных наставлений поведал старец сему брату и отпустил его с миром душевным и бодрым духом, с изменившимся суждением о монастырской братии».

Братское монастырское кладбище с церковью во имя преподобного Онуфрия Великого¹ расположено вне монастырских стен на холме к югу от монастыря. На южной стене храма был установлен камень с надписью [31, с. 92–93]: «Святая церковь Христова от начала своего считает священной обязанностью молиться за усопших. Для сего и тела усопших полагают вблизи святых храмов, дабы во время совершения бескровной жертвы Господу, возносить моление о покое душ их. И усопшая братия наша умоляет нас живых не забывать их постоянною молитвою. Молитва – суть живая непрерыв-

¹ Каменная церковь во имя преподобного Онуфрия Великого была выстроена в 1824 году на месте прежней деревянной, которая была «построена за монастырем для погребения умерших братий и мирских; освящена в 1667 году, июня 16 дня» [6, л. 18].

*Братское монастырское кладбище
с церковью во имя преподобного Онуфрия Великого*

ная наша утешительная беседа, наше свидание с почившими. Каждое слово молитвы принесет отраду в вечности. Сила молитвы может поднять душу со дна ада, очистить от всех грехов и дать вечный покой. Умершие – суть воины, отдыхающие мирным сном после трудных подвигов борьбы, но прозвучит труба Архангелова и мертвые о Христе воскреснут».

Церковь преподобного Онуфрия была единственной действующей во время СЛОН. Богослужения были разрешены до 1929 года, ради 60–ти монахов, отказавшихся покидать Соловецкий остров и трудившихся на правах вольнонаемных в лагерном хозяйстве. В 30-е годы церковь была разрушена, а кладбище разорено. Большая часть плит была использована для устройства фундаментов зданий госпиталя, дизельной электростанции, детского сада. Часть плит утрачена безвозвратно.

14 июля 1990 года на месте церкви преподобного Онуфрия,

*Современный вид
кладбища*

от которой сохранилось лишь валунное основание, был установлен крест по инициативе международной культурной миссии «Истоки». От громадного кладбища осталось только 4 плиты: архимандрита Паисия († 1825); иеромонаха Михаила ; иеромонаха Иллариона († 1880); духовника иеромонаха Симона в схиме Самсона, преставившегося ко Господу 27 августа 1880 года на 62-м году жизни. В обители он прожил 45 лет. Надгробная плита была устроена архимандритом Варлаамом в 1892 году, о чем свидетельствует надпись: «Помня заповедь Божию духовного отца я чту. Архимандрит Варлаам».

Иеродьякон Иринарх

Панихида 2004 г.

7 сентября 1994 года преставился ко Господу иеродиакон Иринарх (Михеев). Первым перешагнувший порог вечности из братии возрождающейся обители, он был похоронен на старом кладбище. Терпеливо перенося страдания от неизлечимого недуга, иеродиакон Иринарх просил только об одном: «Братия, молитесь за меня, а я, если стяжаю дерзновение, буду молиться за вас». Слова эти имеют силу: многие из приходящих на старое кладбище помолиться о упокоении иеродиакона Иринарха, получают духовное утешение. Хочется надеяться, что, забрав совсем ещё молодого человека, Господь дал монастырской братии небесного предстателя.

4.2. Часовни преподобных основателей Соловецкой обители.

Говоря о захоронениях на территории монастыря, нам придётся вернуться ко временам преподобных основателей. В 1465 году Преподобный Зосима по совету с преподобным Германом и братией перенес мощи преподобного Савватия с реки Выг, из Сороки, в Соловецкий монастырь [6, л.3 об.]. От мощей исходило дивное благоухание, и тление не коснулось не только тела, но даже риз преподобного Савватия. Больные, лобызавшие честные мощи, исцелялись. По совершении надгробного пения раку с мощами положили за алтарем церкви Успения и устроили надгробную часовню. Вскоре купец Иоанн, который послужил погребению преподобного Савватия, принес в обитель образ преподобного, написанный в Новгороде по его заказу. Поставив этот образ в часовне, о. Зосима каждую ночь горячо молился перед ним, взывая: «О, рабе Божий! Аще и телом скончал еси свою жизнь, но духом не отступай от нас и руководствуй нас ко Христу Богу, настави и удостой нас шествовати по заповедям Владыки Христа и творити повеления его неотложно; он же рек во Святем Евангелии взяти крест и последовати по Себе. Ты же, преподобне, имея дерзновение ко Владыце Христу и Пречистой Его Матери, буди молитвенник, помощник и ходатай о нас,

недостойных рабах твоих, живущих во святей обители сей, ей же ты начальник. И богособранней дружине, еже о Христе братству сему, буди помощник и заступник. Да твоими молитвами и мы, пребывающе на месте сем, невредими будем от бесов и человек злых, славу и благодарение возсылающе Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков» [7, с.44, с. 187]. Эта часовня была, по-видимому, расположена на месте нынешней церкви преподобного Германа. Такой вывод можно сделать, основываясь на упоминании в Летописце [6, л. 30об.]: «в 1753 году построено две часовни каменные: одна четверугольная с осмериком, а другая приделана к церкви чудотворцевой, вместо прежних деревянных, где был погребен преподобный Савватий, а ныне во оной почивает преподобный Герман с прочими святыми погребены. В другой часовне преподобный Иринарх с прочими святыми погребены».

Согласно Летописцу [6, л. 30б.]: «преподобный Зосима, пожив богоугодно, и предвидя скорое свое от мира сего ко Господу отшествие, призвал к себе авву Германа и братию и, благословив их, рече, да будет по нем игумен обители Соловецкой ученик его Арсений, и, монастырь ему вручив, и о Христе дав всем целование, и сотворив молитву, ко Господу преставился в лето 1478 апреля 17 дня, и погребен бысть ту честно от ученик своих и от братии за олтарем великия церкви Преображения Господня. Игуменом был 26 лет, всего жития его бе на Соловецком острове сорок два года». При строительстве Спасо-Преображенского собора в 1566 году часовня над местом погребения преподобного Зосимы была сохранена в подклете собора.

В 1479 году, авва Герман был послан «монастырския ради потребы в великий Новгород, и в путешествии своем преставися на Волхове на взвозе и погребен тамо в веси, именуемой Ховроньиной, при молитвенном храме. В 1484 году при том же игумене Исаии мощи преподобного Германа были перенесены в Соловецкий монастырь целы и нерушимы и погребены честно подле гроба Савватия чудотворца. Жил авва Герман на Соловецком острове с преподобными Зосимою и Савватием и по них всего жития пятьдесят пять лет» [6, л. 4].

Таким образом, мощи преподобных почивали в двух часовнях до тех пор, пока 8 августа 1566 года мощи преподобных Зосимы и Савватия, прославленных в 1547 году, были перенесены в посвященный их памяти придел Спасо-Преображенского собора. Мощи же преподобного Германа, прославленного в 1692 году, оставались под спудом.

В 1584 мощи святителя Филиппа были принесены игуменом Иаковом с братией из Тверского Отроч монастыря и погребены у северного входа в подклет Спасо-Преображенского собора¹ рядом с могилой старца и восприемного отца святителя Филиппа Ионы Шамина². Там они почивали до 1646 года, когда по прславлении Святителя Филиппа его честные мощи были поставлены в арке в южной стене собора. На месте захоронения была положена памятная плита с надписью: «Лета 7078 (1569) преставися Филипп митрополит во Твери декабря в 23 день. Лета 7098 (1590) привезены мощи Филипповы в Соловецкий монастырь и погребены августа в 10 день». Вход в усыпальницу Святителя Филиппа, располагающуюся теперь в подклете Троицкого собора, находится с южной стороны от церкви преподобного Германа. Сначала мы увидим часовню преподобного Иринарха, а правее, через открытую арку, располагается часовня святителя Филиппа.

Позднее в часовне преподобного Германа был погребен также архиепископ Маркелл Вологодский (2.5), а неподалеку, поставленный после Маркелла игумен Илия, постриженник Соловецкой, который управлял монастырем с 1645 по 1651 год. 2 марта 1651 года по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержца, игумен Илия был первый посвящен Никоном, митрополитом великого Нова града и Великих Лук, во архимандриты в Соловецкой монастырь, и святую литургию велено было служить полным архимандричьим чином, «в шапке, и с палицею, и с набедерником, и ручным су-

¹ Первоначальный вход XVI века, оформленный перспективным порталом, сохранился до сих пор.

² Надпись на надгробной плите: «В лето 7076 (1568) преставися раб Божий инок Иона Шамин месяца генваря в 10 день».

логом, и с рипидами, и со осеняльными свечами, и с ковром. Преставился в лето 1659 июля 1 дня и погребен в монастыре, у Германовой часовни с востоку, подле пути от юга» [6, л. 17].

26-го июля 1819 года с восточной стороны от часовни преподобного Германа был похоронен прах старца Феофана, преставившегося ко Господу 75 лет от роду. После того как на этом месте была построена церковь, могила его оказалась перед иконостасом, против местного образа Божией Матери, у царских врат [1, л. 154].

4.3. О надгробных плитах во дворике церкви преподобного Германа

Надгробные плиты, находящиеся во дворике перед церковью преподобного Германа, положены в нынешнем порядке в 2003 году. Первоначально они частично располагались над захоронениями внутри монастыря, а частично перенесены на

Интерьер церкви преподобного Германа

это место с бывшего монастырского кладбища, упраздненного в 1930-е годы. Здесь находятся надгробные плиты:

игумена Макария († 1632 год); о нем известно только, что он был настоятелем после преподобного Иринарха.

епископа Тамбовского Игнатия († 1718 год).

По обвинению в сочувствии к лжеучению Григория Талицкого¹, епископ Игнатий был расстрижен и «послан в Соловецкий монастырь в Головленкову тюрьму, за крепким караулом до его смерти, неисходно, а пищу ему давать против таких же ссыльных» (5 ноября 1701 года). О пребывании его на Соловках ничего не известно. На надгробной плите его была сделана следующая надпись: «Лета 7226 (1718) марта 26 дня преставился раб Божий преосвященный Игнатий Тамбовский». В XIX веке была сделана надпись, сохранившаяся до настоящего времени: «Здесь погребено тело преосвященного Игнатия, епископа Тамбовского, преставившегося 1699 года марта 26 дня, понесшаго горькое отлучение от паствы. Положил плиту 1854 г. архимандрит Александр». Как видим, год кончины указан неправильно.

иеросхимонаха Иеремии († 1756 году июня 24 дня преставился раб Божий иеросхимонах Иеремий сего Соловецкого монастыря постриженник родом града Чебоцара Алексиев он прозванием Титов);

кошевого Запорожской Сечи П.И. Кальнишевского (текст на плите следующего содержания: «Господь наш Иисус Христос положил душу свою на Кресте за всех нас не хочет смерти грешника. Здесь погребено тело в Бозе почившего Кошевого бывшей некогда запорожской грозной Сечи Казаков атамана Петра Кальнишевского, сосланного в сию обитель по высочайшему повелению в 1776 году на смирение. Он в 1801 году по высочайшему повелению был освобожден, но уже сам не пожелал оставить обитель, в коей обрел душевное спокойствие христианина, искренне познавшего свои вины. Скончался 1803 года октября 31 дня в субботу 112 лет

¹ Называя Петра I антихристом и мучителем, книгописец Г. Талицкий намеревался с помощью стрельцов произвести государственный переворот и возвести на царский престол князя Михаила Черкасского. При обыске у него были найдены грушевые доски с воззванием к народу. Он был казнен четвертованием.

от роду смертию благочестивою доброю. Блаженни мертвии, умирающие о Господе. Аминь.» Подробнее о нем см. в главе об узниках);

монаха Феофила (Под сим камнем погребено тело рясофорного монаха Соловецкого монастыря Феофила уроженца Московской губернии Богородицкого уезда Павлоцкого посада сына Ивана Дмитриева Широкова скончавшийся в 1827 году октября в 28 день);

иеросхимонаха Алимпия (Здесь погребены Соловецкой обители иеросхимонах Алимпий. Близ его гроба <похоронены> два его родных сына, прекрасные трудолюбивые живописцы, расписавшие храмы и коридор в обители. Алимпий скончался 6 декабря 1848 года в понедельник, 1-й сын его монах Горгоний скончался 14 мая 1845 года в понедельник, 2-й сын его послушник Андрей скончался 2 марта 1833 года в четверг. Отец, Сын и Святый Дух! Всесвятая и единосущная и животворящая Троица, едино Божество и Царство: да простит, да отпустит вам вольная и невольная согрешения ваша, да вчинит вас в месте светле, в месте прохладе, где ни болезнь, ни печаль, ни воздыхание не могли бы нарушить вашего покоя. Аминь.);

схимонаха Андрея (Во царствии твоём, Господи, помини раба твоего. На сем месте покоится <тело> в Бозе почившаго раба Божия схимонаха Андрея, скончавшагося 20 апреля 1879 года на 67 году своей жизни, потрудившагося в Соловецкой обители 21 год.);

крестьянина Орловского уезда Вятской губернии, потомственного почетного гражданина, монаха Соловецкого монастыря Афанасия Васильевича Булычева († 1902 года апреля 8 дня 75 лет от роду). Вятский крестьянин стал крупнейшим беломорским судовладельцем, а в конце жизни принял монашеский постриг;

крестьянина Архангельской губернии деревни Перхачевской Алексея Васильевича Ананьева († 1916 год),

а также монаха Наума, сына и дочери архимандрита Александра, архимандрита Макария, архимандрита

Димитрия; архимандрита Порфирия, архимандрита Варлаама, прп. Феодорита Кольского и Авраамия Палицына, о которых более подробно рассказывается ниже.

4.4. Монах Наум

Монах Наум Скончался † 10 июня 1853 года, потрудившись 62 года ревностно для своего спасения[1, с. 155–173]. Родом он был из кемского уезда, по происхождению – корел. Оставшись сиротой, он в 1791 году 14-ти летним отроком попал со звероловами на Соловки и пожелал остаться трудником в обители. Главными чертами его характера были всегдашнее спокойствие духа, кротость и незлобие. Только через 28 лет ему дозволено было ношение рясы. Он был определен псаломщиком в Анзерском скиту. При новом настоятеле было усмотрено, что Наум проживает в монастыре без увольнительного свидетельства, и решено было выслать его на место жительства. Он без прекословия сел в карбас с попутчиками поморцами. Противный ветер вынудил пловцов задержаться у Заяцкого острова на две недели. Когда корабельщики догадались отвезти Наума обратно в монастырь, ветер переменился и они благополучно отплыли. Видя явное покровительство Божие изгнаннику, настоятель вернул его в скит. Разделяя с братией все труды, отец Наум прилагал к ним подвиги иноческого самоотвержения: ночи он проводил в слезных молитвах, сокращая, по возможности, время телесного упокоения; от рождения не пил ни вина, ни пива, ни чаю; не носил теплого платья, довольствуясь одним рубищным подрясником и ветхою рясою, которых не взял бы и нищий, если бы нашел брошенными на дороге; никогда не мылся в бане, но летом купался в морской воде, а зимой часто, обнаженный опускался в снег или ледяную прорубь. В 1826 году архимандрит Досифей, во время новоначала трудившийся вместе с Наумом в звериной и рыбной ловле, поручил ему чтение синодика в церкви преподобных Зосимы и Савватия. Так он и простоял у гробов преподобных 27 лет в неотапливаемой церкви. Он не надевал

теплой одежды, и на замечание: «батюшка, ведь ты застыл», он с улыбкой отвечал: «ничего, за то не дремлется».

Когда в 1834 году производилась ревизская перепись, увольнительное свидетельство Наума, хотя и было в монастыре, но затерялось, и старца, более 40 лет преподобно подвизавшегося в обители, на страстной седмице в великий четверг отправили в Кемь. Он, выйдя на берег, не подумал заботиться о деле, ради которого прибыл, а направился в церковь. Некоторые купцы кемские, знавшие о его благочестии, сами приобрели для него формальный акт, свидетельствующий о его давнем увольнении в

Монах Наум

Соловецкий монастырь. Через две недели бургомистр ратуши привез его обратно в монастырь в его любимую келью, о которой он говорил: «келья – таже пустыня». Действительно, не входя в другие кельи, всех любя и не имея ни к кому особенного пристрастия, постоянно погруженный в заботу о своем спасении, он и среди людей пребывал как в пустыне. Его постоянными сожителями были кот и петух. Преосвященный Игнатий Олонецкий, посещавший старца, спросил: «Для чего у тебя петух?» «С ним жить, владыко, очень полезно: как он запоем ночью, вот и вспомнишь Петра Апостола, как он гласом петела пробудился к плачу о своем грехе». Отец Наум летом неутомимо трудился на им устроенных пяти огородах, а зимой делал деревянные полавки для сетей, он говорил: «с памятью о Боге усердное отправление всякого труда равно церковной молитве; то и другое равно благоугодно Богу и нам полезно».

Однажды перед утреней отец Наум шел с фонарем к часовне преподобного Германа для возжжения лампы и сподо-

бился видеть самого Угодника, идущим в мантии и клобуке от соборного храма в свою часовню. Вслед за ним вошел Наум, но уже никого не увидел. Поняв, кого он удостоился видеть своими глазами, он всех увещевал ежедневно приходить к гробам Чудотворцев и целовать их раки.

9 июня 1847 года архимандрит Димитрий, во время молебна преподобным, стоя у их раки, плакал. Наум, читавший канон Угодникам, спросил его тихо: «о чем, брате, плачешь?» – «Видно за мои грехи», – отвечал архимандрит, – «Бог не дает тепла, и богомольцы страдают в море, истомятся, быть может, и воротятся домой, не побывав у преподобных»¹. «Полно, брат, малодушествовать», – возразил Наум, – «преподобные пекутся о тех, кто с верою стремится к их святым мощам. Вот увидишь, что завтра же будут здесь все богомольцы». Потом прибавил: «Каково-то в Анзерах? Гостиница невелика и келий мало; пожалуй, и хлеба не хватит; напрасно зимою не послали муки побольше». С изумлением слушал архимандрит слова старца, которые в точности исполнились. В тот же день вечером в монастырь пришел по льдинам гонец с Анзера, прося о помощи: около 2000 богомольцев, отправившихся из Архангельска, были принесены льдами к Анзерскому острову. Все кельи и помещения двух скитов были переполнены гостями, которые, к тому же за два дня съели скудные скитские запасы продовольствия и оказались в бедственном положении. Немедленно из

*Надгробная плита
монаха Наума*

¹ В тот год весна была поздняя, и море было еще покрыто наносным льдом.

монастыря была подана помощь, и на следующий день богомольцы оказались в монастыре.

До конца жизни старец Наум неопустительно ходил в церковь и не оставлял своих трудов. За два дня до кончины он, с трудом возжигая свечу перед иконой Божией Матери, сказал: «в последний раз сам зажгу». На следующий день он вышел к озеру и, опустившись в воду по грудь, долго стоял, не в силах сам выйти на берег. Проходивший брат помог ему и привел в келью. В тот же день совершили над ним Елеопомазание, а наутро он причастился Святых Таин. В последние минуты жизни старец Наум тихо творил молитву, перебирая четки. В два часа по полудни 10 июня 1853 года большой колокол возвестил о преставлении старейшего из братии, 62 года подвизавшегося с неослабной ревностью. По желанию всей братии могила была устроена за алтарем Преображенского собора, близ усыпальницы преподобного Зосимы, – почеть, которой удостоиваются одни настоятели. На могильной плите начертаны были слова: «На сем месте покоится прах блаженного подвижника монаха Наума, потрудившегося в сей обители в простоте и терпении 60 лет, и благочестно скончавшагося 1853 года июля 10 дня, жития его было 73 года. Блаженни мертвии, умирающие о Господе!.. Ей, глаголет Дух, да починут от трудов своих».

4.5. Дети архимандрита Александра.

Девушка Анастасия – дочь настоятеля архимандрита Александра, бывшего в миру протоиерея Архангельского морского собора Андроника Ивановича Павловича¹. Она скончалась 16 марта 1853 года в возрасте 20-ти лет. Анастасия прибыла из Киева в Архангельск и в течение 5-ти лет дважды посетила обитель, а перед кончиною в видении Соловецких угодников было ей предсказано, что вскоре она еще будет в

¹ С 1820 по 1827 г.г. Андроник Иванович Павлович был священником Полоцкого пехотного полка, затем Либавского и Малороссийского кирасирных полков. С 1832 года он назначен настоятелем Архангельского морского собора. В 1853 – 1857 г. г. был настоятелем Соловецкого монастыря в звании архимандрита, причем, по словам беседовавшего с ним в 1856 г. С. В. Максимова, из других архимандритов он был самым кротким и милостивым.

обители, но без путевых издержек. Смерть двадцатилетней любимейшей дочери, лишившейся матери младенцем, расположила родителя её по приглашению Святейшего Синода вступить в монашество в Соловецкую обитель. 20 июня 1853г. отец Андроник принял пострижение с именем Александра. Став настоятелем Соловецкого монастыря, архимандрит Александр, исходатайствовал разрешение Министра внутренних дел господина Д.Г.Бибикова перенести тело дочери на Соловки и погребсти под приделом преподобных. Что и было исполнено 2 октября 1853 года. Надпись на надгробной плите начинается словами: «Тогда восставше все девы и украсиша светильники своя». Архимандрит Александр поместил на надгробной плите и свое сердечное воздыхание к Божией Матери: «Преблагословенная Мать распятого Господа моего! О сладчайшая Мать милосердия! Умоляю тебя при гробе сем, принеси Твое умиловительное слово пред Божественным Твоим Сыном, да ради твоего ходатайства, и молитв преподобных отец наших Зосимы и Савватия и прочих Соловецких угодников примет усопшую Анастасию в Царство Небесное. Не оставь и меня, когда и моя душа будет разлучаться с сею жизнью. Аминь.»

Надгробная плита девицы Анастасии

Рядом положена плита с могилы чиновника Синода Христофора Андронниковича Павловича (сын архимандрита Александра, преставился ко Господу 16 апреля 1862 года в возрасте 30 лет). Тело сюда привезено по желанию отца усопшаго – Александра Епископа Полтавского с разрешения начальства. Надпись на надгробной плите начинается словами: «Плачущися чад своих и не хотяше утешитися, яко не суть», а заканчивается словами: «В часы страдальческой тоски мне тяжко, одне лишь милы мои две хладные могилы. Бог усопших да покоит и мою судьбу да устроит. 1863 Е. А.»

17 ноября 1857 года архимандрит Александр хиротонисан во епископа Архангельского и Холмогорского. В июне 1858 года он сопровождал императора Александра II, посетившего Соловецкие острова. Царь лично наградил его медалью на Андреевской ленте за участие в Крымской войне. За организацию обороны монастыря он также был высочайше награжден бриллиантовым крестом на Георгиевской ленте. За усердие, проявленное в управлении делами обители, архимандрит Александр был также награжден орденом Св. Анны первой степени.

13 сентября 1860 года, согласно прошению, преосвященный Александр был назначен епископом Полтавским и Переяславским, а 17 ноября 1862 года отправлен на «покойное пребывание» в Киево-Софийский митрополичий дом по его прошению. Ему трудно было находиться в бездействии на покое, на него напала скука, доходившая до отчаяния. В 1866 году он просил синод назначить его настоятелем Соловецкого монастыря, но в просьбе было отказано. В 1867 году преосвященный Александр изъявил желание посетить Иерусалим и другие святы места. Получив увольнение на 6 месяцев, он в январе 1868 года выехал из России. В Иерусалиме он был принят с любовью и вниманием. Посетив Иерусалим и все св. места Палестины, еп. Александр побывал и на святой горе Афонской. За время своего путешествия он посвящал во диаконы, священники и архимандриты, освящал храмы и антиминсы, как епархиальный архиерей. В сентябре 1868 года епископ Александр вернулся в Киев. Теперь он уже не подвергался прежней скуке и унынию, но усилились в нем болезни телесные. Однако в 1869 году он участвовал

в богослужении в Зимнем Дворце в честь столетнего юбилея ордена святого великомученика и победоносца Георгия. Чувствуя приближение кончины, епископ Александр усилил свои молитвенные подвиги, стал часто посещать Киево-Печерскую Лавру, оказывал милостыню бедным. Почти до самой кончины он принимал в своей келье всех приходящих к нему за советом и помощью и каждому уделял внимание независимо от сословия. 17 октября 1874 года преосвященный Александр последний раз участвовал в богослужении. В этот день он обошел все пещеры Киево-Печерской Лавры с усердной молитвой. А на следующий день (18 октября) он почувствовал себя совсем плохо и с этого дня уже не выходил из своей кельи. 7 ноября после приобщения Св. Таин он попросил усадить себя в кресло и весь день пробыл бодрствующим. На следующий день, когда зазвонили ко всенощной в честь праздника Архистратига Михаила, он взял в руки горящую свечу и стал вслух молиться. Во время этой молитвы лицо епископа Александра светилось необычайной радостью и оживлением, глаза сияли, на бледных щеках появился румянец. После молитвы он заснул глубоким, спокойным сном, так что окружающие думали, что он скончался. Но в девять часов вечера он проснулся и сказал сыновьям своим: «думал я умереть во вторник, а умираю в пятницу». Затем он стал тяжело дышать и в три часа ночи скончался. Он преставился ко Господу 8 (21) ноября 1874 года и похоронен у северной стены в церкви зачатия Анной Пресвятой Богородицы в дальних пещерах Киево-Печерской лавры. В церкви прежде была икона с изображением Благоверного князя Александра Невского и апостола Андроника и со следующей надписью: «Из земли взят, в землю пойдешь, иерарх. Отечество твое – гроб, мати – земля, а богатство – грехи»¹.

4.6. Архимандрит Макарий

Архимандрит Макарий († 1825 год)² прибыл из Валаамского монастыря в 1819 году. На Валааме он жил в пусты-

¹ Л. А. Проценко «И до небес рукой подать». Киев. 2002. С. 75.

² По мнению Федорова [31, с. 301] «за XIX столетие (до 1889 года) из 15 настоятелей только о троих сохранилась добрая память среди Соловецкой братии: о Макарии, Димитрии и Порфирии. О прочих настоятелях добрых воспоминаний не осталось: ихняя деятельность омрачена каким-либо их недостатком».

не, поэтому «и в Соловках выстроил на собственные деньги пустыньку, которая и носит его имя. Когда дела не задерживали его в обители, он удалялся в пустыньку для безмолвия. И, когда возвращался в обитель, то братия бежала встречать его к Святым вратам: принять его благословение и слышать его ласковое назидательное слово. Он ездил скромно, на одной лошадке.

Архимандрит Макарий выстроил каменную церковь во имя преподобного Онуфрия на братском кладбище, улучшил экономическое состояние обители, и первый на запас стал копить и класть деньги в банк». Великий труженик на ниве Господней, он отличался смирением и кротостью. Архимандрит Макарий благословил открыть сбор средств в пользу православных братьев-греков. Его усердием было издано в Москве одно из первых сочинений, отразивших историю и состояние обители на первую четверть XIX века, — «Описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря». Похоронен он был близ алтаря построенной им церкви преподобного Онуфрия с левой стороны. Сохранилась надгробная плита с надписью: «Здесь погребено тело в Бозе почившаго Архимандрита 18-го Макария 2-го, скончавшагося 1825 года ноября 22 в субботу. Настоятелем был в этой обители 6 лет. Идеже лики Святы, тамо вчини, Владыко многомилостиве, душу раба твоего Макария, послужившего Тебе всем сердцем. Аминь. 22 ноября 1854 года. Архим. Александр.»

4.7. Архимандрит Дмитрий

Архимандрит Дмитрий († 19 августа 1852 года) родился в Олонецкой губернии и был женат, но овдовев, поступил в Соловецкую обитель, где и принял пострижение 11 апреля 1831 года. Проходя все послушания от низших и тяжелых (даже очищал по зимам сортиры) до высших и почетных (как строгий ревнитель порядка, сделан благочинным обители, а затем наместником), везде проявлял усердие и способности, не оставляя молитвенного правила и чтения слова Божия. Архимандрит Иларию, оставляя обитель, писал о своем наместнике следующее [5, с. 145]: «Я не смею рекомендовать на место себя в насто-

ятели Соловецкого монастыря наместника своего иеромонаха Димитрия, но твердо уповаю, что он мог бы нести настоятельство Соловецкое; по жизни хороший монах, неустоимый послушник, по домостроительству хороший хозяин, пороков не имел и не имеет, порядок обители знает и все монастырские послушания сам испытал, судит о делах основательно, кроток, смирен, братолюбив и сострадателен, к настоятелю и старшим уважителен». С 23-го июля 1842 г. иеромонаху Димитрию поручено было управление монастырем, 18-го сентября 1843 г. он утвержден в звании настоятеля с возведением в сан игумена, а 31-го августа 1845 г. произведен в сан архимандрита. Обитель имела в нем ревностного благоустроителя: в приделах святого Иоанна Предтечи, святого Димитрия Солунского и в Благовещенской церкви он устроил новые иконостасы, в переходе от Преображенского собора к Успенскому стены украсил живописью, выстроил вновь Филипповскую часовню. При нем выстроен док, выложенный гранитными плитами, взамен прежнего деревянного. При церквях сделаны им гранитные крыльца. Все постройки архимандрита Димитрия отличаются необыкновенной прочностью и соответствием своей цели. «Отличительной чертой его было спрашивать совета даже у послушника и богомольца, как лучше что устроить, и, если совет был полезен, приводить его в исполнение. Был добр и ласков и по смирению своему велел себя погребсти там, где братия и богомольцы, по выходе с богослужения, близ самой церкви останавливались для малой нужды, каковое место прямо было видно из окон настоятельских келий. Желание чтимаго настоятеля было исполнено, и тем устранено неприличие это» [31, с. 301]. Справа под аркой, ведущей во дворик церкви преподобного Германа, на стене сохранился кирпичный кивот для иконы. Возможно, именно здесь и был погребен архимандрит Димитрий 2-го сентября 1852 года «в ограде у Спасо-Преображенского собора». Сохранилось надгробие с надписью на боковой стороне:

«На прах мой всяк взирай,
Се мой гроб пред тобой,
Час смертный вспоминай,
То же последует с тобой.

На сем месте погребено тело в Бозе почившаго настоятеля Соловецкаго монастыря Священноархимандрита Димитрия, скончавшагося августа 19 дня 1852 года. От роду на 62 году. Управлял монастырем 10 лет и пять дней. А с поступлением в оный и до кончины прошло 26 лет.»

4.8. Архимандрит Порфирий

Архимандрит Порфирий († 26 июня 1865 года) управлял монастырем с 24 августа 1859 года по 26 июня 1865 года. [31, с. 302] «Собой был красавец, осанкой солидный и форсистый, волосы и бороду имел волнистые, служил с благоговением и со славою, которая ему была как-то к лицу. Поучения говорил наизусть и красноречиво, почему при его служении церковь всегда была полна народа, который не сгонялся, а шли посмотреть на его служение сами. Прилив желающих поступить в братство был необыкновенный, из коих еще и теперь 68 человек живут. Жили при нем весело, без притеснений, мастерские были полны народа. Он сам, хотя и нечасто, обойдет мастерские, посмотрит на дело, расспросит да и похвалит скороговоркой: «Ах, хорошо – хорошо, благодарю, трудитесь, помощи вам Бог». Кроме человек пяти, которым не нравилась его пышность, все его любили и ожидали, что долго жить здесь ему не дадут, а возьмут куда-нибудь в архиереи. Но Бог судил иначе: Соловецкий климат сломил его крепкое телосложение, и, похворавши года два в Архангельске, он скончался от водянки. Тело его было перевезено на Соловки и погребено под Троицким собором. При нем в Савватьевской пустыни устроена каменная Одигитриевская церковь, а также на Секирной горе каменная церковь в честь Вознесения Господня, где учреждены скиты; расписаны Преображенский собор и Троицкая церковь, при нем же освященная, после того как в ней был сооружен иконостас и сень над мощами преподобных; при нем построена каменная Преображенская гостиница, просфорный корпус, лесопильный завод, переходы из церквей в настоятельский корпус; при нем купили пароход, а второй построили в своем доке; при нем открыто

училище для трудников 15 декабря 1859 года, а в 1860-м году построен деревянный двухэтажный училищный корпус. На надгробной плите надпись: «Лета от Р.Х. 1865 месяца иуния в 26 день преставися настоятель Ставропигиального монастыря Священноархимандрит Порфирий, имея от рождения своего 52 года, монастырем сим управлял 5 лет и 9 месяцев».

4.9. Архимандрит Варлаам

Постриженник Соловецкий архимандрит Варлаам († 16 декабря 1894 года) [5, с.178–179], бывший в 1891 году игуменом Онежского Крестного монастыря, был единогласно избран собором на настоятельство Соловецкого монастыря 26 мая 1894. Варлаам выразил желание, чтобы это избрание было подтверждено всем братством, что и было сделано почти единогласно. 1-го января 1894 года игумен Варлаам был возведен в сан архимандрита. Происходил из крестьян (родился в 1841 году), именовался в мире Василий Феодорович Горбачев. 17-ти лет в 1858 году приехал в Соловецкий монастырь и пожелал остаться потрудиться для обители. Через 6 лет вступил в число послушников, а в 1872 году был пострижен в монашество с именем Варлаама. В том же году рукоположен в иеродиакона, а через два года в иеромонаха. Тогда же он был назначен библиотекарем, что способствовало его самообразованию. Через 5 лет он был назначен казначеем монастыря. Так, добросовестно и старательно исполняя послушания, он прожил в обители 28 лет. В 1886 г. был назначен настоятелем Онежского Крестного монастыря, однако душой он стремился вернуться в обитель, где принял постриг. Желание его исполнилось, и 9-го марта 1892 года архимандрит Варлаам прибыл в Соловецкий монастырь. Как пастырь добрый, он с полным вниманием относился к братии, руководя и наставляя их на избранном ими пути. Богомольцы–трудники, ежегодно проживающие в монастыре в количестве более 600 человек, всегда находили в нем любвеобильного и ласкового отца. Он устроил для их проживания два новых корпуса, и в одном из них было отведено помещение для монастырского училища, в котором обучались не только дети,

но и взрослые. При нем было закончено сооружение гранитной набережной Святого озера. Он оставил по себе память благолепным украшением ниш, в которых помещаются раки преподобных Зосимы и Савватия. Много забот и трудов было положено им на восстановление отдаленного Трифоно–Печенгского монастыря. Однако в сравнительно молодом возрасте (53 года) в октябре 1894 г. его постигла тяжкая болезнь. Уповая на Господа, он отказался от всякой медицинской помощи. 16-го декабря, почувствовав приближение смерти, он пригласил к себе духовника, и, в последний раз исповедавшись и причастившись святых Таин, через четверть часа мирно почил о Господе. 16-го декабря он был погребен под Троицким собором к востоку от алтаря церкви преподобного Германа в общей усыпальнице с прежде бывшими архимандритами Порфирием и Феофаном. 6-го ноября 1896 года над его могилой была установлена надгробная плита с надписью:

«Так волей неба суждено:
Все на земли, что нам дано,
Для нас не долговечно.
Величье сана, чести блеск,
Как волн на море шумный плеск,
Минуют скоротечно.
Богатство наше – сущий прах,
Одно, что есть на небесах,
Пребудет бесконечно».

Незабвенному другу и духовному отцу от благодарного сына архимандрита Иоанникия с братией.

Великий соловецкий старец, иеросхимонах Зосима, в свое время, при кончине настоятеля о. Варлаама, свидетельствовал ближним своим из братии, что Господь сподобил его знаменательного видения и соучастия в нем. В момент отшествия души о. Варлаама «он сам был духовно в числе небожителей в небесной славе и встречал со славою душу о. настоятеля, удостоенную доступа в обители небесные. В то же время он видел там многих благочестивых священнослужителей (очевидно, соловецких – и своих сверстников, и знаемых им), удостоенных райского блаженства, и в отдельном месте схимонахов» (Соловецкий Новый

Патерик. С. 36). О том же видении о. Зосимы было известно многим из братии и, в частности, подтверждение сего находим в словах нового соловецкого летописца митрополита Мануила.

4.10. Преподобный Феодорит Кольский

С южной стороны от Спасо-Преображенского собора обращает на себя внимание разбитая по самой надписи белокаменная надгробная плита XVI века, о которой говорят, что она, по-видимому, отмечает место погребения Феодорита Кольского – просветителя Лопарей. «По-видимому» – так как надпись, по крайней мере по длине, не совпадает с приведенной в Соловецком патерике: «Лета 7079 (1571) августа 17 дня преставися раб Божий священно–архимандрит Суздальский Евфимиева монастыря, священно–инок Феодорит, Соловецкий постриженник» [1, с. 43]. Но и ничто не мешает нам считать эту безымянную плиту надгробным памятником Феодориту Кольскому, так как он действительно был погребен где-то поблизости. Вот, что известно об этом необыкновенном подвижнике. Мирское имя его было Сергей, родился он в Ростове¹, на тринадцатом году удался из дому родительского в Соловецкий монастырь, а на четырнадцатом принял постриг с именем Феодорит. В соответствии с обычаем, он был отдан на послушание мудрому старцу, иеромонаху Зосиме (ученику преподобного Зосимы Соловецкого), который подвизался в скиту на р. Шуе южнее нынешней Кеми. Имя старца Зосимы упоминается в Летописце, так как именно через него преподобные Зосима и Савватий Соловецкие явили чудесное заступничество и помощь своей погоревшей обители в 1485 году (см. 1.2.1). У Зосимы он пробыл в послушании духовном 15 лет. За это время он «навыче всякой духовной премудрости», а также познакомился с «лопью дикой»² и иными малыми на-

¹ По оценке иеромонаха Митрофана [32] наиболее вероятная дата рождения - 1481 год. Далее в разделе 4.10 хронология жития следует [32], а цитаты в кавычках приведены по изданию: Курбский Андрей. История о Великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. 2 пол. XVI в. М., 1986. С. 324–347.

² Лопь, лопари – древнерусское обозначение этнической общности современных саамов.

родностями Севера, с их языком и наречиями, так как через скит проходили традиционные пути из центра России на Кольский Север.

Не позднее 1509 года¹ он был рукоположен архиепископом Новгородским Серапионом (Курцевым) в сан иеродиакона. Еще полтора–два года Феодорит провел в Шуе, теперь уже сослужа иеродиакonom иеромонаху Зосиме в скитской церкви «Святого Христова Чудотворца Николы». А затем, испросив у своего старца благословения, отправился «на созерцание ко славному и великому мужу, чудотворцу сущу, Александру Свирскому». Преподобный Александр, не зная Феодорита и прозрев приближение его, вышел к нему навстречу за ограду монастыря и произнес: «Вот сын Авраамов пришел к нам, Феодорит диакон», то есть принял его очень тепло и «зело любяще его, пока он жил в монастыре оном». Затем Феодорит обошел далекие заволжские монастыри, «ища храбрых воинов Христовых», и избрал для жительства Кириллов (Белоезерский) монастырь, так как именно здесь обрел «духовных монахов» и «святых мужей». С ними он в течение двух лет предавался «жестокому и святому жительству, умучая и покаяняя плоть свою в порабощение и в послушание духа», а потом перешел в Порфирьеву пустынь, ради научения от «божественного Порфирия, исповедника и первомученика»². С Порфирием Феодорит прожил в пустыни «аки четыре лета», когда получил письмо от своего духовного отца старца Зосимы, который писал, что приближается время его отшествия ко Господу, и просил Феодорита возвратиться к нему. Феодорит немедленно отправился в путь «по великим и непроходимым пустыням». Добравшись до своего учителя и духовного отца, он служил ему в его «немоощах и недугах, аж до смерти старца» (около года).

¹ В 1509 г. владыка Серапион был низвергнут с Новгородской кафедры [15, с.318], после чего она пустовала до 1526 года, когда наконец был назначен архиепископ Новгородский Макарий (1482–1563 гг.), будущий митрополит Московский и всея Руси.

² Иеромонах Митрофан указывает, что это было до 1521, когда «был тот Порфирий привлечен из пустыни насилием, по повелению великого Князя Московского (Василия III) на игуменство в Троице-Сергиев монастырь». В 1524 году за смелые обличения он был изгнан Василием III с игуменов обратно в его пустынь, а затем подвергнут жестоким пыткам и заточению.

Похоронив почившего Зосиму, Феодорит «разжегся желанием пустынного безмолвного жительства» и направился на небольшом судне «великою Колою рекою» до «глубоких варваров, лопарей диких». Там, «в лесах пустых, непроходимых», он через несколько месяцев встретил отшельника Митрофана, который, по-видимому, был не кто иной, как преподобный Трифон Печенгский до своего пострига¹. Феодорит и Митрофан подвизались вместе 12 лет «в святом и непорочном жителстве», питаясь «от жест-

*Преподобный
Феодорит Кольский*

токих зелий и корений, их же там производит прегорчайшая пустыня оная». Личный подвиг спасения в пустынных, диких, языческих местах оказался наиболее действенным способом проповеди Христа. Н. М. Карамзин так писал о Феодорите: «он имел славу крестить многих диких лопарей; не убоился пустынь снежных; проник во глубину мрачных, хладных лесов и возвестил Христа Спасителя на берегах Туломы; узнав язык жителей, истолковал им Евангелие, избрал для них письмена... просветил Божественною верою без насилия, без злодейств, употребленных другими ревнителями христианства в Европе и Америке, но единственно примером лучшего». Завершением этой проповеди Евангелия на берегах Нивы, Колы и Туломы должно было стать крещение лопарей и строительство храмов для них. Поэтому в 1530 году Феодорит вместе с Трифоном (тогда еще Митрофаном) отправились за помощью в Новгород. Вернувшись со строителями, они воздвигают церкви: Трифон – на Печенге (у

¹ Ко времени этой встречи в 1518–1519 году Трифону, было около 30 лет, из которых 5 он провёл в пустыне.

реки Маны) – Свято-Троицкую, Феодорит – на реке Коле Благовещенскую (летнюю) и Никольскую (зимнюю).

Первой была построена церковь на Печенге и «по воздвижении же та святая церковь пребывала три лета» неосвященной, – шло строительство церквей на Коле. В 1532 году Феодорит со своими «лоплянами с Колы-реки и с Туломы» поехали «бить челом» к «преосвященному Макарию и просить антиминов и священников церкви Божии свящати». По этой челобитной боголюбивый архиепископ Макарий направил к «Мурманскому морю» священника «от соборных церкви святей Софии» – иеромонаха Илию. Вероятно, что вместе с ним отправился и диакон Феодорит, как податель челобитной. Когда летом 1533 года Феодорит вернулся в Новгород, архиепископ Макарий рукоположил его во иеромонахи и определил быть своим духовником.

Феодориту было уже около шестидесяти лет. Благодать Духа Святого столь обильно изливалась на всех к нему притекающих, что Курбский, касаясь его деяний в Новгороде, писал: «не будучи епископом, воистину светлого епископа дела исправляет». Он привел к истинной вере и «к пути спасенному» множество знатных «светлых и богатых граждан». Он «целил недужных, очищал прокаженных, возвращал заблудших душою из сетей диавольских», пробуждая их к покаянию. Но мыслями он был в северной стороне, среди полюбившихся ему лопарей. О них, об этих по сути добрых и наивных детях природы, Феодорит рассказывал Курбскому: «тот народ Лопский, люди зело просты и кротцы и отнюдь всякого лукавства неискусны, ко пути спасения же тцаливы и охочи зело».

Через два года, собрав богатые пожертвования, Феодорит «с некоторыми другими» вернулся в свою пустыню и в устье «Колы реки создал монастырь, а в нем поставил церковь во имя пребезначальные Троицы». Заботясь о стекавшейся к нему монашеской братии, он «правило им священное установил, заповедуя им обще и отнюдь нестяжательно житье-бытье, без имений, своими руками пищу добывающе». Потом, поскольку Феодорит был «уже весьма искусен языку» лопарскому, он «некоторых оглашал к пути спасенному и просвещал

святым крещением». Среди крещеных лопарей «множество от них монашеское житие возлюбили», поскольку Феодорит сумел научить их Священному Писанию и «молитвы некоторые перевел им от Словенска в их язык». По прошествии «лет немалых», когда проповедь евангельская распространилась в округе среди лопарей, в «един день крестившася» около «двух тысяч с женами и детьми».

После этого у Феодорита начались нестроения в монастыре, поскольку «не терпит древний супостат человеческого рода благочестие возрастаемое» и «шепчет невидимо в уши и глаголюще им в сердце», что никто из людей не может вынести и претерпеть устав, от Феодорита установленный, – «тяжел он вам и неподъемен. Как можно без имений жить и лишь своими руками кормиться»? И «сложившись с диаволом», монахи, схватив Феодорита, «старца святого, бьют нещадно и не только из монастыря извлекают, но и из страны той изгоняют, как врага некоего». Феодорит, «неволей» отведен от тех пустынь «во вселенную», стал игуменом в малом монастыре в Новгородской земле, где и провел он два года.

О подвижничестве Феодорита узнал царь Иоанн Грозный и призвал Феодорита к себе. Вскоре он был представлен архимандритом Спасо-Евфимиева монастыря в Суздале. Там Феодорит пребывал около четырех-пяти лет. В монастыре он встретил «зело не обузданных монахов, своевольно не по уставам и святым правилам живущих». Их он «уздает и востязает страхом Божиим», но также обличает и архиепископа Суздальского «за сребролюбие и пианство». В ответ архиепископ Суздальский обвинил Феодорита в ереси и сослал в Кирилло-Белозерский монастырь «в неволю», где он полтора года претерпевал «ругание и бесчестие». После этого Феодорит отписал Курбскому и иным своим духовным чадам о своей нынешней скорби, и те, «саном почтенные», собравшись, пришли к «архиепископу Макарию» с ходатайством. И тот, «устыдившись нашего сана», также вспоминая и духовничество Феодорита, послал письмо в монастырь, «повелевающе отпустить мужа и жительствовати ему свободне, идеже хочет». Феодорит поселился в Ярославском Спасском

монастыре, однако, через год или два, был призван царем, как муж духовный и знающий греческий язык, и в 1558 году отправлен послом к Константинопольскому Патриарху просить об узаконении титула «царя Московского». Курбский, подчеркивая, что Феодорит хотя и был «уже во старости и в немощем теле» (77 лет), но «повеление царево послушал и пошел с радостью на таковое посольство».

Поручение Феодорит выполнил очень успешно, и царь, весьма довольный полученным патриаршим посланием с благословением, наградил Феодорита 300 большими серебряниками и «кожухом драгих соболей», а также предложил ему выбрать себе «власть духовную», какую бы хотел. Курбский так описывает ответ Феодорита. На упомянутые выше искужительные царские милости он, «чуть усмехнувшись, отвечал: «Я, Царь, повеления твоего послушался и все, что ты заповедал мне сделать, исполнил, не обращая внимания на немощи старости моей. Пусть наградою и довольствием мне будет от апостольского наместника, Патриарха Вселенского, данное мне благословение. Даров же от Твоего Величества, так же как и власти для себя, не требую. Даруй их тем, кто просит и кому оное потребно. Я же серебром, да драгоценною одеждою улажаться не приучен, поскольку отрекся от всего такового в начале пострижения власов моих. И пекуся о том лишь, как бы украситья внутренне добротою душевною, да благодать Духа стяжать и только одного прошу – да с покоем и со безмолвием в келье до исшествия моего да пребуду».

Сколь же велика была святость сего дивного старца, если даже Иоанн Грозный смирился перед ним и «начал молить его да не обесчестит он сана царского и да возьмет дары сии». Феодорит повиновался «за послушание», но взял от 300 лишь 25 серебряных монет. После чего, «поклонившись по обычаю изыде от лица царского». Царь все же повелел шубу отнести в келию, где жил Феодорит. Шубу Феодорит продал и, раздав деньги нищим, отправился в Спасо-Прилуцкий монастырь под Вологду. Из этого монастыря он дважды добирался по реке Двине до моря и морем до им созданного монастыря в устье Колы-реки ради посещения и окормления Лопарей – де-

тей своих духовных, «пекущихся о спасении душ их», сея «в неверных проповедь евангельскую» и «размножая благочестие – врученный ему от Бога талант» в народе этом лопарском, «не щадяще ни старости своей, ни немощного тела, сокрушенного многими летами и великими трудами».

Предвидя возможные сомнения читателей своей повести в реальности столь долгих лет жизни старца и весьма тяжелых трудов, Курбский писал, обращаясь к скептикам: «Смотри сюда, полувер, лицемерный христианин, размягченный и разложенный различными наслаждениями: какие храбрые обретаются старцы в православной Христианской земле, на правочерных догматах воспитанные! Чем более состарятся и изнемогут телом, тем храбрее ревностью по благочестию полагают и острозрительнейшими и приятнейшими ко Богу бывают».

По милости Божией преподобный Феодорит почил от трудов праведных на месте своего пострижения в Соловецком монастыре.

4.11. Авраамий Палицын

Авраамий Палицын

Там же у южной стены Спасо-Преображенского собора можно видеть надгробие над могилой Авраамия Палицына – знаменитого келаря Троице-Сергиевой Лавры.

Принадлежал он к древнему роду дворян Палицыных, выехавших из Литвы при Дмитрии Донском. По преданию он родился в селе Протасьеве Ярославской губернии, близ Ростова. Мирское имя его было Аверкий

Иванович. Имена родителей – Иоанн и Матрона – остались в помянниках Лавры благодаря заупокойным вкладам, данным Авраамием. Дата его рождения неизвестна. Впервые имя Аверкия Палицына упоминается в 1584 г. в связи со ссудой денег родственнику (то есть к этому времени Аверкию Ивановичу было не менее двадцати лет. Он состоял на службе у царя Феодора Иоанновича, и в 1588 г. был послан воеводой в Колу, однако вскоре, по неизвестной причине был лишен имущества и сослан на Соловки, где и принял монашество. В 1594 году вместе со старцами Исидором и Илией Авраамий был послан в Троице–Сергиеву Лавру. В 1601–1608 г. он жил в Богородицком Свяжском монастыре Казанской губернии. В 1608 г. вновь переведен в Троице–Сергиев монастырь на должность келаря¹. Являлся вторым лицом после архимандрита, ведал монастырское строение, вотчины, казну, столовые запасы, был судьей и устроителем имений монастыря и его посредником в сношениях со светской властью, оберегателем его прав и интересов. Вместе с архимандритом Лавры Иосафом рассылал грамоты, в которых Троицкие власти укрепляли народ стоять за царя Шуйского против Тушинского вора Лжедмитрия. Во время осады лавры войсками Сапеги и Лисовского², по повелению Шуйского, жил в Москве. Писал поддерживающие нравственную бодрость послания в осажденный монастырь, убеждал царя послать в монастырь военную помощь. В Москве, во время сильного голода, по приказанию Шуйского, вывозил на рынок хлеб из московских монастырских житниц с целью сбить цены.

После низведения с престола Шуйского 27 августа 1610 года произошло неслыханное: представители русской земли, великой и обширной, но не имевшей порядка, присягнули на подданство иноземному государю Владиславу. Под Смоленск к

¹ Келарь, буквально, – келейный надзиратель, но по уставу Киево-Печерского монастыря келарь заведовал всем, что касалось монастырской трапезы. В Троице-Сергиевой лавре келарь, под контролем и по благословению настоятеля, заведовал монастырским строением, вотчинами, казной, столовыми запасами, всякими удобствами, по совету с собором избирал старцев добрых трезвого поведения на разные должности монастырского управления, составлял «окладные книги» – хозяйственные описания монастырских земель.

² 23 сентября 1608г. – 12 января 1610 г.

Сигизмунду III было направлено посольство с тем, что бы он дал королевича Владислава на царство. Сигизмунд не согласился, намереваясь взять Москву силой, и Авраамий, вместе с другими послами, был задержан и томим голодом. Сенаторы же и гетманы говорили послам, что они одни только упрямятся, а всё Московское государство хочет служить польскому королю, и показывали челобитные с подписями, кто что у короля просит. Авраамий, видя, что «лукави бо сущи и не тверди в вере Поляки и Литва» [16, с.68], считал дальнейшие переговоры «бездельными». Поэтому, заботясь о сохранении монастыря в случае победы Сигизмунда, Авраамий богатыми дарами и признанием власти Сигизмунда выговорил себе право вернуться в Москву, да ещё с грамотой, подтверждающей права монастыря на вотчины. За ним последовали и другие представители посольства, причем против воли бывшего во главе посольства митрополита Ростовского Филарета (боярина Феодора Никитича Романова), чем, естественно, вызвали его гнев и обвинения в измене¹. Однако, сразу после возвращения из-под Смоленска Авраамий встает под знамя патриарха Гермогена, создавшего грамотами ополчение Ляпунова, и вместе с архимандритом лавры Дионисием рассылает Троицкие грамоты, призывающие русский народ к восстанию на поляков, засевших в Кремле. Одна из патристических Троицких грамот повлияла на Минина, собравшего ополчение нижегородцев и двинувшегося к Москве на соединение с казаками.

Видя упорную медлительность Пожарского, стоявшего пять месяцев с нижегородцами в Ярославле, Авраамий лично отправился к нему, чтобы побудить к походу на Москву. В войске он увидел «нестроение велико: одни хотели идти под Москву, другие нет, говоря: «Князя Димитрия манят в

¹ «Измена Палицина была официальная, видимая. Но уехать в Москву иначе и невозможно было... Сигизмунд даже не позволял послам посылать в Москву известий о ходе дел под Смоленском... При отъезде Авраамий говорит, что болен и не может явиться на зов Филарета... Поступок этот не может быть оправдан, но может быть извинен. Авраамий Палицын понимал, что оставить посольство благо-разумно, но не справедливо(юридически), и оправдываться означало к неправде прилагать большую ложь. Он не мог согласиться с позицией Филарета, но и поучать того считал неудобным» [16, с.66].

Москву за тем, что хотят его там убить казаки...» Келарь же много прещаше им и князю Димитрию говорил: «Помни, княже, Господне слово, во Евангелии реченное: «не убойтеся от убивающих тело, души же не могущих коснуться», что еще случится и постраждеши, мученик будеши Господеви». Многое и другое говорил ему старец, «яко умилитеся ему, и, оставивши все свои размышления, и страх ни во что же вменив, но все упование возложив на всесильного Бога», Пожарский решился идти к Москве [16, с.122]. В решительный момент битвы с Ходкевичем, когда казаки готовы были переключиться на мародёрство и оставить нижегородцев без помощи, Авраамий живым словом, обещанием Троицкой казны и своим непосредственным участием воодушевил казаков к битве с поляками. Решено было отдать казакам Троицкую ризницу, так как денег не было. Однако казаки, тронутые Троицким челобитьем с похвальным словом о службе их, обещались и без вознаграждения не отходить от ополчения, не взявши Москвы. 26 октября 1612 года русские войска торжественно вошли в Кремль, 18 месяцев бывший в руках поляков. Благодарственный молебен на Лобном месте служил доблестный архимандрит Троице-Сергиевой лавры Дионисий.

В начале 1613 года, когда бояре в очередной раз делили между собой власть, выборные от народа склонились к избранию на царство молодого Михаила и обратились за поддержкой к Палицыну. Авраамий заплакал и, похвалив их за благое намерение, пошел и возвестил державствующим о желании народных масс. Бояр должно было удивить это заявление, коль скоро они домогались царства каждый для себя. Однако Палицын опять сумел помочь совершиться тому, что согласно было «смотрению Всевышнего Бога» [15, с. 499]: 21 февраля в неделю Торжества Православия посланы были Рязанский архиепископ Феодорит, Троицкий келарь Авраамий Палицын, Новоспасский архимандрит Иосиф, боярин Василий Морозов возвестить народу с Лобного места об избрании земским собором на царство Михаила Романова, однако прежде них народ единодушно воскликнул то же имя. Сразу снаряжено было посольство в Кострому в Ипатьевский

монастырь. Однако инокия Марфа отказывалась благословить сына на царство, ибо: «Михаил несовершеннолетен, а люди Московского царства в Смутное время изолгались и измалодушествовались. Московское государство разорено, царская казна истощена, а служилые люди бедны. Узнает король Польский, что сын Филарета избран на царство, ещё более утеснит его» [16, с.157]. Михаил соглашался с матерью, никакие доводы посольства не действовали, народ, пришедший из Костромы, кланялся в землю и плакал. В решительный момент архиепископ Феодорит взял принесенную из Москвы Владимирскую икону Божией Матери, а Палицын икону Московских Святителей и встали перед Марфой и Михаилом, говоря: «Не даром шла с нами сюда чудотворная икона Богородицы и образ Великих Святителей, если вы нас не хотите слушать, то не осмеливайтесь преслушаться Богородицы и Великих Святителей, но исполняйте волю Божию. От Бога избран ты, Михаил, не гневай Владыку всех Бога». Тогда Марфа, как бы испугавшись Божия гнева, вручила свое чадо Богородице и чудотворцам Петру, Алексею и Ионе: «Даю вам своего сына. Пусть будет он царем». «И паки радостная весна усмехнуса, лето благоверия повсюду пролияся», – заключает летописец сказание о смутном времени [15, с.160].

Авраамий Палицын был представителем на нескольких земских соборах. В 1615–1617 годах старец Авраамий написал «Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря от поляков и Литвы и о бывших потом мятежах». «Сказание» было высоко оценено современниками. «Хронограф» 1617 года советовал: «аще кто восхощет о смятении Российския земли широко и пространно уведать, и той да прочти себе великую Историю Палицина». В 1615 г. Авраамий вместе с архимандритом Дионисием выхлопотал у царя указ об исправлении Троицкими справщиками богослужебных книг. В 1618 г. он возглавлял защиту лавры от войск Владислава, так как архимандрит Дионисий был оклеветан и находился в заточении за исправление книг. В 1620 году Авраамий Палицын, испросив разрешения царя, удалился на покой в Соловецкий монастырь, чтобы окончить дни свои в обите-

ли, где он был пострижен. В то время все монашествующие всемерно старались окончить жизнь свою в том монастыре, где они пострижены были, согласно с обещанием своим при пострижении. Здесь из под его пера выходит новая версия «Сказания...». 13 сентября 1627 года старец мирно отошел ко Господу. Настоятель даже известил о его кончине Государя, думая, что он, возможно, пожелает как-нибудь отметить место упокоения столь известного мужа. Однако никаких распоряжений не последовало, и к 1836 году даже место упокоения Авраамия Палицына нельзя было указать. Архимандрит Досифей

*Авраамий
Палицын*

пишет: «нашим бытописателям и доныне не было известно, где скончался сей достославный страж отечества, и где покоится прах его» [9, с. 130]. В 1872 году могила была обнаружена. «Монахами был усмотрен выдававшийся наружу из под размытого ливнем слоя земли кусок надгробной плиты с высеченной на камне надписью. Самый камень развалился, но слова «лета 7135 погребен раб Божий Авраамий Палицын» сохранилась весьма отчетливо и ясно». В 1901 году месяца сентября 13 дня, архимандрит Иоанникий с братией отметили место упокоения «достопамятного инока Авраамия» памятником в виде гробницы из местного серого гранита с надписями: (на боковой плоскости, обращенной к посетителю) «В смутное время междоусобицы, когда России угрожало иноземное владычество, ты мужественно ополчился за свободу отечества и явил беспримерный подвиг в жизни русского монашества. Как смиренный инок, ты безмолвною стезею достиг предела жизни и сошел в могилу не увенчанный победными лаврами. Венец тебе на небесах, незабвенная память твоя в сердцах благодарных сынов Отечества, тобой освобожденного вместе с Мининым и Пожарским».

Глава 5

5.1. Режим и места содержания ссыльных в Соловецком монастыре

Соловецкий монастырь использовался в качестве места ссылки и заточения с начала XVI века до 1903 года, когда при императоре Николае II, по ходатайству архимандрита Иоанникия, монастырь был освобожден от этой не подобающей ему обязанности. Удаленное от центра островное положение обители способствовало надежной изоляции государевых преступников. За все время существования тюрьмы через неё прошло немногим больше трёхсот заключенных, большинство из которых были осуждены за религиозные преступления¹. Однако суровые условия содержания ссыльных составили монастырю славу жестокой тюрьмы, что противоречило назначению и самому образу Святой обители. Не даром при советской власти, старавшейся искоренить всякое воспоминание о святынях, возникла идея устроить в прославленном монастыре концлагерь, первыми узниками которого были политические противники большевиков и духовенство. Заметим, однако, что из ссыльных вышло немало подвижников и даже Святых: преподобный Иов Анзерский, иеросхимом-

¹ Историк соловецкой тюрьмы М.В. Колчин так характеризовал контингент заключенных: «Ссылались сюда бунтовщик, государственный преступник и пьяный монах, религиозный сектант и разгулявшийся не в меру купеческий сынок, знатный вельможа и не помнящий родства бродяга».

нах Иероним, келарь Авраамий Палицын, послушник Иоанн Сорокин, и, конечно сонм Новомучеников и исповедников Соловецких.

До 1798 года в монастыре не было специального тюремного помещения. Узники содержались в самых различных местах: «под братскими кельями, в кладовых палатках и братских кельях», во внутристенных казематах некоторых крепостных башен, а также в забранных кирпичом печурах крепостных стен. Тюремь подразделялись на «первотяжкие», «тяжкие» и »крепкие», т.е. самые строгие. К последним относились внутристенные камеры, имевшие от полутора до трех метров длины и от метра до двух ширины. Всю обстановку такой камеры составляли скамейка, на которой можно было сидеть или лежать, да охапка соломы. В таких помещениях стоял вечный полумрак, было сыро и холодно. В 1741 году в начале царствования Елизаветы Петровны разразился скандал, так как до Петербурга дошли слухи о так называемых подземных тюрьмах, где людей якобы гноили заживо. Последовал Указ императрицы, предписывавший засыпать в монастыре все ямы для колодников. Соловецкий архимандрит отвечал, что подземных тюрем в монастыре не было и нет, а есть поземные тяжкие каменные, и что две такие каменные, Корожная и Головленкова¹, заложены. Слухи о подземных тюрьмах ходят до настоящего времени, однако недавние раскопки Головленковой тюрьмы, расположенной в третьей бойнице подошвенного боя к северу от Архангельской башни в толще стены, показали, что [33, с. 45]: во-первых, это помещение изначально при строительстве предназначалось под тюрьму. Об этом свидетельствуют вмонтированные в толщу стен кованые полосы с петлями на концах для крепления цепей колодников и внутристенный канал с деревянным желобом для вывода отбросов. Во-вторых, уровень пола в тюрьме был на 0,7–0,8 м выше поверхности земли, что соответство-

¹ Свое название тюрьма получила по имени узника Ивана Головленкова, о котором известно из Государевой грамоты 1616 года к игумену Антонию. Он, по-видимому, раскаялся и постригся в монахи, так как при кончине имя его было инок Иосиф [33, с. 15].

вало верху цоколя платформы крепостной стены, сложенной из крупных валунов. Это исключало возможность подкопа. В-третьих эти тюрьмы не использовались с 1740-х годов по назначению, а в них, по-видимому складывали дрова.

В 1798 году в северном дворике монастыря, близ Корожной башни, выгородили специальный тюремный двор и переоборудовали под тюрьму бывшую иконописную палату.

До начала XVIII века правом ссылать в монастырь пользовались царь, патриарх, митрополиты, епархиальные архиереи. Однако ссылка на Соловки в это время носила эпизодический нерегулярный характер. Положение резко изменилось со времен Петра I, когда стали отправлять на Соловки людей, провинности которых формулировались подчас весьма туманным образом: «за великоважную вину, о которой видно явно по делу», «за злодейственные поступки», «за происшедшее от него тягчайшее богохулением согрешение, о чем явно по делу», «за непристойные его монашескому чину непорядочные поступки и сказывания за собою слова и дела», «за явное его с женским полом грехопадение», «за раскольническое суеверие и непреклонное опровергание с развращенным умствованием таинства христианской веры» и т.д. и т.п. Отправляли «произносителей важных и непристойных слов» и просто душевнобольных — «для исправления ума».

В XVIII веке на Соловки ссылали сначала по распоряжению Тайной Канцелярии (Канцелярии тайных розыскных дел), а потом по резолюциям Святейшего Синода.

Арестанты прибывали на Соловки под крепким караулом. В сопроводительных документах указывалось (не всегда) имя и фамилия ссыльного, а также, иногда намёками, характер преступления. Зато подробно, до мелочей регламентировался режим содержания.

Заточенные в Соловецкий монастырь подразделялись на секретных и обыкновенных, «рядовых». Первых присылали обычно без объявления вины (оговаривая при этом, что арестант является опасным государственным преступником),

имени и фамилии. Им присваивали клички и номера и помещали в отдельных, специально оборудованных казематах в кандалах или без оных, на цепи или без таковой.

Двери казематов закрывали на замок, опечатывали печатью. Охраняли секретных узников солдаты монастырской команды. Колодники, присланные с предписанием, чтобы «ни они кого, ни их кто видеть не могли», получали кормовые деньги на руки, и караульные солдаты покупали им съестные припасы.

Несекретные пользовались относительной свободой, особенно в зимнее время, когда остров был отрезан от внешнего мира, и всякая возможность побега исключалась. Присланные под начало «для строгого смирения» были задействованы на самых тяжелых монастырских послушаниях — пекли хлеб, рубили дрова, возили воду, убирали нечистоты.

Кормили ссыльных скромно: одних «токмо хлебом слезным и водою», других — еще и постными щами с квасом; «а рыбы не давать никогда», — предписывалось в отношении некоторых узников. Со второй половины XVIII века заключенные стали получать продовольственный паек «против одного монаха», т.е. иноческую норму. Правительство компенсировало монастырю расходы на выдачу арестантам питания и одежды.

Соловецкая ссылка была, как правило, бессрочной. В монастырскую тюрьму попадали обычно «до кончины живота», или «навечно», или «впредь до исправления» (что тоже значило — пожизненно). Некоторые узники проводили на Соловках по 25, 30 и даже 40 лет. Многие долго не выдерживали сурового тюремного режима и умирали в первые годы заключения.

5.2. Узники XVI—XVIII веков

АРТЕМИЙ. Игумен Троице-Сергиева монастыря. Один из первых известных нам соловецких узников.

По свидетельству Курбского [15, с. 383], Артемий «преподобный и премудрый», пустынник заволжский, взятый за

святость жизни в игумены Сергиевой Лавры, удалился оттуда снова в пустынь против воли царя, «многаго ради мятежа и любостязательных, искони законопреступных мнихов» (лаврских). В 1554 году на церковном соборе был обвинен в еретическом вольномыслии и приговорен к отлучению от церкви и в цепях отправлен в Соловецкий монастырь «с великою крепостью и множайшим хранением в некоторой келье молчальной, да яко и тамо душевредный не распространится». Его обвиняли в том, что он хулил крестное знамение, считал бесполезным поминовение усопших, унижал чтение акафистов. Артемий же возражал, что порицал не крестное знамение, а наглое махание рукою, при небрежном осенении себя крестом; что бесполезным считал только поминовение для грешников нераскаявшихся, а чтение акафистов – для тех, которые, называя Иисуса сладчайшим и взывая к Богородице «радуясь», презирают закон Иисусов и нерадят о своем спасении. В противовес историкам, обвиняющим его в ереси, заметим, что: 1) Артемий сам был в числе судий Матвея Башкина¹ и опровергал на соборе его лжеучения; 2) в бытность игуменом Лавры он ходатайствовал о переводе в обитель праведного узника Максима Грека (ныне прославленного), которого глубоко почитал и старался успокоить его старость; 3) писатель Захарий Копыстенский утверждает, что «преподобный инок Артемий в Литве от ереси арианской и лютеранской многих отвергнул»; 4) в его сохранившихся письмах князю Черторисскому излагается учение чисто православное и опровергаются лжеучения Лютера и Кальвина. В 1556 году он бежал с Соловков и укрылся за границей. По предположению А.А. Зимина, к «сбегу» Артемия прямое или косвенное отношение имел игумен Филипп.

СИЛЬВЕСТР. Священник Благовещенского собора Московского Кремля. Составитель Домостроя. Был приближен к царскому двору, имел большое влияние на молодого

¹ Ересь его сходна с ересью жидовствующих (отрицание Божественной природы Иисуса Христа, отрицание таинств покаяния и причащения, отрицание иконопочитания), но научен он был от литовских протестантов [15, с. 375, 376.]

царя Ивана IV. Входил в состав так называемой Избранной Рады — правительства первых лет царствования Ивана. После упразднения Избранной Рады в 1560 году удалился на покой в Кириллов Белозерский монастырь. В том же году был осужден церковным собором как «ведомый злодей», повинный в смерти царицы Анастасии и переведен в Соловецкий монастырь на вечное заточение. Скончался на Соловках в конце 1560-х годов.

НИКОЛА де МЕЛЛО. «Гишпанская земли чернец» — католический миссионер в Мексике, на Филиппинах, в Индии. В 1600 году приехал в Москву в качестве тайного агента Ватикана. Был разоблачен, арестован и сослан в Соловецкий монастырь. В 1605 году освобожден Лжедмитрием I. Интриговал против царя Василия Шуйского. Состоял на службе у польских интервентов, затем в штате Маринки Мнишек. В 1614 году был захвачен в плен царскими войсками и казнен в Нижнем Новгороде.

СИМЕОН БЕКБУЛАТОВИЧ. Бывший в магометанстве Эдигер—Махмет второй царь казанский, взятый в плен при завоевании Казани царем Иоанном Васильевичем. Православную Греко—Российскую веру и крещение принял со всем семейством в Москве в присутствии самого царя. Восприемником его был митрополит Макарий, который прежде крещения многократно посылал к сему высокому пленнику с вопрошением, не по нужде ли и опасности хочет он принять веру Христову. Дальнейшая его благочестивая христианская жизнь вполне оправдала искреннее и добровольное его к тому желание. После крещения в 1575 году по воле Ивана Грозного он был почтен титулом царя Тверского и сопровождал Грозного в военных походах. Кратковременное пребывание Симеона на московском престоле сделало его потенциальным конкурентом самозванных царей Лжедмитрия I и В. Шуйского. При Лжедмитрии за обличение его нечестивых поступков и за увещание народа отворотиться от латинских обычаев Симеон был сослан в Соловецкий монастырь и пострижен под именем Стефан. За

богатые вклады в обитель все семейство старца Стефана записано для вечного поминовения в старинном синодике [9, ч. I, с.119]. В 1612 году по приговору бояр и воевод московских и князя Дмитрия Пожарского старец Стефан переведен по его просьбе на жительство в Кириллов Белозерский монастырь. Скончался в 1616 году в Кириллове.

АРСЕНИЙ ГРЕК. Иеромонах, учитель риторики, переводчик. Родился в Солуни около 1610 года. Образование получил в Венеции и Риме. Принял монашество в 23 года, после чего жил при дворах правителей Молдавии, Валахии, Польши. Сменил несколько вероисповеданий: был последовательно иудеем, католиком, мусульманином, униатом, православным. В 1649 году в Киеве познакомился с Патриархом Иерусалимским Паисием и в его свите приехал в Москву, где сблизился с Митрополитом Новгородским (впоследствии Патриархом) Никоном. Остался в Москве учителем риторики, но вскоре Патриарх Паисий прислал письмо, в котором изобличал Арсения в перемене веры: «Прежде был иноком и священником, и сделался бусурманом, потом бежал к ляхам и у них обратился в униата, способен на всякое злое безделие». За многие ереси Арсений был сослан в Соловецкий монастырь. В 1652 году имел на Соловках встречу с Никоном, и вскоре был вызван Никоном (уже Патриархом) в Москву и назначен главным справщиком (редактором) Печатного Двора. Во время чумного бунта (август 1654 года) москвичи требовали выдать им Арсения на расправу, как «ведомого еретика», который «многие книги перепортил». «Никон и Арсений,» – говорили восставшие, – «ведут де нас к конечной погибели». После самовольного оставления Никоном патриаршего престола Арсений сблизился с придворной партией, враждебно относившейся к Никону. Основал в Москве греко-латинскую школу. В 1660 году выпустил сборник своих переводов «Анфологион, си есть Цветословие». В декабре 1662 года оказался под следствием, был обвинен во «многих ересях» и чернокнижии и в 1663 году вторично сослан в Соловецкий монастырь. В 1666

году освобожден по распоряжению Алексея Михайловича. Больше никаких упоминаний о нем не сохранилось.

ПЕТР АНДРЕЕВИЧ ТОЛСТОЙ. Первый постоянный Российский представитель в Турции, сенатор, тайный советник, лейб-гвардии капитан, президент Коммерц-коллегии, управляющий Тайной Канцелярией, кавалер высшей награды Империи — Ордена Андрея Первозванного, граф. В свое время вывез из Неаполя царевича Алексея, вел следствие по его делу. Известен также как автор записок о путешествии по Италии. В 1726–1727 годах возглавлял придворную оппозицию светлейшему князю А.Д. Меншикову, намеревавшемуся в случае смерти Императрицы Екатерины I возвести на престол сына казненного царевича Алексея Петра и женить будущего императора на своей дочери. Единомышленники П.А. Толстого прочили в императрицы одну из дочерей Петра I — Елизавету или Анну. С подачи Меншикова Толстой был приговорен «учрежденным» судом к смертной казни, замененной ссылкой на Соловки с лишением чинов и конфискацией имущества. На остров Толстой с сыном Иваном был доставлен 1 июня 1727 года. Графа водворили в помещение Антоновской тюрьмы, где он и скончался 30 января 1729 года в возрасте 83 лет. Был захоронен у Спасо-Преображенского собора, точное место захоронения неизвестно.

ВАСИЛИЙ ЛУКИЧ ДОЛГОРУКИЙ. Первый русский посол в Дании, сенатор, член Верховного Тайного Совета, князь. Воспитатель и наставник Императора Петра II. После смерти Петра II от имени восьми членов Верховного Тайного Совета заставил приглашенную на вакантный российский престол герцогиню Курляндскую Анну Иоанновну подписать так называемые «кондиции», существенно ограничивавшие самодержавную власть императрицы в пользу олигархов. В феврале 1730 года при поддержке дворянства Анна принародно разодрала «кондиции» и восстановила самодержавие. «Осмеричные затейщики» были арестованы и преданы суду. В.Л. Долгорукий был приговорен к лишению

чинов и наград и к ссылке. В августе 1730 года доставлен на Соловки и помещен в Антоновскую тюрьму. Был лишен права переписки с родными и возможности общаться с посторонними лицами, но материальных затруднений не испытывал, получая кормовых денег 1 рубль в день. В 1739 году после дополнительного следствия казнен в Новгороде отсечением головы.

ПЕТР ИВАНОВИЧ КАЛЬНИШЕВСКИЙ. Последний кошевой атаман Запорожской Сечи (1765–1775), участник русско–турецкой войны 1768–1774 годов (за храбрость был награжден золотой медалью с бриллиантами). Состоял в приятельских отношениях со Светлейшим Князем Григорием Александровичем Потемкиным. 4 июня 1775 года при разгроме Сечи царскими войсками был арестован и по приказанию Потемкина сослан навечно в Соловецкий монастырь «за вероломное буйство и разорение российских подданных». Несмотря на то, что еще год назад князь души не чаял в атамане, осыпая того комплиментами и уверяя в своей «всегдашней любви» к нему и «удовольствии исполнять все поручения». В монастырь Петр Кальнишевский прибыл в конце июля 1776 года. Монастырскому начальству было предписано содержать его «без выпускно из монастыря и удалять не только от переписок, но и от всякого с посторонними лицами обращения за неослабным караулом находящихся в монастыре солдат». Содержался в каземате № 15 возле сушила. «Порционных денег» получал один рубль в день (примерно в 40 раз больше других узников). На сэкономленные средства отремонтировал себе келию, а в конце жизни приобрел Евангелие стоимостью 2435 рублей и оставил его вкладом в монастырь на вечное упокоение. В 1792 году был переведен в одиночную тюрьму возле поварни. Указом Императора Александра Павловича от 2 апреля 1801 года был помилован и получил право на выбор места жительства по своему желанию. За возрастом и состоянием здоровья предпочел остаться в монастыре. В 1803 году скончался в возрасте 112 лет. Был похоронен на монастырском кладбище. Могила не

сохранилась. Во двореке церкви преподобного Германа находится надгробная плита с могилы П.И. Кальнишевского и памятник, поставленный в 2004 году.

«БЫВШИЙ ПУШКИН». Капитан Сергей Пушкин, прадед А.С. Пушкина по отцовской линии. В 1772 году был приговорен к вечному заточению «в какую ни есть отдаленную крепость» с лишением чинов и дворянства за изготовление инструмента для печатания фальшивых ассигнаций. Поначалу содержался в Пустозерском остроге. Проявил себя как «дерзкий, вредный и опасный» человек. Готовился к побегу, ругал носителей высшей власти, а однажды «кричанием изрыгнул скверно-матерную брань прямо и точно на священнойшую особу Ея Императорского Величества». 18 июля 1781 года был доставлен в Соловецкий монастырь без объявления имени под кличкой «бывший Пушкин», водворен в каземат № 19 под Иконописной палатой. Угол, где находился каземат, оградили двумя стенами — каменной и деревянной. Секретного узника охранял двойной караул. На пищу и платье «бывшему Пушкину» отпускали 10 копеек в день. На Соловках арестант «житие препровождал смиренно». Умер 24 декабря 1795 года.

5.3. Узники XIX века.

В самом конце XVIII века, в 1798 году в монастыре была учреждена «регулярная» тюрьма. Она разместилась в здании бывшей Иконописной палаты. В первом ярусе ее было оборудовано 12 арестантских чуланов (камер), а во втором — помещения для караула. В 1828 году палата была надстроена третьим этажом с еще 16-ю чуланами, которых стало в итоге 28. Здание было обнесено кирпичной стеной.

В XIX веке условия, в которых содержались узники Соловецкой тюрьмы (35–50 человек постоянно), мало отличались от прежних времен. В. И. Немирович-Данченко, посетивший монастырь в 1870-х годах, так описывал свои впечатления от посещения острога: «Узкая щель без света тянулась

довольно далеко. Одна стена ее глухая, в другой несколько дверей с окошечками. За этими дверями мрачные, потрясаяще мрачные кельи. В каждой окно. В окне по три рамы, и между ними две решетки. Все это прозеленено, прокопчено, прогнило, почернело. День не бросит сюда ни одного луча света. Вечные сумерки, вечное молчание. Я вошел в одну из пустых келий. На меня пахнуло мраком и задушающею смрадной сыростью подвала. Точно я был на дне холодного и глубокого колодезя».

В 1835 году Император Николай I изменил порядок ссылки на Соловки, определив, что арестанты могут быть направлены в соловецкую тюрьму только по Высочайшему повелению. Ссылали за «распространение вредных толков о вере и богопротивные деяния», за «соучастие в злоумышленном обществе», за «дерзкое порицание установленного государственными законами образа правления», «за раскольниковство», «за старообрядчество», «за отпадение от православия». Состав заключенных был пестрым как по социальной принадлежности (лица духовного звания, чиновники, офицеры, солдаты, крестьяне, рабочие), так и в национальном отношении (русские, украинцы, грузины, иностранцы). Ссылали без суда и следствия, в административном порядке, часто без указания срока или с пометкой — навечно. Очень немногие поступали под надзор братии на поселение. Подавляющее большинство направлялось в тюрьму, «в черные монастырские работы» или «в монастырские работы вместо штатного служителя, но под воинской охраной».

Режим содержания узников по сравнению с XVIII веком изменился мало. Арестанты по-прежнему оставались в своих камерах безвыходно. Архимандрит Мелетий в 1879 году сообщал в Синод, что только пять человек пользуются правом посещать богослужение — поодиночке и под караулом. Что касается прогулок по монастырскому двору, то таковые «никому никогда не позволялись». Продовольственный паек был мизерным и скверным: на день фунт черствого, заплесневелого или напополам с квасною гущею хлеба, который «прилично

употреблять для скотины», щи, каша из недоброкачественных залежалых продуктов и рыба.

Несмотря на заведение «регулярной» тюрьмы, положение узников Соловецкого монастыря в XIX веке продолжало оставаться тяжелым.

АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ ГОРОЖАНСКИЙ. Поручик кавалергардского полка. В 1824 году вступил в Северное общество, в которое вовлек еще пять человек. Следственная комиссия по делу декабристов установила, что А.С.Горожанский «на собраниях общества не был, но во время возмущения (14 декабря 1825 года. — С.Р.) подходил к каре, брал за руку Одоевского и на вопрос последнего: «что их полк?», отвечал: «идет сюда». После чего ушел в Сенат и пробыл там, пока все кончилось». 29 декабря 1825 года был арестован и помещен в Петропавловскую крепость, в которой провел четыре года. В 1830 году в прежнем звании и без лишения дворянского достоинства (!) был направлен на службу в Оренбургскую губернию «под бдительное наблюдение его начальства». В ссылке буйствовал, высказывал недовольство существующими порядками и властями, обнаруживал «особенное против всего ожесточение», даже «произносил разные дерзкие слова на особу Его Величества». Началось расстройство психики. Будучи дежурным по караулам, Горожанский ранил стоявшего на часах рядового Ступина, который «не окликал» его. В мае 1831 года по личному указанию Императора Николая I был водворен в тюрьму Соловецкого монастыря. Полгода спустя архимандрит Досифей доносил в Синод, что заключенный «ведет жизнь смиренную, но в преступлениях своих ни в чем не сознается. Примечательно в нем помешательство ума». Для лечения Горожанского поместили в подземелье, откуда, по просьбе матери, подарившей архимандриту 2000 рублей, переведен в чулан. 9 мая 1833 года заколол ножом часового Герасима Скворцова, который «не унимал» солдат, не дававших Горожанскому покоя.

Освидетельствовавший заключенного член Архангельской врачебной управы Григорий Резанцев пришел к выводу:

что узник «имеет частное помешательство ума, основанное на мнимой против него несправедливости других и претерпенных чрез то от всех обид и оскорблений, соединенной с опостыlostью жизни, как следствия претерпеваемых им великих несчастий». А.С.Горожанский умер в Соловецком монастыре 29 июля 1846 года.

ПАВЕЛ ИСААКОВИЧ ГАННИБАЛ. Родной внук арапа Петра I, двоюродный дядя А.С. Пушкина. Закончил Морской кадетский корпус в Петербурге, служил на Балтике, затем в казачьем полку и в гусарах. Участвовал в Отечественной войне 1812 года, был награжден орденами и медалями. После 30-летней службы вышел в отставку в звании подполковника в 1824 году. В июне 1826 года в одной из петербургских рестораций в споре с подполковником Краковским осудил расправу над декабристами, заявив, что «несчастные были слишком строго наказаны». В августе того же года был арестован и помещен в Петропавловскую крепость без суда и следствия, по личному указанию Императора Николая I, «без объявления вины». Два месяца спустя был выслан в Сольвычегодск. В ссылке, будучи человеком беспечным и отчаянным, брал деньги займы у каждого, кто давал, забывая, разумеется, вернуть долг. Приобрел медную пушечку и, забавы ради, произвел из нее несколько выстрелов из окна своей комнаты, повергнув сольвычегодских обывателей в ужас. Любил ходить в гости к знакомым и незнакомым без всякого зова. В обращении с людьми «часто выражения употреблял гордые и дерзкие», произносил «отчаянные речи». За буйство и «дабы освободить город Сольвычегодск от столь опасного тамошнего чиновника», в мае 1827 года Ганнибал был водворен в соловецкую тюрьму, в чулан, «в котором особо один сидел запертым». Поначалу впал в бешенство и «силился освободить себя из чулана», но вскоре успокоился. За мирное поведение и благодаря хлопотам бывшей жены Варвары Тихоновны в октябре 1832 года был освобожден. Умер в Луге в 1841 году.

ЯКОВ ПОТАПОВ. Рабочий фабрики Торнтон в Петербурге. В возрасте 18 лет принял участие в первой поли-

тической демонстрации в России — на площади у Казанского собора в Петербурге 6 декабря 1876 года. Нес красное знамя с надписью «Земля и Воля». Особым Присутствием Правительствующего Сената был приговорен к ссылке в Сибирь, замененной по молодости лет ссылкой в Спасо-Каменный монастырь Вологодской епархии «на покаяние». В монастыре почасту совершал самовольные отлучки, проявлял желание уйти из-под надзора, недовольство режимом выражал «оскорбительными для строителя (настоятеля монастыря) словами» и «неоднократно высказывал свое намерение, при представившемся случае, нанести ему (строителю) побои», а также нарушал спокойствие братии, «стараясь между нею поселить раздоры и ссоры». Монастырские власти полагали, что «присмотр за ним, по его буйному характеру, требуется не монастырский, а строго полицейский». 22 июля 1879 года Я. Потапов был доставлен на Соловки и «заключен в одном из арестантских помещений под строгий присмотр караульной команды для исправления и утверждения в правилах христианского и верноподданического долга». Однако на путь исправления Я.Потапов не встал, наставления и советы закрепленного за ним иеромонаха Паисия принимал «с кощунством», в церковь ходил по принуждению и вел себя там неприлично — «стоял, развалившись на стену», не молился, так что было «стыдно смотреть на него». 19 марта 1881 года после заупокойной литургии и панихиды по Императоре Александре II совершил дерзкий поступок. По этому поводу архимандрит Мелетий сообщал в Святейший Синод: «Яков Потапов по выходе моем из алтаря по окончании богослужения, среди храма подходит ко мне и говорит: «теперь свобода» и, размахнувшись, ударил меня по правому виску в голову, но более не мог нанести дерзости потому, что сейчас его задержали и караульный воин, и посторонние тут стоявшие люди и отвели его в свое место заключения». На рапорте Мелетия обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев наложил резолюцию: «Означенного Потапова следует держать самым строгим образом в одиночной камере». 13 июня 1881 года Я. Потапов

совершил попытку побега, но на монастырской пристани был задержан богомольцами и передан караулу. Потапова заковали в кандалы и посадили на самый строгий режим. 4 сентября 1881 года Архангельская палата уголовного и гражданского суда заслушала дело Я. Потапова и нашла его виновным в нанесении оскорбления действием священнослужителю, находившемуся при исполнении служебных обязанностей. Я. Потапов был приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке в отдаленнейшие места Сибири на поселение. Умер в Якутске 3 мая 1919 года.

МАТВЕЙ ГРИГОРЬЕВ. Санкт-Петербургский рабочий, вместе с Я. Потаповым участвовал в демонстрации 6 декабря 1876 года. По приговору суда Особого Присутствия Правительствующего Сената был сослан в Чуркинскую Николаевскую пустынь Астраханской епархии «на покаяние». В ссылке вел себя «неодобрительно» и «крайне нахально», издевательски относился к богослужению и настоятелю. По поводу покушения народовольца Соловьева на Императора Александра II заявил: «Дурак, взялся стрелять, но не умел попасть в цель». Об убийстве шефа жандармов Мезенцова отзывался «одобрительно, относя при этом к личности покойного... крайне дерзкую и площадную брань». Вел антиправительственную агитацию среди окрестных жителей, оказывая на них вредное влияние. Был посажен в астраханскую тюрьму, а в августе 1879 года переведен на Соловки, где помещен в одиночную камеру «под строжайший присмотр». В Соловецком монастыре вел себя «хорошо и покойно». В августе 1882 года по ходатайству архимандрита Мелетия был освобожден и выехал на родину под гласный надзор полиции.

Я. Потаповым и М. Григорьевым закончилась история политической ссылки на Соловки. В 1886 году из монастыря была выведена воинская команда, караулившая заключенных. Осенью 1903 года тюрьма в Соловецком монастыре была упразднена. В здании бывшей Иконописной палаты разместилась больница.

Глава 6

СОЛОВЕЦКИЙ ЛАГЕРЬ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ – СЛОН

Погружаясь в события лагерных времен, вы вступаете на скорбный Голгофский путь, которым прошли тысячи новомучеников и исповедников Соловецких. Здесь требуется особое духовное трезвение и сосредоточение, чтобы за тьмой советской каторги увидеть свет неугасимой лампы, о которой писал Борис Ширяев[34, с.424]: «Последний на Руси схимник умер, склоненный в земном поклоне перед своей лампадой на освященном страданием, подвигом и молитвой острове. Его лампада не угасла. Пламя от пламени, свет от света. Тихими тайными светильниками возгорелись иные лампы. Я их видел и сохранил в своей памяти. Духа не угасить». Он задумал свою повесть еще на Соловках. Он писал о слезах и крови, страданиях и смерти, о том, что «над навсегда покинутым Святым островом смерть, только смерть простирала свои черные крылья». И неожиданно для него самого «дивная, несказанная прелесть преображенного Китежа засияла из-за рассеянной пелены кровавого, смрадного тумана. Обновленными золотыми ризами оделись обгорелые купола Соловецкого Преображенского собора, вознеслись в безмерную высь и запели повергнутые на землю колокола. Неземным светом вечного духа засияла поруганная, испепеленная, кровью и слезами омытая обитель веры и любви. Стоны родили звоны. Страдание – подвиг. Временное сменилось вечным» [34, с.422]. Эти строки писались в 1950-м

году, когда о Воскресении Соловецкой обители никто не помышлял. Борис Ширяев верил в Воскресение, потому что видел Голгофу, на которую восходили те, кто нес в себе искру пламени духа, кто отверг тьму и победил её в своем сердце. Из них первый «русский князь церкви» – владыка Илларион (Троицкий) [34, с.329–337], «утешительный поп» – протоиерей Никодим [34, с.249–274], Василек–святая душа [34, с.275–287], фрейлина трех императриц баронесса Наталья Модестовна Фредерикс [34, с.275–298], всех не перечислишь... На Соловках Голгофа и Фавор зримо соединились. Так было и на многих Голгофах иных стран и земель от Камчатки до Пиренеев, от Колымы до Ла Рошели – везде, где проходили крестные пути к святыне преображенного града. «Путь к Голгофе и Фавору един. Жертва кладет предел страху плоти. Страх умирает на жертвеннике, ибо он – плоть. Дух не ведает страха». Вот это мы должны помнить: нынешним духовным возрождением России мы обязаны той жертве, наше бытие куплено дорогой ценой. И еще: в наших молитвах нуждаются тысячи погибших здесь людей, отказавшихся от несения креста, по неволе испивших чашу страдания, но лишившихся мученического венца.

Понять и принять неизбежность страданий на нашем жизненном пути можно только глядя с высоты Небесной. Соловки, в своей отделенности от большой земли, по необходимости обращены только к Небу. Утешая Бориса Ширяева, получившего приговор на Соловки Михаил Нестеров сказал: «Не бойтесь Соловков, там Христос близко» [34, с. 10].

6.1. Власть Соловецкая

В советские годы смысл судопроизводства и наказания был совершенно извращен. Вспомним, как следователь добивался раскаяния от Раскольникова, чтобы не каторга его страшила, а вечные муки совести. В монастырь присылали «на покаяние». В 1932 году в приветственной речи на торжественном заседании в день пятнадцатилетнего юбилея ВЧК ОГПУ С. М. Киров так определил их задачу: «Карать по-настоящему,

чтобы на том свете был замечен прирост населения, благодаря деятельности нашего ГПУ». И далее он с удовлетворением констатирует: «У многих людей мы прекратили их физическое существование, на многих мы нагнали такой величайший, подобающий революции страх, что они и сейчас ходят с согбенными головами» [35, с.22]. Трагическая история вторжения советской власти на Соловки началась в мае 1920 года, когда на островах было создано отделение Северных лагерей принудительных работ ОГПУ, а летом совхоз «Соловки», в котором трудилось триста – пятьсот человек. Это был один из первых исправительно-трудовых лагерей послереволюционной России. В 1923 году на островах организуется новое карательное учреждение значительно большего масштаба – Соловецкие лагеря особого назначения (СЛОН)¹. В начале 1937 года они были преобразованы в Соловецкую тюрьму особого назначения (СТОН). Трагический смысл аббревиатуры последнего названия сполна отразили условия содержания заключенных. Изощренные издевательства, пытки, физическое уничтожение тысяч людей придали самому слову – Соловки – злоеющее звучание. На протяжении почти двух десятилетий, до 1939 года, сотни тысяч² заключенных прошли через Соловки, и из них не менее 43 тысяч человек (так считает М. Розанов) осталось лежать в Соловецкой земле. По словам одного из нынешних монастырских иеромонахов: «Соловки – антиминс под открытым небом, здесь вся земля полита кровью мучеников». Однако ужасы лагерной жизни не должны заслонить от нас светлый подвиг новомучеников и исповедников Соловецких. Их жертва – основание нынешнего возрождения духовной

¹ СЛОН организован 13.10.23; закрыт 16.11.31 (с организацией на его базе БЕЛОМОРО-БАЛТИЙСКОГО ИТЛ); вновь организован 01.01.32; окончательно закрыт 04.12.33 («считать расформированным с 01.11.33», з/к, аппарат и имущество переданы БЕЛОМОРО-БАЛТИЙСКОМУ ИТЛ); после этого до 1937 года – VIII отделение ББК; с 1937 по 1939 годы – СТОН (Соловецкая тюрьма особого назначения Главного тюремного управления НКВД).

² Численность заключенных в СЛОН: 20.09.23 – 3049; ср./кв.: IV кв. 1923 – 2557; 1924: 1 кв. – 3531, 2 кв. – 3741, 3 кв. – 4145, 4 кв. – 5044; 1925: 1 кв. – 5872, 2 кв. – 6369, 3 кв. – 7093, 4 кв. – 7727; 1926: 1 кв. – 8289, 2 кв. – 8741, 3 кв. – 9578, 4 кв. – 10 682; 1927: 1 кв. – 10 943, 2 кв. – 11831, 3 кв. – 13326, 4 кв. – 14810; 1928: 1 кв. – 12909, 01.04.28 – 13366; ср/г.: 1928/1929 – 21900, 1929/1930 – 65000, 01.01.30 – 53123, 01.06.30 – 63000, 01.01.31 – 71800 (из них – 3240 женщин), 1932 – 15130, 1933 – 19287.

жизни в России. Источником сил для них была любовь к Богу и ближним, и, кажется, к нам обращены слова из письма архиепископа Петра (Зверева): «Сумейте полюбить Христа и всем вокруг вас будет тепло, покойно и не тесно».

На Соловки ссылали в первую очередь иерархов Русской Православной Церкви, монахов и священников, участников Белого движения — офицеров и солдат. Расправляясь со своими политическими противниками, новая власть отправляла сюда эсеров, анархистов, меньшевиков, неугодных ей представителей творческой интеллигенции. Незначительный процент заключенных составляли уголовные преступники. А когда заработала печально знаменитая 58-я статья, Соловецкий лагерь пополнился новыми жертвами. С начала 30-х годов на острова начинают доставлять раскулаченных крестьян из России, Белоруссии, Украины. Лагерный режим отличался особой изощренной жестокостью: малейшее нарушение беспощадно каралось штрафным изолятором или расстрелом. Заключенных мучили, морили голодом и непосильным трудом. Адская машина репрессий набирала силу... Лагерное начальство¹ по приказу свыше было обязано заниматься так называемой «воспитательной работой» среди заключенных. Были разрешены самодеятельные театральные постановки, временное издание краеведческих и литературных журналов, существовала библиотека, постоянно действовала музейная экспозиция, но все это никак не могло скрасить античеловеческий лагерный режим.

После закрытия монастыря около 60 человек братии отказались покинуть острова, заявив чекистам, что их последнее желание — сложить свои кости на Соловках, и если присутствие их нежелательно, то они просят расстрелять их здесь

¹ Начальники: Ногтев А.П., с момента организации лагеря (в 1923 г. — нач. Северных лагерей принудительных работ ГПУ, последнее (по времени) найденное упоминание Ногтева в должности нач. СЛОНа датируется 10.07.24. После этой должности, вплоть до 20.05.29, он — нач. 3-го отделения Спецотдела ОГПУ); Эйхманс Ф.И., с 1925 г. — по 20.05.29 (с 20.05.29 он — нач. 3-го отделения Спецотдела ОГПУ; назначен нач. УЛАГа ОГПУ с момента его организации 25.04.30, однако вскоре от занимаемой должности освобожден и назначен нач. ВАЙГАЧСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ОГПУ.); Ногтев А.П., с 20.05.29 по 19.05.30; Иванченко А.А., с 19.05.30 по 25.09.31, врид нач. — Дукис К.Я., с 25.09.31 по 06.11.31; нач. — Сенкевич Э.И., с 06.11.31 по 16.11.31 и с 16.01.32 по 21.03.33 (с 16.11.31 по 16.01.32 он — нач. Белбалтлага ОГПУ); врид нач. — Бояр; нач. — Бухбанд, с 28.01.33 — ?; Иевлев (упом. как врид нач. 08.10.33).

же, на монастырском кладбище. ГПУ разрешило им остаться в родных стенах в качестве вольнонаемных «инструкторов» по различным производствам¹. Они с радостью согласились, говоря, что работают не на ГПУ, а состоят в «послушании» у преподобных. Отец Григорий (пожилой монах 81 года) говорил: «Наша глубокая вера в том, что Всемогущий Господь, допустивший, что наша обитель превратилась в арену духовной борьбы между последователями Христа и клеветами антихристовой сатанинской власти, предопределил, что свет победит тьму. После низвержения в России слуг Веельзевула наша святая обитель послужит памятником духовной победы Христа над темными силами ада. Как ныне Соловецкий маяк освещает путь мореплавателям, так в последующие века наша святая обитель, озаренная победным Божественным светом Христа, будет путеводным маяком в истории православной России» [4, 1998, с. 18].

Вскоре число духовных лиц в лагере значительно пополнилось осужденными за противодействие изъятию церковных ценностей, выступавшими против обновленчества, арестованными за нарушение декрета об отделении Церкви от государства, а в 1930–е годы на Соловки ссылали просто за религиозные убеждения. Количество заключенных из духовенства, по разным источникам, колеблется от 200 до 400. Среди высших иерархов Русской Православной Церкви, томившихся на Соловках, были 20 архиепископов, 47 епископов, 3 архимандрита. Большинство из них в 1932 – 1938 годах были умучены, расстреляны, погибли на Соловках или в местах пересылки.

¹ Производство в лагере: в 1926-1927 гг. — лесозаготовки (на Соловецких островах и в Карелии — в р-не Пан-озера), торфоразработки, ловля озерной и морской рыбы, забой морского зверя, сельское хозяйство, обслуживание кирпичного, кожевенного, гончарного, смолокурного, известкового, салотопенного заводов и мех. завода, погрузочно-разгрузочные работы на Мурманской ж.д., дорожное строительство, в 1928-1931 гг. — лесозаготовки, обслуживание лесозавода в Ковде, лесопильных заводов в Карелии, погрузочные и разделочные работы на Мурманской ж.д., дорожное стр-во (в том числе ж/д ветки Белая-Апатиты, трактов Кемь-Ухта (протяженность 300 км.), Лоухи-Кестеньга, Восточная Губа-Кармасельга, Парандово-Тишкозеро), рыболовство, с.х., производство ширпотреба, начало строительства Северного участка ББК, в 1932-1933 гг. основное производство — рыбная промышленность и производство ширпотреба.

По воспоминаниям соловецкого узника, генерала Русской армии Ивана Михайловича Зайцева, СЛОН – это «оргия обезумевших людей для осквернения святого места». В Троицком храме помещалась карантинная рота для вновь прибывших. «Утром обнаружили в нашем размещении на нарах, что наши архипастыри, архиепископ Ювеналий, епископ Глеб и епископ Мануил были помещены на том месте нарах, где доски были положены на жертвенник – таким образом, они спали на жертвеннике... По этому поводу архимандрит Серафим изрек следующее: «Воистину выполняется в самой жизни наш богослужебный возглас, приносимый нами, когда мы вырезаем на жертвеннике Святый Агнец: «Яко овча на заклание ведеса, яко агнец непорочен прямо стрегущего его безгласен»»... Духовенство отбывало принудительные работы на общих основаниях... Никто из духовных никогда не заявлял протеста против назначения на ту или иную работу; никто никогда не жаловался на мнимую болезнь, а всегда все шли молча и по-христиански покорно туда, куда их назначали» [4, 1998, с. 17–18].

Троицкий храм, где находилась карантинная рота

Невозможно перечислить имена всех соловецких узников, с упованием на Господа мужественно стоявших за веру и Отечество. Помянем лишь некоторых выдающихся православных иерархов из сонма российских новомучеников, которые в тяжелых лагерных условиях несли крест архипастырского служения: это ныне прославленные Церковью архиепископ Иларион (Троицкий), митрополит Мануил Лемешевский и архиепископ Петр (Зверев). В 20-е годы в лагере был учрежден «Собор соловецких епископов», который не обладал официальными полномочиями, но в силу своего высокого духовного авторитета влиял на церковную жизнь в стране. В первом и наиболее известном из своих Посланий, составленном в 1926 году, епископы указывали на факты гонения на Церковь, на необходимость полного и последовательного проведения в жизнь закона об отделении Церкви от государства, о несовместимости сыска и политического доноса с достоинством пастыря.

После 1929 года репрессии против священнослужителей ожесточились. Было ограничено, а потом и полностью запрещено богослужение, всех остригли и переодели в казенное обмундирование, не разрешали держать иконы. Особенно безжалостно преследовались сектанты и раскольники. Большинство духовных лиц достойно несли свой крест, а репрессии и ссылку на Соловки воспринимали как особую милость Господа. «Сквозь дрему я услышал тонкий жалобный плач, отец Василий, священник из Рязани, с зеленоватой от старости бородой, стоял в углу на коленях, молился и плакал. Я не мог вынести и спустился утешить старика. Оказалось, он плакал от радости, что умрет не где-нибудь в тайге, а на земле, Зосимой и Савватием освященной» [36, с.12].

В 1939 году Соловецкий лагерь был расформирован. С 1940 года на Соловках располагается Учебный отряд Северного Флота. С 1942 по 1945 год школа юнг подготовила для Военно-морского флота около четырёх тысяч первоклассных специалистов, из которых около тысячи погибло во время войны.

После окончания войны и до конца 50-х годов территорию Соловецкой обители занимал отряд Военно-морского флота. После его вывода в бывшем монастыре начинают проводиться научно-исследовательские и реставрационные работы, а в 1974 году здесь организуется Соловецкий Государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник. Наряду с действующим монастырем, существует он и в настоящее время.

6.2. Прибытие заключенных на Соловки

Для вновь прибывших заключенных Соловки начинались с монастырской пристани в Бухте Благополучия. Таинственное дыхание святости, исходящее от древней поруганной обители, передано в словах соловецкого узника Олега Васильевича Волкова[37]: «Прежние путешественники на Соловецкие острова рассказывали о слезах, о сиявших счастьем лицах богомольцев, при виде святой обители забывавших беды многотрудной жизни. Я был слишком человеком своего времени, закрытым для подобного просветления, и все-таки... И все-таки с невольным трепетом всматривался в несокрушимую православную твердыню, воздвигнутую, чтобы противостоять любым покушениям...

Корабль вплыл в тень каменных громад монастыря. Этап, сбиваемый кулаками, оглушенный святотатственной бранью, сошел на берег. И все сильнее, чем на палубе, я ощутил, что здесь — святыня длинной чредой поколений моих предков: точно незримо реяли вокруг их душевные устремления, их смиренные помыслы.

Кто искал здесь утешения, приходил за очищением, кто усердной молитвой и обращением к религиозным началам жизни надеялся помочь людям в их скорбях. Почти шесть веков подряд на этих камнях и за этими стенами непрерывно шли службы. Молились, совершенствовались в духовных подвигах пламенно веровавшие в добрую людскую суть. И тщились побороть силы зла, вывести к свету и радости с темных перепутей жизни.

Теперь не стало больше окутывавшей остров оберегаемой от века тишины; место смиренных монахов и просветленных богомольцев заступили разношерстные лагерники и свирепая охрана; уже меркли тени прежних молельников за Русь и на развалинах скитов и часовен воздвигали лобное место для всего народа, — душа и сердце продолжали испытывать таинственное влияние вершившейся здесь веками жизни... несмотря ни на что! Влияние, заставлявшее вдумываться в значение подвига и испытаний».

Все прибывшие заключенные проходили карантин (от 3–4 недель до 3 месяцев). В 20-е гг. карантин находился внутри монастыря, в Троицком соборе. Там висел плакат: «ЧЕРЕЗ ТРУД ВОЗВРАТИМСЯ К ОБЩЕСТВУ». Целью «первичной обработки» было подавить волю заключенных к сопротивлению лагерным порядкам, то есть приспособить их к «полезному сожительству в трудовом обществе». (Соловецкие острова. 1925. №1. С.24) Тяжелая работа, проверки во дворе монастыря и на паперти собора, продолжавшиеся по 2–3 часа, «штрафная пайка» (700 г. черного хлеба и суп из гнилых селедок), страшная скученность арестантов (внутри собора помещали до 800–900 человек на трехъярусных нарах), вечный холод. Ограбления шпаной, размещавшейся на нарах попеременно с каэрами. На измученных, истомленных тюрьмой и следствием людей накатывалось раздавливавшее их волю бремя бессмысленного, безнадежного труда¹. Вместо божественного достоинства человеку в лагере предписывалась роль бессловесного животного. Например, на заготовку дров лошадей не давали, а посылали ВРИДЛО (временно исполняющий должность лошади). На эту работу назначали только вполне здоровых, не старше 40 лет людей. Каждая группа из 5 человек, впряженных в сани веревочными лямками, должна была выполнить норму 1 лошади. Довелось поработать ВРИДЛО и Д.С. Лихачеву.

¹ В 1930 году карантин был вынесен за пределы монастыря в специально построенный для него Карантинный городок, который находился в 500 метрах к северу от Кремля и состоял из 4 бараков, обнесенных высоким забором, с вышкой для надзирателей и проходной, рассчитанных на 800 заключенных.

6.3. Структура СЛОН

Чтобы представить общую структуру лагеря приведем информацию о его подразделениях и их размещении на территории Кремля.

На Соловецких островах в составе лагеря существовали отделения:

Кремлевское отделение, включавшее территорию Соловецкого монастыря и окружающего его поселка. В разные периоды существования лагеря здесь находилось от 50 до 80% всех заключенных на Соловках. Здесь размещалось Управление СЛОН и всех его административных подразделений (до 1929 года, когда Управление перебралось в г. Кемь), располагался военный городок с казармами для солдат, домами для командиров и подсобными службами (северо-восток). В южной части поселка, на территории монастырского кладбища, хоронили умерших и убитых заключенных, и производились расстрелы.

В Савватьево до 1925 г. существовал политизолятор для членов социалистических партий (эсеры, меньшевики, анархисты), оппозиционных большевикам. Затем был сельхоз и молочная ферма.

На Секирной горе, в здании Вознесенской церкви, был устроен штрафной изолятор (мужской) с чрезвычайно суровым режимом. Здесь же приводились в исполнение расстрельные приговоры.

Исаково было центром лесозаготовок, позднее здесь располагался совхоз.

В Филипповой пустыни находился Биосад (Биостанция), в котором содержались и разводились различные животные, а позднее находилась лаборатория о. П. Флоренского.

На территории бывшей Макарьевской пустыни (названной в лагерный период «Хутор Горка») также находилось отделение Биосада, в котором выращивались селекционные растения. Здесь же была резиденция начальника лагеря.

На территории Б. Соловецкого острова находилось до 30 т.н. командировок (небольших временных рабочих поселков), где осуществлялись различные лагерные производства (лесозаготовки, торфоразработки, производство кирпича, рыбная ловля, сельхозработы, заготовка водорослей, разведение пушного зверя). Самые значительные из них, – Кирпичный завод, Филимоново, Старая Сосновая, Новая Сосновая, Реболда, Красное озеро, Перт-озеро, Зеленые озера, Амбарчик, Овсянка, Березовая тоня, Варваринское озеро, Пушхоз, Торфогородок.

В 1-ом, Кремлевском, отделении было 15 рот, разделявшихся как по составу заключенных, так и по видам выполняемых ими работ. Наиболее ценные специалисты и администраторы из заключенных находились в 3-х первых ротах. Эти роты располагались в Южном двореке монастыря, в Новобратском и Прачечном келейных корпусах (относительно новых, построенных в 19-м веке). В 1-й роте жили заведующие различными предприятиями, их помощники и лагерный старостат. Во 2-й роте, – специалисты и лица свободных профессий (актеры театра, музыканты, сотрудники музея и редколлегии журнала). В 3-й роте, – заключенные из чекистов и работников следственных органов, милиции, угрозыска, используемые на особо важных постах (в ИСО-ИСЧ, цензуре, УРО, комендатуре). Жили здесь в светлых, теплых кельях по 2–6 человек, спали на монашеских койках и топчанах, питались в особой столовой. Вход шпане в эти роты был запрещен. Численность в каждой роте не превышала 100 – 150 человек.

4 и 5-я роты располагались в Благовещенском корпусе. В них жили музыканты, артисты и подсобный персонал театра, а также пожарники.

6-я рота, которая официально называлась «сторожевой», находилась в Святительском корпусе. В ней (начиная с 1925 года) проживало духовенство. Численность в этой роте временами доходила до нескольких сотен человек.

В 7-й роте, расположенной в Благовещенском корпусе, проживал средний и низший персонал лазарета, банщики, парикмахеры, дезинфекторы и т.д.

В Казначейском корпусе находились 8-я и 9-я роты. 8-я рота, рота общих хозяйственных работ, состояла из уголовников, осужденных за незначительные преступления (мелкие воришки, мошенники и т.д.). В 9-й роте находились заключенные, имевшие право занимать мелкие посты в тех отделах лагерного управления, в которые каэры не допускались. Здесь преобладала хозяйственная и партийная мелкота, осужденная за служебные преступления. Условия их жизни выгодно отличались от условий жизни других заключенных. Все они получали денежный паек до 30 рублей в месяц (против обычного в 9 рублей), имели отдельную кухню (одной из кухарок была княжна Гагарина), уборщиков. Катались на лодке по Святому озеру, занимались спортом на спортплощадке, зимой, – на катке.

В западной части Наместнического корпуса находилась 10-я, счетно-канцелярская, рота. В ней было до 500–600 заключенных, в подавляющем большинстве интеллигенция и дворяне, реже – священнослужители.

В Успенской церкви, Трапезной и Келарской палатах располагались 11 и 12-я роты. В них преобладали шпана и рецидивисты. О топчанах здесь не мечтали. На ночь вносили «парашу», и роты запирались на ключ. Это были роты общих (неквалифицированных) работ. 11-я рота, называвшаяся РОЭ (Рота отрицательного элемента), была последней ступенью перед Секиркой. В эту роту помещали тех, кто совершенно не поддавался исправлению, т.е. воров-рецидивистов, симулянтов, саботажников и тех, кто упорно отказывался от принудительных работ. Рота размещалась в пределах Успенской церкви, в третьем ярусе храма. В небольшом, холодном помещении (толщина стен доходит до 3 метров) набивали до 300 босых, полуголых и грязных людей, тесно расположенных на двухъярусных нарах и на полу. Спали в холода «тепловыми группами» по 4–6 человек: ноги одного переплетали шею другого. К РОЭ относилась и карцерная камера, в которой содержались заключенные перед отправкой на Секирку.

13-я рота, «карантинная», до 1930 года находилась в Троицком соборе.

14-я рота, рота «запретников», располагалась вдоль южной крепостной стены по соседству с братской баней. В этой роте содержались политические заключенные, которым по тем или иным причинам запрещалось общаться с другими заключенными. Зимой их под конвоем выводили на работу за стены Кремля, но с началом навигации держали в камерах. В этой роте было 100–300 человек.

Самой многочисленной была 15-я (сводная рота). Половина ее состава проживала внутри Кремля в разных ротах, а вторая половина была размещена в конце 1927 года в стандартных рубленых бараках за южной стеной монастыря. В этой роте содержались железнодорожники, электрики, водники, рабочие, занятые на лесопильном и механическом заводах, вообще мастеровые и рабочие морской лесобиржи.

В Северном дворике монастыря находился лагерный лазарет и обособленно (до 1930 года) проживали иноки Соловецкого монастыря, оставшиеся на Соловках после закрытия лагеря.

В лагере существовала невеселая шутка, что кроме 15 рот есть еще и 16-я – кладбище, которое находилось за южной стеной монастыря, по соседству с монастырским кладбищем. Место в этой роте было гарантировано всем заключенным СЛОНа, и большинство рано или поздно оказывались там.

Женское население лагеря¹ размещалось в женском бараке, прежней Архангельской гостинице монастыря, которая была окружена высоким деревянным забором (Ширяев пишет о том, что она была обнесена тремя рядами колючей проволоки). Из женбарака его обитательниц под усиленным конвоем везли на работы в прачечную, канатную мастерскую, на торфоразработки и на кирпичный завод (последние работы считались самыми тяжелыми). Наиболее удачливые из каэрок (работавшие в театре, в СОК'е, в лазарете, в семьях военного начальства гувернантками, поварами, учительницами в школах) жили на втором этаже Архангельской гостиницы своим особым, замкнутым мирком. Первый этаж занимали

¹ Среди заключенных лагеря было меньше 10% женщин: из них 60% составляли профессиональные проститутки, от которых «разгружали» столицы, 15% - уголовницы и жены нэпманов, а остальные, т.е. 25% – каэрки.

в основном уголовницы и проститутки. Жизнь тех казюрок, которые оказались вместе с ними, превращалась в сущий ад. Штрафные изоляторы для женщин находилась на Анзере и Заяцком острове.

6.4. Труд заключенных

СЛОН унаследовал те производства, которые существовали ранее в Соловецком монастыре. Более того, возглавили эти производства и наставляли в них заключенных монахи Соловецкого монастыря (их осталось на острове около 60 человек) под руководством создателя транспортной озерно-канальной системы монастыря – Иринарха. Только на территории поселка существовали кожевенное, швейное, столярное и лесопильное производства; известково-алебастровый, гончарный, механический заводы: бондарная, канатная, наждачная мастерские; карбасная мастерская (до 1929 г.); с 1930-х гг. – Йодпром, радиостанция, электростанция и типография. На Муксалме при СЛОНе продолжал существовать скотный двор (правда, в нем начали разводить свиней, которые не выращивались там при монастыре). С середины 20-х гг. появляется Пушхоз, ставший одним из крупнейших пушных хозяйств в Советском Союзе.

Но самыми значительными (и унесшими наибольшее количество жизней заключенных) были лесозаготовки и торфоразработки. Участки по заготовке леса по праву считались самым гиблым местом в лагере. В лес попадали те, у кого не было блата (в основном шпана и крестьяне), кто был наказан начальством, и на кого был формуляр, предписывающий использовать его только на тяжелых физических работах. В 1923–24 годах в лесу работали не более 200–300 человек на заготовке дров. Жили они в Кремле в карантинной и рабочей ротах в Троицком соборе. Усиленная вырубка леса на экспорт началась с зимы 1926–27 гг., а в 1927–29 гг. уже существовали самостоятельные лесные командировки Исаково, Савватьево, Новая Сосновка, Амбарчик, Овсянка, Красное, Щучье. За зимний период в лесу погибали 1\4 работающих

там, и столько же заключенных покидали лесные командировки, как инвалиды и доходяги с правом на медленную и мучительную смерть.

Жилищные условия на лесозаготовках были гораздо хуже, чем в Кремле. Жили заключенные в «крикушниках» – сарайчиках из плохо подогнанных одна к другой досок. Пол был земляной, не на чем было сидеть или лежать. Часто, экономя лес, подобные крикушники строили в земле. Вырывалась глубокая, метра в три яма, над ней ставили небольшой сруб, на дно кидали солому – и все.

У А.И. Солженицына есть описание работы на лесоповале, которое может служить иллюстрацией лесозаготовок на Соловках: «Снег – по грудь. Ты – лесоруб. Сперва ты собой утопчешь его около ствола. Свалишь ствол. Потом, едва проталкиваясь по снегу, обрубишь все ветки (еще их надо искать в снегу и топором до них добираться). Все в том же рыхлом снегу волоча, все ветки ты снесешь в кучи и в кучах сожжешь. Теперь лесину распилишь на размеры и соштабелюешь». Нормой выработки в лесу было срубить, очистить от сучьев и вытащить на дорогу (за 500 метров, по пояс в снегу) десять бревен (5 кубометров на одного человека). Норма выполнялась немногими сильнейшими. Невыполнение нормы влекло за собой задержку на морозе в лесу на несколько часов, а то и на всю ночь. За заболевших или обессилевших товарищей здоровые должны были выполнять норму, пока не пришлют замену. Лагерники звали три недели лесоповала – сухим расстрелом. «Саморубам» конвоир давал пропуск в Кремль – полено в 2 пуда весом с пометкой, чтобы после перевязки направили обратно в лес закончить урок. Хуже всего приходилось тем заключенным, кто, изможденный от работы и холода, отказывался продолжать работу. Таких раздевали и в одном белье, босыми ставили на пень на виду у конвоиров. Утром им приносили по 400 г. хлеба, а спустя несколько дней запирали в холодный карцер. Начальники конвоя приказывали раздеть заключенного и обливать его водой из проруби. Зимой 1925–26 гг. вместе с началом заготовки экспортного леса был издан приказ, дающий право начальникам лесозаготовок расстреливать на месте без суда отказчиков.

Погибших на лесозаготовках хоронили в братских могилах за Кремлем. Весной, когда сходил снег, в лесу обнаруживали много трупов. Сваленный заключенными лес сплавляли по многочисленным каналам (старым, монастырским, и новым, лагерным) к морю, и там особые бригады заключенных, стоя по колено в морской воде (средняя температура воды в Белом море в июле 6–8 градусов выше нуля), сплавивали бревна в плоты. И находились добровольцы, которые шли на эту работу за усиленное питание.

Только по воскресениям заключенные немного приходили в себя. Одни отсыпаются, другие разговаривают, сушат у печки одежду, слоняются по бараку. Слышится диалог:

– Это похоже на ад... Не хватает только жары и адского пламени. А люди как раз из царства теней.

– Нет это только чистилище...

– Да, чистилище. Ад это всегда, вечность. А чистилище – временно. Каким бы долгим оно ни казалось, оно все равно пройдет. [35, с.75].

В 1929–1930 гг. лесозаготовки на Соловках были прекращены из-за тифозной эпидемии и перехода УСЛОН'а на эксплуатацию более выгодных и ценных массивов на материке. Заготавливали после этого только березовые чурки для обжига кирпича и для отопления зданий.

6.5. Смертию смерть поправ

Монастырское кладбище соединяло два полюса лагерной жизни: здесь, в церкви Онуфрия Великого, соловецкие иноксы продолжали возносить хвалу Господу, и рядом всегда разверстая братская могила ожидала новых жертв.

Обычно вырывали длинную узкую траншею, на дно которой сбрасывали трупы, присыпая их немного землей и хлоркой. С течением времени, когда траншея наполнялась умершими, окончательно засыпали ее и выкапывали новую. В лагере существовал единственный «почетный» гроб, сколоченный из неструганных досок. Если друзья умершего хотели проводить его на кладбище, они могли брать этот гроб,

доносить покойника до могилы, сбрасывать его туда, гроб же ставить на место. У соловчан это называлось «прокатить на автобусе».

В 1931 году кладбище Соловецкого монастыря подверглось разорению и уничтожению. В течение нескольких «ударников» разобрали ограду и с могил сняли (выкопали, спилили?) кресты (а некоторые были больше обхвата в окружности и до восьми метров высотой). На Сельдяном мысу выросла груда из крестов и деревянных могильных оград высотой с четырехэтажный дом. Эту груду подожгли, и она горела и тлела несколько суток.

И здесь же, на месте общей скорби, протекали, может быть, самые светлые мгновения лагерной жизни. До 1931 года в кладбищенской церкви преподобного Онуфрия Великого регулярно совершались богослужения. В Соловецком лагере трудились вольнонаемными рабочими 64 монаха Соловецкого монастыря, которые не пожелали покинуть остров и были оставлены для «передачи» хозяйства монастыря, их так и называли: монахи-инструктора. Они работали либо своими артелями (рыболовецкая артель, зверобойная артель), либо были вкраплены в лагерные производства (гончарный завод, механический завод, кирпичный завод). На Секирном маяке смотрителем работал монах Флавиан. Основным консультантом по бывшему монастырскому хозяйству был монах Иринарх. Жили они по монастырскому уставу, и начальство лагеря позволило им совершать богослужения в Онуфриевской церкви. Служба в церкви совершалась ежедневно: в 6 часов вечера всенощная и в 4 утра литургия. Доступ в церковь до 1925 года был запрещен всем заключенным, даже высшему духовенству. Со сменой начальника лагеря духовенству разрешили не только молиться в церкви, но и служить, что особенно радовало Соловецких монахов, так как смогли совершать службы сами «князья церкви» – архиереи. Посещали церковь и миряне, оказавшиеся в лагере по церковным делам, а также заключенные по разовым пропускам, подписанным начальником лагеря. Особенно торжественными были пасхальные богослужения 1926–1927 гг. Их разрешили посетить всем заключенным. Ширяев описал Пасху 1927 года, указав, что владыка Иларион

Троицкий добился от начальника лагеря разрешения для всех заключенных и уговорил дать на Пасхальную ночь древние хоругви, кресты и чаши из лагерного музея. А облачения из музея с помощью отмычки изъяс (а затем вернул обратно) знаменитый взломщик, Владимир Бедрут. Попасть в самую церковь удалось немногим. Она не смогла вместить даже духовенство (более 500 человек: 17 епископов, более 200 иереев остальные – монахи). Все кладбище было покрыто людьми. На вершине звонницы на этот день был водружен Животворящий Крест. «С победным ликующим пением о попоранной побежденной смерти шли те, кому она грозила ежечасно, ежеминутно... Пели все. Ликующий хор «сущих во гробех» славил и утверждал свое грядущее, неизбежное, непреодолимое силами зла Воскресение...». Эта заутреня была единственной, отслуженной на Соловецкой каторге. В 1927–1929 гг. на Пасху в церкви были только монахи монастыря и духовенство. В 1930 г. доступ в церковь заключенным был строжайше запрещен, а в 1931 году с острова удалили последнего монаха-инструктора, и Онуфриевская церковь была окончательно закрыта. Однако заключенное духовенство, собранное в 6 роте, наряду со службой в Онуфриевской церкви, служило келейно, – до 1929 года в камерах роты разрешалось иметь иконы, стояли лампадки. Происходили и «катакомбные» богослужения в лесу возле поселка и на отдаленных командировках. Тайных катакомбных храмов в соловецких лесах было несколько. «Кафедральный собор» Пресвятой Троицы представлял собой небольшую полянку посреди густого березового леса в направлении Савватьевского скита, богослужения здесь совершались только летом, в большие праздники. Чаще всего службы православные священники совершали в храме святителя Николая, находившемся в густом лесу по дороге на Муксалму. Он представлял собой кущу, естественно созданную семью большими елями. В катакомбных храмах совершались и хиротонии нескольких новых епископов.

Известны случаи крещения младенцев в Онуфриевской церкви. Так, в 1925 или 26 году здесь крестила ребенка жена начальника 1-го (Кремлевского отделения) вольнонаемного чекиста Баринава. Иногда крестили (но тайно) и детей заключенных, родившихся на Соловках. В 1928 году Владыка Петр

Зверев обратился к православной вере и крестил в Святом озере эстонку, за что был изолирован на Анзер. Известно только одно отпевание в церкви умершего мирянина, однако тайно в лагере совершались панихиды по умершим или расстрелянным. (О. Иоанн отслужил панихиду по расстрелянным во время первого массового расстрела 1929 года). В 30-е годы на Соловках всякие богослужения и требы находились под строжайшим запретом. За отправление любых треб священников расстреливали, а миряне получали дополнительный срок. Однако изредка верующие собирались в лесу, на поляне, неподалеку от Кремля.

Отдельно нужно сказать о богослужениях католиков. По прибытии на остров в 1924 году они служили келейно. Первое разрешение на службу в часовне преподобного Германа (располагавшейся неподалеку от Филипповских садков) они получили на Рождество 1925 года, затем с конца мая 1926 года до 5 декабря 1928 года были разрешены ежедневные службы и причастие только для духовенства. В часовне проводились тайные посвящения. В 1929 году на Пасху католики получили разовое разрешение на службу в Филипповской часовне.

В 1940 году, уже после закрытия лагеря, Онуфриевскую церковь взорвали. Кирпичи из кладки пошли на строительство госпиталя воинской части, стоящего здесь же, на монастырском кладбище. Растащили и плиты с могил монахов. Но в 1989 году члены общества «Мемориал» поставили на фундаменте уничтоженной церкви Поклонный крест в память о жертвах лагеря. Снова, как и сотни лет назад, на кладбище служатся панихиды в память почивших насельников Соловецкого монастыря, и в память всех погибших в годы гонений на Русскую Православную церковь.

6.6. Детский барак УСЛОН

В доме с надписью «Детский барак УСЛОН» до сих пор живут люди. Эти бараки были построены для первой внутри-лагерной колонии для детей, созданной в 1928 году по инициативе заключенного Александра Николаевича Колосова, юриста по образованию. В лагере дети быстро становились

шпанятами, или, как их называли на Соловках, «вшивками». Жили они по законам воровского мира, всячески избегая работы. Перевоспитывать их никто не собирался, их просто вымаривали, не давая им пайков.

В Трудколонии каждому подростку был дан топчан с бельем. Детям выдали бушлаты, обувь, были придуманы шапки особого фасона. Подростки получали усиленное питание, которое было положено им по закону (в дополнение к обычной пайке стакан молока и даже мясо), должны были посещать организованную для них школу. Это вовсе не значит, что дети сошли с воровского пути. Они и в колонии продолжали жить своей жизнью. Наблюдения над этой жизнью описаны в одной из первых научных работ Д.С. Лихачева, которая называлась «Азартные игры уголовников» и была опубликована в лагерном журнале «Соловецкие острова». Но Трудколония спасла жизнь многим подросткам, которых иначе ожидала верная смерть на лесных командировках лагеря.

В 1929 году один из барачников Трудколонии посетил Максим Горький. Его визит в СЛОН заслуживает того, чтобы о нем рассказать особо. В 1928 году ряд европейских стран, а также Социнтерн (объединение социалистических партий Европы) обратились к СССР с запросами по поводу положения заключенных в советских концлагерях. Правительства США и Великобритании приняли решение не покупать лес у Советского Союза, узнав от бежавших из СЛОНа заключенных об ужасах лагерных лесозаготовок. Чтобы успокоить общественное мнение мирового сообщества, Горький был направлен на Соловки как писатель, и целью его поездки была публикация очерка о жизни заключенных СЛОНа. К приезду Горького готовились и начальство, и заключенные. Арестанты надеялись, что Горький узнает всю правду об их жизни. Начальство готовило для высокого гостя шоу. За день или два до приезда Горького по обе стороны прохода к Трудколонии воткнули для декорации срубленные в лесу елки. Из Кремля каждую ночь в Соловецкие леса уходили этапы, чтобы разгрузить от заключенных Кремль, Персоналу в лагерном лазарете выдали чистые халаты. К причалу для встречи гостя была

подана монастырская коляска с запряженной в нее лошастью. Ездил Горький по острову немного, и постоянно в сопровождении первых чинов лагерной администрации. Был он и в Трудколонии, зайдя в один из бараков. Говорили, что там он беседовал с глазу на глаз с одним из подростков-колонистов, вызвавшимся рассказать ему всю правду о лагерной жизни. Выйдя из барака, Горький плакал у всех на виду, не пытаясь скрыть своих слез. Был Горький и на Секирке, где немногих оставшихся там к его приезду заключенных (большую часть скрыли на самой глухой лагерной командировке на севере острова, на озере Амбарном) усадили за стол и заставили читать газеты. Чтобы показать нелепость этого занятия в штрафном изоляторе, арестанты перевернули газеты, держа их «вверх ногами». Горький подошел к одному из них и перевернул газету, показав, что понял смысл их выдумки. Вернувшись в Москву, Горький действительно напечатал очерк «Соловки», в котором воспел романтику лагерной жизни, превращающей закоренелых преступников и врагов Советской власти в примерных строителей нового общества. На Соловках же Горький оставил в «книге отзывов» такие строки, опубликованные в журнале «Соловецкие острова»: «Я не в состоянии выразить мои впечатления в нескольких словах. Не хочется да и стыдно было бы впасть в шаблонные похвалы изумительной энергии людей, которые, являясь зоркими и неутомимыми стражами революции, умеют, вместе с этим, быть замечательно смелыми творцами культуры». В поездке Горького сопровождал один из главных на тот день «творцов культуры», член Коллегии ОГПУ Глеб Бокий.

6.7. О лагерной культуре

В 1924 году в СЛОНе появился ВТО (воспитательно-трудовой отдел), со временем переросший в КВЧ (Культурно-воспитательную часть). Она возникла как надстройка над начавшейся «снизу» работой, после того как состоялся первый спектакль, поставленный провинциальным актером Армановым. «Театр на каторге – экзамен на право

считать себя человеком. Восстановление в этом отнятом праве» [34, с.53] Именно поэтому артисты находили в себе силы для репетиций по вечерам после 10–12 часов тяжелого труда на морозе. Репертуар был вначале разношерстный и незначительный: водевили, политические агитки, цыганские романсы, балалаечный виртуоз. Затем театр возглавил провинциальный комик Макар Семенович Борин. Был обустроен настоящий театральный зал (в бывшей монастырской общей трапезной) на 700 – 800 мест с костюмерными и примерочными для артистов. Актеры театра были освобождены от общих работ, к театру прикрепили портного, парикмахера, бутафора, плотников. Репертуар театра теперь состоял из классики русской сцены («Борис Годунов», «Царь Федор Иоаннович», «Девичий переполох», «Дети Ванюшина», «На дне», «Идиот», «Коварство и любовь» и др.). Играли даже запрещенные в стране пьесы. В театре играли младший режиссер 2-го МХАТа Н. Красовский, артист Камерного театра Борис Глубоковский, Ширяев, куплетист Жорж Леон. Играли в театре и уголовники (например, бандит Алексей Чекмаза играл Арбенина в «Маскараде»). Театр назывался ХЛАМ (Художники–Литераторы–Артисты–Музыканты). Два раза в неделю шли платные спектакли, два раза – бесплатные (по пропускам от воспитателей и ротных командиров). Позднее, с 1934 года, театром руководил Олесь Курбас. Уголовники имели свой театр, который назывался «Свои» и был знаменит сводным хором в 150 голосов. В лагере были духовой и симфонический оркестры, оперетта.

Музей сохранял особое положение до лета 1932 года. В Преображенском соборе сохранялся иконостас. Количество икон было 200–250. В алтаре висела сень (ныне в музее «Коломенское»). Сохранилась надвратная Благовещенская церковь. В ее алтаре было более 500 икон. Среди них чудотворные: Сосновская, Словенская (сейчас в ГИМ) и Хлебная. Печатались труды музея. С 1927 года зав. Музеем был Николай Николаевич Виноградов. Он имел уголовную статью (67 УК). Сначала он был заместителем заведующего, а после освобождения (1929 год) – вольнонаемным заведу-

ющим музея. В музее работали Осип Эммануилович Браз (писал акварели), искусствовед и реставратор Александр Иванович Анисимов, археолог и реставратор Назимов. Летом 1932 года Музей был разорен комиссией из Москвы и остатки его отправлены в Москву и Ленинград. По воспоминаниям Чиркова: «В музее были великолепные гербарии и мастерски выполненные чучела всех представителей флоры и фауны Соловецкого архипелага; детальные карты всех островов, системы каналов, макеты построек; чудесная надвратная церковь с иконостасом, иконами, росписью и сенью над престолом в алтаре».

На Соловках в то время было две библиотеки: лагерная и монастырская. Монастырская находилась в ведении музея и насчитывала около 2000 книг и рукописей. Лагерная библиотека находилась по соседству с театром, чуть севернее, на втором этаже, в помещении бывшей монастырской библиотеки. Уже к 1927 году ее фонды превышали 30 000 томов и несколько тысяч журналов по всем отраслям знаний. Основой СЛОНовской библиотеки были книги, выделенные библиотекой Бутырской тюрьмы, а также нескольких частных и коммерческих библиотек, реквизированных в Москве. Но библиотека постоянно пополнялась за счет книг, отобранных при освобождении или при обыске (а также поступавших после смерти) у заключенных. В библиотеке выдавали книги, уже изъятые из обращения на материке (например, «Бесы» Достоевского, статьи К. Леонтьева, «Россия и Европа» Данилевского, «К трехсотлетию дома Романовых» и др.). Особенно богатым был фонд литературы на иностранных языках (благо, на Соловках было в достатке тех, кто имел возможность ими пользоваться). Заведовал библиотекой вначале видный большевик с дореволюционным партийным стажем Шеллер-Михайлов. В 1930-х гг. заведующим библиотекой был Григорий Порфирьевич Котляревский, тоже видный большевик. Зав. Иностранным отделом библиотеки был профессор Алексей Феодосьевич Вангенгейм, до 1934 года возглавлявший Гидрометеорологический комитет при Совнаркоме СССР. Библиотеки-передвижки, посылаемые

в другие отделения (позднее лагпункты) СЛОНа, формировал Пантелеймон Константинович Казаринов – президент Сибирского отделения Географического общества. При библиотеке был большой читальный зал, в котором проводились диспуты и читались доклады на литературные или научные темы. В то же время, в библиотеку не поступали (по крайней мере, до 1934 года) центральные газеты, и о том, что творится в стране и в мире соловчане узнавали, в основном, из местной газетки «Новые Соловки» и передач местного радио.

В лагере существовали школы (их было около 80) по ликвидации неграмотности, а также различные профессиональные курсы. Если первые посещались, в основном, уголовниками, желавшими за посещение курсов получить для себя поблажки от начальства, то на профессиональные курсы ходила интеллигенция, которой необходимо было приобрести профессии, востребованные в системе ГУЛАГа, прежде всего, – профессии счетоводов, бухгалтеров, нормировщиков и табельщиков.

С 1924 года на Соловках в бывшей монастырской типографии издавалась газета «Новые Соловки». В редакции были бывшие профессионалы и научные работники. Газета выпускалась тиражом в 1000 экземпляров, из которых на островах расходилось 100–120 экземпляров. На остальной тираж подписывались на материке (подписаться можно было в любом почтовом отделении страны) родственники заключенных, стремившиеся хотя бы таким способом узнать что-то о жизни своих близких в лагере. Большую часть материалов составляли заметки о том, как споро и качественно враги советской власти «перековываются» в лагере в строителей нового общества.

Гораздо интереснее был журнал «Соловецкие острова», печатавшийся на 250–300 страницах. Журнал состоял из двух частей: художественной и краеведческой. Вторая была гораздо обширнее первой. Печатались короткие рассказы и даже повести с продолжением. Стихов было больше.

В журнале печатались поэты Евреинов, Бернер, Русаков, Емельянов, Кемецкий (Свешников). Несмотря на налет сентиментальности и романтизма (нужно помнить, что журнал подвергался цензуре, и серьезную прозу просто не напечатали бы), проза, и особенно поэзия, была очень хорошего уровня. Еще более значительными были раздел краеведения и мемуаристика.

6.8. Железной рукой ...

За монастырским кладбищем находится аллея памяти жертв СЛОНа. Уже называлась цифра погибших в лагере заключенных – примерно 43 000 человек. Если принять во внимание площадь островов архипелага (300 км²), то можно с уверенностью сказать, что вся земля Соловков полита кровью ни в чем не повинных и замученных здесь людей. Большая часть погибших умерли своей (нельзя ее назвать естественной, но, по крайней мере, ненасильственной) смертью. Но весь период существования лагеря в нем казнили людей. Расстреливали поодиночке под колокольной и в подвале церкви Вознесения на Секирке. Уводили в лес со связанными за спиной колючей проволокой (не тратиться же на веревку!) руками. Вели босого, в одном белье, заключенного и обрывали его жизнь внезапным выстрелом из револьвера в затылок. Целые группы заключенных выгружали с парохода на причале и, не заводя в Кремль, конвоировали к Секирной горе и расстреливали у подножия горы или на Большом Куликовом болоте. Летом 1930 года привезли на Соловки несколько десятков сектантов («имяславцев» или «истинно-православных»). Эти привезенные отрекались от всего, что шло от антихриста (воплотившегося, по их мнению, в представителях большевистского государства): не получали никаких советских документов, ни в чем не расписывались, не открывали своих имен, не получали советских денег. Их послали на Малый Заяцкий остров – безлюдный, пустынный островок

в 5 километрах от монастыря. Администрация распорядилась дать им двухмесячный паек, – но при условии, что за него в ведомости распишется каждый. Все отказались. И их отправили без пищи, хотя и были заключенные, желавшие отправиться с ними на островок счетоводами и каждый день выдавать им пищу и вести всю отчетность. Через два месяца (ровно через два, потому что надо было предложить им расписаться на следующие два месяца) приплыли на остров и нашли только расклеванные птицами трупы. Все были на месте. Никто не сбежал.

Было в лагере и несколько массовых расстрелов заключенных. Первый произошел 28 октября 1929 года на этом месте. После побега морских офицеров в Кремль со всего архипелага стали собирать бывших офицеров (царских и Белой армии). На них заводили новые дела, открывали следствие. Всего набралось около 300 человек (по другим сведениям – около 60). Их держали в карцере. Нелепый побег сумасшедшего Кожевникова и его манифест дал возможность администрации обвинить арестованных в подготовке восстания с целью захвата лагеря и освобождения всех заключенных. 28 октября 1929 года по лагерю объявили: вечером все должны находиться в своих ротах. Когда на расстрел выводили первую партию заключенных, завyla собака одного из расстреливаемых заключенных по кличке Блэк. Приговоренных выводили через Святые ворота. Осужденные на смерть люди выходили из Святых ворот и пели «Христос воскрес из мертвых» и другие молитвы. По вою Блэка, сопровождавшему каждую партию, подсчитывали количество партий. С одной из партий случилась заминка в Святых воротах. Высокий и сильный одноногий профессор баллистики Покровский (как говорят, читавший лекции в Оксфорде) стал бить деревянной ногой конвоиров. Его повалили и пристрелили прямо в Святых воротах. Расстреливали недалеко от Женбарака (Архангельской гостиницы). Убийцы светили фонариком в темноте и стреляли из револьверов в затылок заключенного. Женщины наблюдали расстрел из окон второго этажа, – на

чались истерики. Могилы были вырыты за день до расстрела. Палачи, видимо, изрядно выпили для храбрости и многих закопали живыми, слабо присыпав землей. Утром земля над ямами еще шевелилась. (Воспоминания Д.С. Лихачева). А Блэк убежал в лес. Успенский после этого возненавидел собак и устроил их отстрел в поселке. Кладбище, на котором были зарыты убитые, некоторое время спустя было сровнено заключенными под музыку оркестра. Образовалась большая, 80х80 метров, свободная от леса, удобная для застройки площадка. Летом 1975 года здесь начали рыть котлован для жилых домов – и вместе с грунтом и камнями экскаватор выгребал кости и простреленные черепа. Новый поселок строился на костях мучеников.

Через год, осенью 1930 года, на Соловках произошел еще один расстрел, который явился следствием борьбы за власть в лагере между чекистами (вольными и ссыльными), возглавлявшими ИСО (Информационно-следственный отдел), и заключенными-офицерами, составлявшими АЧ (Административную часть, по сути дела – лагерное самоуправление). Под предлогом борьбы с искривлениями лагерной дисциплины, чрезмерной жестокостью по отношению к заключенным были арестованы (в лагере!) и судимы несколько десятков ротных, старост и иных мелких лагерных начальников, на самом деле отравлявших жизнь заключенным. Из Москвы в мае 1930 года в лагерь даже приехала комиссия, собиравшая жалобы заключенных на лагерное начальство. После приезда комиссии дезорганизованное начальство ослабило дисциплину, ввело выходные дни. Новая обстановка увеличила число побегов, отказов, краж и освобождений от работ по болезни. От лагерной «оттепели» выиграли, прежде всего, уголовники, ставшие «социально-близкими» лагерной администрации. И вот пришел Приказ Коллегии ОГПУ: (цитируется по Розанову):

«На основе материалов следственной комиссии по Соловецкому концлагерю, коллегия ОГПУ вынесла приговор в отношении контрреволюционеров и произвольщиков.

искривлявших основы карательной политики. Определенная часть заключенных восприняла данный приказ, как изменение трудового режима и как право работать тогда и там, где они желают. Учет использования рабочей силы по лагерям с мая констатирует рост побегов и отказов от работы. Классово враждебный элемент распространяет злостные слухи, будто означенным приказом отменяются меры принуждения и воздействия к нарушителям трудовой и лагерной дисциплины. Все это, вместе взятое, привело к срыву производственных планов и крупным материальным убыткам по ряду лагерей. В отношении нижепоименованных отказчиков от работы, беглецов и контрреволюционных агитаторов, на которых информационно-следственными отделами лагерей был представлен материал, коллегия ОГПУ применила высшую меру наказания – расстрел». Следовал длинный список из 120 фамилий. Наряду с каэрами – представителями лагерной администрации в список были включены рецидивисты, неоднократно пытавшиеся бежать из лагеря и систематически отказывавшиеся от работы.

В 30-е годы СЛОН расплодился метастазами по всему северу России. Соловчан посылали в Карелию на прокладку дорог, на экспортные лесоповалы. Также охотно СЛОН стал «продавать» инженеров: они бесконвойно ехали работать в любое северное место, а зарплата их перечислялась в лагерь. Во всех точках Мурманской железной дороги от Лодейного Поля до Тайболы к 1929 году уже появились лагерные пункты СЛОНа. Затем движение пошло на вологодскую линию. К 1930 году в Лодейном Поле окреп и стал на ноги СвирЛаг, в Котласе образовался КотЛаг. С 1931 года с центром в Медвежьегорске родился БелБалтЛаг. На Северной Двине СЛОН отпочковался в СевДвинЛаг. В 1931 году было основано Северо-Уральское отделение СЛОНа с центрами в Соликамске, Березниках и на Вишере. Летом 1929 года из Соловков на реку Чибью была послана экспедиция бесконвойных заключенных под руководством геолога Руцинского – разведать нефтяные месторождения. Экспедиция была успешной, и на Ухте возник УхтЛаг.

Вскоре он захватил и Печору, преобразовавшись в Ухтинское, Печорское, Интинское и Воркутинское отделения, – основы будущих великих самостоятельных лагерей. Так вся северная часть ГУЛАГа была рождена Соловками. Одновременно сам СЛОН терял специфику, которая отличала его от других лагерей. Из свалки аристократии, научной и творческой интеллигенции и духовенства, и потому, как ни странно, центра духовной жизни России в 20-х гг., СЛОН превращался в «кузницу кадров» для лагерей ГУЛАГа и место изоляции советских и партийных оппонентов сталинского большинства в руководстве ВКП(б) и республиканских компартий. Наконец, в 1937 году на Соловках был организован СТОН (Соловецкая тюрьма особого назначения) с непосредственным подчинением Соловков Управлению тюрьмами Центрального ведомства НКВД. Большинство заключенных было переведено на тюремный режим. В дверях камер появились глазки и «кормушки», в окнах – решетки. В центральном дворике Кремля вырубili скверики, уничтожили цветочные клумбы. Возле тюремных корпусов (на первом этаже которых окна были забиты глухими щитами) устроили дворики для прогулок. В тюремных камерах разрешалось только сидеть на кровати, не опираясь на стену, с открытыми глазами, держа руки на коленях. Разрешалась прогулка до 30 минут в день, пользование книгами из тюремной библиотеки, да обращение с заявлениями на имя начальника тюрьмы. За малейшее нарушение следовал карцер до пяти суток или лишение прогулки до 10 дней. Заключенных водили по двору только на допрос под конвоем. Всех одели в одинаковые черные рубашки с темно-коричневыми нашивками на воротниках и рукавах с надписью «СТОН». Ботинки без шнурков.

В конце 1937 года Особая тройка УНКВД по Ленинградской области постановила расстрелять 1825 з/к СЛОН. Расстрел был осуществлен в три приема. Последнюю группу из 200 человек, в отношении которых постановление было вынесено 14 февраля 1938 года, расстреляли в феврале в Исаково. Перед этим, в декабре, группу из 509 человек вывезли в Ленинград и расстреляли там. Первую, самую многочис-

ленную группу, расстреливали в несколько этапов в октябре-ноябре 1937 года под Медвежьегорском, в песчаном урочище Сандармох. Исполнителем был капитан Матвеев, которого репрессировали в 1938 году. Он расстрелял 1111 человек. В этой группе погибли: основоположник нового украинского театра Лесь Карбас, министры правительства Независимой Украины А. Крушельницкий и М. Полоз; видный адвокат А. Бобрищев-Пушкин, А. Вангенгейм, основоположник удмуртской литературы Кузедуб Герд, член правительства Белоруссии Ф. Волянец, группа татарских общественных деятелей во главе с И. Фирлевсом, выборный глава российского цыганского табора (некоронованный король цыган России Г. Станеско, грузинские князья Н. Эрстов и Я. Андронников, черкесский писатель князь Х. Абуков, видный деятель корейской общины в России Ан Тай До, православные епископы Алексей (Воронежский), Дамиан (Курский), Николай (Тамбовский), Петр (Самарский); католический администратор Грузии Ш. Татманишвили, глава баптистской церкви СССР В. Колесников и 22 католических священника.

В ноябре 1939 года Соловки покинули последние заключенные, которых океанскими пароходами отправили в Норильск. Закончилась история СЛОНа.

Об этом учреждении скажем словами бывшего заключенного, а ныне Новомученика и Исповедника Соловецкого епископа Вятского Виктора (Островидова). Он так напутствовал отбывшего уже срок писателя Олега Волкова: «Ты, сынок, вот тут с год потолкался, повидал все, в храме бок о бок стоял. И должен все это сердцем запомнить. Понять, почему сюда власти попов да монахов согнали. Отчего это мир на них ополчился? Да, не любя ему правда Господня стала, вот в чем дело! Светлый лик Христовой Церкви – помеха, с нею темные да злые дела неспособно делать. Вот ты, сынок, об этом свете, об этой правде, что затаптывают, почаще вспоминай, чтобы самому от неё не отстать. Поглядывай в нашу сторону, в полунощный край небушка, не забывай, что тут хоть туго да жутко, а духу легко...» [38, с. 143].

СЛОН – концентрированное выражение беззакония революционной стихии. Советское общество отвергло от себя лучших представителей духовенства и интеллигенции, поставив их в положение узников, и вместе с ними отвергло христианские начала, на которых основывалась Российская государственность. Сейчас уже очевидно, что невозможно оказалось построить жизнеспособное общество на иных основаниях, получается «дом на песке» (Мф. 7, 26), который рушится, едва подует ветер. Поэтому необходимо возвращаться к прошлому ради осмысления, ради покаяния. Люди осознанно или неосознанно стремятся к святыням, стараясь найти твердый камень, который можно положить в основание своего духовного мира, в России возрождается традиция паломничества.

Приведем впечатление от посещения Соловков архиепископа Львовского и Галицкого Августина: «Мне кажется, что каждому православному человеку надо обязательно найти возможность побывать на Соловках. Тут тесно переплетаются история и сегодняшний день. Все это вразумляет, остерегает и заставляет более духовно относиться к жизни. Вот итальянцы, с которыми я вчера разговаривал, прежде всего интересовались трагической историей Соловков и скорбели о жертвах насилия и жестокости. Но ведь Соловецкие новомученики и исповедники были похожи на первых христиан, на тех, кто в Риме и других местах Римской империи пострадал от гонителей. И многие принимали мучения с благодарностью, потому что этим имели возможность свидетельствовать о своей вере, доказать Богу и людям свою верность и любовь ко Господу. Во время гонений Рим был для христиан как бы второй Голгофой. А Соловецкая Голгофа в истории христианства может считаться третьей. Во всяком случае, для православного русского народа Соловки – национальная Голгофа»¹.

¹ Соловецкий вестник. № 3. 2004. С. 9.

Схимники в Филипповой пустыни

Глава 7

7.1. Савватьево

Савватьево расположено примерно в 12 километрах от монастыря и в километре от Сосновой губы, где преподобные Савватий и Герман впервые пристали к Соловецкому острову (см. 2.1). Они направились вглубь острова вдоль ручья и обрели поляну на берегу озера, защищенную от холодных ветров. Поставив крест и устроив келью, они основали на острове первый скит, названный позже Савватиевским. Здесь преподобные прожили с 1429 по 1436 год. Через столетие в эту пустынь приходил помолиться игумен Филипп, который обрел в келье каменный крест и икону Божией Матери Одигитрии, принадлежавшие преподобному Савватию. Сейчас на месте кельи преподобных установлен Крест. Здесь хорошо почитать житие преподобного Савватия (2.1), и, познакомившись таким образом со святым, обратиться к нему с молитвой.

Как использовалось Савватиево в древние времена, неизвестно. Скорее всего, в память о преподобных приходили сюда на временное житие монахи-отшельники. В середине XVIII столетия старую часовню перестроили, тогда же здесь появились новые кельи, пристань, конюшня. Иногда в это святое место приезжали на богомолье архимандриты, жившие в выстроенной для них келье.

Савватьево

Сохранившиеся постройки скита относятся ко второй половине XIX века. В 1860 году здесь была освящена каменная церковь (архитектор Шахларев) в честь Смоленской иконы Божией Матери Одигитрии, что была принесена на Соловецкий остров преподобным Савватием. Икона была перенесена в новопостроенный храм, и каждодневно перед ней читался акафист Пресвятой Богородице. Своим видом эта церковь напоминала древнерусские храмы с простой четырехскатной кровлей, увенчанные шлемовидной главой. С западной стороны к церкви примыкала невысокая шатровая колокольня. Сейчас обезглавленные храм и колокольня нуждаются в скорейшем восстановлении как драгоценная память о первоначальниках соловецких. Около храма стоит каменная плита с надписью: «Преподобные отцы Савватий и Герман Соловецкие Чудотворцы первыми прибыли на сей остров в 1429 году и жили на сем месте 6 лет. Сей храм во славу Пресвятыя Богородицы Одигитрии <построен> по обету архимандрита Александра с братиею в 1856 году в вечную благодарность Премилосердному Богу и Царице Небесной

за избавление Обители от нашествия англичан в 1854 году. Преподобного Савватия здесь в благословение икона Божией Матери Одигитрии и крест каменный. До построения сего храма здесь была часовня деревянная. Матерь Божия, Царица Небесная! Молитвами преподобных отец Соловецких сохрани сей храм во спасение всего Отечества и всех Христиан. Аминь».

С появлением новой церкви начинают обустриваться и прилегающие к ней земли: увеличивается количество лугов, осушаются болота, появляются огороды. Для приезжающих трудников, паломников рядом с храмом в 1886–1890 годах строят большой корпус в два этажа с подвалами. Часть поздних построек скита утрачена, но сохранилась старинная валунная баня, построенная близ ручья, вытекающего из озера. Постройки скита настолько гармонично были вписаны в окружающую природу, что не только не нарушали, но даже оживляли и украшали пейзаж. Монастырскую деятельность по освоению и благоустройству острова можно, пожалуй, сравнить с трудом Адама, которому заповедано было «возделывать рай». Это был благословенный труд, который освящал природу, привлекая ее к служению Богу.

Корпус для трудников

Сюда, в Савватьево, удалился уволенный на покой архимандрит Иоанникий, здесь же он мирно упокоился в 1921-м году.

В начале существования СЛОН'а, в 1923 году, большинство его «населения» составляли белые офицеры и социалисты (члены оппозиционных большевикам эсеровской, социал-демократической и анархистской партий). Первая партия социалистов прибыла на Соловки 1 июля 1923 года в количестве 150 человек. До этого социалисты содержались в Пертоминском монастыре в 50 километрах от Архангельска. Социалистов там «перевоспитывали» холодом и темнотой (не давая ни топлива, ни света). Часть из них покончили с собой еще в этапе, протестуя против условий содержания. Всего на Соловки в 1923–1924 годах завезли до 500 «политических». Они содержались и на Муксалме, и в Троицком скиту на Анзере. Но основная часть социалистов (до 250 человек) находилась в Савватьевском ските. Были среди них и супружеские пары, некоторые с детьми. Социалисты отстаивали себе права политических заключенных. У каждой партии был свой выборный староста, завхоз, своя каптерка, куда поступали посылки и денежные переводы от родных. Размещались социалисты в отдельных кельях. К ним приезжали на свидание родные. Савватьевский скит был обнесен колючей проволокой, в углах стояли вышки с часовыми. Однако охране было запрещено входить в зону.

«В церкви читались лекции, проводились доклады с диспутами на различные темы; выписывались книги, журналы, газеты. Социалисты были освобождены от общих работ. Для детей социалисты соорудили снежную горку и салазки, но и сами взрослые увлеклись катанием с горки, причем использовали для этого иконы из церкви, облив их водой и заморозив. Был у них и каток на озере».

Среди них было несколько представителей партийного руководства (член Центрального Бюро партии эсеров А.А.Иваницкий, член ЦК партии меньшевиков Богданов). Но в основном это была партийная молодежь, вступившая в социалистические партии после Февральской революции.

В декабре 1923 г. заместитель начальника СЛОН'а Эйхманс заявил старостам, что изменяется режим содержания социалистов. Переписка ограничивалась тремя письмами в месяц и сокращалось время прогулок. С 18 часов до 6 утра запрещалось выходить из корпусов. Все социалисты единодушно отказались принять новый режим, но по поводу способов борьбы сразу наметились расхождения. Эсеры, левые эсеры и анархисты решили не прекращать прогулок, и чтобы гуляние продолжалось весь день, разбились на группы, которые сменяли друг друга до и после поверки. Обычно в 6 часов вечера ударами колокола с колокольни объявляли поверку. Приходил старший надзиратель и вместе со старостами обходил кельи, пересчитывая людей. До поверки заключенные гуляли во дворе. Гуляющих в тот вечер (19 декабря 1923 года) было около 60 человек. Вдруг из административного корпуса (где размещалась охрана) вышел наряд конвоиров с ружьями наизготовку, и сразу раздали залпы. Всего их было три. Шесть убитых и трое тяжело раненых были занесены в корпус. 20 декабря в скит прискакал Эйхманс и, объяснив все происшедшее как досадное недоразумение, обещал наказать виновных. Он разрешил отправить раненых в кремлевскую больницу и самим социалистам похоронить убитых. За колючей проволокой вдоль ограды выкопали братскую могилу. На похоронах пели «Вы жертвою пали в борьбе роковой», на могиле поставили большой валун, на котором были высечены имена убитых, но после вывоза социалистов с островов валун перевернули, а позднее разбили кувалдами, и куски побросали в озеро. Сведения о расстреле дошли до западных социалистов, и в феврале 1924 года «Социалистический вестник», выходивший тогда в Берлине, напечатал статью под названием «Бойня в Соловецком концлагере». В статье сообщалось между прочим, что Президиум ЦИК'а Советской республики создал комиссию для расследования происшествия. Весной 1924 года эта комиссия приехала на Соловки, однако социалисты соглашались разговаривать с ее членами только в присутствии представителей Красного Креста. Социалисты уже знали, что «Правда» описала это происшествие, как столкновение конвоя с нападшими на него заключенными.

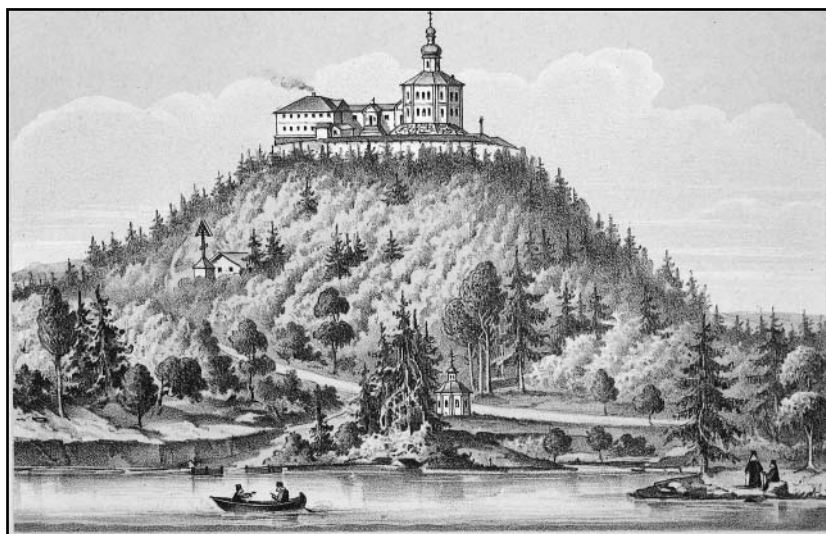
В конце июня 1925 года всех социалистов на лагерном пароходе «Глеб Бокий» вывезли с Соловков и распределили по политизоляторам страны. «Социалистический вестник» комментировал это событие, как конец Соловецкого концлагеря.

В 1942 году на территории Савватьева находились подразделения школы юнг (сигнальщики, боцманы и рулевые). В каменных корпусах находились учебные классы, а сами юнги жили в ими же построенных землянках. За три года в школе юнг было подготовлено более 4000 выпускников.

В настоящее время Савватьевский скит принадлежит монастырю и там находятся монастырские огороды.

7.2. Свято-Вознесенский скит на Секирной горе

От Савватьева скита хорошо видна церковь на вершине Секирной горы, названной так в память об ангелах, высекших жену рыбака. Это место обжито в середине XIX века, тогда же у подножия Секирной горы поставлен был камень, находя-

Свято-Вознесенский скит

щийся сейчас в Савватьеве, с надписью: «На Чудову гору вход женскому полу возбранен по тому случаю, когда преподобные Савватий и Герман жили на сем месте, рыболовы, проживая летом с женами под горою, оскорбляли преподобных, чтобы изгнать их из острова. Перст Божий явил чудо. Ангелы в виде двух светозарных юношей изгнали рыболова жену прутьями из горы. На крик ее пришел преподобный Савватий <согласно житию – Герман>, коему жена сказала, что ангелы, изгоняя ее говорили: «Сей остров назначен Богом для иноков». Это чудо заставило рыболовов оставить остров и благоговеть к преподобным, а женский пол не бывает на этой горе по таинственному страху». После устройства Свято-Вознесенского скита на Секирной горе паломникам, по-видимому, разрешено было бывать здесь. Место для возведения Вознесенского храма было предуготовано Богом по крайней мере за 150 лет до начала строительства. В 1696 году 12 марта Архиепиеей Игнатий¹ милостию Божиею Митрополит Тобольский и всея Сибири бил челом Архимандриту Фирсу с братией: «молю ваше Преподобие о прежде бывшем моем прощении воеже на горе Святаго Савватия, еже просторечием на Секирной вараке, построить церковь святаго Вознесения Господня, а в верху в подглавии, сиречь в шее церковной, церковь Святых Апостол Петра и Павла, по образу церкви творения Святейшаго Никона Патриарха, что на Истре на лугу у Воскресенского монастыря, егоже нарицают царие Новый Иерусалим, в ней же пустыньке и Святейший Никон живяше, а тот образец ведает каменщик наш Трофим; прошу любовь вашу, постройте, а во что станет, мы со мною любовью по письму вашему к вам деньги пришем» [9, ч. III, с. 238]. Через год митрополит Игнатий пишет новую грамоту, упоминая, что послал уже 100

¹ В издании [26, с. 39] упоминается, что после подавления Соловецкого мятежа в 1676 году был назначен в обитель Архимандрит Макарий из Тихвина. Далее говорится: «Должность эклисиарха три года исполнял при нем благоговейный Игнатий, из рода Римских-Корсаковых, бывший впоследствии митрополитом Тобольским, который сильно обличал раскол своими посланиями; они весьма для нас драгоценны, как свидетельство современное неистовых действий мнимых ревнителей старины». Около 1679 года иеромонах Игнатий был назначен строителем Новосоловецкой Марчуговской пустыни, в 1683 году он был рукоположен во архимандрита Новоспасского Московского монастыря, а оттуда в 1692 году произведен в митрополита Тобольского.

Келейный
корпус

рублей и посылает еще 50 рублей своих келейных денег. Он просит, чтобы начинали строить храм, который он обещался построить, будучи строителем Московского подворья Соловецкого монастыря. К сожалению, продолжение этой истории пока не известно. Строительство храма было начато только спустя 150 лет при архимандрите Александре и завершено в 1862 году при архимандрите Порфирии, столпообразный храм возведен «под колоколы», то есть в верхнем ярусе имел колокольню, а в оформлении несет древнерусские и классические черты¹. Алтарь храма ориентирован на север. С южной стороны церковь связана небольшой галереей с деревянным братским корпусом, в котором летом жили служащий иеромонах и несколько человек братии. Добротный, большой дом частично сохранил внутреннюю планировку и печи. С балкончика на западном фасаде открывается хороший обзор, даже видны Кузова. На склоне горы сохранились обычная для Соловков валунная баня да стоящий неподалеку колодец. Каменная часовня с восточной стороны при подходе горы не сохранилась. Окрестности скита были хорошо обустроены и ухожены: расчищенные дорожки выложены булыжниками, на крутых склонах – лестницы, на южном склоне устроены ягодники и огороды. Подъем в гору

¹ Храм построен по проекту архитектора Шахларева.

шел по неспешно изгибающейся дороге. Другой путь в сторону Савватиева вел по крутой лестнице, насчитывающей около 250 ступенек. Свято-Вознесенский храм поставлен на вершине одной из самых высоких (80 м) на Большом Соловецком острове горы. Это единственная на Русской земле церковь-маяк. Свет от креста помогал плавающим, путешествующим, терпящим бедствие на море. Нижний храм посвящен ангельским силам: престол освящен в память чуда архистратига Михаила в Хонех (6(19) сентября)¹. В среднике запрестольного образа (а также в росписи на южном столпе) можно видеть грозного архистратига, изменяющего русло реки и пономаря Архиппа, сидящего при храме. Угловые клейма посвящены вселению на остров преподобных Савватия и Германа (сами они изображены в полный рост по сторонам иконы), а внизу видны ангелы, секущие жену. Росписи в нижнем храме были забелены в лагерные времена. Теперь побелка отпадает и открываются лики архангелов на потолке, икона Божией матери «Знамение» с предстоящими Зосимой и Савватием на западной стене, лики святых:

¹ Во Фригии, недалеко от города Иераполя, в местности, называемой Херотопа, находился храм во имя Архистратига Михаила; около храма истекал целебный источник. Храм этот был сооружен усердием одного из жителей города Лаодикии в благодарность Богу и святому Архистратигу Михаилу за исцеление его немой дочери водой источника. Архистратиг Михаил, явившись в сонном видении отцу немой девицы, еще не просвещенному святым Крещением, открыл ему, что его дочь получит дар речи, испив воды из источника. Девица действительно получила при источнике исцеление и начала говорить. После этого чуда отец с дочерью и все его семейство крестились, и усердием благодарного отца был воздвигнут храм в честь святого Архистратига Михаила. К источнику стали приходить за исцелением не только христиане, но и язычники; многие из язычников отрекались от идолов и обращались к вере во Христа. В храме святого Архистратига Михаила в продолжение 60 лет исполнял пономарское служение благочестивый человек по имени Архипп. Проповедью о Христе и примером своей богоугодной жизни он многих язычников приводил к вере во Христа.

В своем озлоблении на христиан вообще, и в первую очередь на Архиппа, который никогда не отлучался от храма и был примерным служителем Христовым, язычники задумали уничтожить храм и одновременно погубить Архиппа. Для этого они соединили в одно русло две горные реки и направили их течение на храм. Святой Архипп усердно молился Архистратигу Михаилу о предотвращении бедствия. По его молитве около храма явился Архистратиг Михаил, который ударом своего жезла открыл в горе широкую расселину и повелел устремиться в нее водам бурлящего потока. Таким образом храм остался невредим. Увидев такое дивное чудо, язычники в страхе бежали, а святой Архипп и собравшиеся к храму христиане прославили Бога и благодарили святого Архистратига Михаила за помощь. Место же, где совершилось чудо, получило название Хоны, что значит «отверстие», «расселина».

Чудо архстратига Михаила в Хонех

Феодора Тирона, Алексия Человека Божия, равноапостольного князя Владимира, Михаила Черниговского, Феодосия Черниговского. Верхний храм посвящен Вознесению Господню, он летний (толщина стен заметно меньше, стены не расписаны), поэтому богослужения в нем совершались от Вознесения до Покрова. Местоположение этого храма, распо-

ложенного между небом и землей, особенно способствует тому, чтобы в молитве отрешиться от всякого житейского попечения и обратить очи сердечные горе ко Христу.

Первые лагерные годы на Секирку запирали проштрафившихся на островах, пойманных беглецов с Кемперпункта и с материковых командировок УСЛОН'а. На это имели право ИСО–ИСЧ и начальник лагеря. На Секирку заключали на срок от 1 месяца до 1 года за побеги и подготовку к ним (бежали, в основном, уголовники и бытовики, каэрам в случае поимки грозил расстрел), за неоднократные или групповые отказы от работ, за самоувечье и за «контрреволюционную агитацию в лагере», но немногие могли выдержать условия заточения больше 6 месяцев.

Вокруг церкви стояли 3 сторожевые будки. Каждый ярус храма был разделен на 3 отделения: общая камера, одиночные и «особые» – за взятки для привилегированных секирчан. Оба яруса совершенно не отапливались. Окна забиты щитами. Осужденных в строгий изолятор (на втором ярусе) вталкивали в камеру в одном белье. Отбирали все вещи и деньги. В камерах обоих ярусов не было ни коек, ни постелей. Люди спали в одном белье на полу, зимой покрытом инеем. В нижнем ярусе давали 300 г. хлеба и раз в день пшениный навар. В строгом изоляторе даже навара не получали: кружка горячей воды через день и полфунта хлеба в сутки.

Из воспоминаний Зайцева: «вдоль стен высокого здания и посередине на голых деревянных нарах сидят плотно друг к другу заключенные. В 1926 году

Крест 1992 г.

разрешили поставить железную печку-временку, но топить ее позволяли только на ночь, с 20 до 24 часов. На ночь же выдавали один предмет из одежды. В 11 часов раздают хлеб по фунту на брата, суп и по 3–4 ложки каши. Утром приносят кипяток по кружке на троих. Цинготникам выдавали добавочно по полфунта черного хлеба и на двоих одну воблу, а также по столовой ложке тюленьего жира. После поверки (в 7 часов утра) приносят ушаты с холодной водой и ковшом поливают ее на охотников. Один раз в неделю баня, где дают по шайке теплой воды и 15–20 минут на мытье. После подъема команда: «Садись по местам! Прекратить разговоры! Ни слова больше!» Все усаживаются в 2 ряда. В сильные морозы некоторые дежурные разрешали составлять группы для согревания. 4 человека садились спиной друг к другу, а наружные части согревали, хлопая по ним руками, часто по команде, вроде групповой гимнастики. Ночью спали штабелями: ложились друг на друга в 4 яруса, перемещаясь в течение ночи из одного яруса в другой. Тогда во внутренних ярусах можно было немного согреться, однако существовала опасность быть раздавленным или задохнуться, находясь в нижнем ярусе. В наказание штрафники на озере переливали воду из одной проруби в другую. Существовал карцер «под маяком» – холодная камера, вся в щелях, под куполом собора. В каждом этаже раньше был особый храм, трехпрестольный, с главным алтарем и двумя приделами. Теперь прекрасная роспись на стенах храмов была скверно и грубо заштукатурена. Прежние боковые алтари переделаны в карцеры, где происходили избиения

Крест 2003 г.

строптивых штрафников. В верхнем этаже, где в храме был расположен святой жертвенник, теперь стоит огромная «параша» для большой нужды...»

Там, где под горой приводили в исполнение смертные приговоры, в 1992 году в присутствии Патриарха Алексия установлен Поклонный Крест в память всех здесь пострадавших. Лестница рядом с Крестом напоминает о том, что Крест – «небесная лестница, ступеням святыхи наставниче, Христова высота и слава, Божий образ назнаменателен, миру невидимому же и видимому единочестне» [27, с. 215].

В 2003 году восстановлен Поклонный Крест с восточной стороны горы. Надпись 1837–1937 на перекладине Креста напоминает о том, что здесь поставлен был Крест в 1837 году и простоял до 1937 года, когда был спилен и вместе с заготовленным лесом отправлен на материк. Этот Крест мистически отмечает границу скита.

7.3. Исаково

Исаково расположено в двух километрах от Секирной горы, на берегу Исаковского озера. В древние времена здесь селились соловецкие отшельники — подвижники веры.

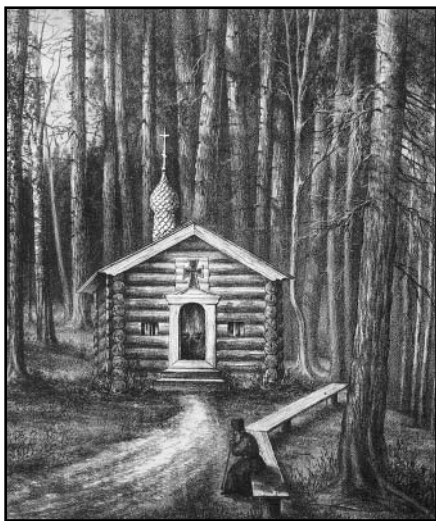
Исаково

Сколько угодников Божиих, возлюбивших пустынное житие, знала святая соловецкая земля! О многих, даже при их жизни, в самой обители слышали только по рассказам. Обычной пищей отшельников были травы, питием — чистая вода из близлежащего озера, кровом — землянки и пещеры. Позднее здесь возникла небольшая Исаакиевская пустынь. Свое название она получила от стоявшей здесь деревянной часовни во имя преподобного Исаакия Далматского — святого подвижника древнехристианской Церкви (†383 г.). С XVIII века приходили сюда монастырские сенокосцы, так как это место изобиловало сенокосными угодьями. В настоящее время из старых построек Исаакиевского скита сохранился деревянный жилой дом (1836), валунная баня на берегу озера и складской амбар (конец XIX в.). В XIX столетии в скиту стояло несколько жилых домов, много земли было расчищено под луга.

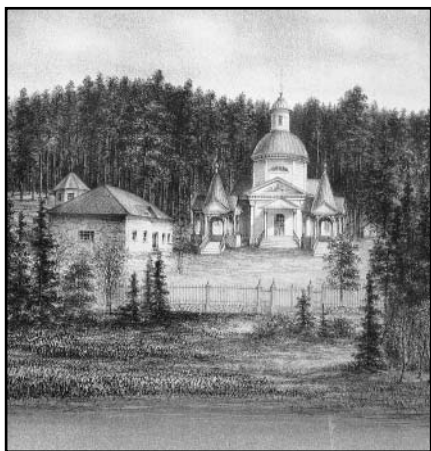
7. 4. Филиппова пустынь

От некогда благоустроенной пустыни, расположенной в двух верстах от монастыря, на возвышенном месте у небольшого Игуменского озера, сохранился лишь келейный корпус середины XIX столетия да несколько старых могучих кедров. Это место связано с памятью о Митрополите Филиппе, который, еще будучи простым иноком, избегал «даже и тени славы земной, боясь, как бы ради нее не лишиться Царства Небесного».

Келія Святителя Филиппа

С благословения игумена молодой инок немало лет провел в пустыни, навывая безмолвие и богомыслию. И позднее, став игуменом, Филипп удалялся сюда из обители для уединенной молитвы. Когда царь Иоанн Грозный повелел игумену Филиппу отправиться в Москву, чтобы нести бремя предстоятеля Русской церкви, он, не желая расставаться с Соловецкой обителью, просил у Господа вразумления, как поступить. По преданию, во время усердной молитвы ему было видение Христа Спасителя, в терновом венце и оковах, с окровавленным Ликом и ранами от мучений и истязаний. Это было предзнаменованием мученической кончины будущего Первосвятителя. Филипп принял решение следовать по крестному пути Христову. На месте чудесного явления из земли истекли струи чистой ключевой воды. В 1565 году в память об этом игумен Филипп поставил над святым источником часовню и сделал для нее деревянное резное изображение страждущего Спасителя. С той поры в Филипповой пустыни братия монастыря бережно сохраняла келью великого соловецкого игумена и в ней — гладкий камень, который, по преданию, святой клал под голову. Со времен Святителя Филиппа и до начала XX века в этом уединенном месте селились монастырские схимники, которых привлекали покой и благодать сего места. В XIX в. здесь жили подвижники Соловецкие схимонахи Герасим, Иоанн, монах Памфил.

Филиппова пустынь

В 1839 году в Филипповой пустыни на месте обветшавшей деревянной часовни была возведена новая, больших размеров, с тремя крыльцами. А в 1854 году над источником

Изображение страждущего Спасителя

Церковь в честь иконы Божией Матери “Животный Источник”

Установка Креста

*Каждый может положить
свой камень во утверждение
Креста*

Святителя Филиппа была построена и освящена церковь в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник», к которой были пристроены небольшая колокольня и беседка. В церкви было поставлено резное деревянное изображение Спасителя в терновом венце, каким видел Его Святитель Филипп, а святой источник находился под алтарем церкви.

В 1920-е годы Филиппова пустынь была разорена и опустошена. В ней устроили пушной заповедник (Биосад) для искусственного разведения гаги, ондатры, лис, соболя. Его обширная территория простиралась через болото до Долгой губы. Во время СЛОНа в 1928 г. здесь работал свмч. архиепископ Иларион (Троицкий), а в 1934–1936 гг. — ученый, философ, священник о. Павел (Флоренский).

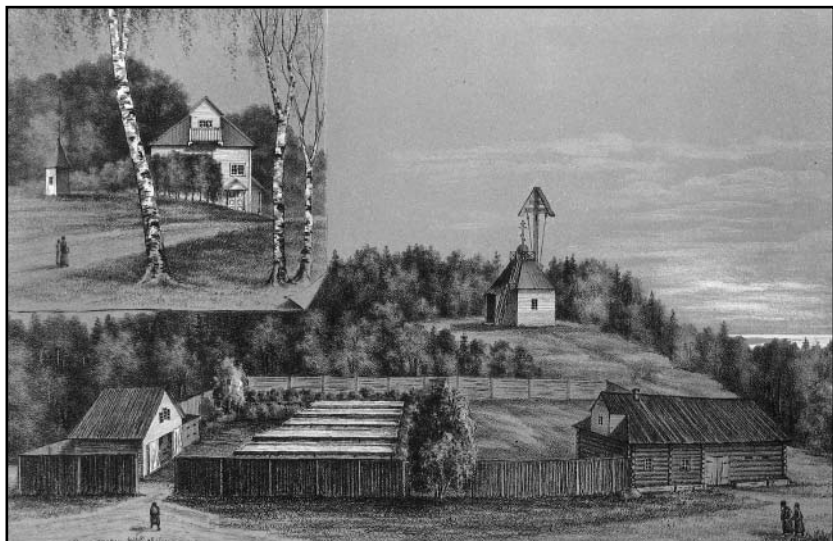
В 2002 году 30 августа в Филипповой пустыни был установлен Поклонный Крест, изготовленный в монастырской мастерской. Крест несли на руках до пустыни и установили по традиции в деревянном срубе, на том месте, где стоял храм. Источник сохранился, сейчас над ним устроен колодец.

7.5. Макариева пустынь

Впервые на средней высоты холм, расположенный между двумя большими озерами, обратил внимание архимандрит Макарий (о нем см. гл. 4) и в 1822 году поставил там две пустынные кельи. Одна из келий была предназначена для настоятеля, а в другой проживала братия. Сохранилась и небольшая деревянная часовня неизвестного посвящения. После войны 1854 года, в которой Соловецкая обитель героически отразила жестокое нападение англичан, на горе возле Креста была поставлена небольшая деревянная четырехгранная часовня во имя Святого Благоверного князя Александра Невского, в коей была следующая надпись [25, с. 114]:

«Настоятель архимандрит Александр поставил на сей горе в 1854 г. Крест Господень и часовню во имя Святого великаго князя Александра Невского, ангела своего, и гора сия названа «Александровская» за спасение жизни своей при нападении Англичан на Соловецкую обитель в 1854 г. июля 6 и 7

Александровская гора

числ, в самую страшную канонаду, под градом ядер и бомб 36 и 96 фун. летавших над головами во время крестного хода вокруг монастыря».

Сильно перестроенная часовня и сейчас стоит на Александровской горе, сохранился и памятный камень с названием горы. Под горой тогда же был устроен валунный амбар с ледником для хранения припасов. Сейчас он засыпан землей и порос травой, отчего производит впечатление глубокой древности. На Крестовой горе в 1907 году был установлен Поклонный Крест. Сейчас он окружен высоким лесом, а в прошлом был виден с дороги и с моря.

В середине XIX века в полюбившемся Соловецким архимандритам месте, на вершине холма, из привозной лиственницы строят большой двухэтажный летний дом с мезонином. С его строительством южный склон холма начал обустриваться и засаживаться специально завезенными сюда редкими породами деревьев и экзотическими растениями. Сейчас самыми старшими по возрасту являются сибирские кедры и яблони Палласа, которым более ста лет. Так было положено начало будущему ботаническому саду. Позднее здесь появилось множество небывалых для северных широт растений: липа мелколистная, черемуха пенсильванская, даурский чай, роза морщинистая, бодан толстолистный и другие. С устройством в пустыни воскобелительного завода количество растений еще более увеличилось. По трубам, проложенным под землей от печей завода, тепло подавалось в парники, в которых выращивались арбузы, дыни, персики. Здесь же была цветочная оранжерея.

Крест 1907 года

Большие работы по акклиматизации привозных растений проводились в 20–30-х годах Соловецким обществом краеведения. Им были высажены и выращены пихта сибирская, туя западная, тополь бальзамический, яблоня сливолистная, боярышник желтокорый, вишня птичья, а также декоративные деревья и кустарники, такие, как калина, орешник, барбарис, чай курильский, и многие другие. Украшением Хутора Горки (так стала называться Макарьева пустынь в советское время) стала лиственничная аллея, ведущая к дому архимандрита, посаженная заключенными в 1933 году.

После войны за садом ухаживали соловецкие школьники, а после организации музея–заповедника акклиматизацией растений стали заниматься сотрудники отдела природы. В настоящее время коллекция ботанического сада насчитывает около ста видов растений из Средней Европы, Сибири, Средней Азии и даже Северной Америки. Растения ботанического сада более непривычны для северных жителей, приезжающих из Карелии и Архангельской области, чем для жителей средних широт. Известный этнограф XIX века С. В. Максимов писал: «Местность Соловецкого острова составляет решительный контраст со всеми соседними ей: словно природа огорчилась, истощенная в береговых тундрах и болотах, и, собравши последние оставшиеся силы, произвела на острове новый, особенный мир, в котором так все привольно и так все сродни и знакомо дальнему, заезжему человеку...»

7.8. Филипповы садки и места келий преподовных Зосимы и Германа

При игумене Филиппе, много порадевшем о благоустройении Соловецкой обители, на берегу моря к северо-западу от монастыря были сооружены садки для выловленной в море рыбы. Мысль о создании их рачительному настоятелю подсказала сама соловецкая природа: в этом месте морская рыба постоянно заходила в два небольших залива. Для устройства садков мелководные проливы были перегороджены грядами

из крупного булыжника, через которые происходила фильтрация воды. В отгороженных прудах разводилась и содержалась выловленная в море свежая рыба. Валунная перемычка одного из прудов, при ширине и высоте около двух метров, протянулась вдоль моря на 150 метров. Мелководная часть пруда отделялась от глубокой еще одной перемычкой, которая, возможно, отгораживала молодняк от взрослой рыбы или служила дамбой для перехода рыбаков во время отлова рыбы сетями. Со времен Святителя Филиппа морская рыба, в особенности треска и сельдь, — свежая летом, соленая зимой — стала существенным добавлением к скромной братской трапезе; хватало ее и для трудников, и для многочисленных паломников.

Филипповы садки

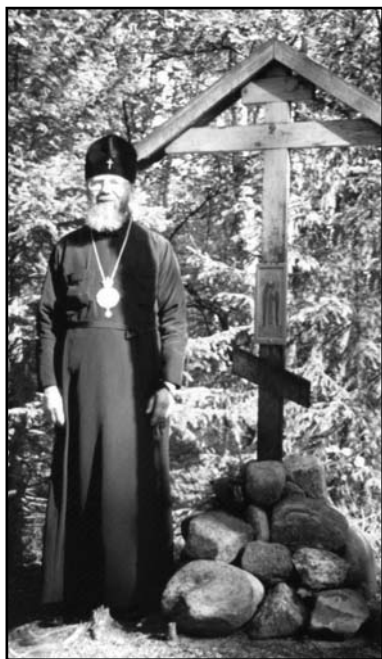
Садки использовались в течение нескольких столетий. На одной из поздних карт они названы «прудом для свежей трески». Свое существование они прекратили, видимо, из-за поднятия суши в районе Соловков (в среднем на 30 сантиметров в столетие) и, как следствие, уменьшения поступления в пруды свежей морской воды.

Игумен Филипп устроил садки вблизи того места, где в 1436 году поселились преподобные Зосима и Герман. Небольшой островок к западу от садков до сих пор называют «остров Зосимы». Отсюда он мог видеть таинственный свет и церковь «на воздухе» над тем местом, где сейчас располагает-

ся монастырь. Действительно, очень живописный вид на монастырь открывается с мыса острова Зосимы, а также с мыса, на который ведет дамба садков. Место кельи преподобного Зосимы находится недалеко (метров 100) от берега напротив островка его имени. Там сохранился колодец с желтоватой, но вкусной водой. У источника установлен Поклонный Крест. К юго-востоку от Креста видны развалины часовни во имя преподобного Зосимы Соловецкого чудотворца. Каменная восьмигранная часовня построена в память первоначального жительства преподобного Зосимы на этом месте. В ней была следующая надпись на доске [25, с. 111]:

«Святой преподобный Зосима прииде на этот Соловецкий остров с преподобным Германом в 1436 году, жил на сем месте в кельи, близ таковой же преподобного Германа. С этого места благоволил Господь Бог чудесно показать пре-

*Место кельи
преподобного Германа*

подобному Зосиме славу свою в храме, сходящем с неба в сиянии на то место, где имела быть преславная обитель. После этого видения преподобный Зосима и Герман перешли на место, указанное Богом; там построили храм, — нынешнюю обитель во имя Преображения Господня, и при ней общежительство на строгих душеполезных правилах для живущих и посетителей. Еще с начала обители поставлена здесь часовня, куда Преподобный Зосима по временам приходил для безмолвной беседы с Богом о испрошении милости Божией, и отпущения грехов любящим обитель; для сохранения этого святого места—богоугодного труженичества великого угодника Божия, на

память потомству-любителям святыни построена эта часовня вместо деревянной, тщанием архимандрита Александра с братиею в 1854 году».

Если пройти по дорожке вдоль берега метров 800, мы окажемся на месте кельи преподобного Германа. Она была расположена у ручья, на котором археологи обнаружили остатки древней мельницы. Место кельи отмечено Крестом, а гладкий камень у его подножия – ступенька от разрушенной часовни преподобного Германа. В часовне следующая надпись на доске [25, с. 112]:

«Святой преподобный Герман, по вторичном приходе на Соловецкий остров с преподобным уже Зосимою в 1436 г. жил на сем месте в келии близ келии преподобного Зосимы, до того времени пока Бог чудесно не открыл в виднии преподобному Зосиме в пресветлом сиянии церкви, на воздухе сходящей с неба на то место, где имела быть преславная великая обитель. По видении этом преподобные отцы Зосима и Герман перешли жить туда, где ныне обитель, которую Господь Бог благоволил устроить в незабвенную память к святому угоднику Герману и святых его подвигов; с древних времен на этом месте была поставлена часовня, а вместо той ветхой деревянной поставлена эта при архимандрите Александре с братиею в 1854 году».

7.9. Переговорный камень

Переговорный камень лежит на берегу моря, в трех километрах к югу от монастыря, на месте, где архимандрит Александр встретился с представителем английской военной эскадры. На гладкой плите правильной формы сохранилась надпись: «Зри сие. Во время войны Турции, Франции, Англии, Сардинии с Россией здесь был переговор Настоятеля Архим. Александра с английским офицером Антоном Н. 22 июня, 1855 в среду в 11 час. до полудня по записке начальника неприятельской военной эскадры в Белом море, требовавшего от монастыря быков (записка представлена Святейшему Синоду). После переговоров, благополучных для обители,

*Мыс вблизи
переговорного
камня*

настоятель, возвратясь в монастырь в 1 час дня, служил в тот день в Успенском соборе Литургию и молебны; служба кончилась в 4 часа. В эту неделю три дня пост строгий был в обители и скитах и Господь в это лето не допустил воюющих нарушить иноков покой, как без милосердия они поступили в 1854 г.». Не выдав в распоряжение англичан свежего провианта, монастырь в очередной раз подтвердил свою твердость и независимость. Это был первый и единственный в истории случай, когда неприятель ступил на святую соловецкую землю.

7.10. Скит во имя прп. Сергия Радонежского на острове Большая Муксалма

Остров расположен в десяти километрах от монастыря и всего в нескольких сотнях метров от Большого Соловецкого острова. В 1975 году в северо-восточной части острова была раскопана Неолитическая дюнная стоянка. Найденные здесь кремневые орудия, фрагменты лепного сосуда, наконечники стрел и другие предметы подтвердили существовавшую в древнейшие времена связь Соловецких островов с первобытными стоянками на берегах Белого моря во втором – первом тысячелетиях до нашей эры.

Обширные луга Большой Муксалмы уже в древности использовались как летнее пастбище для монастырского

стада. Много скота привозили в дар монастырю поморские крестьяне. Описи 1514 года свидетельствуют о существовании на Муксалме «коровниц». В 1829 году перевозят сюда деревянную кладбищенскую церковь и приспособляют ее под часовню во имя священномученика Власия, которого на Руси почитали как покровителя домашнего скота. Позднее на этом месте была возведена Рождественская часовня, а в 1873–1876 годах на средства, пожертвованные купцом М.И. Шапошниковым, недалеко от нее была поставлена каменная церковь во имя преподобного Сергия Радонежского (архитектор Кармин). Своим обликом она напоминала церковь в Савватиеве. Во времена соловецких лагерей Сергиевская церковь была разобрана.

Сохранившиеся в настоящее время постройки, широко раскинувшиеся на большом ровном поле, относятся преимущественно к началу XX столетия. В 1900 году под руководством архитектора Вуколова был построен деревянный двухэтажный дом для приезжих, так называемый Сергиевский корпус. Вслед за ним в 1901–1905 годах был возведен самый большой из всех существующих на островах каменный жилой корпус с хозяйственными погребями. В прошлом к нему вплотную примыкал большой деревянный скотный двор [40, 41].

Сейчас уцелевшие строения бывшего скотного двора сильно обветшали, а сто лет назад посещавшие Большую

Скит преподобного Сергия Радонежского на Б. Муксалме.

Муксалму православные паломники дивились мастерству и добротности здешних построек, большому размаху, чистоте, обжитости и ухоженности всего монастырского скотоводческого хозяйства.

Но, пожалуй, самой яркой достопримечательностью следует считать проложенную между островами, соединяющую их валунную дамбу (1865–1871). Длина ее составляет около километра. По этой дамбе перегоняли монастырские стада, тогда как раньше скот от монастыря доставляли на остров с большими сложностями: через бурный пролив на лодках или плотах. Большое количество мелей между островами позволило использовать их как основу для прокладки дамбы. Она пролегает по наиболее мелким местам пролива, прихотливо изгибаясь среди моря и валунных насыпей. Выстроили дамбу монастырские трудники, руководимые талантливым строителем монахом Феокистом. Первоначально дамба была сложена из крупного валуна без скрепляющего раствора. В конце XIX века деревянный мост заменили тремя каменными арками для прохода карбасов, а в начале XX века дамба была

Дамба

надложена, по бокам валуны были скреплены металлическими скобами, и устроено деревянное ограждение. Несомненную привлекательность этой местности придают обилие света, открывающиеся по сторонам морские просторы, подвижная стихия волн и неба, пропитанный запахом соли и водорослей свежий ветер.

Большая соловецкая дамба не была первым гидротехническим сооружением такого рода. В 1828 году была проложена первая, гораздо более скромная трехсотметровая дамба между островами Большая и Малая Муксалма. Она также предназначалась для перегонки скота на небольшой, почти безлесый, но покрытый травой остров. Сейчас она сильно размыта и имеет несколько проливов, через которые когда-то были перекинuty деревянные мосты.

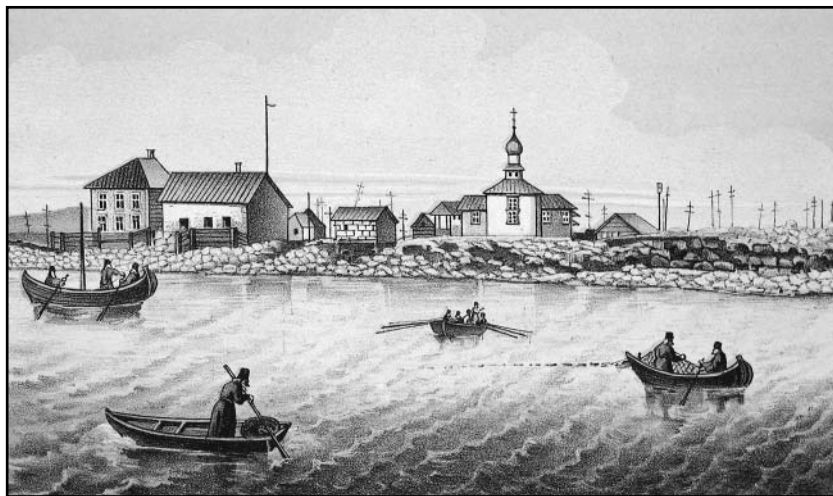
Помимо содержания скота, на малом острове были заведены рыбные и тюленьи промыслы, в связи с чем построены жилые помещения, амбары и баня. После возведения на Большой Муксалме каменной церкви сюда была перенесена старая часовня — бывшая Онуфриевская кладбищенская церковь. В сильно перестроенном виде стоит она и сейчас на возвышении в центре острова. От бывших жилых изб промысловиков сохранилось только две, хотя подобных построек когда-то стояло много вдоль соловецких берегов. На них еще видны элементы народной архитектуры: самцовые фронтоны, курицы, потоки.

7.11. Пустынь Святого апостола Андрея Первозванного на Большом Заяцком острове

В грамоте (около 1450 года), данной правителями Новгородской республики, 3-му Соловецкому игумену Ионе на владение Соловецкими островами упоминается уже остров Заячий [9, с.9]. Название это возможно связано с тем, что вблизи этих островов водились мелкие тюлени, называемые морскими зайцами. На западном берегу Заяцкого острова, в

середине XVI столетия при игумене Филиппе была сооружена валунная гавань, построены каменная жилая палата — надежное пристанище для плавающих и путешествующих — и при ней поварня. «В лето 7069-е (1561) ... в Заяцком делал становище каменное, полатку да поварню, а люди монастырскими да игумновы наймиты, а хлеб ели общий монастырской» [39, с. 15]. Монастырским мореплавателям слишком знакомо было коварство Белого моря с часто сменявшимися ветрами и мощными приливами и отливами, множеством опасных подводных камней. Морской путь, который сейчас преодолевается за 45 минут, в прошлом мог потребовать нескольких часов¹, а

Андреевский скит

¹ «Более суток пробыли мы на Заячьем острове, имея в виду здешнее прославленное место. Ветр вёл все с одной стороны, т.е. N. O. прямо противной и довольно усиливой. Наконец решились мы преодолеть, нещаждением наших сил, его упорчивость, и пустились 1 июля по утру в 9 часов бечевою, подле берега Заяцкого острова. Трудно было откалываться от подводных камней, около берега лежащих, кои безпрестанно стучали во дно и киль нашего судна. Добравшись близ островка, неподалеку от Заяцкого лежащего, называемого Парусная луда, пустились к нему на гребях, и миновав его, приблизились к берегу Соловецкого острова, через что получили небольшой выигрывш в ветре; растянув паруса с помощью весел добились напоследок до ворот гавани монастырской, ознаменованных по обеим сторонам прохода деревянными крестами, в каменных насыпях водруженными. В один час за полдень вошли мы в сие спокойное отишие». Письма Александра Фомина из путешествия в Соловецкий монастырь, 1789 года. Письмо XIV, 3 июля 1789.

Поварня

то и дней. Приходившие из Архангельска парусные корабли движимы были юго-восточным ветром, а для входа в бухту Благополучия приходилось дожидаться юго-западного или западного ветра. Поэтому такой необходимой и желанной была Заяцкая валунная гавань, сооруженная игуменом Филиппом. Вблизи гавани на северо-западном мысу во множестве стояли обетные и благодарственные деревянные Поклонные Кресты на каменных подножиях. Посетивший в конце XVIII столетия Заяцкие острова А.И. Фомин писал, что деревянных крестов на них «великое множество» и что они «подобятся лесной роще, сквозь которую взор едва проникнуть может». Архимандрит Досифей [9, с.7] упоминает, что «святая вера с давних времен руководствовала здешних поморян к обычаю водружать Кресты, когда они близ островов или приморских берегов принуждены бывают стоять за противными ветрами. Сделав и поставив крест на той стороне, где пристали и куда им плыть надлежит, они надеются, что вскоре Бог даст им попутный ветер; а сие и действительно по усердию и вере их исполняется».

Конструкция и сам вид гавани уникальны. По современным меркам, это небольшой прямоугольный водоем, огоро-

женный с трех сторон валунными насыпями. Восточная стена далеко выдается в море и заканчивается пристанью, к которой и до сего времени швартуются корабли. Рядом с пристанью неширокий вход в гавань. В северной части располагались пять эллингов, разделенных валунными перемышками. Здесь устанавливались в прошлом суда различной вместимости. В настоящее время валунные конструкции гавани подверглись сильному разрушению, оплыли или просто осыпались. Кроме того, по сравнению с XVI веком уровень воды понизился, по-видимому, из-за медленного поднятия всего Соловецкого архипелага.

На берегу рядом с гаванью при игумене Филиппе была построена каменная палата для проезжающих — первая гостиница. Это одно из первых валунных сооружений на Соловецких островах. Сейчас палата, сохранившая в нижней своей части древние формы, реставрируется. В ней предполагается разместить экспозицию по первобытной археологии. С восточной стороны от палаты можно видеть небольшую валунную поварню, свод и кровля которой были восстановлены в 2003–2004. К северу от палаты находится валунный ледник, покрытый дерном.

Итак, Заяцкий остров был важным стратегическим пунктом для торговых и рыболовных судов. В начале соловецкого «осадного сидения» здесь располагалось государево войско с целью обеспечить экономическую блокаду взбунтовавшегося монастыря и вынудить его сдаться. Стряпчий Игнатий Волохов со стрельцами «каждогодно приезжая на Заяцкий остров и простаивая на оном не более трех летних месяцев, почти в бездейственном положении, в течение четырех лет не имел никакого успеха» [39, с. 16]. Экономическая блокада не удалась, так как монастырь пополнял запасы, принимая малые поморские суда в Долгой губе или в Сосновой губе.

Следующая страница истории Заяцкого острова связана с посещением Петра I. Первый раз он провел в Соловецком монастыре четыре дня с 7-го по 10-е июня 1694 года. Для монастыря монаршее посещение означало прекращение царского гнева на обитель. В память о своем посещении Петр поставил большой деревянный Крест на возвышенном берегу у проли-

*Церковь во имя
Св. апостола
Андрея
Первозванного*

ва, разделяющего Большой и Малый Заяцкий островки. Н. Виноградов пишет: «Дожди и бури источили, обглодали деревянный крест. Он подгнил, свалился и, как реликвия, помещен был в церковь, где и хранится до настоящего времени (1927 г.) за левым клиросом у западной стены. К сожалению, вырезанная на подножье креста надпись настолько пострадала от времени, что из девятнадцати составляющих ее строк можно разобрать только лишь самое начало – «Божиею милостью...» [39, с. 16].

Во второй раз Петр пробыл на Соловках неделю, с 10 по 16 августа 1702 года. Все это время 13 пришедших с ним кораблей с войском в числе 4000 человек стояли около Заяцких островов. По желанию государя под руководством придворного уставщика Иоанна Стефанова за несколько дней здесь была поставлена деревянная церковь во имя святого апостола Андрея Первозванного¹ – небесного покровителя России и

¹ Андрей – первый из двенадцати Апостолов Христовых, именуемый поэтому Первозванным. Согласно преданию, Апостол Андрей еще в I веке совершил путешествие по землям славян и проповедовал язычникам христианство. На Киевских горах им был воздвигнут крест. За приверженность учению Христа Апостол Андрей был распят на кресте в Патрах в Пелопоннесе ок. 67 года. Крест, на котором страдал и скончался Апостол Андрей, был, по преданию, не обычной формы, а косой, как латинская цифра X. Память празднуется 20 ноября ст. ст. Со времен Петра I в России Андрей Первозванный почитается покровителем военных моряков. Российский военно-морской флаг несет изображение андреевского креста.

русского флота. Церковь была освящена 1 сентября 1702 года при благоверном и великом государе царе и великом князе Петре Алексеевиче, при благороднейшем государе царевиче и великом князе Алексие Петровиче, при преосвященном Афанасии архиепископе Холмогорском и Важском, архимандритом Фирсом Соловецкого монастыря¹ [39, с. 78]. На месте нынешней церкви стояла издавна (лет 150–200) простая деревянная часовня. К концу XVII века она совершенно обветшала, поэтому в 1691 году была выстроена заново обширная часовня. А в ней «лета 7200 (1691), сентября в 27 день... поставлен крест Христов с распятием Господним светло украшен при архимандрите Фирсе с братиею Соловецкого монастыря, на поклонение всем православным христианом» [39, с. 20, с. 77]. Высота креста 4 м 25 см определяла размер часовни. В церкви, где крест был поставлен у южной стены, на клиросе, по правую сторону иконостаса, верхняя его перекладина подходит под самый потолок. Самый низ креста украшен чешуйчатой резьбой (дубовые листья, окрашенные в красный цвет) и представляет собою как бы чашечку цветка, из которого процвело Древо Крестное. По темно-синему фону креста разбросаны золотые и серебряные звезды, восьмиконечные и четвероконечные кресты, розетки и другие украшения. Распятие представляет из себя горельеф.

В 1701 году для часовни была написана икона апостола Андрея Первозванного, под ней надпись: «Сии горы Киевские, на нихже Первозванный апостол Христов Андрей восшедши, животворящий крест поставил и пророчески рекл, яко на сих горах возсияти имать благочестие и град велик быти. Якоже и бысть по пророчеству святаго. Писал сей св. храмовой образ апостола Христова Андрея иконописец Иулиан Иванов: 1701 год, августа 12 дня. А поправлен 1864 г., декабря 23 дня» [39, с. 77]. По-видимому, эта небольшая церковь с иконостасом была срублена на материке и перевезена на остров в разобранном виде. Остов её имеет форму креста², в центре которого, над четвериком, водру-

¹ Из надписи на обороте закладного креста, находящегося в алтаре на юго-восточной стене.

² Рукоятью креста является крыльцо, нижней частью креста – широкий при-твор, верхней частью – алтарь, а центральную поперечную перекладину составляет сама церковь.

жен восьмигранный сруб, увенчанный не шатром, как обычно на севере, а круглой шейкой с луковичной главой. На главе высокий восьмиконечный крест, глава и шейка покрыты лемехом. Четверик срублен «в угол» с длинными зауголками, а алтарь рублен на пять граней «в лапу». Стены церкви и алтаря сложены из толстых бревен, гладко обтесанных с внутренней стороны. Потолок в церкви настлан «в елочку», между пятью продольными брусьями. Крыльцо, кроме прямого своего назначения, играет ещё роль звонницы: под крышей у лестницы укреплены три маленьких колокола. Четвертый колокол, самый большой (полтора пуда), был снят и употреблялся в качестве сигнального. Он висел в 1927 году под особым навесом в виде гриба.

Первоначально церковь была окрашена: крыша – зеленой краской, восьмерик – белый с бледно-желтыми досчатыми зеркалами на каждой стороне, шейка главы белая, глава зеленая, а восьмиконечные кресты на церкви и на алтаре – желтоватого цвета, обшивка церкви окрашена в желтый цвет. В окнах алтаря в 1927 году ещё сохранялись слюдяные оконницы.

Характерной особенностью этой церкви было наличие в прошлом небольшой закрытой галереи, окружавшей паперть и сохранявшей в храме тепло. Сейчас галерея и старинное крыльцо утрачены, растесаны некоторые окна, не украшают церковь и следы поздней обшивки.

Во время Крымской войны (1854–55 г.г.) на Заяцкие острова неоднократно высаживались англичане с военных судов. Приведем тексты надписей на памятной доске, находившейся на западной стене церкви за правым клиросом [39, с. 80]. 8 июля 1854 года, «будучи посрамлены неудачным приступом к Соловецкой обители», английские корабли сделали 2–3 выстрела и по Большому Заяцкому острову. Не получив ответа, они «в злостном ожесточении устремились на сей храм, и, не заходя в гостинницу, где жил монах Мемнон, разрубили двери <Андреевского> храма и в нем церковную кружку, царские врата отворили, раскрыли престол, похитили с иконы Божией Матери крестики, принесенные богомольцами, захватили три колокольчика и бежали в Крестный монастырь грабить».

«В 1855 году англичане в течение лета раз пять приставали к Заяцкому острову, где и по три дня жили, а французы два раза бросали якорь. Храм отверстый стоял, при нем жил тот же монах Мемнон». Выйдя на берег, англичане охотились на зайцев и монастырских баранов. Отъезжая с острова, командир десанта передал через старца Мемнона соловецкому настоятелю штуцерную пулю (которая хранится в ризнице монастырской) с письменным требованием выдачи им нескольких быков. За быками они приехали 21 июня и, получив через старца Мемнона отрицательный ответ настоятеля, пожелали видеть его самого. Встреча состоялась на другой день 22 июня на Соловецком острове, на том месте, где теперь лежит переговорный камень (7.9). В выдаче быков было категорически отказано. 12 августа англичане еще раз приглашали настоятеля для объяснений, но он на этот раз им в свидании отказал. Затем англичане высаживались на остров 17 и 18 августа и, уходя с острова, они забрали с собой годичный запас хлеба и дров, имевшийся у монахов. И последний раз англичане посетили Заяцкий остров 7–10 сентября, после чего уже не показывались, так как вскоре был заключен мир. «При последнем уходе усиливались козла монастырского захватить, но он удивительною смышленостью избег плена, целое лето будучи ласков с неприятелем, как ручной. Монах Мемнон настоятелю объявил, что козла увезли англичане, но животное, убежавши из рук неприятелей, более суток пролежало в Каменной горе».

В конце XIX начале XX веков, когда обустроена была уже гавань Благополучия, Андреевский скит мало посещался, сюда ссылали в наказание «за мелкие провинки», и два монаха присматривали за «несколькими десятками ягнят и баранов, кои в пищу употребляются монастырскими штатными служителями и работниками» [39, с. 18].

Заяцкие острова настолько были заброшены, что когда в 1914 году утонули во время бури на море два жившие здесь монаха, то об их смерти узнали только осенью послушники, приехавшие им на смену.

Однако Н. Виноградов отмечает, что Андреевская церковь усердно посещалась поморами и икона Святителя

Николая Чудотворца (Николы Морского) вся была завешена их приношениями: умиловительными и благодарственными привесками (иконки, крестики, картинки, четки).

В настоящее время богослужения здесь совершаются 13 декабря и 13 июля (н.с.) в дни памяти апостола Андрея Первозванного.

Единственный источник пресной воды на Заяцком острове находится в 900 м от пристани, туда ведет тропинка вдоль южного берега. В 2002 году над источником сооружена часовня.

Открытый всем ветрам, с мощными нагромождениями валунов и низкой растительностью, он может показаться мало приспособленным для жизни. Однако именно здесь представлены не похожие друг на друга древнейшая неолитическая культура и русская культура средних веков.

Памятники неолита на острове датируются третьим – вторым тысячелетиями до н. э. и представлены лабиринтами, искусственными нагромождениями камней, курганами и каменными выкладками в виде «оградки», «пирамиды», «креста» и другими. Особенно много их на склонах невысокой Сигнальной горы. Здесь 14 лабиринтов, более 600 курганов, два дольмена и другие древнейшие сооружения. Наибольший интерес среди них представляют загадочные лабиринты¹ – невысокие спиралевидные каменные выкладки круглой или овальной формы, с диаметром от 3 до 20 метров. Как правило, лабиринты имеют вход и выход в одном месте, так что, следуя в одном направлении, можно дойти до центра, а затем, не переступая через каменный барьер, вернуться туда, откуда вошел. Изучавшие лабиринты ученые по-разному отвечали на вопрос об их назначении [42]. Н. Н. Виноградов выдвинул гипотезу о том, что лабиринты – изображение Saivo – священных гор, где живут духи усопших предков, наслаждаясь блаженством. Вместе с тем они являлись и местом жертвоприношений для умиловивления этих духов.

¹ Н.Н. Виноградов в работе «Соловецкие лабиринты» 1927 г. указывает, что название «лабиринт» возникло в научной литературе по подобию древнего лабиринта на о. Крит и совершенно неизвестно было местным жителям в России, где такие сооружения называли «вавилонами», подчеркивая их замысловатость.

Современные исследователи северного неолита А.А.Куратов и А.Я. Мартынов установили, что входы в лабиринты имеют различную пространственную ориентацию и почти всегда соседствуют с каменными курганами, дольменами и т.п. Каменные курганы представляют собой искусственные валунные насыпи полукруглой или полуовальной формы небольших размеров и высотой около метра. При разборке некоторых из них были обнаружены остатки древних языческих захоронений. Возможно, что в этих местах также были первобытные капища.

Не менее сложным для науки оказался вопрос об этнической принадлежности народов, посещавших острова Соловецкого архипелага в те древние времена. Лишь недавно, после обнаружения на Малом Заяцком острове кремневой фигурки тюленя, удалось подтвердить принадлежность этой культуры протосаамским племенам, жившим на побережье Белого моря. Судя по всему, во времена, когда они заплывали на острова, климатические и геологические условия были другие: климат был значительно теплее, а уровень моря у островов намного выше.

Монахи, не имея возможности разобраться в культовой принадлежности археологических памятников, поступили просто: не разрушая то, что было устроено до них, они выложили на вершине Сигнальной горы валунный крест, то есть посвятили это место Богу.

7.12. Пустынничество на острове Анзер

7.12.1. Дивный Анзер

11 июня 1907 года на гору Голгофу поднимался странного вида человек: высокие сапоги совершенно грязные, куртка в смоле от лодки, изорвана, на плече котомка, в которой гремят пустые патроны... Чувствовал он некоторое смущение, так как путь по Белому морю в белые ночи и разговоры с кормчим о промысле на тюленей, когда охотников на льдине уносит в море, и они прощаются там со всем земным

Голгофский скит

и живут только верой в Бога, настроил его против обыкновения серьёзно. «Монашеская жизнь на диком острове – тоже реальное выражение этой веры,» – думал он, – «Как с ними говорить? Я никогда не говорил с монахами, я знаю, у них какие-то свои обычаи, устав, хитрость...» Неведомым течением житейского моря его занесло в этот скит, и он теперь силился объяснить себе и другим, зачем: «Я не богомолец, туристы сюда не ездят, учёные тоже. Кто я такой? Зачем я сюда забрался?»

– Вы как же сюда пожаловали, по усердию ли...или?..
– спрашивал строитель Голгофского скита Михаила Пришвина[43].

– Я, батюшка, от Географического общества, занимаюсь изучением жизни поморов и вот заехал сюда... и по усердию... конечно, конечно, по усердию...

– От Географи-и-ческого? – улыбается он. – Но ведь у нас, на Соловецких островах, никакой же географии нету.

Пришвин пытался географию защитить. Но, подумайте, какая география может объяснить, как два скита могут прак-

тически не сообщаться, находясь на расстоянии в 4 версты, а в то же время в Троицком скиту вершатся судьбы России в XVII веке, а столетием позже в Распятском скиту предвозвещается Российская Голгофа века XX. И время здесь, как заметил Пришвин, тоже необыкновенное:

– А уж половина восьмого, сейчас будет трапеза, – замечает строитель Голгофского скита.

– Как половина восьмого, солнце садится, одиннадцать!

– У вас, – говорит он, – а у нас половина восьмого, а вот в Анзерском скиту восемь, в Соловецком – девять.

– Как это так?

Он объясняет, что время изменяется потому, что служба должна быть в определенное время, а монастырские работы так складываются, что служить нельзя, когда требуется. А потому и переводят часы.

– Это ничего, – сказал монах, – в сутках остаются те же двадцать четыре часа.

И этот эпизод весьма характерен: время властвует над миром, а монахи силятся принадлежать вечности. И напрасно расстроился наш незадачливый богомolec, узнав, что и схимники теперь живут в каменных кельях в скитах, а не в лесных хижинах, как прежние старцы-подвижники. Михаил Пришвин едва ли смог бы предположить, что пройдет ещё почти сто лет, и в 1999 году в разоренный Голгофский скит придут монахи и будут жить так, как жили пустыnnики в XVII–XIX веках: в маленьком деревянном домике, без электричества, постясь в течение всего года, на себе перетаскивая за несколько километров все необходимые грузы, доставляемые по морю, и, главное, непрестанно вознося Богу молитвы о всех и за вся. Так что время здесь с нашим не совпадает, и как не подводи здесь часы, они таинственным образом устанавливаются на тот момент, когда: «Се жених грядет в полунощи...».

Если Соловки – Святая земля, то Анзер – Святая Святых, земное Небо, место предызбранное быть селением угодников Божиих. Архимандрит Досифей обратил внимание на то, что само слово Анзер может быть переведено с

греческого как «подвижник», «воздержник», «труженик»¹. Поэтому рассказ об Анзере – повесть о тех, кто здесь подвижался. Страничка с практическими советами для путешественников на Анзер расположена после рассказа о скитах (см. раздел 7.12.5.). Подробное описание паломнического маршрута по острову Анзер содержится в отдельном издании В. П. Столярова «Анзер и его святыни» [44]. Практически весь комплекс источников, касающихся жития преподобного Елеазара, основателя скитского жития на острове Анзер, его писаний, а также истории Троицкого Анзерского скита был недавно опубликован С. К. Севастьяновой [29], но документы эти остались мало известны из-за небольшого тиража издания, поэтому далее будут приведены некоторые сведения, не вошедшие в Соловецкий Патерик, и приведены ссылки.

Основоположителем пустынножительства на Анзерском острове считается преподобный Елеазар. Прежде всего помянем его родителей: благочестивого священника Афанасия (Севрюкова) и матушку его Татиану². Они проживали в городе Козельске, и были столь праведны, что не поколебались троих сыновей своих благословить на труды в Соловецкой обители. Елеазар, по-видимому, был старшим, так как он далее руководил братьями: благословил Романа пребывать в Соловецком монастыре, где он и скончался, а Афанасия – жить в Сумском остроге. Во вкладной книге Анзерского скита описывается судьба икон, которыми отец Афанасий благословил своих детей [29, с. 271, 272]: вселившись на остров Анзерский, Елеазар эти «иконы имел в хижине своей в почтении мнозем. И был в монашестве своем чуден. Снеди же токмо единою в седмице приимаше, в прочия же дни в поте лица своего слезами душу свою питаше. Еще же и вериги на теле своем за смирение ношаше и, по реченному пророком, питье свое с плачем растворяше. И многого ради воздержания и бдения плоть ему изменися, и колена его

¹ Экскурсоводы обычно говорят, что в переводе с вепского Анзер означает «вытянутый остров». Конечно, более логично происхождение названия связывать с вепским языком, а не с греческим, однако, смысл созвучия с греческим оправдан историей пустынножительства.

² В патерике говорится, что Елеазар происходил из купеческой семьи

Преподобный Елеазар

изнемогоста от поста. Но благодатию Христовою силен бе в немощи своей. От единого же образа Пресвятыя Богородицы, иже с Корнилием преподобным, и явления сподобися видети. И яко ангел, в телеси своем на земли пребывая в молитвах многих, и поживе лета долги, и Вышняго Иерусалима человек устроися быти.

Егда же проведя блаженный Елеазар свое ко Господу отшествие, тогда призва <сына>¹ брата своего по плоти Димитрия и теми чудесными и явленными иконами благослови его, и

повеле ему иметь их у себя до времени судеб Божиих... По успении же преподобного отца нашего Елеазара начаша от него бывати чудеса многа, иже на море являясь, и страждущих от смертных бед избавляя, и от цельбоносного своего гроба различные исцеления подавая... О всех сих слыша, Сумского острога житель, Димитриев сын Иоаким прослытием Севрюков, привез в Анзерский скит две божественныя иконы – Софии Премудрости Божией и Пресвятыя Богородицы с Корнилием преподобным, писаны на красном золоте в давние лета. И постави их по вере своей над гробом родственника своего».

Возвращаясь к началу монашеского пути преподобного Елеазара, скажем, что пострижен он был, по-видимому, игуменом Иринархом около 1613 года. Монашеское имя его

¹ По-видимому, о нем упоминается в Дозорной книге 1661 года «Никитка да Митка (Дмитрий) Афанасьевы Севрюковы» [29, с. 9].

в переводе с древнееврейского означает «Божия помощь», мирское имя осталось неизвестным. Елеазар усердно подвизался в посте, молитвах и трудах. Он был искусен в резном деле и принимал участие в обновлении иконостаса в Преображенском соборе¹. Будучи сам всегда погруженным в богомыслие и молитву, игумен Иринарх в ученике своем провидел великого подвижника и потому, испытав, благословил его на пустынножителство.

7.12.2. Сказание о начале жития на острове Анзерском преподобного старца Елеазара

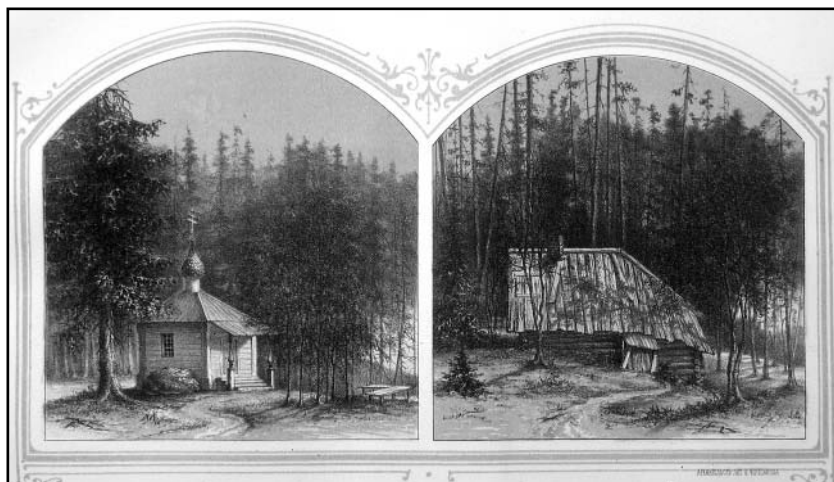
«Лета 7123 (1615²) поведи мене, грешному Елеазару, некто от христолюбивых мужей о острове Анзерском — возможно на нем имети житие пустынное. И приидох нача здати келлиа. Завидя же супостат диавол, хотя устрасити и изгнати, вооружися на мя со многими бесы, ови во образе знаемых сумских людей стрельцов, ины же незнаемы. Ови на конях, ины же пеши с луки, и с самопалы, и с копийи. Обступиша мя с яростию хотяху убити, глаголюще сице: «Почто прииде на нас? Наше бо место исконии бе, никто же бо житие прежде тебе имущее». Аз им отвечах: «Не ваше, но Христа Бога нашего, а Богъ изволил быти мене на месте сем». И начах глаголати: «Да воскреснет Бог и разыдутся врази Его», и прочая псалма того. И тако отидоша без вести» [4, 2000, с. 181]. Это цитата из «Своеручной хартии»³ преподобного Елеазара о бывших ему видениях и откровениях».⁴ Вчитываясь в архаичный текст, мы имеем возможность хотя бы одним глазком заглянуть в сокровенную жизнь пустытника, понять, почему он избрал такой, кажется, непосильный для человека, способ спасения.

¹ К четырехъярусному иконостасу добавили 28 икон праотцев, а Елеазар выполнил резные надписи о времени создания иконостаса.

² По нынешнему летоисчислению временем прихода Елеазара на Анзер была осень 1614 года «от Покрова Пресвятей Богородицы».

³ Грамота, писание.

⁴ Рукопись датируется 1636-1638 гг. [29, с. 49].

Часовня и келья преподобного Елеазара

Поначалу он поселился в глубине острова около озера Круглое (теперь Большое Елезарово). На невысокой горе, расположенной чуть восточнее озера, он водрузил крест и поставил келью. Пропитание он добывал изготовлением деревянной посуды, которую выносил к месту стоянок мореходов. Путешествующие охотно брали эти чашки с собой, оставляя взамен хлеб и съестные припасы. К естественным тяготам жития на необитаемом острове добавлялись бесовские страхования. «Иногда же приходяще скрежещуще зубы и грозяще убийствомъ, глаголы многоразличными устрашая. И до сего дни безпрестанно. Иногда же внезапно пришедше, яко из тысячи вдруг самопалов удариша, с первых дней жития моего, от Покрова Пресвятей Богородицы до Рождества Христова, Бога нашего. Зело мне тяжко — не дающе сна и покоя ни в день, ни в ночь. И не в кое время, спяще и не спяще мне, прииде ко мне в видении Святая Богородице, глаголюще ми тако: «Мужайся и крепися, Господь с тобою. И напиши в келлии своей на стенах: *«Христос с нами уставися»*. И даде мне посох и четки. Азъ же, востях, написал по глаголу Ея. И умалися многи рати». Древнее слово «уставися» означа-

ет «встал и пребывает». С тех пор эти слова пишут на стенах или на двери келии все Анзерские подвижники.

В 1616 году Елеазар встретился в пустыне с таким же подвижником, соловецким иеромонахом Фирсом, и от него принял пострижение в схиму. «Схимник есть истинный и буквальный исполнитель заповеди – любить Бога всем сердцем, умом, крепостию, всею мыслию, всею душою... Ныне понуждают схимника заниматься совсем не свойственным делом (продавать свечи, собирать с кошельком деньги, молиться и служить молебны, стоять на определенном месте напоказ мирянам). Мастеру золотых и бриллиантовых дел дают в руки железные клещи и молоток и заставляют ковать гвозди. Схимник есть вместилище Духа Святого, приятелище многих духовных дарований, столп Православия, живая как бы копия с Господа Иисуса по человечеству. Да не помыслит кто, что я по пристрастию так высоко сужу о схиме, – это истина»¹.

Елеазар сознательно принимает на себя все тяготы отшельничества, так как согласно его опыту «ничто же бо ино тако душу очищает и на первообразное приводит², яко пустыня и безмолвие». Учителем же его в умном делании был сам Господь: *«Научен еси христолюбивым Духом Святым и отеческим преданием закону света Христа Бога нашего: тецы во след святых и стереги дом свой душевный неленостно, да не окраден будет от фараона мысленного и лукавых амоликов, приникай всегда во глубину сердечную, что душа и ум строят – земная или небесная. Сей ... плод духовный: слезы и воздыхание, страх Господень, и любовь ко Господу и человеку»*[29, с.107].

¹ Так писал о схиме иеросхимонах Иероним, в миру Ерофей Лукин. Он был пострижен в Новгородском Хутынском монастыре в 1799 году, а в 1808 году рукоположен в иеромонахи в Московском Новоспасском монастыре. Под влиянием архимандрита Юрьевского Фотия составил записку о распространении в обществе масонства и противных Православию учений, за что был заключен в Петропавловскую крепость, а в 1830 - сослан под строгий надзор в Соловецкий монастырь. Иероним обладал обширным умом и был весьма начитан в духовной литературе, имел «увлекательный дар слова и редкую силу убедительности». Иеросхимонах Иероним почил в Троицком ските 23 сентября 1847 года, имея 82 года от роду[1, с.184-191].

² «На первообразное приводит» означает приводит к Богосозерцанию.

Это наставление – образец поразительной духовной свободы. Преподобный Елеазар с готовностью следует пути промысла Божия, даже когда по человеческому рассуждению путь этот кажется странным: «Вот я, Господи, пошли меня!» – мог бы он сказать подобно древним пророкам. В своей «хартии» он неоднократно упоминает, как Господь наставлял его на путь. Он желал пребывать в безмолвии, но «прииде ко мне Соловецкого острова инок, имя ему Кирило. И нача ему глаголати: «Брате, аще пришел еси Богу работати – поживем в любви Христовой в безмолвии обычаем. Церкви же отнюд не помышляй ставити, освятим прежде церковь телесную, свободим души своя от грех, а по смерти нашей, яже Бог изволит». Он, слыша от мене, и паче мене укрепляюще, и обещаюся никако же сего начати». Преподобный Елеазар ввел для сподвижников древний порядок пустынной жизни. Каждый пустынный имел особую келью, в которой пребывал в посте и молитве, занимаясь каким-либо рукодельем для своего пропитания, никого не принимая к себе и сам никуда не ходил, кроме собрания на общую молитву. Общая молитва совершалась или в часовне, или в келье преподобного Елеазара: с вечера отправляли вечерню, читали псалтирь, пели каноны Господу Иисусу и Пресвятой Богородице, исповедовали свои помышления и грехи наставнику; утром служили литию, утреню, часы, и затем подвижники уходили на безмолвие в свои кельи.

Однако, строительство скита и скитской церкви было ещё до прихода преподобного Елеазара на остров Богом предусмотрено. «Прежде мене, грешнаго Елеазара, бывший игумен Иаков виде от Бога откровение о месте Анзерском. Аз же его застах. И поведа, что хочет Бог прославиться на месте сем, и будет монастырь велий и многи святые. И сам он хотел поставити монастырь на том месте и церковь воздвигнути. И по зависти супостата врага не даша ему воздвигнути Соловецкия старцы. Он же и до смерти глаголаше: «Аще и не даша мне поставити, а обитель будет на месте сем велия»». Исполнилось Божие предначертание об устройении скитской

церкви через царскую семью. В то время, «при государе царе и великом князе Михаиле Феодоровиче ... случися быти на Москве игумену соловецкому Иринарху и старцам. Прииде же игумен к государыне, великой старице инокине Марфе Ивановне, побити челом о своей нужде. Она же вопрошаху его тако: «Слух нас дошед, отец игумен Иринарх, что есть, де, от вашего монастыря недалеко остров Анзерской, на немъ отшелницы живут пустынным житием». Он же отвещает: «Ей, государыня, остров зело угоден иноческому пустынному пребыванию: воды много, со езеры, и лес, и ягодиchie». Она же глаголаше: «Мочно ли поставить на том месте церковь?» Он глагола: «По глаголу твоему – зело угодно!» И даша ему сто рублей на сооружение. Нам же, пребывающим на острове, ничто же о сем имуще попечение, но сам Бог изволи быти святой церкви».

7.12.3. Об устройении Троицкого скита

«По сем же извести Бог Святейшему Патриарху (Филарету)¹ о святем месте, и даша книги, и ризы, и образы, и приложи велию веру строити. Некогда же видех аз, грешный Елеазар, умныма очима над тем местом, идеже ныне стоит святая церковь, облак темен, и нача быти красен, и сниде, нача гремети, обхожаше около то место, попаляя и очищая остров, идеже церковь и келии ныне стоят, в длину восемьдесят сажень, поперек — сорок. Ин же брат поведает мне, имя ему Феофил, — видяще идущее от высоты небесная, от Востока, церковь на место богоизбранное. Старец мой Фирс слышал яве звон велми, и мене воззва из келии во свидетельство се бывающе. Лука же верижник, что был у губы у Троицкой, слышал во дни глас неизреченный и звон мног на том же месте: в то время брал ягоды на монастырь Соловецкой. И мнози людие поморцы, егда стояще у острова ко пристанищем, поведаху мне страшная и различная знамения.

¹ Через старца Александра Булатникова.

Троицкий скит в прошлом

По повелению государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всея Руси, и по благословению великого государя, святейшаго патриарха Филарета Никитича московского и всея Руси, поставити повеле церковь во имя пресвятыя Троицы¹. Егда же уготова бревна, прииде игумен Иринарх обложить церковь, и нача класти основание бревны, идеже ныне стоит. Аз же моляще его подвигнути основание повыше, чтоб среди острова. Он же не послуша. Мне же пререкующе ему о сем². Он же поведает мне: «Сын, де, мой духовной, инок, сидел на тони, со служебники ловил рыбу красну на Соловецкой мо-

¹ 18-го марта (ст.стиля) 1620 года послана грамота Патриарха Филарета о строительстве на Анзерском острове церкви Св. Троицы «в клетку» с приделом Преподобного Михаила Малесина. Царской грамотой 20-го января (ст.стиля) 1621-го года повелено было двенадцати анзерским пустынноикам иметь содержание от Соловецкого монастыря, быть в послушании у Соловецкого настоятеля и соборных старцев, самоволия и безчиния не делать, мирских людей к себе не принимать, жить пустынным обычаем в нестяжании, всячески удаляясь мирской молвы и смятения. Пожалована от Государя Михаила Федоровича и Патриарха Филарета анзерским пустынноикам ружная дача. От игумена соловецкого определен в Анзерский скит иеромонах Варлаам (до 1624 г.)

² Старец Елеазар пишет об этом, чтобы и нам видеть глубину немощи человеческой: видениями указал ему Бог место для церкви, а человеческие рассуждения (расположить церковь среди острова подальше от ветров) берут вверх. И помогает свидетельство наставника.

и в настоящем

настырь, — на устье Кобыльей губы, от того места за две версты. И поведи мне страшно видение: во время полудня сядящу ему стрегуще рыбы и видех на том месте столп огнен, до небес восходящ. Он же вскоре посла двух человек своих рыболовцов: «Идите и возвестите ми, что се есть таково дивное знамение?» Они же приидоша на место то, огня же не видяще, токмо от того места восходяще дым и гарь. И приидоша к старцу и поведаху ему, яко на томъ месте быша знамения подле того, идеже келия стояла Усольскаго дворища¹. Имени же игумен того старца не поведа.

Во оно же время, при игумене Рафаиле² видяще в нощи иноцы и белцы Соловецкаго монастыря над монастырем Анзерским свет неизреченный. Они же мняще, яко церковь и вси келии от огня погореша. И в той же нощи игумен посла двух человек на проповедание. Они же приидоша скоро ко мне и вопрошающе мя и братию: «Что у вас в нощи сей бывше?» Нам же отвечающе: «Ничто же видехом, токмо милостию Божией хранимы».

¹ С середине XVI века на этом месте вываривали соль. Так как в монастырских послушаниях постоянно были заняты до 70 иноков и послушников монастыря, а также мирских людей, появилась необходимость в совершении регулярных богослужений. Для этого из Соловецкого монастыря на Анзер перенесли в 1583 году деревянную церковь Св. Николая.

² Управлял монастырем в 1632-1636 гг.

В 1621 году была построена в скиту деревянная церковь во имя Живоначальной Троицы с приделом в честь преподобного Михаила Малейна (небесного покровителя царя Михаила Феодоровича). Для нового храма Патриарх и царь пожаловали книги, иконы и церковную утварь. Строителем (скитоначальником) с 1624 года был назначен преподобный Елеазар. Братия скита жила по обычаю древних пустынников. После недели труда и молитв иноки собирались в субботу вечером на общую службу в храме. В воскресенье утром, по окончании литургии, совершали чин прощения и в молчании расходились по келиям. Около этого времени (1624 г.) по откровению свыше¹ преподобным Елеазаром написан образ Спасителя, поставленный над Святыми воротами Соловецкого монастыря «в защищение от врагов видимых и невидимых» (пропал в 1921 г.).

*Игумен Иринарх и
преподобный Елеазар*

¹ «Се аз, грешный Елеазар, написал сей образ повелением Божиим красками. А назнаменил мне сей образ в Соловках Памва иконописец чернилы. А слышу глас, глаголюще ко мне во дни умильно: «Напиши Мой образ». Аз же не посмел писать. И паки на другой день с утра глаголаша крепчайше первого и со гневом: «Напиши Мой образ Христов». Аз же, уповав на Господа, помоляся, написал красками сей образ, уповаючи на силу его святую. Ему же буди слава и ныне и присно и во веки веков. Аминь» [29, с.105]. «И постави сей образ в келии своей, и имея у себя зело в чести велицей. И посем вдаде его вкладом во святую Божию церковь в вечное свое воспоминание. Ныне (1710 г.) ... сей чудотворный образ поставлен во святей часовне над гробом Преподобного Елеазара, и приходящим к нему с верою сладостное некое благоухание от себя испущает, аки ароматное, и лобызающим его исцеление неоскудное подает» [29, с.249].

17 июля 1628 года преставился ко Господу игумен Иринарх – друг и наставник старца Елеазара. Единство душ их и высота их духовных дарований обнаружили, когда в час кончины игумена Иринарха Елеазар, будучи у себя в скиту сказал братии: «друг мой собеседник о Господе игумен Иринарх сегодня умирает, – мне надобно поспешить в обитель, но уже не застаю его въ живых». Иринарх же, на одре смертном, пред Соловецкою братиею произнес: „брат мой духовный Елеазар, сегодня отправляется из своего скита в нашу обитель и желает прибыть прежде моей кончины, но, по воле Божией, уже не увидит меня в живых» [1, с. 92]. Последние два года своей жизни игумен Иринарх, отпросившись на покой, провел в пустынной келье.

При преемнике его новом Соловецком игумене Макарии, грамотой 7-го Февраля 1628 года, число братства в Анзерском ските определено в 12 человек и на это число повелено отпустить, чрез Соловецкий монастырь, из доходов Двинской области – на одежду по 2 р. на человека, на содержание по три четверти ржаной муки, по осьмине овса, солоду, по полу–осьмине круп и толокна, на церковные расходы – пуд воску, три ведра красного вина, 10 фунтов ладона, на просфоры, – по четверти пшеничной муки, и кроме того 5 р. на дрова. Благодаря такой заботливости царя Михаила Феодоровича, материальное положение Анзерских пустынников было обеспечено.

Усердная помощь царской семьи Анзерскому скиту не осталась без воздаяния. Однажды в беседе с келарем Троице-Сергиевой лавры Александром Булатниковым, царь выразил ему свою скорбь, что не имеет по себе наследника, прибавив: «Кто бы мог помолиться, чтобы Господь разрешил нашу печаль?» «Есть, государь, – отвечал старец, – в твоей державе таков муж. Надеюсь, яко может вам у Бога испросить плод сыновства». И рассказал о жизни и подвигах преподобного Елеазара. Благочестивый царь обрадовался этой вести и послал того же Александра¹ просить пустытника «да благоволит

¹ В последние годы своего пребывания на Соловках, Александр Булатников, по-видимому, предполагал перейти в Анзерский скит на «безмолвие». Для этого он даже построил в Анзерской пустыни две келии «с сени и с чуланы». В феврале 1652 г., уже после возвращения в Троице-Сергиев монастырь, Александр Булатников передал обе келии насельникам Анзерской пустыни, оценив их в 40 рублей и попросив записать их в качестве вклада «по себе и по своих родителей в наследие вечных благ и будущего ради покоя» [29, с.207]

не нуждею дойти в ним» в Москву. Он же со смирением пришел и беседовал с царем, и утешил его: «Не печалуйся, о богосочетанный супруге царственный! Силен бо есть Бог дати вам плод по вере вашей. И се (ясно), яко день сей, ... яко зачнется вам сын и родится, и царствия по вас будет наследник» [29, с.140]. Государь принял эти слова с радостью и умолял преподобного Елеазара остаться в Чудовом монастыре до времени рождения наследника. 10 марта 1629 г. Бог даровал царю сына Алексея. Рождение царевича принесло царскому дому радость и торжество. Не был забыт при этом и Анзерский пустынник. Царь, призвав к себе Елеазара, предлагал ему почести и чины духовные, но смиренный подвижник отказался от лестных предложений, намереваясь окончить жизнь свою в пустынном уединении.

Уважая Анзерского строителя, царь хотел упрочить существование скита его, и грамотой 31-го июля 1633 года объявил Анзерский скит независимым от монастыря и разрешил пустынникам избирать строителей из своей среды, иметь братии 12 человек и 2 мирян для рубки дров, провинившихся не посылать в Соловецкий монастырь для исправления, но смирять их по своему усмотрению. Соловецкому игумену предписывалось не вступаться в управление скитом, не посылать туда строителей, не делать пустынникам никакого притеснения и не препятствовать желающим из Соловецкой братии переходить в скит. А Двинскому воеводе особою царскою грамотою, того же 31-го июля 1633 года, было повелено, под опасением опалы, высылать в Анзерский скит, своевременно и сполна, назначенное содержание на казенных подводах и судах, помимо Соловецкого монастыря. Впрочем, зависть и недоброжелательство злых людей причиняли скитянам не мало скорбей и беспокойств. 13-го июля 1634 года приезжали к острову злоумышленники с явною целию грабежа, но в то время приплыли к устью губы поморския ладьи, и воры, уstraшившись, бежали. По жалобе преподобного Елеазара, царь грамотою 31-го января 1638 года повелел Сумскому воеводе охранять скит от разбойников и недоброжелателей.

В это время скитское братство увеличилось несколькими замечательными лицами. В 1634 году вступил в скит Никодим,

Патриарх Никон и
царь Алексей Михайлович

который сделался любимым учеником преподобного Елеазара, и, по смерти его, занял место строителя. В 1636 году в скит пришел, по стремлению к строгому подвижничеству, московский священник отец Никита, которого преподобный Елеазар постриг в 1636 году с именем Никон в честь священномученика Никона, епископа († 251 год, память 23 марта / 5 апреля)¹. О нем так упоминается в житии: «Бысть же и ин ученик преподобному преславен именем Никон, иже бысть Патриарх царс-

¹ Преподобный Елеазар, видя в пустынножителях воинов Христовых, давал любимым ученикам имена, начинавшиеся со слова Ника – по гречески победа: Никон – «побеждающий», Никодим – «побеждающий народ», Никифор – «победоносец».

твующаго града Москвы и всей России. И той пречуден бысть в житии своем, и многу ревность о исправлении православия показа, и во изгнании скончася» [29, с. 130].

Строг был в то время иноческий устав в Анзерском скиту. Но иеромонах Никон не только со всей точностью соблюдал его, но и по благословению преподобного Елеазара прибавлял прочтение в течение суток всей Псалтири и совершал 1000 земных поклонов с Иисусовой молитвой, до крайности сокращая время сна. Также он нес иерейское послушание в Троицком храме скита. Духовные подвиги его сделались нестерпимыми для врага рода человеческого. Когда подвижник решался немного отдохнуть от трудов своих, «тогда абие нечистии дуси приходяще ему в келлию, его давяху, и инья пакости и страшилища многообразными своими мечты деяху, и от труда ему почити не даяху» [45, с. 17]. Страдая от этих напастей, отец Никон дополнительно стал читать молитвы от обуревания злых духов и каждый день совершать водоосвящение, кропя келию святой водой.

Повествуется и о чудесном видении этого времени: «Однажды Никон совершал литургию. Преподобному Елеазару представилось, что на плечах Никона лежит архиерейский омофор. Узрев в этом знамение Божие, преподобный Елеазар предсказал, что Никон в последствии времени будет святителем» [46, с. 25]. В житии преподобного Елеазара Анзерского упоминается также об образе Спаса Нерукотворенного, «егоже написа Никон Патриарх по повелению преподобнаго Елеазара, когда был учеником у него». Сей образ, написанный на убрусе и устроенный над церковным входом, в течение 65 лет «на всяко лето от вара солнечнаго пожизаем, и зноем и мразом, и вихры и дождем, и снегом изнуряем, и цел пребывает, чудесно соблюдаем Божиею благодатию за угодших ради преподобнаго Елеазара и ученика Его» [47, с. 176]. По свидетельству паломников, в 1869 году этот образ был благоговейно сохраняем в алтаре Троицкой церкви Анзерского скита [48, с. 130].

До последних дней своей жизни святейший Патриарх Никон не забывал об обители, в которой положил он начало своему монашескому подвигу, продолжая, насколько возможно, подвизаться «чином Анзерския пустыни». Сохраняя сыновнюю

любовь к своему духовному наставнику преподобному Елеазару, он часто делал вклады в Анзерский скит [9, с. 353–355], посылал дары и лично преподобному («да тебе, Строителю, рыбу белужку» [9, с. 355]), прося молитв соборных и келейных, а тот с благодарностью принимал от него эти дары. Узнав о болезни преподобного, митрополит Никон в своей грамоте приказывает соловецкому игумену Илию отпустить больничного старца преподобного Кириака из Соловецкого монастыря в Анзерский скит для ухода за преподобным Елеазаром [1, с. 96; 46, с. 49]. «Здесь да обличится ложь раскольников, что якобы преподобный Елеазар, предвидев о делах ученика своего Никона, от себя его изгнал и предрек, что он много Святой церкви причинит зла и разорит церковные уставы. Из подлинных документов, хранящихся в Соловецком монастыре, можно увериться, что преподобный Елеазар имел нелицемерное уважение к Никону, как к истинному пастырю Христовой церкви, а Никон особенное оказывал почтение своему учителю» [9, с. 325].

В 1639 году, по воле Божией, иеромонах Никон покинул Анзерский скит¹ и перешел в Кожеезерскую обитель, где в 1643 году был поставлен игуменом. Вершиной его служения стало Патриаршество. 25 июля 1652 г. во главе Русской Церкви и Русского Государства встали два «собинных друга», два духовных сына преподобного Елеазара: Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. На несколько лет в России реализовалась византийская идея симфонии церковной и царской власти, когда, как писал сам Патриарх Никон в предисловии к Служебнику, изданному в 1656 году, «священство Божественным служит, царство же человеческим владеет и о сем печется. Вкупе же уставы и правила святых отец, яко от Святаго Духа вдохновенны, облобызающе приемлют и держат». Это идеальное устройство государства, когда дело личного спасения поставлено во главу угла государственной политики, держалось до кончины старца Елеазара. Затем враг

¹ С тех пор путь Никона – путь одиночества, он не имел больше никогда такого Учителя, каким был для него Преподобный Елеазар. В конце XIX века имя Патриарха Никона появляется в списке местночтимых Соловецких святых за номером 16 [49, с. 18]: «Никонъ, патріархъ всероссійскій, ученикъ и постриженникъ преподобнаго Еліазара, опочиваєть въ монастыре Нововоскресенскомъ, егоже и ктиторя бысть, за 50 поприщъ отъ царствующаго града Москвы».

рода человеческого посеял раздор, и Российское государство взяло курс на расцерковление, плоды чего мы пожинаем и до сего времени.

Вцарствование Алексея Михайловича с 1646 года на Анзере наконец¹ началось строительство каменной Свято-Троицкой церкви с двумя приделами: в честь иконы Пресвятой Богородицы «Знамение» и во имя преподобного Михаила Малеина. «По недоброжелательству соловьян» строительство затягивалось, Соловецкий игумен Илия даже заключил преподобного Елеазара в темницу. Понадобилось энергичное вмешательство митрополита Новгородского Никона, который писал в Соловецкий монастырь о скорейшем завершении церковного строения и просил отписать по окончании работ. Строительство было завершено в конце 1649 года, а освящение храма состоялось в 1650 году. Из материала ветхой деревянной Троицкой церкви была построена колокольня.

Среди разнообразных забот о благоустройении своего скита преподобный Елеазар приближался к кончине и созрел для вечности. Опыты своей духовной жизни он сохранил на память ищущим спасения, изложив их в «Своеручной хартии... о бывших ему видениях и откровениях» [4, 2000, с.183].

«Во ино же время стоящу ми пред образом Христа, Бога нашего, молящеся со слезами и глаголюще тако: «О, Владыко Христе, Царю и Содетелю мой, что воздам против милости Твоей? И ничто же бо благо сотворих пред Тобою!» И видех, яко голубь лицу моему тихо приразися и глаголюще тако: «Богу моему и Богу твоему слезы твоя принесу». И тако невидим бысть. И возрадовася душа моя, и вся внутренняя в веселии бысть.

В некое время преставися брат у нас, имя ему Тихон, ин же брат, имя ему Тихон же, диавольским навождением украде того брата умершаго две книги. Последи же того по обычаю поюще нам вечерню, и еще тогда немного братства, четыре

¹ Ещё в 1636 году двинскому воеводе кн. Львову велено послать мастеров для строительства на Анзере каменной церкви, соловецкому игумену предписывалось дать кирпич для строения с монастырского завода. Государь Михаил Феодорович дал на строение 200 рублей, «а уставщиком каменщиком» от него Великого Государя в Анзерский скит послан с Москвы Трефил Шарутин. Однако монастырские власти не желали исполнить царский указ.

брата, и видех на неких на главех сидяще некая сила божия в голубине образе, на ином же на раму посреде, ко иному брату полете и скоро сердцу приникнушу крылома, ко иному же паки отвратися. Аз же чудихся зря, не ведех тайны. Той же брат прииде во умиление, исповеда ми, кланяяся и прощения прося».

Во ино же время мало приимшу мне сна лежаще на ложу моем, имуще во устах молитву, и обретохся на некоем месте при горе, недалече от церкви к восточной стороны с полпоприща. И видех умными очима чудное видение: сидяще на престоле Господа Бога ветхи денми, яко же описуют иконописцы, с Ним же видяще на престоле Сына Божия, на третьем престоле Святаго Духа в голубине образе. Чуднаго же зрака их и сияния невозможно списати. Пред ними же стояще ангелы, имуще на себе одежду белу, яко снег, держаще в руку своею кадило, и нача кадити, яко же священники обычай иматъ по чину по трижды. И нача кадити прежде Отца и Бога, глаголюще тако: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу», – и поклоняшеся до земли. Прииде же к Сыну Божию, нача кадить, глаголюще сие: «Славословлю тя, Сына, со Отцем и Духом Святым», и поклоняшеся. Прииде же ко Святому Духу кадить, глаголюще: «Прославляю тя, Святаго Духа, со Отцем и Сыном». Аз же грешный приложих к сим словесем: «Троица Святая, спаси души наша ныне и во веки веком, аминь». И ощути сердце мое исполнено радости многи зело...

Егда мне бывают многи скорби от бесов и злых человек, многажды невидимо глаголюще: «Не бойся бесов — Господь с тобою». Иногда же глаголюще: «В терпении стяжите души ваша». Многажды и от братий соловецких и от пребывающих со мною быша скорби и не могущи терпети, утешающе мя и невидимо глаголюще: «Вы бо сильни есте и немощи немощных носите».

И по многим временем многим сим знамением не верующе ми, да некако прельщен буду от врага. И сидящу ми в келии при оконце и слышах глас от полуденныя страны, яко гром от небеси, истязающе мя за неверие многим видениям явным и в тонком сне, и глаголюще сие: «О, роде неверный

и развращенный, доколе буду с вами, доколе терплю вас!» И от гласа того страшного ужасеся душа моя и вострепета вся внутренняя моя зело.

Не в кое же время хотяще ми изыти от острова Анзерскаго в руския места от стужения злых человек и бесовских страстей, и видех знамение. Стоящу ми на поле чисте и показующе ми некто незнаем перстом на небо: «Зри». И видех чрез все небо лучю световидну, яко радуга во время дождевное. И, мало помедлив, паки глаголюще: «Возри на небо». И видех образ Христа Бога нашего и Пречистую Богородицу, и святого пророка Иоанна, с ними же дву ангелов и апостолов, яко же в Деисусе описуются. Мне же чудящися сим знамениям. И паки показующе ми: «Зри на небо!» И видех нерукотворенный образ Христа Бога, тако бысть велик во все небо. И глаголаше ми: «Видь величество Божие и славу его: егда Отчим изволением во чреве вместися в Пресвятую Богородицу и на земли многи скорби претерпел человек вас ради быв, ныне же и небо не вместит. А ты не хочещи терпети скорби».

Некогда ми бдяще в молитвах и совершающе Иисусовы молитвы, число и поклоны. Последи же нача призывати Пречистую богородицу. Обычай имущи молитися: «Пресвятая госпоже Мария, Пречистая Богородица, спаси мя грешнаго!» И к совершению сотни сотвори, является мне Пресвятая Богородица, имуще на себе три звезды велми светлы — на главе и на рамах, яко же описуют, имуще ризу багровидну. И глаголаше ми: «Елеазар, разумей на мне звезды сия. И аще имаши всегда мя тако призывати в молитвах, буду тебе помогати до исхода души твоя». В то же время лежаще у мене труждающему — пришел из своєї келии, угорел зимною порою. И приниче к нему, на него подула и глагола мне: «Побереги угорчака сего». И тако невидима бысть.

В день недельный, во святыи пост, видех Святую Богородицу на Литургии умным оком: стояща пред образом своим болшим от леваго крылоса, лицом на церковь. И нача мы на сходе пети оба крылоса стих: «О Тебе радуется...» за-достойна. Она же двинуся с того места и ста посреде нас с

молчанием, стояла до скончания стиха того. Мы же пропевше поклонившася по обычаю, она же тако же поклонися и невидима бысть. Мне же страхом и радостию объята бывшу.

Во ино ж время летнее приидох в церковь к обедни в день суботный поранее прежде братии и в трапезе начало положих по обычаю. И является мне образ Пречистыя Богородицы подобие Смоленския, держаще на руку левою Превечнаго Младенца, Господа нашего Иисуса Христа, яко же в Соловецком монастыре против игуменскаго места, имуще на себе ризу багровидну, златом часто испещренну. И глагола ми тако: «Елеазар, имейте заповеди Христовы — смирение и любовь, да во имя мое поставите святую церковь». И невидима бысть.

По сем является ми в церкви Пресвятыя Троицы во ино время во образе апостол Христов Павел, держит в правой руке знамение — образ пядничной Пресвятыя Богородицы. И глаголаше мне тако: «Елеазар, аще когда приходите во святую церковь, приходите и поклоняйтесь образу Христа Бога нашего со страхом и трепетом. Да сия глаголы моя и братии яви».

На другой же день в келию прииде ко мне искуситель. Является мне тем же образом Павла апостола, токмо в руках не имать образа. Мене же сохрани сила Божия. Опознах чувством приход его. И нача глаголати: «Верую во единого Бога Отца!» И тако силою Христовою в той час исчезе.

Некогда ми прииде помышление: како сотворю угодно Творцу и Богу моему и что угодно ему моление? И востах помолихся прилежно: «Владыко, Боже Отче и Сыне и святыи Душе! Яви мне, како Тя призову на всяко время — псалмопением или красною молитвою?» И слышах глас глаголющ ко мне:

«Сим образом молися — глаголи на всяк день: «Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение» до конца и: «Господи прибежище бысть нам» и: «Сподоби, Господи, в день сей и на другой день». Паки помолихся. И паки тоже повелевает глаголати. Се бо есть песнь к Богу обща ангельска и человеческа. Аминь.»

Читая и перечитывая это письмо из XVII века, всякий раз приходишь в умиление и трепет, как близок Бог к любя-

щим Его: тяжка духовная брань, но духовные утешения превосходят все мыслимые человеческие радости.

Поработав Господеви в монашеских подвизех 40 лет, преподобный Елеазар преставился с миром ко Господу в лето 1656 января в 13 день.

После Елеазара Анзерским скитом 21 год управлял ученик его Никодим, в духе своего учителя. Денежное и ружное жалование, о котором извещал скитян патриарх Никон в 1655 году, подтверждено царской грамотой 1662 года. В результате смуты, возникшей в Соловецком монастыре по поводу исправления богослужебных книг, Анзерский скит был razорен «от начальствующих» за поддержку мятежной Соловецкой обители. В год смерти Никодима (1667 г.), по указу патриарха Иоасафа, отобраны были въ Анзерскомъ скиту иконы, церковные сосуды, книги, ризы, жалованные грамоты и денегъ 494 рубля.

По просьбе строителя Романа (1680–1685), царь Феодор Алексеевич велел все отобранное возвратить и продолжать ружное и денежное жалование на скит. В 1681 году «Святейший Патриарх Никон прислал святых книг: Псалтирь толковую на виршах, книгу Триодь Святаго Великаго поста, книгу Житие Иоасафа царевича великия Индии – все новоисправленные» [29, с.246]. Будучи тяжело больным, в заточении, и предчувствуя скорую встречу с вечностью, Святейший Никон пожелал хотя бы через книги ещё раз поклониться месту своего обещания, Анзерскому скиту, прося молитв о водворении души своей в небесные кровы со всеми угодившими Богу. В 1682 году указом архиепископа холмогорскаго Афанасия скит был отдан в ведение Соловецкаго архимандрита и ему велено иметь строжайшее наблюдение за пустынниками и распоряжаться всем по усмотрению. В 1702 году в Анзерский скит был переведен иеромонах Иов, прежний духовник царской семьи, по указу царя сосланный в Соловецкий монастырь и постриженный в монашество. Через два года по благословению соловецкаго архимандрита Фирса он стал строителем Свято-Троицкаго скита. Скитоначальник возобновил строгий скитский устав, пополнил хозяйственные припасы, начал ремонт ветхих строений, восстановление биб-

лиотеки. Преподобный Иов с 1712 года начал заботиться об устройении на Анзере Голгофо-Распятского скита. Строителем Свято-Троицкого скита в 1714 году стал иеромонах Паисий. В 1729–1730 гг. в Троицком скиту была построена деревянная церковь преподобных Зосимы и Савватия, в которую «за теснотою» были перенесены приделы Михаила Малейна и Знамения Богородицы. В 1740–1743 гг. при строителе Глебе приезжие каменщики Федосей Иванов и Яков Прокофьев со товарищи разобрали обветшалый храм Св. Троицы и на его месте возвели новый с восьмигранным барабаном. Над местом погребения преподобного Елеазара построена новая деревянная часовня.

В 1757 г., при сооружении фундамента для каменной часовни преподобного Елеазара, в числе четырех гробов найден один, у которого верхняя доска и колода целы; тело нетленно, только одежды истлели; от гроба исходило благоухание. Анзерские иноки заключили, что это гроб преподобного основателя скита Елеазара, и донесли архиепископу архангелогородскому Варсонофию. Преосвященный указом 16 августа 1758 года [49, с.72] предписал Анзерскому строителю Мелхиседеку с братией все найденные гробы с костями поставить в новую могилу в самой часовне; эту могилу покрыть брусьями или каменным сводом и поставить над ней присланную от преосвященного гробницу, которую железными решетками не окружать и покрывами не покрывать; при переложении мощей петь панихиду преподобному Елеазару. Впоследствии, вместо деревянной часовни, устроенной над могилой преподобного в 1757 году, построена каменная, а в XIX столетии прежняя обветшавшая рака заменена новой, сделанной из меди и посеребренной. В 1762 году Иоасаф, епископ Архангелогородский, посещая паству свою, был и в Анзерском скиту. Он произвел строителя Мельхиседека¹ в игумена и желал навсегда утвердить за Анзерскими настоятелями это звание. Иоасаф установил ежедневное чтение акафиста Божией Матери пред чудотворною иконою «Знамения», а в праздничные дни — отправление молебна пред Чудотворною

¹ Иеромонах Мелхиседек по принятии схимы наречен Адамом, за старостью и слепотой от настоятельства отказался и умер в скиту в 1777 году.

иконою Святой Троицы. В 1764 г. Анзерский скит опять приписан к Соловецкому монастырю, с назначением в нем строителя и 12 монашествующих.

В 1801 – 1803 годах к Свято-Троицкому храму пристроен каменный двухэтажный братский корпус. В 1829 году поставлен деревянный двухэтажный корпус для трудников и паломников, в 1837 году – валунная баня и другие хозяйственные постройки. Несколько позднее возведена деревянная часовня в честь иконы Пресвятой Богородицы «Знамение».

Нынешний Свято-Троицкий храм заново отстроен по проекту архангельского архитектора Введенского в 1880–1884 годах, тогда же перестроена колокольня. В это время в скиту были обновлены жилые и хозяйственные постройки, деревянные сооружения. Архитектурный облик скита значительно изменился, поскольку храм сооружен в неорусском стиле в отличие от церкви XVIII века, которая была построена в стиле барокко. В XIX веке в числе иноков скита были подвижники: старец Наум, иеросхимонах Иероним (Лукин), пустыльник Филипп, которые своей благочестивой жизнью заслужили уважение братии, и память о них сохраняется в истории Анзерского скита и Соловецкой обители. В «Историческом описании Свято-Троицкого Анзерского скита», которое вышло в 1914 году, говорилось, что в Анзерский скит уходят по благословению настоятеля Соловецкого монастыря «испытанные в благочестии старцы, чтобы в отдаленном уединении и тишине беспрепятственно предаваться молитвенному подвижничеству и в безмолвии, внимая своему спасению, беседовать с единым Богом».

В 1924 году, после закрытия Соловецкого монастыря, на Анзере было создано VI отделение Соловецкого лагеря особого назначения. Скит стал административным центром анзерского отделения. Здесь содержали духовенство и политзаключенных. В 1929 – 1931 годах в келейном корпусе скита находились в заключении инокини из разных монастырей. Анзерское отделение Соловецкой тюрьмы существовало до 1939 года.

После второй мировой войны на острове располагались различные подразделения вооруженных сил. Строения

Свято-Троицкого скита использовались с хозяйственными целями. Колхозники беломорского села Летняя Золотица заготавливали на Анзере сено. Зброшенный скит подвергался бесконтрольной и зачастую варварской эксплуатации. С 1967 года все здания и сооружения скита перешли в ведение Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника. В 1994 году начались реставрационные работы под руководством В.В.Сошина.

После возрождения иноческой жизни в Соловецком монастыре Святейший Патриарх Алексий II благословил совершать Божественную литургию во всех сохранившихся храмах и приделах Соловецкого монастыря, его скитов и пустыней. В престольный праздник Свято-Троицкого храма в 1992 году состоялось богослужение: Всенощное бдение и Божественная литургия. В настоящее время церковь и келейный корпус требуют восстановления и благоустройства. Регулярные богослужения в храме не проводятся. Келейный корпус скита непригоден для постоянного проживания братии. С 2002 года по решению Святейшего Патриарха Алексия II в скиту два насельника Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

17–18 июня 2003 года Комиссия под руководством игумена Дамаскина (Орловского) обследовала место погребения преподобного Елеазара¹ на предмет поиска его святых мощей. В 1925 году в лагерной газете была опубликована заметка о том, что мощи преподобного Елеазара изъяты из Троицкого храма и выставлены в краеведческом музее (в Благовещенской церкви Соловецкого монастыря). При расчистке строительного мусора на глубине 1,6 м от современного деревянного пола были найдены тесаные камни, оказавшиеся частями каменной гробницы. Подтвердились сведения, что сами мощи были изъяты, однако небрежно, так что остались незамеченным фрагменты крупных костей (черепа, ребер, позвонков) и мелких костей кисти и стопы. По совокупности исторических, археологических и медико-антропологических данных был сделан вывод, что найденные частицы мощей принадле-

¹ При перестройке и расширении Троицкого храма в 1886 году место погребения Преподобного Елеазара оказалось внутри храма в подклете у солеи правого клироса. Над местом погребения у южной стены была поставлена рака.

жат преподобному Елеазару. Знаменательно, что как только в скиту стала возрождаться монашеская жизнь, угодник Божий не замедлил послать в утешение и укрепление братии части своих мощей.

7.12.4. Об устройении Голгофо-Распятского скита

Как упоминалось выше (7.12.3), в 1702 году в Анзерском скиту появился инок, которому было суждено не только собственным духовным подвигом восстановить традиции пустынножительства, но и стать основателем нового скита на горе Голгофа. Этим иноком был преподобный Иов (в схиме Иисус) Анзерский. Его мирское имя – Иоанн Иоаннов. Родился он 1635 году в семье московского священнослужителя. По достижении совершеннолетия Иоанн был рукоположен во иерея. Семьи он не имел, поэтому все силы своей души направлял он на служение Богу и своей пастве. Отец Иоанн по возможности ежедневно совершал Божественную Литургию или пел на клиросе. Он водворял мир в домах и скорбящих душах, посещал темницы и творил милостыню. Его благочестие и добродетели не укрылись от Государя Петра Алексеевича, который сделал отца Иоанна своим духовником и духовником всей царской семьи. Однако, когда по наветам недоброжелателей отец Иоанн был оклеветан перед царём и обвинён в участии в деле «вора» Гришки Талицкого, Петр не поколебался сослать своего 65-летнего духовника в Соловецкий монастырь для пострижения в монахи. Это произошло в 1701 году. Надо сказать, что всю жизнь отец Иоанн исполнял, кроме священнического, ещё и иноческое правило. Он желал монашества, приучал себя к уединению, посту, ночной молитве, но не дерзал сам просить пострижения и ожидал, когда Господь укажет ему место подвига. Поэтому, направляясь в ссылку в Соловецкий монастырь он радовался, воспевая: «Се удалился, бегая, и водворихся в пустыни, чаях Бога, спасающего мя от малодушия и от бури».

13 марта 1701 года отец Иоанн прибыл в Холмогоры. Преосвященный Афанасий, приняв его братски, препроводил в Соловецкий монастырь с грамотой от себя, в которой писал, чтобы священника Иоанна постригли и отдали в послушание опытному старцу.

С упованием на Промысл Божий, старец Иоанн предстал перед настоятелем обители архимандритом Фирсом, который, видя его духовную опытность, сказал: «Согласно воле государя, надлежит постричь тебя в монашество, что ты сам об этом думаешь?» «Промыслитель Христос Бог,— отвечал старец,— привел меня к твоей святыне, произволя спастись мне тобою. Поэтому что ты мне недостойному повелишь, то и сотворю»,— и поклонился своему новому пастырю. «Благословен Бог, укрепляющий тебя на подвиги; вот для тебя место спасения»,— сказал архимандрит. Старец еще раз поклонился архимандриту до земли, прося удостоить пострижения. Смиранный старец был пострижен в монашество в соборном храме архимандритом Фирсом, о чем была отправлена в Архангельск к преосвященному Афанасию отписка следующего содержания: «В нынешнем, Государь, 1701 году, апреля 3-го, по указу Великого Государя Царя и Великого Князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, и по твоей архиерейской грамоте прислан к нам в монастырь распяцкой поп Иван Иванов... и, приняв его в монастыре, мы и постричь и в подначальство старцу, бывшему келарю Ионе, отдать велели: а монашеское имя ему Иов...» [4, 2000, с.55].

Предав себя всецело воле своего старца, Иов начал трудиться с твердым желанием угождать во всем Господу Богу, смиренным послушанием изумляя всю братию. Инок, с которым новый труженик жил в одной келлии, свидетельствовал, что этот сокровенный раб Христов, кроме хлеба и воды, не вкушал ничего — и братия прозвали блаженного Иова постником. Сперва послали его на послушание в братскую поварню. Он рубил дрова и на старческих раменах носил их по высоким лестницам в поварню. Скоро отец Иов был переведен на послушание в братскую трапезу, где трудился с не меньшим усердием.

Но враг, желающий погибели душ человеческих, не дремал и старался всячески отвлечь избранника Божьего от спасительного пути. Однажды искушитель явился в образе известного ему в миру врача и говорил как бы с состраданием: «Возлюбленный! Следует тебе побереечь здоровье свое, чтобы, изнуливши плоть трудом и воздержанием, не ослабеть под игом, которое ты взял на себя Христа ради. Бог не желает трудов или поста выше сил, а ищет сердца чистого и смиренного. Ты, при старости своей, работаешь на черноризцев как купленный раб. Не следует тебе так трудиться и потому, что ты священноиннок. Довольно с тебя и того, что, оставив славу и честь в мире, ты пришел в убожество и принял на себя столь тяжкие труды. Удивляюсь, как ты можешь принимать эту суровую пищу. Берегись, чтобы недуги твои не умножились сверх меры, тогда и я не возьмусь помочь тебе и ты умрешь прежде времени».

«Хорошо не падить плоти, чтобы она не восставляла брани,— отвечал подвижник мнимому своему знакомцу.— Впрочем, хотя бы плоть и изнемогала, но сила Божия в немощах совершается. Святой апостол сказал более: *«Недостойны страсти нынешнего времени к хотящей славе явиться в нас»*¹. Пост есть мать целомудрия — ты внимай себе». Услышав такой ответ, враг тотчас исчез.

Через год настоятель и братия обители, признав нового постриженника совершенным монахом, единогласно освободили его от монастырских послушаний и разрешили затвориться в келлии. Иеромонах Иов занимался непрестанно Иисусовой молитвой, чтением святого Евангелия, Апостола, Псалтири, житий преподобных Зосимы и Савватия и рукоделием. Пищи он принимал мало — из общей братской трапезы, а особо для себя не готовил ничего.

В 1702 году Петр I посетил Соловецкую обитель и встретил там своего бывшего духовника. Удостоверясь, что отец Иоанн был оклеветан, царь хотел возвратить его в Москву на

¹ Это жемчужина, обретенная Преподобным Иовом в послании апостола Павла: если мы вспомним эти слова во время искушения, вспомним, что человеку надлежит быть сосудом Духа Божия, мы с Его помощью можем сказать духу лукавому твердое: «Нет». И не потерпим вреда, но только укрепимся от искушения.

прежнее служение, но согбенный бременем лет и трудов старец просил позволения остаться на Соловках. Желание еще большего безмолвия совершенно овладело им. В 1702 году, по благословению архимандрита Фирса, он переселился в Анзерский Свято-Троицкий скит. Считая себя среди скитской братии новоначальным, он всем служил и особенно старался помогать немощным. При этом церковных служб и келейного правила никогда не опускал.

В 1703 году скончался анзерский скитоначальник Исаия. Холмогорский архиепископ Варнава, знавший благочестивую и подвижническую жизнь старца Иова, предложил соловецкому архимандриту Фирсу почтить его должностью строителя Анзерского скита. Выслушав от настоятеля волю архипастыря, преподобный Иов из послушания принял это назначение. Вместе с тем старец просил, чтобы его удостоили пострижения в схиму, но в этой просьбе настоятель ему отказал. Благословляя на должность, архимандрит сказал новому строителю: «Предаю тебе Анзерский скит Святой Троицы, осторожно блюди его: как все устроено, так да и будет, устава церковного не изменяй, но твори все по правилам святых отец». Старец, простившись с архимандритом, отправился опять в скит. Здесь, созвав в соборную церковь братию, скитоначальник Иов с коленопреклонением совершил молебен Святой Троице, затем преподобному Елеазару, как первоначальнику и покровителю скита, а потом, приветствуя братию, предложил им следующее поучение: «Молю вас, братия мои возлюбленные, поспешим к наследию Царства Небесного постом и молитвой. Позаботимся о спасении душ наших, оставим все дурное и путь лукавый: любодеяния, татьбу, клевету, празднословие, ссоры, пьянство, объядение и братоненавидение. Уклонимся и возгнушаемся этим, братия, чтобы не осквернить душ своих, но пойдем по пути Господнему, ведущему нас в Отечество Небесное. Взыщем Бога рыданием и слезами, пощением, бдением, покорностью воле Его и послушанием, да обрящем милость у Господа. Возненавидим прелестный мир, вспоминая слова Господа: «Аще кто грядет ко Мне, и не возненавидит отца своего и мать, и жену и чад, и братию

и сестр, еще же и душу свою, не может Мой быти ученик» (Лк. 14, 26). Мы, братия, отрекшись мира, отречемся и всех дел его. Как убежим бесконечной муки, проводя жизнь свою в лени? Нам, братия, нарекшимся иноками, прилично каждый день плакать и каяться о грехах своих. Покаяние есть путь, приводящий к Царству Небесному, покаяние есть ключ Царства Небесного, без которого никому нельзя войти туда. Укрепимся на пути Царства Небесного, сюда не приближаются лукавые. Это шествие хотя ныне и прискорбно, но зато после будет радостно».

На новом поприще строитель Иов, вспомянув слова Господни: «Емуже дано будет много, много взыщется от него» (Лк. 12, 48),— усугубил труды и подвиги. Преподобный Иов хотел сохранить память об основателе и о всех благодетелях Анзерского скита. По благословению преподобного Иова его ученик и сподвижник чернец Макарий составил первое житие преподобного Елеазара и вкладную книгу Анзерского скита. Однако Макарий не смог умолчать и о преподобном Иове: «Аз убо,... чернец Макарий, аще и многое возбранение себе приях от доброго нашего наставника и блаженного отца ... иеросхимонаха Иисуса Распяцкаго, или и впредь от него некое запрещение понесу, еже заповеда ми о себе молчати и ничтоже отнюд повеле являти, но некая сила судеб Божиих весьма понуждает мя о нем всем на спасение душевное возвещати» [29, с.225]. Прислушаемся к его словам, звучащим как церковный гимн:

«И по пророчеству отца нашего и чудотворца преподобного Елеазара, воздвиже Христос во храм свой вящего ему своего раба и угодника. И всепречистая Богоматерь и Богородица избра животворящей тайне Сына своего и Бога истинного хранителя – предреченного и блаженного Иисуса Распяцкаго¹, еже восхотеша прославить им святое их скитское место. И возставиша такового благодетеля в последния слабыя человеческия роды всей России во удивительное светило. Нам же, недостойным чадом его, сего преизящнейшего отца на

¹ В 1710 году Соловецкий архимандрит Фирс удостоил старца Иова пострижения в схиму с именем Иисуса, в память Иисуса Навина, израильского вождя.

спасения наставление, яко дар освящен, дароваша. И учиниша его по благодати своей непоколебима столпа, и скиту строителя, и, яко твердаго адаманта, укрепиша его благочестию ревнителя.

Аз же..., аще и не достоин нарецися, но по Церкви Святей сын ему есть и делам его благим самовидец бысть. В нем же Пресвятая Троица жилища себе сотвори. И не токмо устрои его пустынным монахам кроткого правителя, но паче всех сих убеди его, смиренномудренного о ду-

Преподобный Иов

шах человеческих всегдашняго молителю, и непрестаннаго в церкви Божией святаго служителя, и ... Животворящаго Тела Христова употребителя. И кто не прославит Вседержителя и Господа, видя сего чуднаго мужа, иже пребываяй в телеси своем на земли, яко бесплотный ангел! ... Такогого страдальца и самовольнаго мученика, иже по евангельскому Господню словеси, «явился соль миру» и столп по его Христову распятому житию.

Той же благий иеросхимонах Иисус весь страха Божия и Духа Святаго исполнен бысть, и ревностию своею разжеся в Бозе о душах приснопоминаемых за святою божественною проскомидиею, и трудолюбно попечеся изыскати разнесенное, и во едино восхоте собрати расточенное, и богомудренно памяством своим восстави издавна забвенное: ово от алтарных дисковов и священных потирей сребренных, ово от воздвизальных и запрестольных крестов Христовых, от начертанных на них летописей, паче же от подписания святых книг церковных, иже благочестивыя великия госу-

дари цари и святейший великий господин Никон Патриарх своею рукою подписывали, и инии раби Божии данные ими святые иконы и книги своими руками закрепляху. К тому же от многолетних старец, издревле живущих ту, он, Богоносный Иисус, правым слышанием уверися, что от кого и кия всякия разныя вклады от них во храм Святыя Троицы поданы. И елико от всех сих возмог уведати и со многим тщанием вместе совокупи погибшее, и минувших и настоящих тех боголюбивых вкладчиков имена их в сию книгу вписать повеле, и всегда за здравие их поминати утверди, а отшедшим ко Господу усопшим душам приносимою бескровною жертвою Христовою свободную пользу благоразумно учини, да не вси убо нерадивым небрежением вечныя памяти своя лишени будут. Но аще убо зде в писании сем и умалишася числом, но в книзе жизни небесныя никогда же имена их оскудеют святого сего поминанием, божественнаго светильника Иисуса» [29, с.227,228].

Братство в скиту незаметно стало умножаться, так что в короткое время собралось до тридцати человек. Новоначальных иноков отец Иов учил смиренному послушанию Богу и начальству, без чего, говорил он, нет спасения, поскольку послушание — первая из всех добродетелей. В ночное время старец имел обычай обходить братские кельи, напоминая о ночном бдении. Если слышал кого молящимся, с радостью отходил от кельи, а кого заставлял в беседе — стукнув в дверь, отходил с печалью в душе и утром призывал того брата и наедине обличал. Скитян, желавших жития еще более уединенного, преподобный Иов благословлял на пустынножительство. Старец часто посещал их, побуждал к иноческим подвигам и давал рукоделие. Обладая даром прозорливости, он иногда обличал пустынножителей в прегрешениях прежде, чем они успевали каяться ему.

Вспомнив однажды, что Господь наш Иисус Христос, умыв на Тайной вечере ноги Своих учеников, сказал им: «И вы творите такожде» (Ин. 13, 15), преподобный Иов начал с горьким рыданием укорять себя: «Окаянный, как высоко возведен ты! Имеешь сугубый сан священнический и строительский, а

нет у тебя смирения в подражание Христу Спасителю». С этого времени он стал навещать больных, сам служил им, обмывал и обвязывал своими руками раны, больные части тела мазал святым елеем и нередко исцелял их. Этого подвига любви и заботы о ближних не оставлял он до самой кончины своей.

Иеросхимонах Иисус нередко удалялся на безмолвие в пустынные места, а также ходил к отшельникам для духовной беседы. Так, 18 июня 1712 года, в среду, старец пришел посетить уважаемого им пустытника, иеродиакона Паисия, жившего в четырех верстах от Анзерского скита, при высокой горе, называемой ныне Голгофой. Утрудившись, он остался ночевать в келии отца Паисия. По обычаю своему старец Иисус стал на вечернюю молитву, которую и продолжал до самой полуночи, читая псалмы с коленопреклонением. По молитве он сел и в тонком сне вдруг увидел в кельии своей необыкновенный свет и в сиянии небесной славы Пресвятую Богородицу и с Нею преподобного Елеазара Анзерского. В благоговейном страхе, встав с места, он поклонился им до земли. При этом услышал голос Царицы Небесной: «Сия гора наречется вторая Голгофа, на ней будет церковь Распятия Сына Моего и Господа и устроится скит для вселения иноков и тебя с двумя учениками, схимонахом Матфием и монахом Макарием, и скит прозовется Распятским, соберется к тебе множество монахов и прославится имя Божие. Я Сама буду посещать гору и пребуду с вами во веки». С этими словами видение кончилось. Но в то же время послышался с высоты другой голос: «Освяти гору сию Голгофу и водрузи на ней крест!» Благодетельный старец много удивлялся виденному и слышанному и рассказал все иеродиакону Паисию, который все слышанное вырезал на кресте, сделанном руками самого строителя.

29 июня, в праздник святых апостолов Петра и Павла, преподобный Иисус, исполняя волю Божию, с учениками Матфием и Макарием отправился из Анзерского скита на гору Голгофу, там освятил воду, и, окропив ею гору, водрузил приготовленный крест с надписью. «Егда же кропляше гору, исходяша от горы дым смраден и нечистые духи, яко вранове исходяху с вопли и гласы». После устройства церкви

на Голгофе тот крест некоторое время был запрестольным, а затем находился в стеклянном футляре над гробницей старца Иисуса.

По преданию Пресвятая Богородица неоднократно являлась иеросхимонаху Иисусу во образе своем Тихвинском. Во вкладной книге Троицкого скита упоминается, что «иеросхимонах Иисус Распяцкий новоявленную ему икону Пресвятыя Богородицы Тихвинския обложил окладом сребренным, венец чеканной, поля басменные. И сей чудотворный Богоматере образ с пречечным Ея младенцем, Господем нашим поставил в церкви вкладом быти на аналой всегда и по себе в вечное свое в воспоминание» [29, с.250].

С этого времени строитель начал заботиться об учреждении новой киновии на Голгофской горе. В 1713 году он отправился с учеником своим Макарием к архиепископу Холмогорскому Варнаве просить благословения на устройство церкви и скита на горе Голгофе. Грамотой архипастыря было разрешено устроить скит, с наименованием его Распятским, а горы — Голгофою.

Получив эту грамоту, старец сложил с себя обязанности строителя Свято-Троицкого скита и с несколькими учениками перешел на гору Голгофу, где начал устраивать скит. Вскоре ученики преподобного Иисуса соорудили на Голгофе деревянную церковь, которая была освящена архимандритом Фирсом в честь Распятия Господня, согласно грамоте преосвященного от 15 мая 1715 года.

Петр I, узнав о явлении блаженному старцу Пресвятой Богородицы и об устройстве скита на Голгофе, в знак особого расположения к бывшему духовнику много помог ему. Так, последовало повеление о ежегодном отпуске из архангельских государственных магазинов хлеба для братии Голгофского скита. А в 1714 году, в самом начале устройства скита, от великой княжны Марии Алексеевны поступило пожертвование драгоценной церковной утвари, одежды и книг. Особенно ценным пожертвованием была икона Успения Божией Матери в серебряной ризе с позолоченными полями и в ней вкладной ящик со многими святыми мощами. Царица Параскева Феодоровна

(вдовствующая супруга царя Иоанна Алексеевича), кроме других пожертвований, пожаловала на строительство церкви сто рублей, князь Меншиков дал сто червонцев.

В 1718 году на новоустроенный скит напали разбойники и увезли с собой церковное и скитское имущество, которое после так и не отыскалось. В этот час скорби блаженный старец безвыходно находился в келлии и молился Господу о спасении братии. Разбежавшиеся пустынноики опять собрались в скит к своему духовному отцу. Старец упрекнул их в малодушии, и иноки тогда же дали обещание: лучше умереть, а не выходить из скита, какие бы скорби ни последовали.

Все приходящие в скит для подвижнической жизни принимаемы были с любовью, только каждый должен был срубить себе келию для жительства. Так собралось до 20 иноков. Жизнь братии протекала в подвигах духовных и трудах телесных. Сам престарелый строитель, в пример другим, нередко рубил дрова, носил на гору воду для поварни, в пекарне замешивал тесто для хлеба. Однажды, в праздник Успения Божией Матери, пришел к преподобному келарь скита и сказал: «Отче! Некому в поварню воду носить». Старец встал и сам начал носить воду с озера из-под горы, но ученики его, увидев это, выбежали и наносили воды с избытком.

Тот же келарь через некоторое время пришел опять к преподобному с жалобой: «Повели, отче, одному из братии, праздному, приготовить дров для поварни». «Я праздный, пойду и приготовлю», — отвечал блаженный. А между тем было время обеда. Старец благословил братию идти на трапезу, сам взял топор и начал рубить дрова. По окончании обеда взялась и братия за приготовление дров.

В келье преподобный Иисус постоянно занимался рукоделием. Если случалось выручить за свой труд немного денег, он делил эти деньги на три части: одну — на нужды церковные, другую — на нужды братии и третью — на милостыню нищим. Ничего, кроме некоторых духовных книг, у старца не было. Из одежды он довольствовался только двумя свитками: власяной, жесткой, на теле, и верхней, покрывавшей первую. На укоризны в таком простом образе жизни старец не обращал

никакого внимания. Был и такой обычай у старца: если кто из братии подвергался болезни, преподобный, оставив свою келлию, приходил к больному и служил ему до тех пор, пока тот не выздоравливал.

Но кто может исчислить все духовные подвиги угодника Божия? Они вполне известны только Господу, для Которого и были совершаемы. На повседневных церковных службах преподобный Иисус присутствовал без упущения, приходя прежде других, а в келейной молитве с коленопреклонением проводил целые ночи. При наступлении святой Четыредесятницы обыкновенно затворялся в келлии и, пребывая весь Великий пост в этом уединении, упражнялся в непрестанной молитве. Из этого затвора он выходил не ранее, как перед самым праздником Пасхи.

Для учеников своих преподобный составил скитской устав, в котором особенно замечательно следующее правило: «Если кто соизволит жить со мной и после меня в скиту, то не должен употреблять в пищу: коровьего масла, молока и рыбы, особенно же не пить вина. Общая трапеза должна состоять из огородных овощей, с употреблением в меру постного масла. В келлиях собственных вещей не иметь; женского пола не принимать и отроков в послушании не держать. Кроме общего церковного правила, в келлиях каждому читать по пяти кафизм из Псалтири, пятьсот молитв Иисусовых и делать триста поклонов».

За богоугодную жизнь преподобный был удостоен особенных откровений. Некоторые ученики его скорбели и роптали из-за того, что трудно было носить на гору воду с озера, отстоявшего от скита за версту. Опасаясь, что после его кончины братия уйдут с горы, старец, став на молитву с вечера, прилежно и со слезами молился до полуночи. Он просил Господа Бога и Пресвятую Богородицу, да изведут источник водный на самой горе на потребу братии. В самую полночь он увидел в келлии своей свет неизреченный: ему явилась Сама Владычица Небесная, сияющая небесной славой паче солнца; при ней преподобный Елеазар Анзерский и два ангела. Старец пал ниц, а Царица Небесная промолвила: «Встань! Услышана твоя молит-

ва, завтра возьми учеников твоих и ископай на горе кладезь, здесь будет вода на потребу тебе и братии». Пречистая указала и самое место, где следовало копать. Прийдя в себя, блаженный старец рассказал ученикам о чудесном явлении. С наступлением дня преподобный поспешил с ними пойти на указанное место, начали копать колодец и действительно докопались до изобильного источника воды. Все признали это явление знаком особенного Промысла Божия о ските и радовались, прославляя Бога и Пресвятую Богородицу единогласной песней: «Дивна дела Твоя, Господи, вся премудростию сотворил еси». Когда же источник был вполне устроен, то старец с братией совершил Божественную литургию и по литургии благодарственный молебен с коленопреклонением, а затем крестный ход на новый источник. По освящении воды в источнике он окропил ею святой храм, братские кельи и вершину горы с пением стихиры Святому Духу: «Днесь благодать Святаго Духа нас собра; и вси вземше крест Твой...» А по окончании священнодействия преподобный утешил своих учеников поучением, приличным случаю. Вот о чем он говорил:

«Не скорбите, братия, не малодушествуйте, но уповайте всегда на Бога. Господь всеильным Своим словом извел из бездны источники воды сладкие для всех живущих на земле верных и неверных. Нас ли, рабов Его, оставит, не пропитает? Вспомним обещание Его: «Мать исчадие свое скорее забудет, нежели Аз вас!»

Водой из этого источника пользовались жители скита со времени открытия его до 1828 года, когда при постройке новой каменной церкви на горе Голгофе колодец, к сожалению, был засыпан.

Однажды ночью к старцу пробрались воры, не зная, что у него нечего было похищать. Притаившись у кельи, они дожидались, чтобы преподобный ушел в церковь к утреннему богослужению. Старец еще не спал и стоял на обычном правиле. Он прозрел их намерение и обратился ко Господу: «Боже, пошли сон рабам Твоим, утрудившимся в суетном угождении врагу». Молитва была услышана, и незванные посетители проспали у кельи старца беспробудно пять дней и пять ночей,

Преподобный Иов

пока сам преподобный, пришедши с братией, не разбудил их словами:

«Доколе стережете все? Подите в дома свои». Пробудившись, они встали, но идти не могли, потому что немало времени пробыли без пищи. Старец накормил их и отпустил. Услышав впоследствии, что эти люди привлечены к ответственности, он послал просьбу об избавлении их от суда.

А сам поспешил продать последние книги, какие были у него, а деньги раздать нищим — из опасения, чтобы опять кто не впал в подобную беду. Злополучные разбойники, освободившись от суда,

пришли в скит и, испросив прощения и благословения у старца, трудились целое лето на пользу братии.

В другое время воры пришли в огород старца за овощами. Наполнив мешки, они закинули их на плечи, чтобы унести, но не могли и сдвинуться с места и так простояли два дня и две ночи неподвижно с тяжелым грузом. Потом начали кричать:

«Отче святой, пусти нас с места!» На голос пришли некоторые из братии, но не могли свести их с места. На вопрос иноков:

«Когда вы сюда пришли?» — они отвечали: «Два дня и две ночи стоим здесь». — «Мы всегда ходили сюда, почему же не видели вас?» — «Да и мы, если бы видели вас, давно уже со слезами просили бы прощения у вашего старца». Пришел и сам преподобный и сказал вора́м: «Вы всю жизнь, пребывая в

праздности, без трудов, крадете чужие труды, поэтому стойте здесь в праздности все годы вашей жизни». Со слезами воры умоляли отпустить их, обещая впредь не делать ничего подобного. Старец сказал: «Если хотите руками трудиться и от труда вашего других питать, то отпущу». Они с клятвой дали обещание исполнить его повеление. Тогда он сказал: «Благословен Бог, укрепляющий вас, потрудитесь год в этой обители на братию». После этого разрешил их от невидимых уз своей молитвой, и они действительно трудились год в скиту.

Один из скитской братии, будучи обуреваем блудной страстью, пришел к преподобному просить помощи с намерением исполнить все, что старец повелит. Старец, научив его воздержанию, прикоснулся своим жезлом к телу брата — тотчас же плотская страсть исчезла, и инок никогда более не страдал ею.

Годы протекали за годами. Угодник Божий, испытавший в своей жизни столько превратностей, приближался к концу своего многотрудного земного поприща. Силы стали оставлять преподобного старца, и заблаговременно начал он готовиться к переселению в жизнь нескончаемую. Теперь он обращал больше внимания на себя, хотя не прекращал обычной заботы и о пользе ближних. Старец часто ходил к изготовленной им самим могиле и над ней, размышляя о смерти и суде Божиим, проливал слезы и глубоко вздыхал: «Душе моя, душе моя! Что спиши? Конец приближается, и имаше смутиться».

Господь открыл Своему верному рабу не только приближающуюся кончину, но определил и самый день ее. Блаженный старец задолго до смерти объявил братии, что кончина его последует в воскресный день до восхода солнца.

Лежа на одре болезни, преподобный призвал учеников и сказал им: «Я отхожу от вас к вечной жизни, а вы пребывайте богоугодно, каждый в своей, Богом предызбранной службе, безвыходно из скита, ради любви братской по Бозе».

Вскоре к тяжелой болезни старца присоединилась другая — изнурительная горячка. Изнемогая, он только повторял себе:

«Воля Господня да будет о мне, что угодно Господу, да сотворит», — и потом погружался в молитву. Угасающий подвижник три дня и три ночи лежал недвижим, и было едва заметно его дыхание, так что ученики, рыдая, ожидали скорой кончины его..

Но к общей радости и удивлению, через три дня старцу неожиданно стало легче, он встал с одра и обратился к братии со словами: «Время жизни моей оканчивается, о чем мне и Господь возвестил! Вы изберите среди вас себе наставника вместо меня, я его поставлю и благословлю». Почувствовав облегчение от болезни, преподобный Иисус в последний раз совершил Божественную литургию и причастил братию Святых Христовых Тайн. После литургии он опять почувствовал изнеможение и уже больше не вставал. В эти предсмертные минуты он весь исполнен был необыкновенной радости.

Рано утром, призвав к себе учеников, преподобный в последний раз облобызал и благословил каждого. Братия горько рыдали. Простившись со всеми, старец сказал: «Я отхожу ко Владыке моему Господу Иисусу Христу... Заповедаю вам: тела моего по смерти не оmyвайте, одежду на нем не перемещайте, а в которой теперь нахожусь, в ней положите во гроб, погребение сотворите сами, без мирских людей». Когда плачущие иноки спросили: «Отче святой, как мы останемся в сиротстве без тебя? Желали бы и мы умереть с тобою, ибо ты нас вел ко Христу за собою, а ныне далеко оставляешь», — старец сказал:

«Утешьтесь, мои возлюбленные, ибо я хотя телом разлучаюсь, но духом пребуду навсегда с вами». И с этими словами отпустил их в келлии.

Один из учеников, служивший старцу в болезни, выйдя от преподобного, остановился и не пошел в свою келлию. Он тайно, через скважину, посмотрел на больного и увидел, что, проводив из келлии иноков, старец встал с одра, преклонился на колена посреди келлии и молился со слезами Богу и Пресвятой Богородице, призывая и святых угодников, и в молитве этой часто поминал устроенную им

святую киновию и братию. После молитвы он лег на одр и перекрестился. Через несколько минут преподобный опять встал с одра и на коленях молился Господу с воздетыми руками: «Господи Боже мой! Благодарю Тебя, что призрел на смирение мое и сподобил меня скончаться в православной вере в Тебя, в исповедании и в исполнении заповедей Твоих! Приими, Владыко Преплагий, в мире дух мой, а Твоих рабов, которых во едино стадо чрез меня грешного собрал, сохрани...» Непродолжительна была эта молитва добродетельного подвижника, и он лег на одр. В эти минуты лицо его с устремленным к небу взором сияло необъяснимым спокойствием и радостью. Он пребывал уже недвижим в молчании и как будто с кем-то душевно беседовал. Вдруг молчание свое старец прервал восклицанием: «Благословен Бог отец наших! Если так, то уже не боюсь, но в радости отхожу от мира сего!» С этими словами келлия озарилась необыкновенным светом, разлилось благоухание и слышны стали голоса, поющие псаломскую песнь: «Яко пройду в место селения дивна, даже до дому Божия, во гласе радования и исповедания шума празднующаго» (Пс. 41, 5). В эту минуту блаженный на одре своем совершенно обратился лицом вверх, ноги простер, руки сложил на персях крестообразно, и душа его отлетела в обители небесные, куда постоянно стремилась во все время своего земного странствования.

Тело почившего положили в деревянную гробницу, на которой сделали надлежащую надпись, а на саму гробницу положили еще доску со словами:

«Здесь скончался 1720 года, марта 6 дня, преподобный Иов (в схиме Иисус), строитель прежде бывший Анзерский, а потом Голгофский. В монашество поступил 1701 года. В Анзерский скит перешел на безмолвие 1702 года. Строительство Анзерское принял 1706 года. В схиму постригся в 1710 году. На гору Голгофу пришел жить строителем 1714 года. Показавый образ добродетелей — словом и житием, любовью и духом, верою и чистотою сердечною. 1720 года марта 9 дня погребен здесь».

С самого дня погребения почитатели преподобного во множестве начали отправлять на его могиле панихиды, так что через некоторое время старанием учеников блаженного старца над гробницей была поставлена часовня и на надгробной доске изображен лик преподобного.

По смерти преподобного Иова Голгофо-Распятский скит пришёл в запустение и вскоре был соединён с Троицким скитом. В 1764 году скит был приписан к Соловецкому монастырю. Через четыре года в него вернули все вывезенные из скита драгоценные вещи. Но истинное возрождение скита связано с настоятелем Соловецкого монастыря, архимандритом Досифеем. По его тщанию на г.Голгофу была проведена широкая и пологая дорога, а затем началось строительство каменных зданий. В 1830 году была освящена каменная церковь Распятия Господня с теплым приделом Успения Богородицы, в котором под спудом находились мощи преподобного Иова. Старая деревянная церковь была перенесена с вершины к под-

Мощи преподобного Иова

ножию горы и переосвящена в память Воскресения Христова. Из Соловецкого монастыря в скит назначался опытный в иноческой жизни монах, в качестве строителя, и десять иноков под его ведение. Скитский устав, данный скиту преподобным Иовом, исполнялся в точности. Главной особенностью скита было непрерывное чтение Псалтири в поминование живых и умерших благодетелей монастыря.

Таким образом, в XIX веке Анзерские скиты приобрели благоустроенный вид. В них были построены каменные келейные корпуса, заведено своё хозяйство, по острову были проложены дороги, для паломников были построены гостиницы. Однако молитвенному деланию это не мешало.

Среди подвижников благочестия XIX века, жизнеописания которых содержатся в Соловецком Патерике, пять подвизались какое-то время в качестве анзерских пустынников. Здесь исполнял послушание псаломщика в Голгофском скиту старец Наум (4.4). Тут же под Голгофой, на том месте, где в 1999 году был сооружен небольшой келейный корпус, стояла келья старца Феофана. И ещё о трех подвижниках упоминается в Соловецком Патерике, хотя сведения о них весьма скудны, но пустынным подвигом своим они заслужили уважение братии:

Схимонах Зосима происходил из чудского племени трудился на рыбной и звериной ловле в Кирилловской и Троицкой тонях. Он никогда не держал в руках денег, не принимал кружечного вознаграждения. Умер 23 июня 1855 года, оставшееся после него имущество состояло в одном только поясе.

Схимонах Матфей по пострижении в схиму жил в Голгофо-Распятском ските, «неусыпно упражняясь в молитвах и трудах, имел дар слез, и в ночное время его рыдания слышались в соседних кельях». Умер в глубокой старости и перед смертью видел ангелов.

В 2000 году преподобный Иов был прославлен Юбилейным Архиерейским собором для общецерковного почитания. Честные мощи его, обретенные 11 июня 2000 года, покоятся ныне в храме в честь Воскресения Христова Голгофо-Распятского скита.

7.12.5. Русская Голгофа

В конце 1928 — начале 1929 года, когда в СЛОН'е свирепствовала эпидемия тифа, в Голгофо-Распятском скиту был устроен стационар медчасти Соловецкого лагеря особого назначения., в котором умерли тысячи заключённых. Сбылось предсказание Божией Матери преподобному Иову о том, что «придет время, верующие на этой горе будут падать от страданий как мухи» [38, с.73] Один из служащих этого тифозного госпиталя вспоминал: «Картина, которую я застал по приезде, была ужасна, название Голгофы вполне оправдалось. В тесных помещениях, битком набитых людьми, стоял такой спертый воздух, что само пребывание в нем... казалось смертельным. Большая часть людей, несмотря на мороз, была совершенно раздета... Истощенные люди... скелеты, обтянутые кожей, голыми выбегали, шатаясь, из часовни к проруби, чтобы зачерпнуть воды в банку из-под консервов. Были случаи, когда, наклонившись, они умирали...» Множество таких свидетельств было собрано в 1930 году комиссией по расследованию случаев жестокого обращения с заключенными. Читая об этом, например в прекрасно изданной книге Ю. Бродского [50], люди даже из Италии приезжают на Соловки посмотреть на место красного террора, посочувствовать жертвам СЛОНа и убедиться, что все ужасы коммунистического режима остались в прошлом. Однажды мне пришлось сопровождать такую группу итальянцев, желавших посетить Голгофо-Распятский скит. И вот они, пройдя 2 км по болотистой лесной дорожке, увидели Голгофу. Храм Распятия Господня, хотя и поруганный в советское время, поразил их своим величием: «Кому могло прийти в голову строить такой храм на необитаемом острове?», — был вопрос. Но ещё больше они были поражены тем, что небольшой деревянный храм под горой вполне обжит, что в нём каждую ночь совершается Божественная литургия, за которой поминаются все «зде лежащие и повсюду православные», что сейчас находятся люди, готовые стать монахами и служить Богу на этом краесветном острове. Расспросив об иконах в храме, и о раке

с мощами преподобного Иова, к которой прикладывались паломники, итальянские гости сказали: «Мы поняли, почему русские сюда приходят, потому, что здесь жили Святые!»

История Святости простирается вплоть до нашего времени. В конце 1928 года оказался на Голгофе архиепископ Воронежский Петр (Зверев). На последнем месте своего служения, Воронежской кафедре, он показал себя ревностнейшим пастырем Христовым: служил, проповедовал, собирая множество народа. В нем была особенная благодатная сила, которая притягивала к нему людей. При архиепископе Петре в Воронеже началось почти поголовное возвращение духовенства из обновленчества. В то время, когда вся страна была скована страхом от беспощадных преследований, арестов и расстрелов, в душе святителя Петра царили удивительные мир и тишина, он был свободен от этого страха. 16 ноября 1926 г. владыка был арестован и с приговором «10 лет» отправлен в Соловецкий лагерь весной 1927 г. И в испытаниях Владыка был спокоен, он как-то сказал: «Как хотел бы я открыть свое сердце, и показать вам, как

*Расстрелянные фрески,
охранники не могли смотреть на лики*

страдания очищают сердце» [38, с.42]. В лагере владыка был определен в 6-ю рабочую роту 4-го отделения, в стенах монастыря, затем был переведен в 4-ю роту 1-го отделения. Он работал сторожем вместе с архиепископом Курским Назарием. Потом владыку перевели на должность счетовода на продовольственном складе, где в то время работало заключенное духовенство. Он жил в помещении при складе, вместе с епископом Печерским Григорием. Любовь к Богу согревала его сердце и поддерживала силы. В конце 1927 года он писал одной из духовных чад своих: «Молитвенно желаю вам от Господа всяких милостей и спасения душевного – последнее самое главное: будет оно, будет и все остальное, только сумеете полюбить Христа, сумеете Им единым дышать, жить, о Нем лишь думать, к Нему стремиться, о Нем беседовать, Его слова в Евангелии читать, заучивать и воплощать в жизни. Сумеете полюбить Христа, и всем около вас будет тепло, покойно и нетесно. Помолитесь, чтобы и меня Господь научил этой единственно нужной науке» [38, с.65]. На Соловках еще действовала церковь преподобного Онуфрия Великого, и владыка имел возможность служить. Молитва в храме была для него великим утешением. «Одна у нас радость и утешение – это церковь, где находим абсолютный душевный покой, забываются все жизненные невзгоды далекого севера. В церковь имеем возможность ходить почти ежедневно. Вот тут в уголке, в тиши молитвенно воспоминаются лица, с которыми так или иначе приходилось в жизни встречаться; и когда всех вспомнишь, легко, легко на душе станет, уходишь из храма обновленным и ободренным» [38, с. 446], – писал верный сподвижник и помощник владыки Петра архимандрит Иннокентий¹. Летом 1928 года ссыльный епископат избрал владыку Петра главой Соловецкого православного духовенства. Режим и условия жизни СЛОНа все более ужесточались. Новое лагерное начальство, желая избежать влияния владыки на заключенных, отправило его в октябре 1928 года на Анзер за то, что, несмотря на строжайшие запреты лагерной администрации на совершение треб, архиепископ Петр крестил в Святом озере эстонку.

¹ Преподобномученик Иннокентий (Беда) скончался после тяжелой болезни 24 декабря (6 января) 1928 года, не произнеся ни единого слова ропота и был погребен на монастырском кладбище близ Онуфриевской церкви.

Владыка Петр находился на лагерной командировке, расположенной в доме «спасательной станции» на Троицком мысу. 15 января 1929 года владыка писал: «Слава Богу за все, что пришлось мне за это время пережить и переживать. Нынешний раз как-то особенно грустно и скорбно я встретил и провожу праздники – ведь шестые праздники провожу вне дома, не с теми, с кем бы желалось. Но все это решительно надо терпеть. Ну, что делать. Не так живи, как хочется, а как Бог велит... У нас, по-видимому, настала настоящая зима, с ветрами и метелями, так что ветер едва не валит с ног... Живу в уединенном и пустынном месте на берегу глубокого морского залива, никого не вижу, кроме живущих вместе, и могу воображать себя пустынножителем» [38, с.70]. Владыка Петр искал утешение в молитвах преподобному Герману – первому Соловецкому пустынножителю, и составил ему акафист, который переслал по кусочкам своим чадам в Воронеж. Одна, тогда юная, будущая монахиня Ксения (Новикова) собрала эти отрывки по знакомым и восстановила этот акафист праведника праведнику, солдовчанина последних времен первооснователю. Затем этот акафист был издан игуменом Германом (Подмошенским) [51, с.25–35]. В завершающей акафист молитве преподобному Герману владыка Петр просит помощи и укрепления: «да ревностне поработаем Господу Богу прочее время живота нашего и понесем на себе иго Его благое и легкое Его бремя и, тако достигше благодатию Христоваго Небеснаго Царствия, сподобимся с Тобою и со всеми Святыми славити и воспевати

*Св. Петр
архиепископ Воронежский*

пречестное и великолепное Имя Отца и Сына и Святаго Духа...». Владыка предчувствовал близкую встречу с вечностью.

В январе 1929 года владыка заболел тифом и был доставлен в больничный изолятор, открытый в стенах церкви Распятия Господня на Голгофе. Перед кончиной архиепископ Петр удостоился посещения Великомученицы Варвары, которая причастила его Святых Христовых Таин. В тот же день 25 января (7 февраля) 1929 года на праздник любимой им иконы Царицы Небесной «Утоли моя печали» владыка Петр скончался. Он чувствовал себя готовым переступить порог вечности и несколько раз написал на стене карандашем: «Жить я больше не хочу, меня Господь к Себе призывает». Лагерное начальство приказывало хоронить всех умерших в общих могилах. Архиепископ Петр был также сначала похоронен в общей могиле, но близкие и почитатели покойного владыки добились разрешения перезахоронить его отдельно. Вопреки запрещениям начальства, его облачили в мантию и клобук, одели омофор, вложили в руки крест, четки, Евангелие и совершили отпевание. На могиле был поставлен крест. «Похоронили Владыку внизу против престола (алтаря храма) на полугоре. Поставили крест. В головах — елка, в ногах — три пихты. Владыка умер от тифа последним, после него никто уж не умирал. Тиф кончился, и настало тепло», — вспоминала позднее духовная дочь архиепископа Петра — игуменья Иулиания.

В июне 1999 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II благословил рабочую группу при Синодальной комиссии по канонизации святых под руководством иеромонаха (ныне игумена) Дамаскина из Синодальной комиссии и игумена Германа из Соловецкого монастыря отыскать место захоронения архиепископа Воронежского Петра. Ранее Синодальная комиссия по канонизации святых изучила документы, свидетельства и другие исторические материалы, касающиеся судьбы владыки, и передала их в Синод для решения вопроса о канонизации архиепископа Петра на ближайшем Архиерейском Соборе.

По возвращении в Москву участники рабочей группы вспоминали[41, с. 172]: «Стояли мы у подножия анзерской

*Братские
могилы*

Голгофы в растерянности. Густой лес, травы и мхи покрывали склоны горы. Никаких видимых следов захоронений! Еще весной 1929 года, по свидетельству архимандрита Феодосия, «...все кресты на Соловецких кладбищах были сняты и обращены в дрова. В Соловках, видите ли, дров мало и топиться нечем. Да видит и судит Господь...» После закрытия тюрьмы в 1939 году всякие следы концлагеря уничтожались с участием военных.

Рабочей группе могли помочь свидетельства очевидцев. Известно, что владыку Петра похоронили напротив алтаря. Но какого алтаря? Каменного ли Распятского храма на вершине или нижней деревянной Воскресенской церкви? После общей молитвы в нижней церкви решили начать поиски наверху, у каменного храма. Там, за развалинами старой монастырской конюшни, просматривались среди травы какие-то ямы. Но к исходу второго дня работы убедились, что захоронений здесь нет. Члены поисковой группы вновь спустились к подножию

горы, к Воскресенской церкви, и начали обследование старого монастырского кладбища. И вот вечером 17 июня, почти одновременно, были обнаружены следы пяти захоронений периода соловецкого концлагеря: одиночная могила на полугоре, выше апсиды храма и четыре больших захоронения к северо-западу от церкви. Все собрались у одиночной могилы — предполагаемого места захоронения архиепископа Петра — служить литию в память владыки-мученика. Закатное небо окрасилось в густой багровый цвет. Поднялся сильный ветер. Облака с бешеной скоростью летели на север.

Следующий день был особенно памятным: именно в этот день, 18 июня 1712 года, преподобный Иов Анзерский услышал здесь, по преданию, глас Божией Матери: «Гора сия нарицается вторая Голгофа». Века прошли, и сбылось предсказание. В этот день открылось нам истинное значение этих пророческих слов, воочию была явлена страшная Российская Голгофа...

Вскрытие общих захоронений неопровержимо свидетельствовало: на Анзере замученных, умерших от голода, страданий и болезней сбрасывали в ямы без гробов и даже без одежды, а

*Часовня
Св. Петра*

по мере наполнения присыпали эти чудовищные братские могилы землей. Мы, наверное, никогда не узнаем, сколько безымянных узников приняла таким образом Соловецкая земля. Неслышный крик разносился над Голгофой. Семьдесят лет души этих несчастных томилась и ждали упокоения. После обследования могилы были закрыты, над каждой поставили крест. У подножий крестов загорелись свечи. В наступившей ночной тишине слышалось тихое церковное пение: совершался чин погребения усопших...»

В одиночном захоронении, по милости Божией, были обретены честные останки архиепископа Петра. Сначала они были перенесены в Воскресенскую церковь, где отслужили перед ними первые молебны. И те, кто прикладывался к мощам священномученика, ощущали не могильный холод, а живую теплоту и благоухание...

На Юбилейном Архиерейском соборе в августе 2000 года архиепископ Петр прославлен в лике святых, 23 августа в день памяти Святых Новомучеников и Исповедников Соловецких его честные мощи впервые были принесены в Спасо-Преображенский собор для общецерковного поклонения. Ныне рака с мощами находится в храме Святителя Филиппа. На месте обретения мощей, на склоне Голгофы, в 2002 году поставлена деревянная часовня.

7.12.6. Об Анзерских дорожках

От Соловецкого острова Анзер отделен проливом Анзерская салма. Минимальное расстояние от мыса Кеньга на Анзере до монастырского посёлка Реболда¹ на Соловецком острове составляет около пяти километров. Раньше здесь была

¹ Здесь на холме у причала была деревянная часовня, а в ней доска с надписью: «часовня эта вновь отстроена по распоряжению архимандрита Александра с братиею, и освящена в 1857 году во имя Святителя Христова Николая, спасающего призывающих имя его в морях и во всех концах вселенной. Св. Николай – сильнейший ходатай пред Богом и посредник спасения для всех, с истинною верою и любовью к нему прибегающих, и невозможно исчислить множества благодетельных чудес его, совершенных, и ныне совершаемых в помощь и спасение людям» [25, с.118]. В часовне служились молебны о даровании благополучного плавания. Море всегда ненадёжно, поэтому и теперь паломническое путешествие на Анзер начинается с молебна с акафистом Святителю Николаю.

Троицкая
спасательная
станция

налажена переправа на Анзер паломников и грузов. Теперь из-за плохой дороги на Реболду предпочитают пользоваться морским путем из бухты Благополучия или из Долгой губы¹. Берега о. Анзер сильно изрезаны и образуют несколько глубоких, удобных для подхода небольших морских судов и рыбацких лодок, бухт: Троицкая губа на северо-западе, Кирилловская губа на севере, Капорская губа на юге острова. В зависимости от состояния моря выбирается маршрут: Кеньга – Капорская губа, когда ветер северный, или Троицкая губа – Кирилловская губа, когда ветер южный, чтобы обеспечить безопасность высадки на берег. Если вы высадитесь на Троицком мысу, вы увидите деревянный дом, в котором с 1875 года была открыта спасательная станция для подания помощи при кораблекрушениях. Для этого монастырским начальством избирался старшина из

¹ Так в поморье именуют заливы.

опытных моряков монахов и 12 моряков рабочих людей. Общество спасения на водах выдало спасательный бот со всеми принадлежностями и одеждой для рабочих. Здесь была устроена часовня во имя Святой Троицы для молитвословия братии тут живущей и занимающейся рыбной и звериной ловлей. В конце 20-х – начале 30-х гг. XX века на Троицкой спасательной станции содержались в заточении католические священники. В 1928 году здесь помещен был и архиепископ Петр. К Троицкому скиту ведёт красивейшая лесная дорога (4 км), проходя по которой мимо невысоких

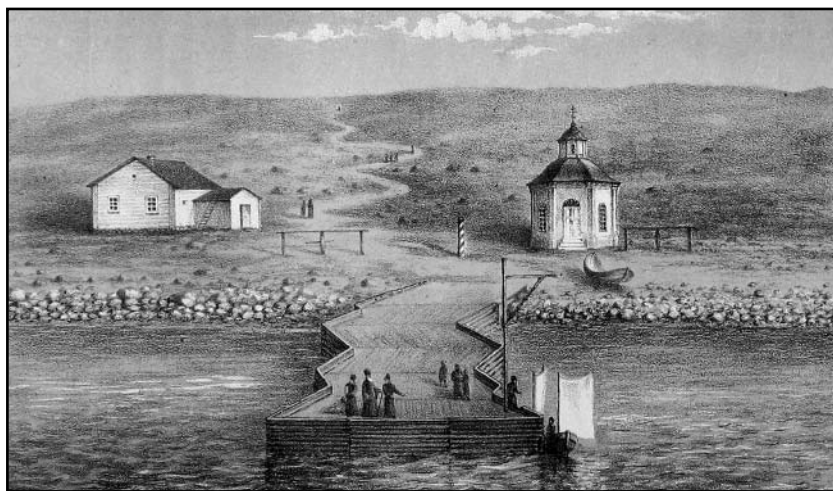
*Крест у источника
преподобного Елеазара*

березок и полян, покрытых тундровой растительностью, мы попадаем в чудесный сосновый бор, в котором, по выражению одного из паломников «можно детские сказки снимать без декораций». Пройдя около трёх километров, посмотрите влево, чтобы не пропустить тропу, спускающуюся круто вниз к источнику преподобного Елеазара. Если вы проскочили тропинку или она показалась малоудобной, можно, пройдя сотню метров вперёд, вернуться по пологой дороге, по ней же потом следует и продолжать путь до скита (1 км). Вода в источнике чистейшая, вкусная и, по вере, обладает целебными свойствами. Рядом с источником поставлен крест с надписью: «При строителе Пармене поставлен иеромонахом Ефремом 1917 года октября 24». В день богоборческого переворота, как видимое знамение пребывающей с нами силы Божией,

был поставлен этот крест, выкрашенный красно-коричневой краской. Поразительно, что он уцелел, находясь на перепутье Анзерских дорог. В лагерные времена сюда приезжали водовозы со всего острова и на срубе источника писали свои имена, чтобы подать о себе весточку.

Если ваш путь по Анзеру начался с Кеньги¹, вспомните о бывшей здесь прежде восьмигранной каменной часовне в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Помолитесь Пресвятой Богородице, вступая на остров, где Сама Пречистая неоднократно являлась. Отсюда около трех километров до Троицкого скита. В Троицком скиту (7.12.3) сохранилась церковь во имя Святой Троицы (1884) с трапезной и келейным корпусом², млечный³ дом, расположенный на ручье к северо-востоку от церкви. Рядом находились ныне

Кеньга

¹ Это место называется также «Красная (красивая) пристань».

² Двухэтажные каменные кельи были построены в 1803 году. Архимандрит Досифей упоминает о них: «Сие строение находится в связи с упомянутой церковью с западной стороны. В нижнем этаже расположены братские кельи с трапезою и поварнею, все по сводам; в коридоре сего этажа сделаны зимний и летний погреба, и в верхнем этаже устроены настоятельские и братские кельи с накатными потолками, которые все оштукатурены и выбелены. Весь корпус сей покрыт тесом и украшен тремя приличными фронтонами».

³ Здесь хранились и перерабатывались молочные продукты, а на втором этаже проживали трудники.

Троицкий скит

полностью утраченные коровники. Поблизости от млечного дома можно видеть остатки валунной бани. Ближе к берегу моря сохранились три амбара и причал. С южной стороны от церкви – плохо сохранившееся здание конюшни и развалины печи от сгоревшего в советское время корпуса для трудников и богомольцев. Отсюда дорога уходит на восток в Голгофо-Распятский скит. У мосточка, где дорога пересекает канал из Святого озера¹ в море находилась часовня в память иконы Божией Матери «Знамение». Метров через триста дорога выходит на Богородичный луг, на котором по преданию до сих пор растут незабудки на месте явления Пресвятой Богородицы преподобному Елеазару. Многие иноки старались привезти семена трав из своих родных мест и посеять на этом лугу. Километра через два дорога упирается в Большое Елеазарово озеро (бывшее Круглое). Посмотрите внимательно на противоположный берег: на горочке, поросшей островерхими елями, построил себе келью Преподобный Елеазар (см. 7.12.2). Обогнув озеро, нужно не пропустить тропинку вправо, ведущую к вершине холма. В начале XIX века

¹ Раньше на берегу озера были устроены купальни для богомольцев, сейчас они, к сожалению, отсутствуют. Если вы имеете намерение омыться в водах Святого озера, позаботьтесь, чтобы это выглядело благопристойно.

*Место келии
преподобного Елеазара*

иеромонах Иосиф нашел здесь крест, поставленный Преподобным Елеазаром, и устроил келью для безмолвствующих. В 1825 году рядом была поставлена часовня во имя преподобного Елеазара. В середине XIX века здесь поселился схимонах Федор. Он служил прежде в Преображенском полку и, однажды, по простоте сердца высказал Государю своё желание стать Соловецким монахом. Через два дня будущий инок получил увольнение и деньги на дорогу в обитель, где был пострижен с именем Филиппа. Жизнь монастырская в многолюдном обществе не вполне соответствовала его пламенным стремлениям и он,

испросив благословения, удалился первоначально на Заяцкий остров, «место дикое и угрюмое», куда обычно ссылали провинившихся. Вскоре подвижник перешёл сюда в пустынь преподобного Елеазара. Приняв схиму с именем Феодора, в глубокой старости он вышел из пустыни в Троицкий скит, где и почил с миром.

В лагерное время в часовне располагался пикет охраны, а в келье – карцер. От часовни в настоящее время остался только нижний венец сруба и дверь. Пройдя по основной дороге ещё около километра, увидим справа тропинку к девятиметровому поклонному Кресту, установленному братией Соловецкого монастыря 25 июня 1994 года в день Всех святых в земле Российской просиявших. От Креста открывается вид

Поклонный крест

на Голгофу. Таким образом, Голгофский скит устроился во образ Иерусалима: в поднебесье гора Голгофа, под горой деревянная церковь Воскресения Христова – Гроб Господень, а холм с Крестом представляет из себя поклонную гору. Примечательно, что Голгофа Иерусалимская и Голгофа Анзерская находятся на одном меридиане: 36 градусов восточной долготы. Помолившись у Креста о упокоении всех прежде почивших отцов и братьев здесь подвизавшихся, и о упокоении всякой души, в лютую годину безбожия здесь конец принявшей, направимся к Голгофе.

*Храм
Воскресения
Христово*

*Явление Божией Матери
преподобному Иову*

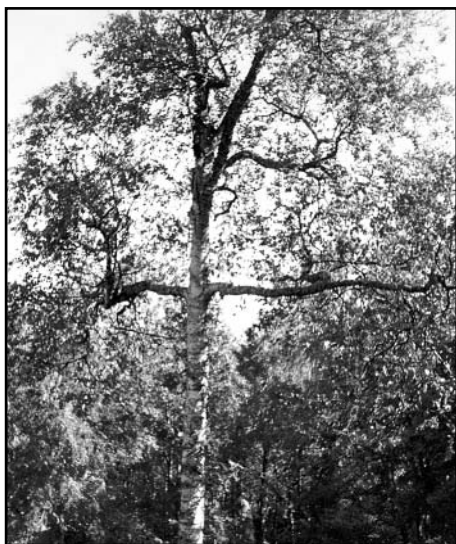
Под горой нас встречает деревянный храм Воскресения Христова, поставленный на месте явления Пресвятой Богородицы и преподобного Елеазара преподобному Иову¹. В 2004 году была написана большая икона с изображением этого явления. Обратите внимание: она расположена на западной стене храма напротив иконостаса, так что видна только, когда вы находитесь в четверике храма. У южной стены четверика (справа от входа) рака с мощами преподобного Иова. Здесь паломники по возможности совершают молебны. Новый иконостас написан в 2002–2003

гг. В местном ряду рядом с царскими вратами икона Божией Матери «Страстная».

Голгофо-Распятский скит был приведен в благоустройство «тщанием» соловецкого настоятеля Досифея. В 1828 году в Голгофо-Распятский скит проложена новая дорога, полого поднимающаяся вокруг горы до самой вершины. По ней стало возможным подвозить материалы, в первую очередь кирпич, для строительства нового храма. В 1830 году на горе Голгофе была уже освящена холодная церковь Распятия Господня с теплым приделом Успения Пресвятой Богородицы справа от входа в трапезную часть храма, а слева почивали под спудом мощи преподобного Иова. С западной стороны к трапезной

¹ То есть на месте кельи дьякона Паисия. В срубе храма могли сохраниться бревна, которых касался сам Преподобный Иов; этот самый сруб стоял на вершине Голгофы с 1715 по 1830 год.

примыкает паперть с келиями и тридцатиметровой колокольной. Прежний деревянный храм был перенесен под гору на братское кладбище и освящен в память Воскресения Христова. Поднимаясь по пологой дороге на Голгофу, сверните на тропинку, идущую по восточному склону. Чуть не доходя до бывшего келейного корпуса, вы увидите слева березу-крест. В советские годы все кресты уничтожались, но Голгофа без креста остаться не могла. Господь сотворил чудо:

Береза-крест

выросла крестообразная берёза. Считая годовые кольца на рядом расположенном пне, оставшемся от берёзы приблизительно такой же толщины, мы оценили возраст её около 90–100 лет. Хорошо бы, конечно, эту оценку проверить специалистам. А нам довольно и того, что «всякое дыхание, да хвалит Господа»: дерево готово воспринять образ Креста, а Готовы ли мы воспринять образ Распятого Господа? Подумайте об этом, вспоминая о живших и живущих здесь монахах, они-то, принимая постриг, по крайней мере изъявили намерение последовать Распятому Христу. Да и мы давали обет в таинстве святого Крещения! Трижды отвечали мы на вопрос священника: «Сочетаешься ли Христу?» – «Сочетаюсь!» Часто ли мы вспоминаем о своем обещании? В начале пути Господь нам сразу показывает цель – соединение с Ним, а путь к этой цели – вся жизнь. Так Голгофа издали видна с моря (особенно с южной стороны), потом скрывается, пока совершаем мы свой путь по лесам, болотам, грязи, и вот, мы замираем от восхищения, стоя на вершине и созерцая красоту этой поднебесной земли. А Господь желает открыть нам Небо. Паломники покидают Голгофу все чуть изменив-

шиеся и умиротворенные. В душе Пасха и мы обычно поем «Христос воскрес...» внизу у деревянной церкви, благо, что это тропарь престольного праздника.

В 2002–2004 годах в Голгофском скиту были проведены обширные восстановительные работы. Чтобы опробовать технологию, взялись сначала за построенный в 1833 на южном склоне кухонный корпус с трапезной и кельями. Здание медленно сползало по склону, отчего появились трещины в стенах: требовалось не «лечение», а «реанимация». Тем не менее здание удалось «оживить». С храмом дело

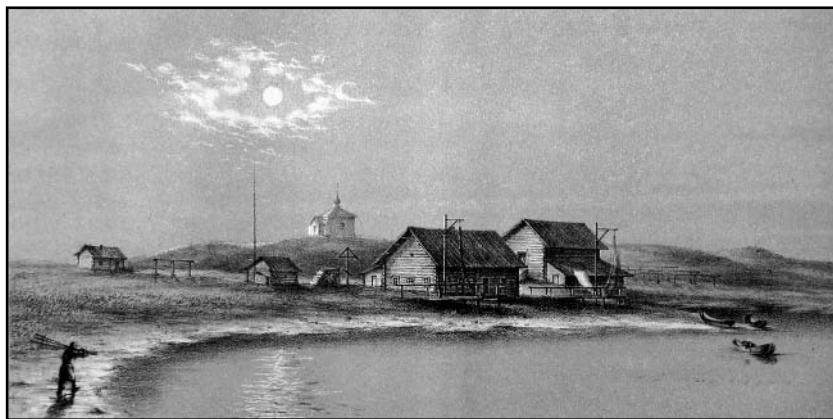

Реставрация 2004 года

обстояло ещё сложнее, но уже в 2004 году уже, укрепив стены и своды, восстановили главы и поставили кресты.

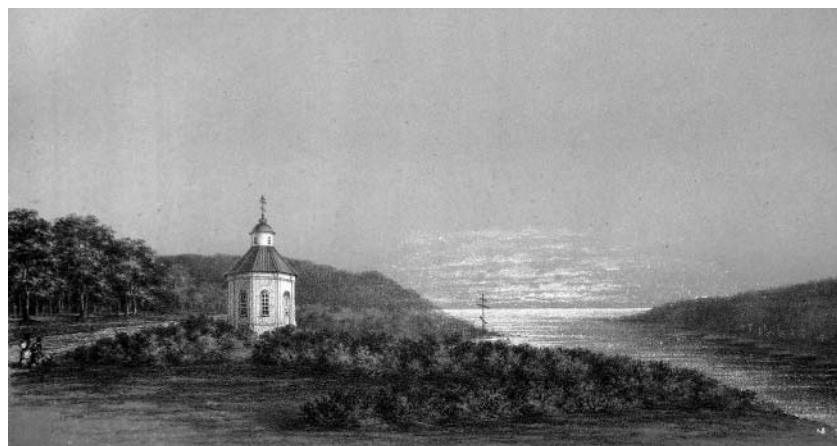
От Голгофы группы обычно уходят к ожидающему их кораблю или в северо-восточную сторону к Кирилловской губе (1,5 км), или на юг в Капорскую губу (3 км). В Кирилловской губе в 2003 году был поставлен Поклонный Крест. Здесь в прежние времена располагалась Кирилловская тоня, названная по имени деревянной часовни, сооруженной в память преподобного Кирилла Новоезерского для занимавшейся здесь рыбной ловлей братии. В Капорской (Капельской, Копальской) губе в 2004 году построена кирпичная часовня в память Покрова Пресвятой Богородицы на том месте, где она была прежде.

Уникальная природа Анзера требует особо бережного отношения к ней со стороны посещающих остров палом-

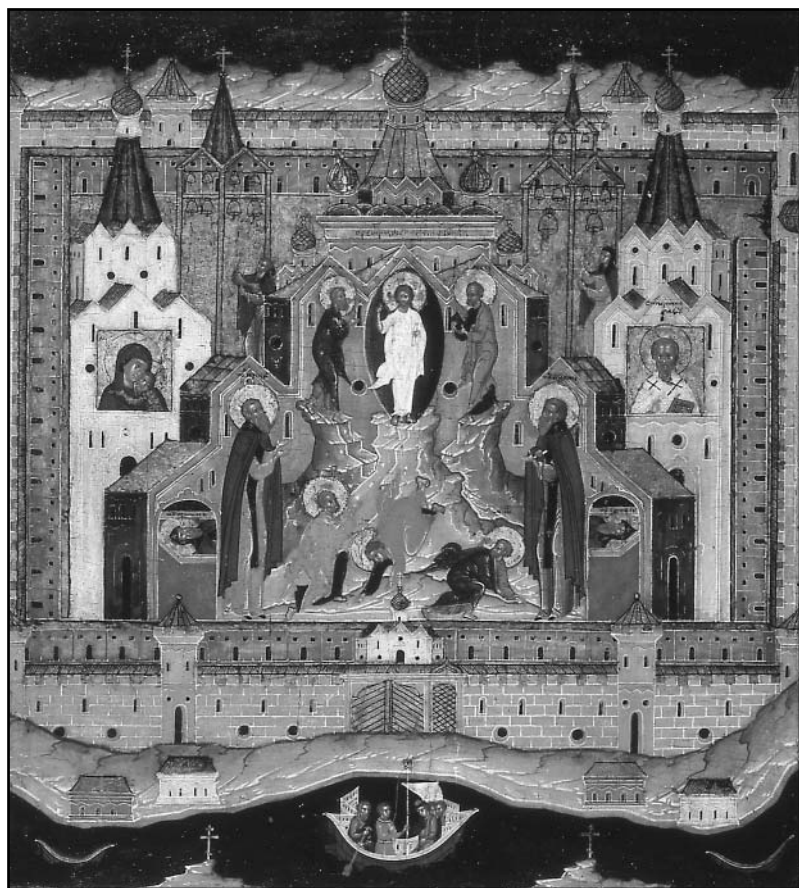

Кирилловская губа

ников и туристов. Весь остров является особо охраняемой зоной, поэтому его посещение разрешается только в составе организованных групп в сопровождении проводника от монастыря или музея, причём посещение некоторых частей острова (побережье Троицкой губы, мыс Колгуев) запрещено.

Часовня Покрова в Капорской губе

Икона Преображения XVII века

Глава 8

ОБРАЗЫ СОЛОВКОВ

«О ты — горний, грядущий Иерусалим! Не одно исстрадавшееся, облитое кровью, сердце бьется великою верою в твое пришествие. Не один грустный взгляд измученного устремляется в синюю, бездонную высь, следит за серебристо-белыми облаками, словно испытывая, где сверкают стены этого града, где стоят купола его, где зыблются и шепчут, зеленеют и цветут благоуханные сады Эдема» [3, с.5].

Согласно Священному Преданию Церкви, храм объемлет всю вселенную и создается, по существу, не только людьми, но великим Строителем — Словом и существует на земле как мысленное подобие того, что превышает небесного свода. Расположенный за морем на краю света Соловецкий монастырь, естественно воспринимался как земля обетованная, образ обителей Небесных. Эта ассоциация укреплялась и историей основания монастыря: преподобный Зосима видел «осияние божественное» и церковь, стоящую на воздухе. Видение божественного Света определило посвящение первого храма Преображению Господню¹.

О явлении церкви, сходящей с небес, тоже не забыли. На одной из икон Преображения XVII [27, с. 178] века

¹ Интересно, что на иконе «Богоматерь Боголюбская с житиями Зосимы и Савватия» (1545) деревянные храмы обители показаны как образ сияющего Небесного Града и, одновременно, как прообраз каменных храмов, построенных через 20 лет игуменом Филиппом.

Соловецкий монастырь изображен в виде Града Небесного. При документально точном воспроизведении, например, деревянной кровли Благовещенской церкви, стены обители изображены в виде четырехугольника¹, а не пятиугольника, как на самом деле, и написаны стены согласно иконописной традиции изображения стен Иерусалима (например, позади Распятия). На обращенной к зрителю стене изображены трое врат, согласно «Откровению» Иоанна Богослова². В изображенном на иконе Небесном граде три обители: Спасителя (Спасо-Преображенский собор представлен как образ горы Фавор. Это, очевидно, соответствовало и замыслу строителей: шатер центральной главы напоминает гору, а потоки света, льющиеся на иконостас – нетварный Фаворский свет.), Пресвятой Богородицы и Святителя Николая. Преподобные Зосима и Савватий изображены упокоившимися в раках в приделах собора, но в то же время стоящими на молитве и созерцающими Фаворский свет. Подчеркивается и островное положение обители: по волнам бурного моря житейского к тихой пристани направляются кораблики с богомольцами. В конце XX века эта идея получила развитие в работе протоиерея Льва Лебедева о том, что русская земля сознательно устраивалась во образ Иерусалима Небесного [13, с. 307]: «Соловецкий остров с монастырем на нем – настоящая церковная твердыня, сущий град, или престол Божий, но не посреди земли, а посреди моря. Вполне вероятно, что образ престола Божия, града святых посреди воды тогда уже запал в душу иеромонаха Никона³, породив прямые ассоциации с Откровением Иоанна Богослова, где сказано: «Перед престолом море стеклянное, подобное кристаллу» (4,6), и в другом месте: «И видел я как бы море стеклянное, смешанное с огнем, и победившие зверя и образ его... стоят на этом стеклянном море, держа гусли Божии, и поют песнь

¹ «Город расположен четверугольником и длина его такая же как широта» (Откр. 21.16).

² «С востока трое ворот, с севера трое ворот, с юга трое ворот, с запада трое ворот» (Откр. 21.13).

³ Возможно, что еще здесь, на Соловках, будущий патриарх Никон понял, что монастырь может быть архитектурной иконой Града Небесного Иерусалима, хотя окончательно замысел построить монастырь, именуемый Новый Иерусалим, созрел в 1656 году.

Моисея – раба Божия, и песнь Агнца, говоря: велики и чудны дела Твои, Господи Боже Вседержитель! Праведны и истинны пути Твои, Царь Святых! Кто не убоится Тебя, Господи, и не прославит имени Твоего? Ибо Ты один свят. Все народы придут и поклонятся пред Тобою...» (15,2–4).

Протоиерей Лев предложил своеобразное богословие «острова спасения»: в XVII веке Русская земля была единственным островом православия в мире, в самой России хранительницей веры (духовным островом) является Церковь, а в ней островом посреди «житейского моря, воздвигаемого напастей бурею» является монастырь. Чтобы подчеркнуть эту отделенность от мира, вокруг монастырей всегда строили стены.

Помимо стен Иоанн Богослов описывает в «Откровении» таинственный храм, который по временам «отверзается на небе» (11, 19; 15, 5–8). Алтарь земного храма почти в точности повторяет описание храма небесного [13, с. 313–314]. Праздничные монастырские богослужения в Преображенском соборе, в ходе которых 24 иеромонаха возносили хвалу Богу, поразительно соответствовали образу «Откровения». Алтарь, город, новая земля – все это разные способы описать явление Царства Небесного, то есть области вечного жития праведников. Крестьяне–паломники так интуитивно и воспринимали Соловецкий монастырь: «Это – наше царство!» [3, с. 194]. «Рай – наши Соловки!» – говорили монахи. «Господь своим инокам предоставил их, чтоб здесь на земле еще видели, что будет даровано праведникам там, на том свете» [3, с. 80]. С точки зрения XXI века, когда уже во многом открылась тайна беззакония, Преображенский собор воспринимается как престол Божий, а весь остров, как «золотой жертвенник», под которым обитают «души убиенных за слово Божие» (6, 9).

Прощальное слово

ССоловками трудно прощаться. Хочется сказать как апостол Петр на Фаворе: «Господи, хорошо нам zde быти! Поставим три кущи...» Но на святом месте паломнику нельзя

задерживаться в праздности. Чтобы поклониться святыням достаточно нескольких дней, а дальше человек привыкает, расслабляется, теряет благоговение. Если есть желание потрудиться в обители и на это будет дано благословение священноначалия, тогда появляется больше возможностей присмотреться к монастырской жизни, пробудить душу свою от тяжкого сна греховного. Мудро поступают те, кто, достигнув святых мест, дорожат

Исповедь

здесь каждой минутой, каждым священнодействием Церкви, чтобы употребить их во благо своей души, привлечь на себя благодать, даруемую свыше. Благо нам, если прося о своих нуждах, благодаря Господа за Его милости, молясь о родных и близких, мы сумем излить пред лицом Господа Всеведущего все горе нашей томящейся души. Покаянные молитвы, происходящие от живого сознания «множества содеянных нами лютых», не будут отвергнуты здесь милосердным Господом. Благо нам, если в сознании своей виновности и безответности перед Богом, мы поспешим на исповедь, и дадим решительный обет переменить свою жизнь. Тогда по благоговейно-трепетном принятии Святых Таин мы уже вступим на новое поприще святой деятельности христианской¹. Если вы так поступили

¹ В помощь Вам молитва иеромонаха Флавиана, сохранившаяся на заглавном листе принадлежавшего ему «Правил молитвенного готовящимся ко Св. Причащению» (М., 1893) и по его кончине поступившего на братское пользование в Онуфриевскую церковь: «Господи Иисусе Христе, Боже мой, посещая тварь Свою, Емуже явлены страсти моя, и немощ естества нашего человеческого, и крепость супостата нашего. Ты Сам покрый мя от злобы его, зане сила его крепка, естество же наше страстно, и сила наша немощна. Ты убо, о Благий! ведый немощ нашу и носяй неудобство бессилия нашего, сохрани мя от смущения помыслов и потопа страстей и достойна сотвори мя сея службы Твоя святыя, да не како в страстях моих растлю сладость ее, и обрящуся безстыден пред Тобою и дерзостив: Господи, Пресладкий мой Иисусе, помилуй и спаси мя».

братия и сестры, труд вашего хождения за море не напрасен.

Но не осудим тех, кто пока только присматривается к церковной жизни. По разным причинам попадают люди на Соловки: из любознательности, из желания увидеть нетронутую пока цивилизацией северную природу, иногда даже за компанию, и Господь принимает всех: многих сердец касается благодать, люди пробуждаются к духовной жизни. Наместник монастыря архимандрит Иосиф так говорит об этом: «Все в жизни совершается постепенно. После зимы не сразу набухают

*Наместник Соловецкого монастыря
архимандрит Иосиф*

почки, не сразу распускаются листочки... И сейчас, после «советской зимы», нужен достаточно продолжительный период, чтобы листья души и цветы святости вновь возросли на нашей русской земле. Я верю, что Господь благоволит к нашему Отечеству. И это возрождение Православной веры свидетельствует о любви Божией к русскому народу. Значит, среди наших соотечественников еще есть немало праведников, ради которых Господь нас не только терпит, но и благоволит к нам. Я вижу, что увеличивается число приходящих богомольцев как в сам монастырь, так и на подворья. Люди идут к нам не просто поставить свечку и уйти, а идут с тем, чтобы исповедать свои грехи, получить очищение от душевной скверны, от всего того, что смущает совесть. А это значит, что есть в людских сердцах сожаление о грехе, есть желание быть лучше. И таким людям, я уверен, придет на помощь Господь».

Тысячи богомольцев ежегодно стремятся побывать в Соловецкой обители. И кто может исчислить, сколько в этих благочестивых путешествиях получается сердечной отрады, духовного назидания и благодатной силы к благодушному терпению жизненных скорбей! Сколько снимается тяготы греховной, накопившейся в душе от суеты мирской! «Иди, учись у иноков, – говорил святой Иоанн Златоуст, – это светильники, сияющие по всей земле, это стены, коими ограждаются и поддерживаются сами города. Они для того удалились в пустыню, чтобы и тебя научить презирать суету мирскую... Итак, ходи к ним чаще, дабы, очистившись их молитвами и наставлениями от непрестанно приражающихся к тебе скверн, ты мог настоящую жизнь провести сколь можно лучше и сподобиться будущих благ...»

**Песнопения и молитвы
наиболее чтимым
Соловецким святым**

Житейское море воздержанием безбедно преплысте и ко пристанищу мысленному бесстрастия, радующеся дондосте, преподобнии отцы наши Зосимо, Савватие и Германе, Богомудри и преблаженнии; молитѣ Христа Бога спастися душам нашим.

**Преподобным Зосиме, Савватию и Герману
(8/21)**

Тропарь, глас 8

Яко светильницы явистеся всесветлии во отоце окиана моря, преподобнии отцы наши Зосимо, Савватие и Германе, вы бо, крест Христов на рамо взявше, усердно Тому последовасте и, чистотою Божии приближившеся, отонудуже силами чудес обогатистеся. Темже и мы любезно притекаем ко святым мощем вашим и умильно глаголем: о преподобнии, молитѣ Христа Бога спастися душам нашим.

Кондак, глас 2

Христовою любовию уязвившеся, преподобнии, и Того крест на рамо взявше, понесли есте, Божественне вооружившеся на невидимыя враги, и непрестанные молитвы, яко копие в руках имуще, крепко победили есте бесовские ополчения; благодать Господню приемше целити недуги душ и телес притекающих ко святым мощем вашим, чудес лучи испускаете всюду. Тем зовем вам: радуйтесь, преподобнии отцы наши Зосимо, Савватие и Германе, монахов удобрение.

Молитва

О преподобнии отцы, велиции заступницы и скории услышателие молитв, угодницы Божии и чудотворцы Зосимо, Савватие и Германе! Не забудьте, якоже обещастесь, посещати чада ваша. Аще бо и отыдoste от нас телом, но духом присно с нами пребываете. Молим убо вы, о преподобнии: избавите ны от огня и меча, от нашествия иноплеменников и междоусобныя брани, от тлетворных ветров, и от напрасныя смерти, и от всех прилогов бесовских, находящих на ны. Услышите нас, грешных, и примите молитву сию и моление наше, яко кадило благовонное, яко жертву благоугодну, и души наша, злыми делы, и советы, и помыслы умерщвленные, оживите и, якоже умершую отроковицу востависте, якоже неисцельныя раны многих исцелисте, от духов нечистых зле мучимых избависте, тако и нас, содержащих во узах вражиих, измите и от сетей диавола избавите, из глубины прегрешений изведите и милостивым вашим посещением и ходатайством от врагов видимых и невидимых оградите ны благодатию и силою Всесвятых Троицы, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Преподобному Зосиме (17/30 апреля)

Тропарь, глас 4

Изволением Божественного разума вселился еси в пустыню и тамо, вперив ум твой в Небесныя обители, равно Ангелом житие на земли пожив, в молитвах, и трудах, и пощениях образ был еси твоим учеником. Отонудоже Бог, видя твое благое изволение, умножи тебе чада в пустыни, слез твоих теченьми напаяемей. Но, яко имея дерзновение к Богу, поминай стадо, еже собрал еси, мудре, и не забуди, якоже обещался еси, посещая чад твоих, Зосимо преподобне, отче наш.

Кондак, глас 8

Христовою любовию уязвися, преподобне, и Того Крест славный на рамо взял, понесл еси, Божественне воо-

ружився, и непрестанные молитвы, яко копие в руце имый, крепко ссекл еси бесовская ополчения. Тем зовем ти: радуйся, преподобне отче Зосимо, монахов удобрение.

Преподобному Савватию
(27 сентября/10 октября)

Тропарь, глас 3

Удалився мира и водворися в пустыни, добрым подвигом подвизався, злостраданием, и вниманием, и молитвами. Отонудуже и по смерти источаеши исцеления, Савватие отче наш, моли Христа Бога спастися душам нашим.

Кондак, глас 2

Житейския молвы отбег и вселися в морской остров, премудре. И крест Господень на рамо взем, Христови последовал еси в молитвах, и во бдениих, и в пощениих, злостраданием плоть свою изнуряя. Тем бысть иноком удобрение, иже любвию память твою празднующим; преподобне Савватие, моли непрестанно о всех нас.

Преподобному Герману
(30 /12)

Тропарь, глас 8

Желанием духовным от юности распаляемь, преподобне Германе, Христу тесным жития путем последовал еси и, в морской пустынный остров, аки в тихое пристанище, вселився, в нем многа лета постнически пожил еси, идеже блаженным отцем Зосиме и Савватию сожитель был еси, с нимиже моли Христа Бога о нас, любовию чтущих святую память твою.

Ин тропарь, древний, глас тойже

Украсився, премудре, постническим житием, спостник был еси и сожитель в морстем отце преподобным отцем Зосиме и Савватию, сподвизався в молитвах, в трудах и в пощении, преподобне отче Германе, но, яко имея дерзновение к Богу, моли избавити нас от враг и спасти души наша.

Кондак, глас 4

Вышних желая, вся долу влекущая возненавидел еси и, отечество свое оставль, в поморие пустынное отшел еси, таже в морской остров удалився, в нем многа лета Господеву поработал еси. Темже, память твою празднующе, любовию вопием ти: радуйся, Германе богомудре, отче наш.

Святителю Филиппу в день памяти святителя Филиппа, митрополита Московского и всея России (9 / 22 января)

Тропарь, глас 8

Первопрестольников преемниче, столпе Православия, истины поборниче, новый исповедниче святителю Филиппе, положивый душу за паству твою, темже, яко имея дерзновение ко Христу, моли за Отечество наше, за град же и люди, чтущия достойно святую память твою.

Кондак, глас 3

Православия наставника и истины провозвестника, златоустаго ревнителя, Россискаго светильника, Филиппа премудраго восхвалим, пищею словес своих разумно чада своя питающа: той бо языком хваления пояше, устнами же пение вещаше, яко таинник Божия благодати.

В день праздника перенесения мощей святителя Филиппа от земных недр в храм Преображения Господня (31 мая / 11 июня)

Тропарь, глас 5

Радостный возсия день светлаго торжества: днесь церковная расширяются недра, приемлюще духовных даров неоскудеемо боготворное сокровище, струю благодатей неисчерпаемую,

источника чудесем обильна, чудотворивыя и священные
мощи твоя, святителю Филиппе. Тем же моли прославившего
тя Дародателя Христа Бога о воспевающих тя и кланяющихся
священным мощем твоим.

Кондак, глас 3

Яко солнце, днесь от земных недр возсияша честныя твоя
мощи, Святителю. Землю же и воздух шествием твоим освя-
тил еси и всех верных чудес богознаменными облистал еси,
чудотворец предивен и молитвенник к Богу о мире изыщен
явися. Сего ради вопием ти: спасай нас теплым своим пред-
стательством, яко ученик Божия благодати.

Преподобному Елеазару Анзерскому (13/26)

Тропарь, глас 3

Отверг плоти тленная, нетленных потщался еси достигнути,
и, мира удалився, вселился еси в морской остров, и на нем
усердно многа лета Господеву поработал еси, сего ради и дары
прозрения и чудес обогатился еси, отче Преподобне Елеазаре,
Христа Бога моли даровати нам мир и велию милость.

Кондак, глас 2

Воздержанием и труды постническими душу предпочистив,
храм Пресвятаго Духа был еси, желанием крайним ум очистив
с вышними ликостоянии в вышних Богу предстоиши, наслаж-
даяся ясно Божественного осияния и приемля красная возда-
ния за труд мног, иже в теле на земли показал еси, молися,
Преподобне Елеазаре, непрестанно о всех нас.

Кондак 13 акафиста:

О преподобне и богоносне отче наш Елеазаре! Приими ныне
приносимая тебе хваления наша, и святыми твоими молитвами
в жизни сей нас от всякаго злаго обстояния сохрани, в будущей
же вечнаго осуждения избави, да сподобимся купно с тобою и со
всеми святыми воспевати в Троице славимому Богу: Аллилуиа.

МОЛИТВА

О преподобне отче наш Елеазаре, безмолвнаго иноческаго жития в пустыни Анзерстей богоизбранный начальниче и основателю! Молим тя мы, смиреннии и недостойнии, обстояще священный гроб твой во храме Пресвятыя Троицы, имже место сие освятися и, сущия ради в тебе благодати пророческия, прославися; испроси, угодниче Божий, у Вседержителя Бога, в Троице поклоняемого, Емуже в дерзновении с лики святых предстоиши, да дарует православному народу нашему на враги победу и одоление, державе Российстей мир и утверждение, церквам благостояние и всем людям тишину и благоденствие и изобилие плодов земных. Угаси молитвами твоими разжженные на ны стрелы диавольския, да не прикоснется нам злоба вражия, да благочестно скончавше временное житие, сподобимся наследовати Царствие Небесное и купно с тобою славити Отца и Сына и Святаго Духа во веки веков. Аминь.

Преподобному Иову Анзерскому (6/19)

Тропарь, глас 5

Показавый образ добродетелей, весь страха Божия и Духа Свята исполнен бысть, Преподобне отче Иове, безмолвия истинный рачитель явился еси, стражем Господним поклоняйся, имже и обитель воздвигл еси во отоце Анзерстем. Пустынножителей наставниче, моли Христа Бога спастися душам нашим.

Кондак, глас 8

Любовь Христову в сердце стяжа, еяже ради многи скорби претерпевый, пристанище обрел еси в морстем отоце, Преподобнаго Елеазара заветов верный преемник явился еси, покровом Божия Матере осеяемый: достоблаженне отче Иове, поминай нас, чтущих святую память твою.

Молитва

О преподобне и богоносне отче наш Иове! Пустыни Анзерския безмолвный обитателю, обетов монашеских истинный ревнителю, ангелов любезный собеседниче, иноков в Бозе верный наставниче! Чудно житие твое, неисчислими подвизи твои, велие пред Богом дерзновение твое! Молим тя, избранниче Христов, посети немощствующие души наши, простри о нас теплую к Богу молитву твою, огради заступлением твоим обитель, тебе во изгнании приимшую, и на подвиг безмолвия тебе вдохновившую. Ты неустанно в покаянном плаче пребывавый, поучая братию, яко сие есть ключь к царству небесному, помози нам, погибающим в нечувствии и окаянстве, твоим благодатным предстательством отвергнути всякия греховныя скверны, и плоды истиннаго покаяния Господу принести. Ты, украсивый собою сонм иноков Соловецких, украси наше скудное житие, призывая на нас благословение Божие, да оставивше вся долу влекущая, обратим мысленнии очи свои к Богу, и истинных небесных благ насладимся. О досточудне Иове, во смирении твоём возвеличивыйся, и нищетою твоею обогативыйся! Умоли Христа Бога смирением души наша украсить, оскудевшая сердца наша небесными дарованиями исполнити. Сподоби нас нищету Христову возлюбити, и стяжания единого Духа Святаго в сердце своем присно желати. Ты до конца заповедь Божию о любви исполнивый, безмерную любовь к людям до последнего вздоха в сердце носивый, недугующим и страждущим со усердием велиим выну служивый, научи и нас сей вящей добродетели, умоли Господа Иисуса Христа, да излиет от приснотекущего источника своя Божественная любовь в обнищавшая сердца наша, да не токмо постом и бдением, молитвою и коленопреклонением, но наипаче незлобием и всепрощением, друг друга немощей ношением приклоним к себе милосердие Господа, иже есть всесовершенная любовь, и в царство небесное, царство вечныя радости, благодатию Его внидем. Достоблаженне Иове, молитвенниче к Богу усерднейший

и благоприятнейший, глубиною сердечною сокровенныя тайны Божия созерцати сподобивыйся, научи нас теплая и сокрушенная моления к Тому простирати, неусыпно Бога пред очима внутренними имети, имя Его сладчайшее яко некое многоценное сокровище, в сердце присно благодарно хранити. Молим тя, преблагий отче, богоугодного жития твоего ради сподобившагося посещения Матере Божия, и повеление обитель Распятию Христа Бога создать от нея приимшаго, испроси нам твоею благомощною молитвою Тоя заступление и покров, да никогдаже оставит нас всесильная помощь Царицы Небесныя. Поминай обещание твое, мудре, духом присно пребывати с нами, не отлучайся нас, раб твоих, верою тебе молящихся, и во благовременную помощь тя призывающих. Моли за обитель сию, да процветет в ней Святыня Господня, да не исчезнут ея сокровеннии в Бозе подвижницы и молитвенницы, да не умолкнет глас воспевающих Бога, Ему же слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

Преподобному Иринарху

Тропарь, глас 4

Постническое по Бозе житие возлюбив, вся плотская мудрования духу покорил еси и воздержанием страсти умертвил еси, во трудах, и бдениих, и молитвах образ быв добродетели, тем монашеского жития наставник показался еси, отче преподобне Иринарше, моли Христа Бога спастися душам нашим.

Кондак, глас 8

Чистотою душевною Божественныя благодати дары стяжав, блаженную жизнь совершил еси, и путь ко спасению всем указал еси, и богомудрый начальник монахов явился еси. Темже имея дерзновение ко Святей Троице, поминай нас, чтущих память твою, да зовем ти: радуйся, преподобне Иринарше, монашествующих похвало.

**Преподобным Вассиану и Ионе
Пертоминским
(12/25)**

Тропарь, глас 8

Прежде отвержением мира, яко морскаго треволнения, избегосте, отцы преподобнии, послежде же, изволением Божиим, в водах морских кончину блаженную приясте и к неболезненному покою преставистесь от земли, радуящесь. Тем и по кончине от Христа Бога прославистесь чудесы обильно, теплии в бедах верным помощницы показастесь, и ныне на Небесех предстояще Престолу Христову, Вассиане преблаженне и Ионо преславне, молитесь присно о душах наших.

Кондак, глас 2

Яко сокровище богато, верным Божественная благодать из морских недр издаде мощи ваша, отцы преблаженнии, и в месте пусте целы и невредимы обретошася преславно, и тако вас ради ныне славится Бог, Ему же со дерзновением предстояще ныне на Небесех, Вассиане и Ионо досточуднии, молитесь непрестанно о всех нас.

Молитва

О преподобнии и всечестнии отцы Вассиане и Ионо, угодницы Христовы блаженнии, чудотворцы преславнии! Постничеством Богу первее угодивше и дела благочестно на земли подвизавшесь, яко светила светлая, по смерти в мире возсиявше, просвещающе верных чудес светлостию, вы заступницы теплии показастесь. Многих, в скорбех и бедах страждущих и погибнути имущих, здравы сохранисте, непослушавших же заветания вашего и маловерующих отмстительне наказасте, и прежде заблудшей жене путевожди бывше, и ослепшему паки прозрение даровасте. Дерзостно же коснувшася целебных мощей ваших напрасно отринуте и, разслаблением наказавше, помиловасте. К сим же и иная

преславная соделасте, и бывшее оскудение во обители вашей сугубо исполните, соблюдающе ю. Молимся убо ныне вам, о преблаженнии отцы, услышите моление наше, не презрите нас в бедах и скорбех, призывающе вас верою, будите помощницы нам скории и покровители, сохраните же во благоденствии, мире и тишине отчеств наше. К сим же и духовнаго о вас собрания не оставите до конца, посещающе я всегда, о преподобнии, изобилowaniem всяцем, и молитесь присно о нас ко Господу, да молитвами вашими грехов прощение получим, и Царствия Небеснаго сподобимся благодатию Его, яко Тому подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Преподобным Иоанну и Лонгину Яренгским (16/29 октября)

Тропарь, глас 8

Яко звезды многосветлыя, от юности возсиявше, осветили есте сердца верных пренесением честных мощей ваших, добродетельми чудес ваших, во плоти яко бо ангели на земли покажетесь, пощением насаждени бысте, яко древо при водах воздержания, напоени струями слез ваших, и скверну омысте, сего ради являетесь приятелище Божия Духа, Иоанне и Лонгине, молитесь Христа Бога спастися душам нашим.

Всем Соловецким святым (9/22)

Тропарь, глас 4

Взыскующе Христа вожделеннаго бисера, во страну полунощную востекли есте, и подвигом первоначальников соловецких поревновавше, леса и пустыни облагоухали есте своими богоугодными молитвами. Темже и Христос вас прослави, и мы вопием: вси святии Соловецтии, молитесь Бога спастися душам нашим.

Кондак, глас 3

Духовнаго жительствова желающе, устремитесь в суровыя острова Беломорья и, безбедно преплывше житейское море, соблазнов мирских избегосте и в радости велией водворитесь. Непрестанным умным восхождением Бога достигли есте и нас учите небесному восходу.

Молитва Собору Преподобных отец Соловецких Чудотворцев

О божественный полче, Небеснии воины Христа Бога, Преподобнии и богоноснии отцы Соловецтии! Вы первее радом евангельских учений души своя плодоносны явили есте, послежде и неплодную пустыню сию, яко благоцветущий рай соделали есте. И явились есте жертвы благоприятныя Богу, преобразившеся умным деланием, во Свете Невечернем узрели есте будущей жизни славу. И Божественным огнем души своя возжгосте, востекли есте в Сион Горний и Нетварнаго Света причастились есте. Темже и нам, на земли сущим, ходатайствуете душам спасение, земных плодов изобилие, времена мирна, блага. Да и мы, недостойнии, направляемии вашими молитвами поне, на конец нашего многмятежного жития, возлюбим вечное паче временнаго, и в свой единонадесятый час поработаем с усердием Небесному Домовладыке Христу, и услышим Его благоуветливый глас: “Приидите, наследуйте уготованное вам Царство от сложения мира”. И мы с сердечным благодарением пролием слезами неизреченной радости и восхвалим великое и достопокланяемое имя Отца и Сына и Святаго Духа ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Всем святым новомученикам и исповедникам Соловецким (10/23 августа)

Подвиги иноческими освященныя отоки славою мученическою увенчали есте страстотерпцы Соловецтии, во страданиях и смерти Христу Богу подражатели явились есте, со святителем Петром молитве человеколюбца Господа, обители сей и Отечеству нашему в мире спастися.

**Священномученику Петру,
архиепископу Воронежскому**
(25 /7 , 4/17)

Тропарь, глас 4.

Верою пламенную апостолу Петру подобяся, таже и трикратным слышанием воззвания Христова, душу твою за Того положил еси, святителю отче Петре, камению твердый веры православных: светильниче во мраце беззаконий добродетельми сияяй, радостию страдания за Христа претерпети изволил еси, со исповедники и страстотерпцы Российскими. Молися с ними о нас, архиерею Божий, священномучениче Соловецкий.

Кондак, глас 8

Во святительстве твоём добре подвизался еси, богомудре, и мученичества венцем светло украсился еси, прещения врагов Христовых не устранивша, кровью твою землю во отце Анзерстем освятил еси: сего ради силы небесныя удивишася терпению твоему, мы же с верою и любовию притекаем ко святым мощем твоим, досточудне. Ныне со всеми Соловецкими святыми моли о нас Христа Бога, всеблаженне Петре, да зовем ти: радуйся, отче приснопамятне.

**Священномученику Илариону,
архиепископу Верейскому**
(15/28)

Тропарь, глас 4

Воине Христов Иларионе, славо и похвало Церкви Русския, пред гибнущим миром Христа исповедал еси, кровью твою Церковь утвердися, разум Божественный стяжал еси, людям верным возглашаше: без Церкви нетъ спасения.

Кондак, глас 6

Иларионе, священномучениче Христов, служителей грядущаго антихриста не убоялся еси, Христа мужески исповедал еси, за Церковь Божию живот твой положи. Красо новомученик российских, Руси святыя похвало, ты Церкви наша слава и утверждение.

¹Тропарь - древнейшая христианская молитвенная песнь, повествующая о сущности празднуемого события или о жизни и подвигах святого. Кондак обычно более пространен по сравнению с тропарем.

Библиография

1. Соловецкий патерик. Репринт. изд. М., 1991 г.
2. Соловецкое море. Историко–литературный альманах.
3. Немирович – Данченко В.И. Соловки. Воспоминания и рассказы из поездки с богомольцами. М., 2000. (Первое издание 1875).
4. Соловецкий православный календарь на 1995 – 2005 гг. Издания Соловецкого Спасо– Преображенского ставропигиального мужского монастыря .
5. История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. Товарищество Северного Мореходства, 2001. Репринт. изд. СПб., 1899.
6. Летописец Соловецкий ..., 1–е изд., М., 1833. 3–е изд., М., 1853.
7. Житие и чудеса преподобных Зосимы и Савватия соловецких чудотворцев. Под ред. С. В. Минеевой, Курган, 1995.
8. Путеводитель по Соловецким островам. СПб., 1900.
9. Досифей II (Немчинов), архимандрит. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1836.
10. Чудинова И.А. День Соловецкого клирошанина. Сб. «Наследие монастырской культуры». Вып. 3. С. 93. СПб. 1998.
11. Максимов С.В. Год на Севере. Архангельск, 1985.
12. Архитектурно–художественные памятники Соловецких островов. Под общей ред. Д.С. Лихачёва. М., «Искусство», 1980.
13. Лев Лебедев «Москва патриаршая» М. 1995.
14. Зызыкин М. В. Строитель Святой Руси. В сб. «Патриарх Никон. Протопоп Аввакум». М., Новатор, 1997, с. 217–237.
15. История Русской Церкви. М.В. Толстой. Спасо– Преображенский Валаамский монастырь, 1991.
16. Кедров С. Авраамий Палицын. М. 1880.
17. Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад. 1909.
18. Макарий (Булгаков), митр. Московский. История русской церкви. Кн. VII., Т. 12 М., 1996.
19. Иоанн (Снычев), митрополит Санкт–Петербургский и Ладожский. Патриарх Никон. В сб. «Патриарх Никон протопоп Аввакум». М., Новатор, 1997, с. 395–404.
20. Материалы для истории раскола. Под ред. Субботина Н. И.

21.Семен Денисов. История об отцах и страдальцах Соловецких. М. 2002.

22.Игнатий (Семенов), архиепископ Воронежский. Истина Святой Соловецкой обители против неправды челобитной, называемой Соловецкой, о вере. СПб. 1844.¹

23.Юрий Крижанич. Опровержение Соловецкой челобитной, писанное им в Сибири. 1675. ОР ГИМ Син. 889. Издано А. Башкировым ЧОИДР. 1893. Кн.2. Отд.2, с.I–XI, 81–167.

24.ЖМП. 1971. № 6. С. 5–7; Поместный Собор Русской Православной Церкви 30 мая – 2 июля 1971 года: Документы, материалы, хроника. М., 1972. С. 129–131.

25.Мелетий, архимандрит. Историческое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1881.

26.Подвиги Соловецкой обители. Изд. 10, СПб. 1902.

27.Житие и чудеса преподобных Зосимы и Савватия соловецких чудотворцев. Издание Соловецкой обители, 2001.

28.Федотов Г.П. Святой Филипп, митрополит Московский. М., 1991.

29.Севастьянова С. К. Преподобный Елеазар, основатель Свято–Троицкого Анзерского скита. СПб. 2001.

30.Духовный собеседник. 2000. № 2. С. 70.

31.Фёдоров П. Ф. Соловки. Архангельск. 2003. (Кронштадт, 1889).

32.Иеромонах Митрофан (Баданин). Блаженный Феодорит Кольский. Мурманск. Издательство Мурманской и Мончегорской епархии, 2002 г.

33.Буров В. А. Головленкова тюрьма Соловецкого монастыря. СПб., 2000.

¹ Книга издана с предисловием Соловецкого архимандрита Илария, управлявшего обителью в 1836–1842 годах. Текст челобитной был опубликован по рукописи, хранившейся в Соловецком монастыре (Игнатий побывал там в 1838 году, будучи епископом Олонецким), а для комментария использованы материалы из книг монастырской библиотеки. В приложении был опубликован “Список старинных книг, писанных и печатных до патриарха Никона, находящихся в библиотеках Соловецкого монастыря, составленный в буквенном порядке названий”, в котором перечислено 1378 книг, в том числе 978 рукописных. Следы “антистарообрядческого” использования книг Соловецкой библиотеки остались в приписках на них вроде следующей: “Зри, расколышче, сия книга ученика преподобного Зосимы Соловецкого писана 6999. Везде, где следует, писано имя господи Иисуса два “Ии”. Но тут же, ниже, написано возражение: “Писали и в те времена одно “Исус”, но не полагали сего в догмат, как нынешние раскольники, но сокращения ради писали” (Солов. собр. № 491/510-из книг, написанных “повелением” Досифея).

34. Борис Ширяев. Неугасимая лампада. Сретенский монастырь, 1998.
35. С.Л.О.Н. О.Г.П.У фотоальбом СПб. 2004.
36. Чирков Ю.И. А было всё так. М., 1991.
37. Волков О.В. Погружение во тьму. Любое издание.
38. Игумен Дамаскин (Орловский) Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Т. 4.
39. Виноградов Н. Обзорение христианских древностей Музея С.О.К. Отдел II. Заповедник Б. Заяцкого острова (деревянная Андреевская церковь). Соловки 1927.
40. Скопин В.В. На Соловецких островах. М., «Искусство», 1991.
41. Соловецкий монастырь. Изд. Лето. М., 2000.
42. А.Я. Мартынов. Археологические памятники Соловецких островов. Архангельск, 1983?
43. Пришвин М.М. За волшебным колобком. М. 1984. С.194–212.
44. Столяров В.П. Анзер и его святые. Соловецкий монастырь. 2001.
45. Известие о рождении и о воспитании и о житии Святейшего Никона, патриарха Московского и всея России, написанное клириком его Иоанном Шушериным. в сб. «Патриарх Никон, протопоп Аввакум». М., Новатор, 1997, с. 13–106.
46. Очерк жизни Никона, патриарха Московского, основателя Крестного монастыря. // Арх. епарх. вед. 1890, № 8.
47. Никодим (Кононов), иером. Архангельский патерик. Исторические очерки о жизни и подвигах русских святых и некоторых приснопамятных мужей, подвизавшихся в пределах Архангельской епархии. СПб., 1901.
48. Морозов С. Тогда на Анзерском острове. Товарищество Северного мореходства, 2000.
49. Никодим (Кононов), иеромонах. Верное и краткое исчисление, сколь можно было собрать, преподобных отец Соловецких, в посты и добродетельных подвигов просиявших, которые известны по описаниям, и исторические сведения о церковном их почитании. СПб.: 1900.
50. Бродский Ю. А. Соловки. Двадцать лет особого назначения 1920–1939. М. 2002.
51. Русский паломник. Валаамское общество Америки. 1995. № 11 и 12.

БЛАГОТВОРИТЕЛЯМ И ПАЛОМНИКАМ

Паломничество в Соловецкую обитель связано либо с воздушным путешествием из Архангельска (круглогодично) либо с морским путешествием из Кемь в период навигации (обычно с 1 июня по 30 сентября). Проезд до станции Кемь Мурманской ж.д. от Москвы, Петербурга или Архангельска, в летнее время с южного направления ходят прямые поезда Адлер-Мурманск. По прибытии на подворье паломники могут обратиться непосредственно в монастырь за благословением на переезд морем на монастырском катере. Кемское подворье монастыря оказывает помощь паломникам, как транспортом, так и предоставлением жилья в случае непогоды.

Адрес Кемского подворья: 186601 г.Кемь, Карелия, пос.Рабочеостровск, ул.Портовая, 8.

Телефон: 8-81458-35368

В связи с тем, что в летнее время Соловки посещает множество гостей, паломническая служба монастыря убедительно просит всех желающих приехать в обитель предварительно обращаться по приведённым ниже телефонам или адресам для получения благословения на проживание в гостиничных корпусах монастыря.

Почтовый адрес Соловецкого монастыря:
164070 Архангельская обл., пос. Соловецкий. Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь, паломническая служба.

Телефон: 8-818-3590-298, +79115758310

Электронная почта:

“Паломническая служба” <palomnik_05@mail.ru>

Для всех желающих паломническая служба монастыря организует посещение святых мест Соловецкого архипелага по следующим маршрутам:

Святыни и история Соловецкого монастыря;

Места молитвенных подвигов основателей Соловецкой обители (Свято-Вознесенский скит на г. Секирная, места келий преподобных Зосимы и Германа, Филиппова пустынь, Макарьева пустынь);

Скит апостола Андрея Первозванного на о. Заяцкий;

Пустынничество на острове Анзер (Свято-Троицкий и Голгофо-Распятский скиты).

Дополнительную информацию можно найти на сайте

<http://www.solovki-monastery.ru>

Банк Ломоносовский ф-л ОСБ № 27,

Северного банка СБ РФ г. Архангельска.

ИНН/КПП 2901056813/292901001.

Расчетный счет № 40703810704080100066.

БИК 041117601; к/с № 30101810100000000601.

ОКОНХ 98700. ОКПО 26777602.

Автор-составитель: Марина Осипенко

Обложка: Владимир Алиев

Корректор: Наталья Иванова

Компьютерная вёрстка: Александра Базилевич

Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь выражает благодарность всем оказавшим помощь при подготовке этого издания.